

ISSN 0201-470X

АБ Альманах XX
библиофила

Всесоюзное' добровольное общество любителей книги

1986 год
Организацией Объединенных Наций
объявлен
Годом мира.

Настоящий выпуск
«Альманаха библиофила»
посвящается
Книге—
послу мира.

Альманах // АБ библиофила

Альманах библиофила

Выпуск 20

Главный редактор
Е. И. Осетров
Ответственный секретарь
Л. В. Букина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айни,
О. М. Виноградова, В. И. Десятерик,
Н. Х. Еселев, Е. А. Исаев, А. И. Калашников,
Е. П. Кирилук, В. В. Кожин, А. М. Кузнецов,
А. Ф. Курилко, В. Я. Лазарев, Д. С. Лихачев,
Ю. П. Некрошюс, Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, В. В. Чикин

Художник
В. В. Вагин

Книга
и
жизнь

Настоящий читатель — это человек, который, беря книгу в руки... открывает себя, величайший дар природы в себе — талант сопереживания, талант человечности. И если это порой случается, значит, книга сделала свое дело — стала мыслью, чувством, мечтами и поступками других людей. Значит, в чем-то она сможет — их усилиями, их волей — изменить народ, жизнь, мир к лучшему.

Ч. АЙТМАТОВ

Когда в дружбе книги — в дружбе и люди; они являются из самых отдаленных уголков земного шара в гости; они встречаются, дружелюбно пожимают руки и беседуют, точно добрые старые знакомые.

Э. МЕЖЕЛАЙТИС

Владимир Еременко

ГЛАВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

Беседу вела Людмила Букина

Владимир Еременко — прозаик, чье имя хорошо известно читателям по многим рассказам и повестям, а также по роману «Поколение», удостоенному премии ВЦСПС и Союза писателей за лучшее произведение о рабочем классе за 1983 год.

— Владимир Николаевич, будучи председателем Правления издательства «Советский писатель», вы совмещаете издательскую деятельность с творческой работой. Это традиционно для русской литературы — тому есть немало примеров. Вспомним хотя бы журналы «Вестник Европы», «Современник», «Отечественные записки», с изданием которых связаны имена замечательных русских писателей: Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина... Нынешние масштабы издательского дела несравненно расширились, и вполне закономерен вопрос: как удастся вам, возглавляя столь крупное издательство, находить время для творчества? Ведь проза требует основательных затрат времени.

— Так было всегда: всю жизнь работаю и всю жизнь пишу. Отношу себя к категории «писателей воскресного дня».

— Каков стаж вашей издательской деятельности?

— Издатель я не молодой и не старей — занимаюсь этой работой с 1979 года. Но в творческие отношения с издательством вступил еще в 1953 году, когда готовилась моя первая книга рассказов и очерков о строителях Волго-Дона «Широким шагом». Я тогда жил в Волгограде — там родился, там провел детство и юность.

Надо сказать, что в детстве я не был заядлым книжником — занимался спортом, авиамоделированием, ходил в Морской клуб, играл в футбол... Любил читать сказки, книги о путешествиях — Жюль Верна, Майна Рида. В шестом-седьмом классах читал и перечитывал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. В ту же пору писал заметки о театре и кино — они печатались в газете «Дети Октября».

Настоящую тягу к чтению почувствовал во время войны, когда книг почти не стало, когда они превратились в символ мирной жизни. Город был охвачен огнем, горели магазины, библиотеки. Мы, дети, спасали книги—они ведь полностью не сгорают, только обугливаются. Хорошо помню, как вытащил из огня подшивку «Литературной учебы», издававшейся Горьким.

С 1943 года, после боев за Сталинград, после ранения, стал работать трактористом...

— *Так что ваша трудовая деятельность началась с пятнадцати лет?*

— Да. Во время войны, в 1944 году, сдал экстерном экзамены за девятый класс, закончил десятый в школе рабочей молодежи—они в то время только появились. Потом поступил на филологический факультет педагогического института. Все студенческие годы сотрудничал в газетах, приобрел журналистский опыт и после окончания института стал работать в областной партийной газете «Сталинградская правда».

В пятидесятые годы шло строительство Волго-Донского канала—тогда-то я и написал свою первую книгу. Работал собственным корреспондентом ТАСС по Сталинградской ГЭС, а затем по Сталинградской области, потом меня перевели в Свердловск. За восемь лет жизни хорошо узнал Урал, многие темы моих повестей—оттуда, из гущи жизни. Тюмень тогда только осваивалась, было открыто месторождение газа—об этом я написал повесть «За синими ночами», по которой потом поставили фильм.

Однако к тридцати пяти годам почувствовал пробелы в образовании и, проработав двадцать лет, решил снова приняться за учебу: поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедру литературоведения. Защитил диссертацию «О современной художественно-документальной литературе» и затем работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС, в секторе журналов. Таким был мой путь к издательской деятельности.

— *На Международной книжной ярмарке в Москве «Советский писатель» представлен как крупнейшее в мире по выпуску художественной литературы издательство. В чем конкретно это выражается?*

— На последний год XI пятилетки был запланирован выпуск пятисот названий книг прозы, поэзии, публицистики, критики и литературоведения общим тиражом около 26 миллионов экземпляров. Для создания этой гигантской библиотеки необходимо свыше 11 тысяч тонн бумаги...

— *Да, цифры впечатляющие. Не так давно издательство отмечало свой полувековой юбилей, который совпал с пятидесятилетием Союза писателей СССР. Расскажите, пожалуйста, о том, какова история возникновения издательства.*

— До Первого Всесоюзного съезда советских писателей, на котором был создан Союз писателей СССР, существовали издательства, в задачу которых входил выпуск новинок: Московское товарищество писателей, Советская литература, Издательство писателей в Ленинграде. По инициативе А. М. Горького Оргкомитет Первого съезда писателей решил объединить их и создать единое издательство Союза писателей СССР, назвав его «Советский писатель».

— *Какие задачи были поставлены перед ним?*

— Консолидация творческих сил литераторов страны, вовлечение в современный литературный процесс всего лучшего из литератур народов, составляющих Советский Союз. Тогда же «Советский писатель» взял на себя и выпуск уникального издания — большой и малой серий «Библиотеки поэта», о которой ее основатель А. М. Горький сказал, что «...это фундаментальный энциклопедический свод русской поэзии всех времен». Уже в 1935 году вышло четырнадцать томов. Среди них были стихи М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, сборники «Поэты-радищевцы», «Русский фольклор», «Пролетарские поэты» (1895—1910) и другие книги.

Через несколько лет к сокровищнице русской поэзии стали добавляться книги выдающихся поэтов других народов СССР, среди которых — И. Франко, Т. Шевченко, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани...

В предвоенные годы начинает четко вырисовываться профиль нового издательства. Остро ставились вопросы не только расширения выпуска многонациональной литературы, но и борьбы за подъем идейного уровня выпускаемых произведений, высокохудожественного отображения в них грандиозных преобразований, которые происходили в промышленности, в сельском хозяйстве, а также процессов рождения и формирования нового человека, строителя социалистического общества.

— *Думаю, читателям небезынтересно более подробно узнать о работе издательства в первые годы после его основания.*

— Тиражи на первых порах были невелики: для новинок — пять—десять тысяч экземпляров, для массовых изданий — двадцать пять тысяч. В год выходило всего несколько десятков названий.

Если в начальных планах выпуска новинок издательство опиралось преимущественно на имена русских писателей и среди первых книг мы встречаем произведения Сергея Сергеева-Ценского, Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Константина Федина, Алексея Толстого, Александра Малышкина, Николая Тихонова, Мариэтты Шагинян, Николая Островского, Федора

Гладкова, Артема Веселого, Николая Асеева, Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Валентина Катаева, Ильи Эренбурга, Леонида Соболева, Ильи Сельвинского и других, то в последующие годы все больше и больше стали выходить произведения писателей народов нашей многонациональной страны.

Издавались книги Максима Рыльского, Павла Тычины, Миколы Бажана, Юрия Смолича, Янки Купалы, Якуба Коласа, Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна, Берды Кербабаева, Мухтара Ауэзова, Самеда Вургуна. Как и вся советская литература, «Советский писатель» становился все более многонациональным.

— *В предвоенные годы в советскую литературу широко входило новое поколение писателей. Как это отразилось на издательских планах?*

— Наряду с произведениями зачинателей литературы социалистического реализма издательство выпускало книги Александра Твардовского, Евгения Долматовского, Вадима Кожевникова, Михаила Матусовского, Сергея Васильева... Каждая книга, выходящая в те годы, становилась страницей истории — незабываемых героических лет, первых социалистических пятилеток, глубоких революционных преобразований в деревне.

Уже тогда окончательно определилась специфика «Советского писателя» как издательства, выпускающего новые произведения многонациональной советской художественной литературы и литературной критики. Вокруг издательства образовался творческий актив, был создан редакционный совет, в который входили Александр Фадеев, Эдуард Багрицкий, Владимир Бахметьев, Анна Караваева и другие известные деятели советской литературы — прозаики, поэты, критики.

В дни Великой Отечественной войны издательство перестроило работу, подчинив ее нуждам фронта. Находившаяся в Москве оперативная группа работников издательства полностью переключилась на выпуск книг, прославляющих мужество и героизм советских людей на фронте и в тылу. Несмотря на сложности первых месяцев войны, в издательство не прекращался поток рукописей. Из осажденного Ленинграда по воздуху доставлялись боевые репортажи Всеволода Вишневского, Анатолия Тарасенкова, Александра Яшина. С Южного фронта присылал стихи Сергей Михалков, с Карельского — Александр Коваленков.

Обстановка сурового военного времени требовала резко сократить сроки издания книг, и работники издательства и типографий делали все, чтобы выполнить эту задачу. Книги выпускались в течение нескольких недель, а иногда и дней.

В конце ноября 1941 года, когда враг рвался к Москве,

«Советский писатель» выпустил книгу писателя-фронтовика Бориса Горбатова «Родина» («Письма к товарищу») за пять дней. Большая часть ее тиража тут же была отправлена в Панфиловскую дивизию, которая героически защищала подступы к столице.

В эти нелегкие дни в «Советском писателе» были выпущены книги стихов и прозы Алексея Суркова, Константина Симонова, Степана Щипачева, Владимира Лидина и многих других писателей, находившихся в действующей армии. Рассказы, очерки, репортажи, стихотворные произведения, писавшиеся на передовой по горячим следам боев, становились своеобразной героической летописью народной войны. Были также изданы коллективные писательские и журналистские сборники: «Гвардейцы в боях» — о мужестве и героизме панфиловцев, защищавших Москву, «На полях великой битвы», «Презрение к смерти» и другие.

Эти книги часто отправлялись в действующую армию, на фронт вместе с оружием и боеприпасами...

— *Сколько же книг было выпущено за годы Великой Отечественной?*

— Двести пятьдесят пять названий общим тиражом четыре миллиона экземпляров. Многие произведения о войне, написанные в период сражения советского народа с немецко-фашистскими захватчиками и в первые послевоенные годы, после выхода в «Советском писателе» получили широкое всенародное признание. Позже эти книги неоднократно переиздавались.

— *Война окончилась, и перед издательством, как и перед всем народом, встали новые задачи.*

— Наряду с произведениями, посвященными Великой Победе советского народа над германским фашизмом, нужны были книги о героическом труде вчерашних воинов, о всех наших людях — восстанавливались города и села, промышленность и сельское хозяйство. И «Советский писатель» приступил к изданию таких книг. Именно в послевоенные годы издательство выпускает «Счастье» Петра Павленко, «Жатву» Галины Николаевой, «Колхоз „Большевик“» и «Весна в „Победе“» Николая Грибачева, «Кружилиху» Веры Пановой, «Искателей» Даниила Гранина и многие другие книги, в яркой художественной форме запечатлевшие самоотверженный восстанывительный и созидательный труд советских людей.

Объем работы издательства в послевоенные годы резко возрос. Его коллектив осуществляет выпуск многотомной библиотеки избранных произведений советских писателей. Издание это было предпринято в связи с тридцатилетием Советского государ-

ства и включило в себя лучшие произведения, созданные советской литературой за годы ее существования.

Однако главной задачей издательства по-прежнему оставался выпуск новых талантливых произведений, посвященных современности. Оно открывало широкую дорогу и молодым поколениям литераторов, заявлявшим о себе сразу после войны и в последующие годы.

В стенах издательства в разное время получили путевку в жизнь произведения представителей самых разных писательских поколений: Ольги Форш и Юрия Бондарева, Петра Проскурина и Михаила Исаковского, Риммы Казаковой и Виссариона Саянова, Роберта Рождественского и Сергея Сартакова, Виля Липатова и Александра Прокофьева, Владимира Цыбина и Владимира Луговского, Евгения Евтушенко и Николая Заболоцкого, Сергея Орлова и Юрия Германа, Георгия Бакланова и Семена Кирсанова, Андрея Вознесенского и Корнея Чуковского, Анатолия Иванова и Сергея Залыгина, Аркадия Первенцева и Василия Шукшина, Михаила Алексеева и Юрия Казакова, Юрия Трифонова и Владимира Чивилихина, Антонины Коптяевой и Майи Ганиной, Елизара Мальцева и Василия Рослякова, Михаила Луконина и Владимира Соколова, Анатолия Кима и многих других, чьи имена сейчас хорошо известны не только в нашей стране, но и за рубежом.

— *Книги этих писателей издавались и переиздавались в «Советском писателе». В той же мере это относится и к произведениям братских литератур?*

— По числу названий книги в переводах с языков народов СССР составляют около сорока процентов всех изданий. Они переводятся практически со всех семидесяти восьми языков, на которых создается современная многонациональная советская литература. Многие из этих книг получили всенародное признание. К их числу относятся книги Йонаса Авижюса, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Алима Кешокова, Петруся Бровки, Олеся Гончара, Ааду Хинта, Камила Яшена, Эдуардаса Межелайтиса, Яна Судрабална, Тугельбая Сыдыкбекова, Ивана Мележа, Пауля Куусберга, Григола Абашидзе, Юхана Смуула, Сабита Муканова, Ануара Алимжанова, Мумина Каноата, Вардгеса Петросяна. Произведения этих и других национальных авторов были изданы за рубежом и вошли в мировую литературу в переводах с русского языка.

Наряду с произведениями национальных литератур, обладающих многовековыми культурными традициями, издательство выпускает книги молодых литератур народов Севера и Дальнего Востока, которые обрели письменность лишь после Великого Октября. Таковы книги якутов Михаила Тимофеева и Моисея

Ефимова, ненца Леонида Лапсуя, манси Ювана Шесталова, алтайца Бориса Укачина, нанайца Григория Ходжера, чукчи Юрия Рытхэу.

В первые годы советской власти А. М. Горький мечтал о том времени, когда каждая из национальных литератур Страны Советов займет достойное место в общенациональном литературном процессе. Издательство «Советский писатель» внесло немалый вклад, претворяя эту мечту в реальность. Все лучшее, что появляется в литературах народов СССР, непременно входит в тематические планы издательства.

— Будучи профессиональным издательством Союза писателей СССР, оно выпускает книги членов Союза. А как обстоит дело с литературной сменой?

— В редакциях ведется активная работа с молодыми литераторами, которые только начинают свой творческий путь. Издательство ежегодно публикует не менее двадцати первых книг прозы, поэзии и критики русских авторов и несколько десятков книг писателей из союзных и автономных республик, впервые переведенных на русский язык.

— Владимир Николаевич, структура издательства, председателем Правления которого вы являетесь,— особая. На чем основан принцип работы «Советского писателя» и каковы отличия его от других издательств?

— Еще в 1957 году было принято решение о перестройке организационной структуры «Советского писателя». С этого времени руководящим органом издательства стало Правление, назначаемое секретариатом правления Союза писателей СССР. Сейчас в его состав входят 86 крупных писателей Москвы, Ленинграда, а также всех союзных республик: Виктор Астафьев, Анатолий Бочаров, Константин Ваншенкин, Николай Воронов, Арам Григорян, Владимир Гусев, Чингиз Гусейнов, Игорь Дедков, Егор Исаев, Мустай Карим, Виктор Лихонос, Петр Проскурин, Валентин Распутин, Евгений Сидоров, Николай Старшинов, Иван Стаднюк, Михаил Храпченко, Владимир Цыбин, Иван Шамякин.

Правление рассматривает и обсуждает планы издательства, отдельные спорные рукописи, его члены участвуют в рецензировании и оценке поступающих в издательство произведений, определяя их судьбу, контролируют работу редакционного аппарата.

За последние годы в Правление издательства вошел ряд молодых, но уже широко известных в стране и за рубежом прозаиков, поэтов, критиков.

В портфелях редакций издательства (русской советской прозы, русской советской поэзии, прозы и поэзии народов СССР,

критики и литературоведения) постоянно находится свыше двух с половиной тысяч рукописей. Из этого огромного потока произведений всех жанров членам Правления и редакторскому аппарату нужно выбрать самые талантливые, самые достойные. Это чрезвычайно сложный и в высшей степени ответственный труд. В издательстве работают более двадцати членов СП СССР, среди которых известные в стране прозаики, поэты, критики, десять кандидатов и один доктор наук. В числе постоянных рецензентов издательства — известные писатели, крупные ученые-специалисты, филологи, историки литературы.

Эти квалифицированные люди осуществляют отбор, оценку и подготовку рукописей к изданию.

— *Какие книги, вышедшие в последнее время, вы относите к наиболее удачным?*

— «Вершинными» произведениями мы можем считать изданные в последнее десятилетие книги Ю. Бондарева «Берег» и «Выбор», Г. Маркова «Сибирь» и «Грядущему веку», А. Чаковского «Победа» и «Неоконченный портрет», Ч. Айтматова «Белый пароход» и «Буранный полустанок», А. Нурпеисова «Кровь и пот», В. Бубниса «Цветение несеяной ржи», М. Слуцкиса «Поездка в горы и обратно», В. Быкова «Обелиск» и «Дожить до рассвета», И. Шамякина «Сердце на ладони», П. Загребельного «Разгон» и «Я, Богдан», В. Канивца «Утро гения», Н. Думбадзе «Закон вечности» и «Белые флаги».

Осмыслить и художественно отобразить весь путь, пройденный страной, — такую задачу ставит перед собой современная литература, и это — одна из причин целостного показа жизни во всем ее многообразии, богатстве внутренних связей. К таким произведениям мы по праву относим тетралогия Ф. Абрамова «Пряслины», роман в четырех книгах А. Ананьева «Годы без войны», книги С. Дангулова «Кузнецкий мост» и Д. Икрами «Двенадцать ворот Бухары». Эти произведения — яркое свидетельство того, что советские писатели успешно осваивают нелегкий литературный жанр романа-эпопеи, воссоздавая жизнь народа в полифонических художественных полотнах. Они помогают утверждать понимание эпического, краеугольным камнем которого стала формула «судьба человеческая — судьба народная».

Важное место в ежегодных планах издательства занимает тема дальнейшего освоения могучего экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока. Выходят также книги, в которых рассказывается о людях и их героических делах на таких крупнейших стройках, как БАМ, сибирские гидроэлектростанции, КАМАЗ, Атоммаш, домна-гигант в Череповце. Издан коллективный сборник «Тюменские клады» — о людях и делах Западной Сибири, ставшей крупнейшей топливно-энергетической базой

страны. Выпущены книги В. Поволяева «Какой был долгий год», В. Осипова «Ветер дальних странствий» — об освоении богатств Сибири, Ф. Видрашку «Набережная надежды» — о КАМАЗе, Т. Илатовской — о строителях Байкало-Амурской магистрали.

Коллектив издательства и его авторский актив установили тесные связи со многими из этих крупнейших строек и промышленных центров страны. Скомплектованы специальные библиотеки для рабочих строительного объединения «Сибкомплектмонтаж» в Тюмени, для жителей Байконура. С этими стройками у издательства заключены договора на творческое долговременное сотрудничество и шефство.

Недавно открылась библиотека «Советского писателя» в Волгодонске (Ростовская область), на Атоммаше — мы передали туда около трех тысяч томов, среди которых много изданий с автографами. Это — библиотека-музей. Некоторые писатели дарят ей не только свои книги, но и рукописи. Хотя нам уже исполнилось пятьдесят лет, но мы — издательство молодое и потому поселили свою библиотеку в молодом новом городе, средний возраст жителей которого — двадцать шесть лет. Когда я лечу туда на самолете, то в аэропорту сразу вижу, где билетная стойка Атоммаша — возле нее всегда много детей. Наш автор Владимир Карпенко — прозаик, фронтовик — стал в Волгодонске полпредом издательства.

— *Находят ли отражение в издательских планах проблемы современного села, его социальное, экономическое и культурное развитие?*

— Заслуженным авторитетом у широкого круга читателей пользуется ежегодник «Дорогами России» — сборник яркой, талантливой публицистики на сельские темы. Задуманный как отклик советских писателей на принятую партией и народом программу преобразования Нечерноземья, он фактически перерос эти рамки и стал писательским рупором, приковывающим внимание к проблемам сельскохозяйственного производства, к жизни современного советского села.

Сельская жизнь во всех ее аспектах и проявлениях интересует писателей различных творческих манер. Оттого так разнообразна литература о селе, включающая в себя острые публицистические очерки И. Филоненко «Земные наши заботы», Г. Лисичкина «Тернистый путь к изобилию», О. Лациса «Искусство сложения», роман Л. Иванова «Корпус директорский», проникнутые лиризмом, глубокими раздумьями книги Я. Брыля «Краюха хлеба», П. Проскурина «Черные птицы», Ф. Абрамова «Бабилей». Среди литературоведческих работ, посвященных исследованию произведений о селе, — фундаментальный литературно-критический и публицистический труд В. Сурганова «Человек на

земле». Проблема Нечерноземья не исчерпывается, однако, переустройством села. Писателей интересует и судьба небольших городков, и крупное промышленное строительство, и проблемы культурного наследия, ибо Нечерноземье — это исконный центр российской культуры с многочисленными памятниками старины, усадьбами известных писателей, художников, композиторов, памятными местами исторических сражений.

— *Как решается проблема положительного героя в творчестве писателей, чьи книги выпускает ваше издательство?*

— Вполне естественно, что многие художники слова остро чувствуют веление времени, и уже сам выбор героев отражает общее стремление писателей как можно полнее и ярче выявить коренные черты характера нашего современника: гражданственность, упорство в труде, бескорыстие, неприятие фальши. Герои эти действуют в разных сферах общества, принадлежат к разным возрастным группам, но всех их объединяет социальная активность, которая является правдивым отражением советского образа жизни.

В этой связи нельзя не назвать книги А. Приставкина «Городок», В. Семина «Плотина», В. Титова «Проходчики», И. Герасимова «Предел возможного» и «Эффект положения», М. Ходжаева «Вода к добру снится» и многие другие романы, повести, рассказы наших авторов.

— *Одна из отличительных черт русской литературы — глубокое философское осмысление нравственно-этических проблем. Как продолжают традиции, заложенные в творчестве великих русских писателей?*

— Заметен новый подход авторов к проблеме ценности человеческой личности. Если в первые годы советской власти значимость человека определялась прежде всего гражданственностью его позиции, то на современном этапе развития общества сама гражданственность измеряется степенью человечности, иначе говоря, нравственность становится неотъемлемым свойством гражданственности.

Такие проблемы особенно остро решаются в книгах, связанных с Великой Отечественной войной.

Появилось немало интересных произведений писателей-фронтовиков: «Сашка» В. Кондратьева, «Три круга войны» М. Колосова, «Полководец» В. Карпова, «Сто шагов на войне» А. Генатулина. Однако анализ военной прозы, вышедшей в издательстве за последние несколько лет, позволяет говорить о новых тенденциях в подходе к этой теме.

Война оставила след не только в душах ее непосредственных участников, но и в сердцах людей младших поколений: детей, выросших без отцов, внуков, растущих без дедов. Поэтому

коллектив авторов, пишущих о войне, как бы помолодел. Войне и горестям, которые она принесла юному поколению, сыновьям тех, кто ушел на фронт и не вернулся, посвятив свою первую книгу «Когда отец ушел на фронт» Ю. Иванов. О суровых буднях войны рассказывают книги С. Барченко «Семь недель на рассвете» и Л. Самофалова «Метеор»; об испытаниях, выпавших на долю советских людей в тылу и на фронте, пишет Н. Горбачев в романе «Белые воды».

Немало удач и в жанре исторического романа. За последние годы в нашем издательстве вышли книги В. Лебедева «Искупление», С. Романовского «Повесть об Андрее Рублеве», В. Рыбина «Перелом», О. Чиладзе «Шел по дороге человек», Э. Зорина «Богатырское поле», Н. Равича «Две столицы», Н. Задорнова «Симода», «Цунами», «Хэда», Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», Б. Шинкубы «Последний из ушедших», Ю. Федорова «Да не прощен будет», В. Бахревского «Тишайший», исторические романы А. Ладинского, М. Симашко и многие другие.

Серьезное место в творчестве советских писателей занимает тема человека и природы. И это не случайно. Развитие мирового хозяйства, вступившего в эру научно-технической революции, потребовало огромного количества энергетических и материальных ресурсов, что, в свою очередь, привело к усиленной эксплуатации окружающей среды, загрязнению природы и оскудению ее богатств.

Проблемам сохранения природы посвящены книги Э. Просецкого «Ничего не случилось», В. Корнеева «Красная рыба», В. Пальмана «Усадьба», роман Л. Огневского «Берег левый, берег правый», Д. Константиновского «Яконур».

— *А как обстоит дело с поэтическими сборниками?*

— В поэтических изданиях последних лет — немало книг, отличающихся особой социальной направленностью, строгой четкостью идейно-нравственных критериев. Это, прежде всего, сборники, в центре которых — фигура нашего современника, человека активной жизненной позиции, высоких нравственных качеств, человека-гражданина и патриота, интернационалиста по сути и по характеру: «Это время» Р. Рождественского, «Дочерний свет» А. Баевой, «Ливень тополей» А. Коваль-Волкова, «Встречное движение» М. Львова, «Жизнь человека» К. Ваншенкина, «Бытие» Е. Винокурова.

— *Наверное, немало работы и у редакции критики и литературоведения?*

— За последние годы четыре литературоведческие книги, выпущенные «Советским писателем», удостоены Государственной премии СССР: М. Храпченко «Художественное творчество, действительность, человек», В. Озерова «Тревоги мира и сердце

писателя», В. Новикова «Движение истории — движение литературы», Б. Панкина «Строгая литература».

Ежегодно выходит около двухсот книг в переводе с языков народов СССР. Конечно, не все эти книги равноценны. В огромном многожанровом потоке национальных литератур — произведения разных идейно-художественных достоинств, но можно уверенно сказать: все лучшее издается в «Советском писателе».

Первые произведения таких писателей, как Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Нодар Думбадзе, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Василь Быков, Олесь Гончар, Йонас Авижюс, Эдуардас Межелайтис, Пауль Куусберг, Камиль Яшен, Мумин Каноат и многих других, чьи имена составляют гордость не только советской, но и мировой литературы, обычно вначале издаются в главном издательстве советских писателей, а затем уже выходят в других издательствах и переводятся с русского на языки народов нашей родины.

— *В этой большой и сложной работе, наверное, есть немало трудностей. Каковы они?*

— Прежде всего, проблемы связаны с качеством переводов. В свое время И. В. Гёте сравнил перевод с изнанкой ковра, подчеркивая этим необыкновенную сложность приближения перевода к оригиналу. Прочитав перевод своих произведений на французский язык, великий писатель был сильно огорчен. С тех пор огорчения авторов от знакомства с переводами их произведений вряд ли стали меньше. О серьезных недостатках и упущениях в переводческом искусстве часто говорят в печати, на совещаниях и пленумах, которые проводит Союз писателей СССР, однако проблема качества перевода остается по-прежнему острой.

В последние годы в издательстве предприняты определенные усилия, которые привели к заметному улучшению в переводческом деле. Было проведено несколько совещаний с переводчиками, на которых шел откровенный разговор с конкретным разбором представленных в «Советский писатель» переводов.

Начали с поэзии, где наиболее остро стоит эта проблема. Взыскательного читателя многое не удовлетворяет в современных поэтических переводах. Угнетает ремесленничество, нивелировка переводимого произведения под некий «средний стиль», наконец, отсутствие подлинной поэзии, без которой мертвеет стих.

Не может способствовать повышению качества переводов существование монополий одного-двух поэтов-переводчиков на целые литературы. Встречались факты, когда одни и те же переводчики переводят за год до десятка книг.

Разговор в издательстве шел конкретный, нелицеприятный, с принятием практических мер по устранению отмеченных недостатков. После этих встреч многое стало меняться в лучшую сторону. Теперь работники издательства стало смелее «заворачивают» слабые переводы, не поручают новые работы литераторам-ремесленникам, которым все равно, что переводить, лишь бы книга была объемнее.

— Такая ненормальная ситуация, когда благородное дело перевода превращается из творчества в способ добычи гонораров, сложилась, к сожалению, не только в связи с национальными литературами. С 1975 года я занимаюсь изучением монгольской поэзии и хорошо знаю, что в результате плохого переводческого труда двух-трех ремесленников о ней сложилось мнение как о неглубокой, неинтересной, и теперь этот читательский взгляд, формировавшийся на протяжении нескольких десятилетий, переломить весьма трудно. Хуже всего, что такие «переводчики», исполненные честолюбивых желаний стать первооткрывателями, могут затронуть и монгольскую классику. Читатели тогда получат вместо замечательной философской лирики пресную, безвкусную жвачку.

Если когда-нибудь будет издана антология монгольской поэзии в переводах лучших советских мастеров, она не на словах, а на деле убедит читателя в том, что поэзия монголов — глубокая, своеобразная, интересная. В ней органично живут фольклор и классические традиции, современность и творческое освоение иноязычных литератур. И мы поймем, что до сих пор видели прекрасное лицо монгольской поэзии в кривом зеркале недоброкачественных переводов.

— Мы стали привлекать к переводческой работе больше молодых, талантливых писателей, наладили тесное сотрудничество с переводчиками в республиках. Однако проблема повышения качества переводов очень сложна, и она требует более пристального внимания не только издательств и периодических изданий, которые печатают переводные произведения, но и Союза писателей, Литературного института им. А. М. Горького и других высших учебных заведений. Надо всерьез готовить кадры переводчиков. Опыт социалистической Болгарии, где отказались от переводов с подстрочников, чрезвычайно важен и ценен. В этой стране с оригинала переводят почти со всех языков мира, в том числе с большинства языков народов СССР. В Болгарии существует Союз переводчиков, который наряду с Союзом писателей и другими творческими союзами играет важную роль в общественной жизни страны.

— Отечественное книгоиздание богато хорошими традициями. В их числе — художественное оформление книги...

— Издательство всемерно заботится о качестве выпускаемой продукции. Мы стремимся познакомить советского читателя с лучшими достижениями прозаиков, поэтов, драматургов и публицистов. Вот уже несколько лет в издательстве выходит «Библиотека произведений, удостоенных Государственной премии СССР». Мы принимаем участие в межиздательских сериях «Библиотека юношества», «Школьная библиотека», а также в выпуске специальных изданий, реализуемых через сеть потребкооперации для тружеников села.

— Многие книги, выпущенные вашим издательством, получили высокую общественную оценку, удостоены Ленинской и Государственной премий, премий Союза писателей СССР, ВЦСПС, Госкомиздата СССР, отмечены на международных книжных выставках. Назовите их, пожалуйста.

— Ленинской премией отмечены за последние годы книга стихов М. Танка «Нарочанские сосны», роман А. Чаковского «Блокада»; Государственной премией СССР — роман М. Алексеева «Ивушка неплакучая», книги стихов Зульфий «Строки памяти», Г. Эмина «Век. Земля. Любовь», К. Ваншенкина «Жизнь человека», А. Дементьева «Азарт», роман А. Коптелова «Точка опоры».

С 1981 года, по совместному решению секретариата правления СП СССР и Госкомиздата СССР, «Советский писатель» приступил к выпуску однотомников избранных произведений советских писателей.

Знакомству с лучшими произведениями современных поэтов служат сборники «День поэзии» Москвы и Ленинграда, пропаганде достижений советской науки — сборник «Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке».

Выпускаемые издательством книги — зеркало сегодняшней жизни. Но мы не ограничиваемся пассивной ролью отражения литературного процесса, а стремимся занять активную позицию. Нельзя не отметить такую действенную форму работы с авторами, как социальный заказ, получившую в последнее время широкое распространение.

Писатели, принявшие социальный заказ, — постоянные авторы нашего издательства. Так были заключены договора с Ю. Галкиным на книгу «Дорофеевский календарь» о тружениках Нечерноземья, В. Росляковым — на роман о Ставрополе и Кубани. Оба писателя ездили в творческие командировки на места, где живут и работают герои их книг.

Реальные плоды такого рода творческого содружества издательства с писателями — книги Е. Будинаса «Дом в сельской местности», М. Зараева «Усадьба», Г. Комракова «На пути к человеку» и другие.

Настоящая литература начинается там, где есть живая боль и размышления зрелого ума, вызванные неподдельной любовью к жизни, людям, природе. Литература всегда была проводником нравственности. И трудно переоценить ту роль в духовном обеспечении нашего движения в будущее, которую играла и играет советская литература. В лучших книгах нашего издательства — и заслуга в этом не только авторов, но и всего нашего редакционного коллектива — идейное нередко проявляется в душевном, нравственном, ибо энергия общественно-исторических процессов становится энергией самих человеческих характеров.

— *Успехи, которых добилось издательство за полвека своего существования, очевидны. Но, видимо, есть у него и свои нерешенные вопросы?*

— Да, и связаны они, в первую очередь, с общим состоянием современной литературы, с процессами, которые в ней сейчас происходят.

В издательстве, куда идет лавина произведений, в том числе уже прошедших периоду, изданных в республиках, рельефно обнажается разрыв между настоящей литературой и тем средним, а часто и серым потоком, который составляет ее количественную, а не качественную основу.

В силу разных причин и, возможно, высокого образовательного ценза, в Союз писателей пришло много сочинителей, но — не писателей. На свою беду, став членами Союза, они рано перешли на иждивение литературы, затруднив приток в нее подлинно талантливых произведений. Такая ранняя профессионализация приводит к тому, что архитекторы, инженеры, физики, издав сборник стихов или рассказов, бросают работу, врачи оставляют больных, чтобы полностью «отдаться музе». Здесь-то и начинается несчастье для человека и для литературы. Опыт русской словесности говорит о том, что все большие писатели служили. Вспомним хотя бы Чехова, работавшего врачом. Да и среди европейских писателей можно назвать лишь немногих, живущих профессиональным писательским трудом.

— *Тем не менее выпустить первую книгу чрезвычайно сложно, особенно в вашем издательстве.*

— К молодым мы предъявляем такие же требования, как и к профессионалам. Это выражается и в оплате — мы отказались от низших ставок, которые практикуются в других издательствах, так что никакой дискриминации нет.

Как издатель и писатель, могу сказать, исходя из опыта работы: первая книга важна для литератора, но для литературы важнее вторая книга. Она решает судьбу: есть писатель или его нет? Горький сказал, что каждый грамотный человек может написать одну книгу, но писатель начинается со второй книги.

Многие не выдерживают конкурса или впадают в самоповторение... За пятьдесят лет существования издательство выпустило в свет немало первых книг литераторов, которые стали впоследствии крупными писателями. Наша шутливая поговорка такова: в «Советском писателе» рождаются классики — потом мы передаем их в «Художественную литературу».

— *И все же есть элемент неравноправия в отношении к молодым авторам — это касается поэтов. Я имею в виду то обстоятельство, что их поэтические сборники, как правило, выходят «в подбор» — между стихотворениями нет воздуха, они сливаются в один сплошной поток. Кто-то когда-то предложил это «нововведение», а в результате страдала культура издания, страдали поэты и читатели.*

— Да, это верно, на «подборе» мы экономим очень немного, теряем же несравненно больше. Человек должен передохнуть, сделать паузу, осмыслить прочитанное. Хотя иногда в качестве контраргумента приводят «Библиотеку поэта», издаваемую «в подбор», где каждая строка пронумерована...

— *Но ведь в «Библиотеке поэта» выходят классики. А первые книги невелики по объему, всего два-три печатных листа. Здесь особенно важно, чтобы каждое стихотворение жило своей жизнью на чистом листе. В этом дань уважения к поэтическому слову. Все понимали, что вредную практику публикации стихов «в подбор» нужно отменить, но никто не решился сделать первый шаг. Теперь он сделан.*

— Улучшение выпуска поэтических книг — это один из самых острых и наболевших вопросов.

— *По вашему совету я обратилась к главному художнику издательства Владимиру Медведеву, который считает, что прежде всего нужно отменить меры, принятые за последние пять лет в отношении поэтических сборников. Ведь в погоне за экономией бумаги оказалась разрушенной культура поэтической книги и нанесен серьезный ущерб популярности поэзии в стране и за рубежом. На примере издательства «Советский писатель», имевшего, по общему мнению, лучшее оформление поэтических книг в стране, видно, к чему привели меры по «экономии» — подверстка, ограничение форматов, уменьшение количества шмуцтитолов. Опыт издательства показывает, что экономить нужно в массовых прозаических изданиях, где увеличение полосы набора и уменьшение полей дают реальную экономию без ущерба культуре книги. Исходя из конкретных нужд издательства, целесообразно вести работу в трех направлениях: в области форматов, печати, материалов. Чем большими возможностями в выборе форматов будет обладать издательство, тем интереснее в смысле оформления станут поэти-*

ческие книги. Необходимо также вернуть суперобложки хотя бы для улучшенных и иллюстрированных изданий. Что касается печати, то она стала в основном офсетной, и в этом есть свои минусы: офсет убил гравюру. Он не дает того эффекта, что высокая печать, не удается добиться глубокого черного цвета, равного оттиску с гравюры; тоновые рисунки внутри книги превращаются просто в серое пятно, а штриховые, воспроизведенные офсетным способом, теряют насыщенность цвета. Поэтому ранее выпущенные сборники поэзии с гравюрами Ф. Константинова, Д. Бисти, А. Гончарова, В. Носкова, которыми гордится издательство, к сожалению, отошли в область истории.

Совершенно необходимо пересмотреть и свести до минимума бесконечные пункты и подпункты, которыми полиграфия оградила себя от художника и издателя, забыв основное свое назначение — качественно выполнять предложенное ей издательством оформление книги в целом. Нередко типографии отвергают оформление, объясняя это тем, что оно «не пропечатается», «справится»... Причины — старое оборудование, низкое качество формных процессов, невыгодность самой работы. Решение этой проблемы — в доведении полиграфического парка страны до современного мирового уровня. Ну и, конечно, важнейшим компонентом книги является бумага. Поэтические сборники, напечатанные на бумаге второго и третьего сорта, — а так чаще всего и бывает, — выглядят непривлекательно и плохо раскупаются, — отмечает Владимир Медведев.

Но, несмотря на это, издательство все же пользуется популярностью у читателей...

— И еще большей — у литераторов. Вот динамика роста поступления рукописей в редакции. Еще в 70-х годах издательство получало 500—600 рукописей ежегодно. В 80-е годы стали получать уже 800—900. И все это — произведения профессиональных литераторов, членов Союза писателей, которые претендуют на издание своих книг в «Советском писателе».

Обилие рукописей и, казалось бы, широкая возможность выбора произведений стали для членов Правления и штатных издательских работников серьезной проблемой. Нужно прорецензировать и оценить огромное количество рукописей, общий объем которых ежегодно достигает десятков тысяч листов.

Нельзя не заметить тревожную тенденцию в современной художественной литературе последних лет. По крайней мере, она отчетливо прослеживается по тому потоку рукописей, который идет в наше издательство. Общий уровень литературы, грамотность писательского слова, стиль письма заметно повысились, но вершины, которые всегда поднимались над общим горизонтом

литературы, теперь едва достигают высоты холмов и взгорий, и особенно это, на мой взгляд, заметно в поэзии. Литература как-то опасно выровнялась, напоминая унылый пейзаж.

— Видимо, этим объясняется падение интереса к поэзии, что сказывается на тиражах, на заинтересованности книготоргов. Приходится признать, что даже книги поэтов, удостоенные премий, медленно раскупаются. О крайностях, порождаемых стремлением малоодаренных, но весьма энергичных авторов выйти в свет как можно большим тиражом, говорил во время встречи «за круглым столом» в Госкомиздате заместитель главного редактора издательства М. М. Числов: «...Некоторые предприимчивые поэты проявляют активную деятельность по «выбиванию» на свои книги высоких тиражей. С этой целью они развезжают по городам и весям, ходят по инстанциям, в буквальном смысле выколачивают дополнительные сотни, а то и тысячи заказов. Явление самонабирания тиражей, что и говорить, постыдное».

— Вторичность стихов, бестемье отталкивают человека, открывшего книгу в надежде найти живые, одухотворенные стихи. Отсюда — трудности по сбору тиража на поэзию. Можно, конечно, предположить, что одна из причин — отсутствие книжной рекламы, которая была основательно забыта в связи с книжным бумом. Видимо, отделу библиографии и книжной рекламы издательства надо выпускать буклеты, листовки; поэтам — чаще выступать перед слушателями в Политехническом музее, на ВДНХ, в других аудиториях... Но все же основная причина непопулярности стихов в том, что поэзия усреднилась, имена подчас ничего не говорят читателю. Отсюда — трудности по сбору тиражей.

Допускаю, что эти мысли во многом навеяны чтением рукописей, которым не суждено стать книгами. Однако то, что попадает в печать, не слишком разубеждает в грустных наблюдениях. Да и с прозой положение не такое простое.

Некоторые писатели (и обидно, что среди них немало молодых) пишут не рассказы, повести, романы, а «печатные листы». Многие так и говорят, принеся рукопись в издательство: «Написал повесть — восемнадцать печатных листов», «Закончил небольшой роман в тридцать листов». Тургеневские повести объемом в несколько листов и романы в 10—12 листов стали редкостью в редакционных портфелях. Нам приносят чаще и охотнее эпопеи...

Один молодой литератор, отчитываясь на секции московских прозаиков, так и сказал: «За последнее время я написал роман в трех частях. Части небольшие, всего по 20—22 печатных листа. И что удивительно, — как выразился сам автор, — роман печатал-

ся в периодике „с колес“. Правда, как потом выяснилось, в сокращенном варианте. В издательство же он принес свое «произведение» в полном объеме, требуя его публикации на том основании, что роман — о современной действительности. Видимо, актуальность темы подвигла редакцию уважаемого столичного журнала печатать его роман. А возможно, и не только тема. Повествование в нем, так же как и во многих других похожих произведениях, — гладкое, напоминает чистописание. На десятках страниц идут бойкие диалоги, в которых, казалось бы, есть и драматургический накал, и злободневные проблемы. Немало здесь и полезной информации. Словом, такой роман — пример современного письма, пользуясь терминологией наших критиков. Однако издательских работников пугает это беллетристическое благополучие. Раньше такая гладкопись и видимость художественности определенно называлась графоманией. Сейчас же наши рецензенты находят иные определения, хотя еще А. Блок говорил: «Зачем называть литературой то, у чего есть другое название».

Конечно, настоящую художественную словесность ни с чем не спутаешь. Но есть тот самый средний поток литературы, который в буквальном смысле завоевал прочное место в толстых журналах и в издательствах. Таких книг, к сожалению, немало выпускает и «Советский писатель», и вытеснение их из наших планов подлинно талантливыми произведениями большого социального и гражданского звучания по-прежнему остается первостепенной заботой членов Правления и всех работников издательства.

Специфика нашего издательства такова, что им руководят сами писатели. Но это порождает и свои проблемы. У нас слабая полиграфическая база, мы издаем книги в пятнадцати типографиях страны, лучшие из которых — 1-я Образцовая в Москве, Печатный Двор в Ленинграде. Но в этих типографиях у нас крайне ограниченные лимиты издания книг. Для такого большого издательства, как наше, нужна своя, специализированная типография. У издательства «Современник» она есть, так как «Современник» находится в системе Госкомиздата РСФСР, а мы вынуждены арендовать типографии, что порождает множество трудностей.

И еще одно. При том огромном потоке произведений, идущих в издательство, о котором говорилось выше, мы постоянно испытываем недостаток в книгах-прогнозах, заглядывающих вперед, книгах, которые смело угадывали бы те явления жизни и тенденции общественного развития, каким суждено главенствовать в будущем.

К. Маркс говорил, что сила Бальзака как гениального худож-

ника заключалась не только в том, что он правдиво изобразил людей своего времени, но и в том, что он предсказал характеры, которые еще должны будут появиться. И они появились.

Беда многих наших современных произведений в том, что в них нередко дается объективистская оценка изображаемых событий. В лучшем случае идет лишь робкое ощупывание жизни, нет глубокого проникновения в суть явлений и характеров, без чего не может быть подлинных художественных открытий. А читатели ждут открытий, ждут сильного характера и художественного осмысления сложных явлений действительности.

— *Владимир Николаевич, как вы относитесь к книжному буму?*

— Мне кажется, мы им обольщаемся. Надо разграничивать читателя и покупателя. Чем меньше человек читает, тем больше покупает книг: «Прочту потом...» У нас по сравнению с европейскими странами книга стоит дешево, десять книг в месяц любой может купить. Есть разряд людей, которые приобретают книгу ради престижности и красивых переплетов. Я видел блестящие библиотеки, к которым никто не прикасался. Думаю, что теперь насыщение произошло, и на смену покупателю приходит читатель, который подбирает литературу по своему вкусу.

— *Когда вы начали собирать свою домашнюю библиотеку?*

— Еще в студенческие годы. Но во время многих переездов книги терялись. До шести тысяч вел картотеку, а потом перестал. Теперь к подбору книг подхожу очень избирательно, так как все емкости квартиры уже заняты. Был пробел с зарубежной литературой — постарался его восполнить. В семье, кроме меня, еще два филолога, поэтому книги нужны самые разные.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Пять лет отдал роману в повестях «Поколение». Потом писал рассказы. Прозаик, мне кажется, обязательно должен работать над малыми формами. Рассказ — площадка, где видишь все свои огрехи. Сейчас пишу роман о жизни современной семьи, о сложных проблемах нашего бытия. Но в него входят и воспоминания о прожитой жизни и, конечно, о днях войны. У меня двое взрослых детей. Пока они учились, дома все время была молодежь. Да и сейчас квартира не пустует — у них много друзей. И я вижу, как меняется характер, облик, внутренний мир молодых людей.

— *Есть ли у вас произведения, непосредственно связанные с понятием «книга»?*

— Один из моих рассказов так и называется: «Книга», написан он после посещения одного из устных выпусков «Альманаха библиофила».

— *Возможно, читателей альманаха он заинтересует.*

КНИГА

Было это ранней весной сорок третьего. Время голодное, трудное. Война только что отпыхала в моем родном Сталинграде и теперь катилась от нас к Ростову, Ставрополю, Донбассу... Впереди — Курская дуга, освобождение Украины, Белоруссии... Войны еще столько, что ничего нельзя загадывать.

А я загадал. Загадал, что в марте объявится отец, с которым прошлым летом у нас оборвалась связь. В последнем его письме была такая фраза: «...природа здесь райская, а мы воюем». И мы догадались, что оно с Кавказа. Загадал я и на нашу жизнь. Мы пережили страшную сталинградскую осень и зиму, и теперь нечего бояться, страшнее не будет.

Нам негде жить, у нас нет одежды, постели, скудно с едой, но все это по сравнению с тем, что было, такая чепуха, что и говорить не о чем...

И, видно, поэтому ранняя весна сорок третьего запомнилась как светлое время, полное надежд и ожиданий новой жизни. Это ощущение шло еще, возможно, и от удивительной погоды. Несмотря на начало марта, стояли теплые солнечные дни, небо освободилось от дымов и, промытое первыми весенними дождями, поражало бездонной синевой, а главное — его уже никто не боялся. Немецкой авиации, которая сожгла и разрушила город, теперь было не до нас.

У всех, кто мог двигаться, была работа. Женщины, старики и мы, подростки, ежедневно выходили из своих блиндажей и подвалов хоронить погибших и разбирать завалы. Спешили — боялись эпидемии. Пугало не по времени жаркое солнце. Оно сгоняло снег и угрожающе пробуждало знаменитые сталинградские овраги.

Глубокие, поросшие мелким лесом и кустарником, они сбегали с бугров и круч к Волге, разрубая мертвый, разоренный город на части.

Овраги теперь были запружены разбитой военной техникой. В них же больше всего находилось и трупов, и это вызывало озабоченность.

Наша работа, если ее можно было назвать работой, шла в тех оврагах и вокруг них. Впрягались по трое-четверо пацанов и стаскивали волоком убитых к дорогам, откуда их на машинах увозили к братским могилам... Трупы, как обледенелые коряги. Тащить убитого можно только на спине...

И все-таки мальчишки всегда остаются мальчишками.нас не сильно пугало и угнетало это занятие. За первые недели работы у всех появились немецкие зажигалки, ножички, а у некоторых и пистолеты.

Но найденное оружие надлежало немедленно сдавать. Был строгий приказ, и не все решались его нарушить. Я уже сдавал военным, которые руководили нашей работой, не раз и винтовки, и пистолеты, а на днях расстался с отличным карабином.

Неделю прятал его в развалинах Метизного завода, ходил туда с ребятами стрелять. Но и отдав этот карабин, я полностью не разоружился. Утаил пистолет-парабеллум. Сдавать его считал не обязательным. Он был у меня еще с ноября сорок второго, сразу после начала нашего наступления. Но не только давность удерживала меня. Я нашел его вмерзшим в грязь на дороге, когда еще никаких объявлений о сдаче оружия в городе не висело.

У парабеллума оказалась разбитой одна деревянная накладка на рукоятке, и это служило мне оправданием. Я рассуждал просто: в случае чего — сошлюсь на поломку. А пока мы с ребятами продолжали ходить стрелять из него в овраги и развалины. Когда кончились немецкие патроны, приспособили наши от автомата...

Но я начал рассказ о другом.

Итак, ранняя весна сорок третьего. Разбитый и разоренный Сталинград. Все меньше остается войск в городе, они отправляются туда, где идет война, и все голоднее становится у нас. Плата за нашу работу такая: один раз в день в армейских кухнях варится жидкая каша или суп из концентратов и еще выдается по 300 граммов хлеба, норма иждивенца. Получаем и какие-то рубли, но на них купить ничего нельзя, да и негде. В городе нет магазинов. Правда, существует «черный рынок», где идет натуральный обмен: барахло меняют на продукты, продукты — на барахло. Деньги же здесь скорее служат мерой обмена. Буханка хлеба меняется на пол-литра водки, а они в свою очередь приравнялись к 500 рублям.

Наши ежедневные 300 граммов хлеба и варево — царская плата. Поэтому никого не нужно приглашать на работу. Дымки кухонь созывают даже больных, стариков, детей... Здесь их кормят, а затем отправляют в «спецпункты», где оказывают необходимую помощь.

Грузим в автомашины трупы. Уже отправлено несколько машин к братским могилам, и мы с разрешения командира нашей похоронной команды делаем «большой передых» на обед. Бредем к армейской кухне.

Здесь каждый получает черпак жидкой каши или густого супа и небольшую добавку. Выдается и пайка хлеба. К ней редко кто прикасается. Ее осторожно завертывают в тряпицу и вечером несут домой в свои блиндажи и подвалы, где нас ожидают матери

и младшие братья и сестры. Только те, кого никто не ждет, съедают хлеб на работе. Но таких немного...

Почти сорок лет прошло, а я вижу на поле, запорошенном снегом, под которым хлюпает вода, зеленую армейскую кухню и нас, черных галчат, жадно облепивших двуколку, и того солдата-повара в серой суконной ушанке, завязанной под небритым подбородком.

Сколько я сейчас ни смотрю в то далекое и уже стершее детали время, не вижу там ни трагизма, ни печали, которые, кажется, обязательно должна вызывать та тяжелая военная весна. Да и не только она. Ведь впереди еще были две, не менее трудные. Ощущения от весны сорок третьего, которые сохранила моя память, остаются светлыми. Давно известно, прошлое мы любим за то, что были молоды.

Однако то ощущение идет не только от этого. Меня до сих пор согревает тепло счастливого случая встречи с книгой, который произошел в весенний день посредине большой и страшной войны.

Не могу сказать, что полюбил книги с тех пор, как пошел в школу и научился читать. Кроме, может быть, сказок, все они для меня долго были скучными учебниками. С большим удовольствием летом гонял с мальчишками мяч, купался в Волге, а зимою катался на коньках и лыжах. Книги же дремали на моей полке. Война еще дальше отдалила книгу. Разве до нее теперь, когда рушится и гибнет все?

И вот этот случай. Тогда мы уже перебрались в район заводов и Мамаева кургана. Именно здесь завершился разгром группировки Паулоса, и найти в этом месте что-либо путное было чудом. Рюкзаки убитых — пусты. В них не было даже блокнотов, записных книжек и пачек фотографий, которые мы всегда находили у «летних» и «осенних» (убитых летом и осенью) немцев. В лютую сталинградскую стужу они в окружении жгли все, что могло гореть.

А мы все же надеялись что-то найти.

Выгаскивая из завала рухнувшего дома труп немецкого солдата, я заметил разорванный и мокрый вещмешок. Это был наш солдатский вещмешок, и, судя по тому, что один конец его вмерз в лед, лежал он здесь давно, возможно, даже с лета или с осени.

Но вещмешок разорван — значит, в нем уже рылись.

Когда мы с трудом оттащили мертвого к дороге, я все же вернулся в развалины. Поднял вещмешок за лямку, и из дыры выпал вместе с жалким солдатским скарбом сверток. Это были желтые бязевые портянки. Развернул сверток и увидел книгу. У нее темно-голубая, почти раскисшая картонная обложка. Но на ней

все же можно прочесть: И. С. Тургенев. «Рудин». «Дворянское гнездо».

Сунул книгу за пояс брюк, так часто носил учебники, когда ходил в школу, и до самого вечера испытывал какое-то странное и уже почти забытое в аду фронтового Сталинграда чувство. Я ученик 8-го класса, а перерыв в моей учебе — кошмарное и дикое недоразумение, которое теперь уже никогда не случится. Я опять буду вставать рано и отправляться в школу, у нас будет дом, у меня постель с белыми простынями...

Мы продолжили стаскивать к дороге убитых, грузили их на огромную, как железнодорожная платформа, немецкую автомашину с низким кузовом, а я чувствовал, как возвращается в меня та старая довоенная жизнь и, казалось, во мне тает глыба льда.

Мутило от сладковатого трупного запаха, которым был пропитан весь мир, ныла воспалившаяся рана на бедре, а в голове стоял непроходящий голодный звон. Я трясся в грузовике и ощупывал под телогрейкой согревшуюся за поясом книгу. Она была спасительным островком среди хаоса и разора сломавшейся жизни. За этот островок я держался весь день. Даже забыл про парабеллум — отличную «машинку», про которую почти никогда не забывал.

Громадина грузовик с могучим дизельным мотором через невероятные колдобины и бугры земли, вывороченной взрывами снарядов и мин, наконец доплыл до заводской окраины, где зияли две большущие ямы.

Одна яма была воронкой от тонной бомбы. Ею немцы, видно, целили в цех завода, но она упала здесь, на пустыре. Другую яму вырыли саперы, пробив в мерзлой земле шурфы и заложив в них взрывчатку. Края ям наскоро подровняли и теперь сюда свозили тела убитых.

К концу рабочего дня моя находка почти совсем подсохла за поясом, и я шел домой, ощущая радость необычного вечера.

В нашем прокопченном и сыром подвале появится книга, осколок старой, а может, и новой жизни, которую мы ждали и боялись, потому что отвыкли от всего, что было не связано с войной. Я прожил в этой жизни почти целый день. Мое сердце билось взволнованно и радостно, я светло и преданно любил и этот угомонившийся мир, и высокое безопасное небо над головой, и всех людей, которые целый день были рядом со мною. Я нес свою тихую любовь и звенящую радость в наш подвал, и хотел развеять его мрак, и знал, что это обязательно произойдет: ведь со мною книга.

Но когда я показал ее обитателям подвала, на книгу посмотрели с недоумением, как на вещь совершенно неуместную,

а главное, бесполезную в нашей теперешней жизни. Я растерялся. Не знал, что сказать, и только показывал книгу и что-то говорил, говорил.

Выручила мама. Она бережно взяла из моих рук книгу и, понимая и одобрительно кивнув мне, задержала ее. Помедлила и, перелистав несколько страниц, сказала: «Хорошая книжка. Жалко, что без картинок». Потом, осторожно положив книгу на столик, тут же стала делить на три части мою пайку хлеба и разложить в кружки кипятков.

После «ужина» я забрался на верхние нары к огоньку «катюши» и стал читать. Фитиль из куска шинели, вправленный в сплюсненную гильзу снаряда, чадил и потрескивал, но в нашем подвале было правило не гасить «катюшу» всю ночь, и я никому не мешал.

Начал с «Дворянского гнезда», и какой-то неведомой музыкой зазвучали первые слова романа: «Весенний, светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури...»

Господи, да это же сегодняшний день... Весенний светлый день, пронизанный ярким солнцем, с небольшими розовыми тучками, плывущими в высоком и ясном небе.

Я уже тысячу лет не видел розовых, подпаленных заходящим солнцем тучек. Забыл, какая бывает лазурь. Небо над нами всегда черное, и не только от пожаров и взрывов, но и от того, что мы давно прокляли его. Оттуда все несчастья и беды. Небо — самое страшное в нашей жизни. Оно постоянно низвергало на нас смерть...

Перелистывал влажные страницы темно-голубого томика, и они свершали чудо — раздвигали тесные закопченные стены подвала, где спали мама, младший братишка и еще несколько семей, и наполняли его дорогим сердцу прошлым.

Меня отнесло в неведомый мир Лизы Калитиной и Федора Лаврецкого, Владимира Паншина, где все для меня — открытие и потрясение. Боже, что это был за мир! Люди жили в домах, там просторные гостиные, уютные спальни и детские, какие-то мужские и женские «половины». Люди обедали, ужинали, по утрам пили чай и кофе. Их сжигала любовь и ревность, терзали сомнения...

Это невероятно!

За полгода, со времени начала боев на Дону и Волге, мы все, кто остался в живых, не то что отвыкли от нормальной человеческой жизни, где люди по ночам спят, днем ходят на работу, в школу, а просто не могли себе представить, что такое где-то еще может быть после всего, что здесь пережили...

Читал роман за полночь, пока не перевернул последнюю страницу, а потом долго не мог уснуть...

Коптил фитиль «катюши», беспокойно ворочался во сне младший брат, а я с открытыми глазами лежал на нарах и думал про ту голубую жизнь. Я столько видел смертей, страха, отчаяния, унижения и грязи... Мне с трудом верилось, что прочитанное когда-то было реальностью... Вспоминал наши довоенные дни, отца и брата, которые где-то воюют с фашистами и не знают, что с нами здесь случилось... Ни наша сегодняшняя, ни довоенная жизнь не похожа на тургеневский роман, но мне все равно тепло и радостно от неведомой и непонятной романной жизни. Лежал и благодарил величайшее изобретение людей — книгу — за то, что она могла сохранить ее. Разросшаяся на весь белый свет война похоронила эту жизнь, а книга сохранила...

Мне казалось, что мы уже никогда не сможем жить нормальной человеческой жизнью, и не только потому, что войне еще не было видно конца, но и потому, что мы не сможем без страха глядеть на небо, не сможем, не боясь мин, ходить по траве, не будем купаться в Волге, которая приняла столько смертей...

Позже было немало потрясений, и они нередко происходили от встреч с великими книгами Толстого, Достоевского, Горького, Хемингуэя, Ремарка, Булгакова, Твардовского и других писателей, но эта встреча с темно-голубым томиком Тургенева в разоренном войной Сталинграде осталась самой трепетной и самой живой из всех моих встреч с книгой.

Такого сильного и обжигающего чувства я не пережил даже тогда, когда через десять лет в том же городе держал в руках первую свою книгу.

Чабуа Амирэджиби

ЕЩЕ РАЗ О ДОБРЕ В ИСКУССТВЕ И ЖИЗНИ

Беседа вел Константин Межлумян

Чабуа Амирэджиби пришел в литературу поздно. Ему было уже за сорок, когда вышли первые его сборники — «Дорога», «Бадейка дяди Шота», «Цена перевала». И сразу же раскрылась яркая творческая личность писателя. Исповедуя нравственность как движущую силу искусства, Амирэджиби стремится проникнуть в самую суть человеческого характера, в тайну духовного бытия. Потому-то все его герои воспринимаются читателем как живые, устремленные к свету люди.

В 1964 году Амирэджиби приступил к роману, который был завершен через десять лет, — «Дата Туташиа». Критика сочла его замечательным явлением советской прозы. Сегодня этот роман широко известен не только в СССР, но и в других странах. По роману был снят многосерийный телевизионный художественный фильм «Берега», за сценарий которого писатель удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Сейчас Чабуа Амирэджиби работает над новыми книгами...

— *С тех пор, как вы показывали мне гранки собственного перевода на русский язык романа «Дата Туташиа», прошло девять лет. Сегодня можно с уверенностью сказать: успех романа неоспорим. Как вы относитесь к читательской оценке своего литературного героя, благородного рыцаря Даты Туташиа?*

— Я ждал успеха книги, но не такого. Ко мне до сих пор продолжает поступать множество писем от людей самых разных возрастов и профессий. И это, видимо, имеет свое объяснение. Я старался наделить Дату народным характером — народным не в смысле «узконациональным», а, скорее, если хотите, «вселенским». Роман, а позднее фильм вызвали огромную почту, а значит, они отозвались в сердцах людей. Письма очень заинтересовали меня. Они дают представление о духовных запросах моих современников, их интеллектуальном уровне — словом, создают картину «читательской конъюнктуры», а знать ее, считаю, для писателя просто необходимо. Излишне говорить, какой интерес представляет эта почта, где каждое письмо — рецензия, и порой — умнейшая.

Если бы я был человеком честолюбивым, то мог бы, начитавшись этих писем, возгордиться. Но меня отклики читате-

Чабуа Амирэджиби

лей и зрителей лишь подбадривают, помогают работать, учат трезво относиться к своему делу. Я бы сказал, они вырабатывают иммунитет против «мании величия», распространенного профессионального заболевания среди некоторой части работников литературы и искусства. Популярность романа, по-видимому, заключается в том, что читателю удалось, сопереживая Туташхиа, еще раз взглянуть на мир глазами добра. И от этого, я думаю, он и сам должен был сделаться добрее и лучше. По крайней мере, мне хотелось бы в это верить, к этому стремиться, хотя я отнюдь не моралист.

— *Каково отношение к герою читателей и телезрителей?*

— Вы предлагаете мне проделать работу по анализу и классификации столь специфического вида эпистолярной литературы, как почта писателя и сценариста. Попробую...

В чем вижу разницу отношений?.. Значительная часть

откликов на роман содержит советы, пожелания, предложения, касающиеся жизни героев, развития отдельных линий и т. п. На фильм тоже пришло много писем. Предлагали продолжить его. Проследить за дальнейшей судьбой героев, нередко — вплоть до наших дней. Зачастую в письмах высказываются сожаления, что какой-нибудь эпизод в кино решен не так, как в романе. Это мне понятно. Потому что в прозе любое описание обстановки, действие, портрет сразу трансформируются читателем в зрительные образы, в собственный «внутренний фильм». Художественная литература как бы несет в себе архитектонику кинодействия, что характерно даже для древних литератур. На эту особенность прозы не раз обращал внимание Сергей Михайлович Эйзенштейн. Словом, путь от устного или письменного повествования к построению пластических изображений проложен человеческой психикой не только в дотелевизионные и докинематографические, но даже, можно сказать, в долитературные времена. В этом — одна из особенностей прозы. Любопытно, что в части читательских отзывов на роман «Дата Туташхиа» проявлялась склонность создавать «собственный фильм» еще до того, как по телевидению были показаны «Берега».

Знакомство с почтой зрителей столкнуло меня с одним необычным явлением, размышлениями о котором я хочу поделиться с вами.

Авторы писем в большинстве своем или не читали романа, или, во всяком случае, не проводят сопоставлений с ним. Это я считаю естественным и правильным, так как фильм, по какому бы первоисточнику ни был создан, является оригинальным творением, и судить о нем надо по законам киноискусства. Это не окончательное утверждение, а всего лишь моя гипотеза.

— *Вы хотите сказать, что общение с кинопродукцией учит человека мыслить зрительными образами, создавать или даже воссоздавать из них литературный первоисточник?*

— Именно так. Сегодня человек начал прокладывать обратный путь — от пластического изображения к литературному образу. Это не тот случай, когда, посмотрев фильм, сделанный по известной книге, зритель начинает рассуждать об их сходстве или различии. Нет, увидев фильм, он запоминает его и в воображении строит «свой роман», опираясь на собственный жизненный опыт, на свое знание специфики кино и литературы.

Что толкает зрителя на это? Очевидно, причин здесь множество... Читатель в большей или меньшей степени всегда соучастник творческого процесса. Скажем, диалог или описание дают ему стимул самому домысливать наружность героя, манеру поведения, жесты, умышленно или неумышленно опущенные автором детали.

Кинематограф же передает все это в готовом виде, предлагает, скажем, героя именно с такой-то наружностью, голосом, дикцией, походкой... Зритель вынужден принимать предложенную ему схему, но он обогащает ее своим отношением к увиденному. Он, «потребитель искусств», немного и соавтор, что, конечно, в литературе всегда обнаруживается определенной.

— *Вы знакомили меня со многими письмами. Хочется процитировать некоторые из них, чтобы была ясная реакция на роман и фильм. Вот что пишет, например, Лариса Мехтиева из Баку: «У меня есть сын и дочь, и я очень хочу, чтобы сын был похож на Дату». А вот письмо Моисейченковой из Кременчуга: «Не знаю, был ли такой герой на самом деле или черты его взяты от многих представителей вашего народа, но все, что он делает, говорит,— внушает большую любовь, уважение к нему и к его землякам...» Некоторые даже изливают Дате свои беды, ищут у него поддержки, совета, приглашают его в гости, совсем как реального человека: «Здравствуй, дорогой Дата Туташхиа! Приезжай ко мне в гости... Живу я в хорошем курортном месте, дом мой в 150—200 метрах от золотистого азовского пляжа...» А Сергей Тараман из села Мелекино Донецкой области восклицает: «Будь моим братом, Дата!» Как это важно, что читатели ищут в книгах и кинофильмах прежде всего нравственный заряд!*

— На мой взгляд, письма отражают нравственный поиск, естественный для наших людей вообще и особенно усилившийся в последнее время. Героя моего романа называют благородным рыцарем. Но это не рыцарь «без страха и упрека», а мятущаяся, ищущая правды, благородная натура. Ему легче умереть, чем уронить свою честь и достоинство. «Я не одинокий волк, думающий о добыче, и не мирный бык, живущий, чтобы щипать траву. Я сын своего народа»,— говорит Дата. Он чувствует необходимость добра и закономерность бунта. Главное для него— утверждение своей жизненной философии, в которую входят и бунт, и добро. Туташхиа— олицетворение добра. Но в романе, как и в жизни, добро соседствует со злом. К тому же зло многолико и умеет порой принимать личину добра. Как же отличить одно от другого? Сделанный Туташхиа еще в начале жизненного пути *нравственный выбор* обрекает его на трудную жизнь искателя Добра и Правды. Я верю, в каждом человеке заложено стремление к добру. Разница лишь в том, что у одних ложное представление о нем, они хотят иметь его «в готовом виде». Это— потребители, пожиратели добра, и, по существу,— «сеятели зла». Нравственность и выгода— это несовместимые понятия! Другие создают, возделывают Добро и Правду в себе и окружающих.

Думаю, главный смысл приведенных вами отрывков из писем сводится к тому, что человеку нравственному, как Дата Туташкиа, изначально присуще творить добро самому, видеть добрые дела других и радоваться им, где бы, когда бы и кем бы они ни совершались.

Письма меня радуют, поэтому моим корреспондентам хочется пожелать искать с той же активностью и заинтересованностью приметы героизма и нравственности в реальной действительности, как и в литературных героях, искать вокруг себя и в самих себе. Поиск этот не будет безрезультатным. Добро — энергия, которая не исчезает. Жизнь — это процесс добывания материальной и духовной пищи.

В наш век научно-технической революции общество совершило огромный скачок вперед. Особенно в преумножении предметов потребления. Они вторгаются в жизнь человека, нередко искажая его представления о смысле бытия. И единственный путь исправить это искажение — бороться не против самих предметов потребления, а против потребительского духа. Важную роль в этом и призвана играть литература.

— *Написано немало хороших книг, снята масса нравоучительных фильмов. Помогали ли они делать человека нравственнее? Верите ли вы, что современная литература поможет изменить мир к лучшему?*

— Художественная литература — средство проповеди идей и нравов. Так было во все времена, у всех народов. Ум и талант безнравственного человека — враг общества. Изучив фольклор какого-нибудь народа, можно вникнуть в дух его морали. Каждое цивилизованное общество рассказывает остальному миру о своих нравственных устоях и пропагандирует их в значительной степени своей литературой. Разум, не согретый высокой моралью, легко оборачивается против самого человека.

Классика дала нам шедевры литературы, которые помогли утвердиться высокой человечности. Современная литература должна идти тем же путем, стать мощным средством воспитания. Иного пути для искусства я не представляю.

— *Время проводит беспощадный отбор. Сегодня мы читаем Гомера, Руставели, Данте, Гёте, Толстого, других великих писателей, потому что их книги преодолели века, они всегда с нами. Преданы забвению другие имена — те, которые время, скажем так, не сочло достойными нас. Как, по-вашему, в чем секрет бессмертия литературных творений?*

— Давайте сначала попытаемся выяснить, какие общие черты присущи литературной классике. Возьмем, к примеру, самое древнее из дошедших до нас произведений грузинской литературы — «Мученичество Святой Шушаник» Якоба Цуртаве-

ли, насчитывающее пятнадцать столетий. Основная коллизия «Мученичества» — столкновение взглядов мужа-язычника и жены-христианки. На фоне, казалось бы, «семейных взаимоотношений» Цуртавели сумел дать яркую картину духовного состояния грузинского общества своего времени. Одновременно он показал срез жизни огромной Византийской империи, на территории которой переход от язычества к христианству оказался сложным процессом, порой трагическим... Цуртавели поднялся до больших обобщений, выстроив такую цепь: человек — народ — человечество. Способность обобщить частное и делает произведение вечным. По этому принципу написаны все великие книги прошлого и настоящего, будь то «Илиада» или «Тихий Дон». Иными словами, классическая литература помогает нам не просто воссоздать эпоху с ее противоречиями, но и внушить нам неизбежность вечных ценностей, без которых просто невозможно существовать человечеству.

— *Как началось ваше приобщение к классической литературе?*

— Меня приучили читать, конечно, с детства... Это было в 30-е годы. Завучем нашей смешанной русско-грузинско-армянской школы в Тбилиси была Русудан Шиукашвили. Начиная, кажется, с четвертого класса, она два раза в неделю в течение часа читала нам по-русски очень интересные книги «взрослых» авторов, таких, как Тацит, Плиний, Гоголь, Белинский...

Помню, мы всегда с нетерпением ждали этих чтений. Она умела «подавать» сложный «материал» интересно, на нашем уровне, не упрощая, заостряла наше внимание на таких качествах, как самоотверженность героев, их любовь к Родине и к людям.

Наступил момент, когда каждый из нас сделал для себя открытие: сколько чудесного содержится в книгах! Шиукашвили приучила нас читать и научила понимать книгу. Только после того, как человек приобщается к чтению, книга становится для него второй жизнью, и он начинает сопоставлять свою жизнь с чужими жизнями, свои поступки с чужими поступками. Такое сопоставление помогает открыть важные истины. Я глубоко убежден, что книга — величайший источник нравственного воспитания.

Было ли то благотворным влиянием преподавателя, но предположение я стал отдавать в юные годы классике. Мое поколение воспитывалось на русской и грузинской классике. Помню, молодым увлекался и французской литературой, например Бальзаком, Доде, Стендалем... Всегда я очень любил рассказы Важа Пшавела. Интересно, что этот писатель в своем

«Рассказе косули» опередил Феликса Зальтена с его всемирно известной повестью «Вэмби», где повествование тоже ведется от имени животного.

— *Что читаете сегодня?*

— К сожалению, у меня мало времени для чтения. Да и вообще у меня свой подход к книгам. Я редко читаю больше двух-трех произведений одного и того же автора. Мне, писателю-профессионалу, быстро становится понятным, что этот писатель умеет... Что могу еще сказать о чтении? Чтение, бывает, очень помогает работе. Случается так: пишешь, пишешь и—застрянешь. Проходит день, два, иногда даже месяц, а произведение никак не сдвинется с места. Берешь без всякого умысла книгу— из тех, что накопились, что хотелось давно прочесть, и тут случается совершенно неожиданное: читаешь, а в голове внезапно рождается продолжение того эпизода, на котором застрял. Книга обостряет фантазию.

Наверное, я не буду оригинальным, если скажу, что книга— это опыт. Через книгу человечество накапливает опыт и передает последующим поколениям. Все-таки самое гениальное изобретение человечества— алфавит!

— *В вашем рабочем кабинете не очень много книг...*

— Книг, действительно, у меня немного. Названий пятьсот, не больше. В основном— словари и справочная литература, русская и грузинская. Я мыслю и пишу на двух языках, поэтому бывают и такие моменты: пишу по-русски, вдруг останавливаюсь— не могу вспомнить какое-то слово. По-грузински же я его помню. Тогда лезу в словарь, нахожу его. Вот для этого мне нужны двуязычные словари. Энциклопедические издания, разумеется, также очень нужны в работе. Но я собираю и классиков— великих поэтов и прозаиков. Покупаю художественные альбомы...

— *Вы избегаете держать большую библиотеку?*

— Точное словечко— «держат». Мне приходилось бывать во многих домах, заставленных шикарными стенками, в которых хозяева «держат» сотни, тысячи книг... Но это же, по-моему, похоже на стяжательство, пусть интеллектуальное, но стяжательство.

Налицо ложное понимание престижа... В то же время я знаю и настоящих читателей, просто «сумасшедших»: они купят книгу, прочтут, потом понесут ее букинистам— продадут, а на вырученные деньги купят новую. В этих людях заложена истинная страсть к эстетическому познанию.

— *Какую из прочитанных недавно книг вы бы выделили?*

— Роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Ничего подобного за последние десять лет не читал. Очень

крупное явление. Громадное и по исполнению, и по философскому замыслу. Оно из тех, что переживет время...

Еще одна книга — «Государь» Никколо Маккиавелли в переводе на грузинский Бачаны Бреговдзе. Кстати, ее предисловие, которое занимает половину издания, заинтересовало меня не меньше, чем само произведение Маккиавелли. Отмечу в этой связи, что о больших произведениях так и надо писать — глубоко и проникновенно.

Недавно мой московский друг, литературовед Юрий Корякин, прислал свою небольшую книгу о Достоевском. Он как бы снова открыл для меня этого великого писателя. Интересная книга!

Люблю читать книги, авторы которых пишут своим индивидуальным языком. Иногда писатель ставит важную проблему, такую, которую никто до него не освещал. Но язык — заимствован, пестрит избитыми фразами, в итоге художественная сторона произведения страдает, и больше не хочется читать... Надо уметь писать увлекательно. Мы живем в такое время, когда развлекательных жанров в искусстве стало очень много. А писатель должен увлекать. Надо писать захватывающе — это единственный путь заинтересовать читателя своими идеями.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Над двумя книгами одновременно. Тому, кто знаком с писательской лабораторией, легко понять, что книги иногда имеют свойство «застрывать», я уже говорил об этом. Так получилось с одной книгой, над которой тружусь уже несколько лет. Но на этот раз я не стал заниматься переводами или публицистикой в невольном образовавшемся свободное время, как это бывает обычно, а взялся за другую книгу.

Немного расскажу об этих книгах. Сначала о первой. Это — трилогия, в которой каждая из частей будет представлять самостоятельный роман. В Грузии были исторические личности, чьи деяния оказали огромное влияние на духовные основы грузинского общества. Тут братья златоаятели Опизари, писатели Мерчулэ, Руставели, Чахрухадзе, другие прославленные имена.

Грузинский царь Георгий Блистательный (XIV в.) — тоже незаурядный человек. Время его правления совпало с нашествием золотоордынцев на Восточную Грузию, которая в буквальном смысле была превращена монголо-татарами в пепелище. Золотой Орде в Грузии удалось продержаться 76 лет. Георгий Блистательный, возглавлявший войска, привел народ к освобождению. Избавление от чужеземцев способствовало укреплению национального самосознания грузин. Естественно меня привлек образ Георгия, его духовные искания.

— *Вторая книга, над которой вы работаете, — тоже исторический роман?*

— Нет, она о нашей современности. Хотя не надо забывать, что сегодняшний день завтра становится днем прошедшим, то есть — историей. Мне и захотелось дать летопись наших дней. Книга эта будет состоять тоже из трех частей. Есть у грузин такое слово, обозначающее и тренаж, и самовоспитание... Так вот, первую часть книги думаю назвать «Научиться быть», вторую — «Пора свершений», а третью — «Готовиться к уходу». Примерно этим этапам соответствует жизнь человека. На мой взгляд, до 13—14-летнего возраста в нас закладываются нравственные основы, а примерно до 25 лет мы, на основе приобретенного опыта, стараемся утвердить их в себе — для того, чтобы жить. Это первый этап. После 25 лет и примерно до 65-ти мы участвуем в событиях, влияем на них. А вот дальше — человек начинает готовить себя к достойному окончанию жизни. У каждого возраста своя духовная, нравственная и физическая структура...

Я родился в 1921 году. Я плоть от плоти своей эпохи. Я и хочу взглянуть на прошедшие события глазами своих сверстников. Значительная часть этой книги уже написана. Даже считаю книгу законченной, потому что уже вижу ее от начала и до конца. Известный французский режиссер Рене Клер говорил в таких случаях: «Мой фильм окончен. Осталось только его снять». Правда, у меня очень мало времени для работы. Забирает его киностудия научно-популярных и документальных фильмов, которую возглавляю. И все же надеюсь скоро завершить работу. Достигну ли я поставленной цели — об этом будут судить читатели и критики.

Владимир Цыбин

ДНИ, КОТОРЫЕ НИКОГДА НЕ КОНЧАЮТСЯ

О тридцати выпусках
сборника «День поэзии»

Каждое поэтическое время рождает не только своих поэтов, но и свои формы общения с читателем. «Полярная звезда» декабристов, пушкинский «Современник», «Аполлон» и «Золотое руно» символистов, «Леф» Маяковского отражали различные потоки времени. Его формообразующий характер.

На этих неиссякаемых токах в 50-е годы и родился необычный, демократический по материалу и представительству поэтов сборник «День поэзии». 30 выпусков этой книги позволяют внять суммарному опыту нашей поэзии за последние три десятилетия. В них в значительной мере отразилось то, чем жила, чем болела наша поэзия, по каким тематическим ответвлениям начинался путь в литературу многих известных ныне поэтов.

Для этого надо вспомнить, как и в какой лирической атмосфере родилась идея издания уникальной во всей мировой литературе книги «День поэзии».

Помню, как увлеченный мыслью об этом сборнике, рассказывал о своих замыслах нам, студентам Литературного института, Владимир Луговской, наш «дядя Володя», с величественными разгневанными бровями.

— Это и День поэзии, и День поэта,— тыкал он своей знаменитой палкой в пол.— Надо, чтобы поэты вышли к читателю, встали за прилавки книжных магазинов, как в двадцатые— Маяковский и Есенин. Из кабинетов— к читателю.

Мы понимали, что многое в нашей лирике «залитературилось». Книги новых поэтов издавались еще мало, хотя уже входили в литературу В. Соколов и Е. Евтушенко.

Всего десять лет назад кончилась война. Но уже редко кто ходил в сапогах и гимнастерках. Рождался новый стиль во всем— в одежде, в поведении, в привычках. Приходило, искало свое место поколение «военного детства». У многих поэтов, не имевших собственного лирического дыхания, произошла «бюрократизация» стиха.

Нужно было отделить поэзию дела от поэзии почестей.

Владимир Цыбин

И вот на книжных полках, в развалах букинистических книг стали появляться незнакомые нам, молодым, потрепанные, часто неприглядные на вид, пожелтевшие сборники стихов: «Камень» О. Мандельштама, «Лукоморье» Л. Мартынова, книги С. Есенина, Н. Клюева, М. Шкапской...

Вернулся в Москву нахоженный, настороженный Я. Смеляков, чей «Памятник» уже переписывался от руки. На лекциях В. Шкловского говорилось о «пятнах» времени, о грозových сдвигах метафор в стихах Маяковского.

Поэзия пробивалась из артезианских глубин. Время начинало наливать гулом лирики. Время перетекало в предчувствии космической эпохи сквозь нас — молодое, нервное, не отстоявшееся еще на прошлом. Была середина века, которую, должно быть, первым из всех почувствовал как творческую воспламененную боль В. Луговской. Стихи о ландышах, ветерках и тропках проявлялись как словесные окаменелости. В поэзию молодых приходила гражданственность.

И вот первый «День поэзии». Первый праздник стиха, вырывающегося на трибуны, на книжные прилавки, на заводы. И первое, знаменитое, заглавное стихотворение Н. Асеева «Еще за деньги люди держатся»:

Еще ко власти люди тянутся,
Не зная меры и цены ей,
Но долго это не останется:
Настанут времена иные.

В пространстве этих слов ожил простор сердца. Стих как бы разбужен сердцебиением поэта. Открылись створы времени. Стих говорил, что чувством грядущего нельзя утратить, ибо в нем победа человечности над косностью, что у надежды нет прошлого, она всегда — из будущего, что мы обязаны немедленно, сейчас населять его лучшими своими качествами, ибо:

С тех пор, как шар земной наш кружится,
Не устая в безднах мчаться,
Людей великое содружество
Впервые стало намечаться! (1956, с. 7)

И все же прошлое, если оно грозно приговорило к себе, наливается тяжестью невысказанного. В нем мы навсегда оставляем и самих себя, и горечь утрат. Так услышались тогда стихи «Есть три эпохи у воспоминаний» вернувшейся к читателю Анны Ахматовой: «И вот когда горчайшее приходит: мы сознаем, что не могли б вместить то прошлое в границы нашей жизни» (с. 9).

Прошлое потому так вещественно-грозно, что оно переоценено настоящим. Оно — не время. Оно, по-ахматовски, — мера совети. Им человек понимает себя как судьбу.

После долгих лет молчания Николай Заболоцкий опубликовал в этом сборнике стихотворение «Прощание с друзьями» — стихотворение воспаленное, вопрошающее, так в холод льда вплавлена случайная искорка огня:

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Тропинки, вздохи, столбики из пыли» (с. 13).

Творческое единство жизни, разъятое на молекулы подробностей, вздох мысли, обращенной одновременно и вспять, и в вещь — сознание поэта, так неожиданно перекликающейся с отрывком из «Середины века» о смерти матери Владимира Луговского: «Все правильно. Так ты и есть земля, откуда вышел» (с. 19). Это был уже новый Луговской, отвергший романтизм метафор ради сурового романтизма правды. Все они: и Н. Заболоцкий, и В. Луговской, и Л. Мартынов — думали, что подводят итоги, а переживали время «превращений», ибо: «...все, что жить должно на свете, чему пропасть не надлежит, — само вернется на распе-

те: не выдержит, не улежит!» (с. 22). И это был Леонид Мартынов, в том же своем «Лукоморье», только как бы с обратной стороны. Другое полушарие лирического пространства, уплотнение до иных, чрезвычайных свойств и самого стиха, и мысли:

Терпение!
Терпение!
Сначала исцеление
Бедняги прокаженного,
Сначала превращение
Изгоя океанного
В наследника законного,
Сначала воскрешение
Неправедно казненного...
Весь мир творю я заново! (с. 24)

В этом «Дне поэзии» были напечатаны стихи Сергея Маркова, знаменующие возврат «законных наследников» великой русской поэзии к бытию. Были опубликованы и стихи Марины Цветаевой с предисловием известного критика Ан. Тарасенкова. Это были «Стихи к Чехии», первая публикация в советской печати.

Стихи ее заставили понять, что ничто так не самовластно, как вдохновение, и ничто так не требует воли мысли, как оно, и еще понять, что время не умирает, а куда-то отходит. Страшной, разгневанной нежностью повеяло от стихов, особенно от «Вчера еще в глаза глядел».

Уже шли разговоры о «корневой» рифме. И М. Цветаева заставила нас вспомнить, что старинное название рифмы — краесогласие.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала? (131)

Какое-то сквозное, протеевое чувство — отдачи огня. И через страницу — стихи, тоже впервые, только после 30-х годов, Павла Васильева:

К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро.
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое, ястребиное перо (133).

В горячих сгустках его метафор жила тоже кровь огня. Время обугливалось о каленье жесткого, гортанного ритма.

Много лет спустя Ярослав Смеляков говорил мне о нем, как о живом, продолжая и восхищаться им, и спорить: «Из нас он был — первый. Потом — Б. Корнилов и я. Казалось, что все покорилося ему. А покоряться в поэзии, как и в жизни, нельзя».

Михаил Луконин часто читал Павла Васильева наизусть — в голосе его слышался в это время страх перед песней, которой надо бы клокотать в чугунной гортани великана. Илья Муромец — из долгожителей. И знает это, потому и может проспаться до 33 лет. Ради мелочей он не просыпается. Его жизнь — для необычайного. Павел Васильев словно предчувствовал, что проживет еще меньше, чем Есенин, — около 27 лет, и всю жизнь бодрствовал над песней, спешил выразить высшее свое, орфеевское, начало.

Так снова к нам пришли, озвучили нашу жизнь Марина Цветаева и Павел Васильев.

Чем дальше читаешь «День поэзии» 1956 года, тем больше понимаешь, что перед тобой — не альманах, не сборник, а книга. Потому что в нем есть то единство, тот простор самообразующегося «сюжета», когда не просто читаешь, а участвуешь в скрытом лирическом действии. В «главе» «Поэт и время» Евгения Долматовского — раздумья о главном направлении советской поэзии. В них — те же вопросы, та же смятенность, что и в статьях поэтов и критиков 1986 года.

«О структурной почве в поэзии» пишет Николай Асеев, потому что понимает слово как особую ритмическую энергию. «Расщепление» слова рифмой (смысловой) высвобождает мысль поэта из неподвижного бытия бесформия. Ему отвечает А. Яшин статьей «Что же такое структурная почва в поэзии?»: «Началось обновление поэзии. Одним из примеров этого, нам думается, может служить настоящий сборник московских поэтов». Как не хотел согласиться с Н. Асеевым автор статьи, но спора не вышло, только разъяснил, что да как, и... согласился. Это было честно. И в духе времени.

О гражданском долге на примере поэзии А. Твардовского — первых его глав из поэмы «За далью даль» — озабоченно писал критик Вл. Огнев. В защиту лирической индивидуальности открыто и прямо выступил Б. Рунин. Мысли о поэзии Н. Хикмета, П. Антокольского, С. Маршака — все это создавало книгу необычайного поэтического и интеллектуального климата. Здесь жила душа мечты. Писали о стихах не как о гербарии, а как о живом поле человеческого сердца.

«День поэзии» 1956 года положил хорошую традицию — открытие новых имен. И не аптекарскими дозами, а щедро, с доверием. Это прежде всего зрелое явление такого поэта, как Б. Слуцкий: «Я говорил от имени России», «Кульчицкий», «Ивльнская яма». Стихи Е. Евтушенко, В. Фирсова, Р. Рождественского, В. Федорова. Все говорило, что в нашу поэзию приходит новое, необычайное. На нас тогда, тридцать лет назад, внезапно проглянул сегодняшний день поэзии с ее озабоченной думой о

человеке. Все показывало, что в литературе тематический генофонд — неиссякаем.

Не зря этот сборник был в первые два-три дня раскуплен и, по существу, стал ныне библиографической редкостью. Поэты пришли в магазины, встали за книжные прилавки, читали стихи в цехах, в студенческих аудиториях и дарили «День поэзии» читателям со своими стремительными автографами. Но это было лишь начало. Время, когда «День поэзии» привел поэтов на эстраду, пришло несколько позже...

* * *

У каждой удачи есть как бы свой дублер. Им могли стать «День поэзии» 1957 или 1959 годов. И хотя стихи были в них новые, но не оказалось в этих книгах восторженности открытий, противостояния нетерпения замысла и терпеливости жизни. Претендовал на свою особость «День русской поэзии» 1958 года, вышедший в издательстве «Советская Россия»: «Настоящая книга — сборник стихов не только москвичей, но всех русских поэтов. Отсюда широта и размах тем, сюжетов, географических точек» (1958, с. 3) — так самохвальствовало предисловие. Много в этом сборнике имен, до сих пор оставшихся неизвестными. Книга без критических статей, без стихов А. Твардовского, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, М. Луконина, Б. Слуцкого — и это в пору расцвета их творческих сил — прошла почти незамеченной.

Конечно, в этих сборниках было немало удачного, но они оказались не на главном направлении повышенного интереса читателей к новому слову, к новым замыслам, и главное — они лишены творческой, углубленной широты. Они как бы выросли на глинистой, неплодородной почве. А глина, как известно, — теплоизолятор...

* * *

Только такой человек и поэт, каким был Я. Смеляков, сумел создать «свою» книгу поэзии 1960 года — он, председатель бюро секции московских поэтов, был ее главным редактором.

Это была пора, когда в поэзию шумно и самолюбиво входило поколение поэтов 60-х годов: А. Вознесенский, Д. Блинский, Е. Евтушенко, С. Евсеева, Б. Ахмадулина, В. Фирсов, Г. Горбовский. Было в их поведении много отважного и детски наивного. Стихи писались как отклики, требовали немедленного ответа.

В поэзию самодержавно входила корневая рифма. Порой стихи казались похожими на камбалу, у которой все органы жизни расположены на одной стороне — на правой, в конце строки. Но рифма эта в лучших исполнениях несла функции

образа. И пока она «притворялась» метафорой, она была жизненной.

Ярослав Смеляков собирал свою редколлегию и читал стихи вслух — молодых, неизвестных и маститых — всех — с суровым, нахмуренным лицом. Некоторые листы тут же летели в корзину. Так рыбаки, когда вытянут сети на берег, мелкую рыбешку бросают обратно в море. А здесь была не просто мелкая, но и мертвая рыба.

Длинный стол за сценой зала, в углу рояль, похожий на письменный стол, на нем — кепки и шляпы, в одном конце «стола» — А. Вознесенский в свитере — своих эстрадных «доспехах», самый молодой член редколлегии.

— Хороших и разных? — с кем-то спорит Ярослав Смеляков. — А вы мне суете одинаковых. Дайте мне хоть одну хорошую строчку!

И все же в эту грозную, грозную атмосферу молодые тянулись — с какой-то отчаянной безнадежностью. Так, только что впервые напечатанная в «Комсомолке» Новелла Матвеева представлена одним из лучших своих стихотворений «Гимн перцу»: «Разве даром в полях января пахнет перцем российский мороз? Разве шутка российская зря пуще перца доводит до слез?» (1960, с. 73). А несколькими страницами дальше — Олег Чухонцев со стихотворением о ночном городе: «Я бы тоже хотел так уметь молчать, как курсант у твоего мавзолея. Я бы тоже хотел три раза услышать сердце в промежутках между каждым ударом курантов» (с. 106).

Так поэзия в стихах молодых опознавала саму себя. Это было эхо вспять из будущих семидесятых годов в начало шестидесятых, где Н. Рубцов только еще предсказывался в лирике, которую называли «земляной», «почвеннической», а Е. Исаев писал стихи и еще не печатал их...

На страницах этого «Дня» появилось фактически впервые имя Б. Окуджавы, уже известного как переводчика, работавшего в издательстве «Молодая гвардия». Стихи о будущем, увиденном с «недостроенной набережной»: «Оно в грузовиках уже не умещается, оно намеревается начать полет... Ах, на нашей набережной последняя мешаночка слезы льет, понапрасну льет» (76). Стихи хотели петься, но еще не пелись, у них еще не было пропеллера музыки. Я. Смеляков смело угадал поэта в интонационном разломе стиха, он любил печатать вот такие «зерна», которые должны были внезапно разбудить вздох натруженного сердца.

Сильней ощущался пульс века еще и оттого, что на страницах книги звенели стихи Маркоса Ана, который был заключен Франко в тюрьму, несокрушимого Пабло Неруды, мощного

Сальваторе Квазимодо, к тому времени получившего, по редкой справедливости, Нобелевскую премию.

Это — память о крови,
О наших муках,
О людях, сожженных заживо
Нацистами Кессельринга... (с. 191).

Стих освободился от рифм, — слово должно кричать всем своим существом. На граните высекается самое главное о человеке и об эпохе — слишком неподатлив материал. Не зря камни похожи на сожженные деревья. Пепел погибших людей отвердевает в гранит. Мир спасет — память. Мужественная энергия памяти. И потому, может быть, пишет Пабло Неруда:

Кто мог бы сказать, что земля
Сбрасывает старую шкуру?
Больше вулканов на ней, чем вчера,
На небе новые тучи,
Реки текут по-другому (с. 196).

Не правда ли, чилийский поэт говорит о том же, о чем и Л. Мартынов и Н. Тихонов в «Дне поэзии» 1956 года? Поэты слышат друг друга, как слышат континенты извержения вулканов. Темы, как идеи, рождаются сразу у многих. Они носят в пространстве века — кровеносные шарики духа. Есть созвучья слов, но есть созвучья времен и мыслей. Мысли Пабло Неруды чудесным образом «рифмовались» с тем, о чем думали А. Твардовский, Л. Мартынов.

Сторона, что ближе к солнцу, — много лет уже красна;
Постепенно розовеет и другая сторона —
Та, другая сторона, —

написал Э. Межелайтис, и сразу стало понятно, что пришел большой поэт.

Широко и смело по предложению М. Луконина «День поэзии» представил поэтов, погибших на войне. Целый раздел под названием «Солдатский обелиск» был посвящен их творчеству и воспоминаниям о них: Николае Майорове, Павле Когане, Николае Отраде, Всеволоде Багрицком. Стихи убеждают, что поэзия — это характер. Судьба. Их вдохновение — бодрствующее, нетерпеливое. Такое ощущение, что стихи сами выбрали поэтам судьбу и дописываются в наших сердцах.

Павел Коган в одном из своих писем обмолвился: «Ничего не пишу, а просто каждый день мой сам пишет книгу» (с. 161). И далее, еще более пронзительно: «Я не волнуюсь: каждая пылинка моего века удивительно прилипает ко мне». Вот эта слиянность с временем, с каждой его пылинкой и определила романтический реализм поэзии, интонационный излом стиха, похожий на окопы,

правду как задачу всей их короткой жизни. Мертвые нас не слышат, зато мы их слышим.

То, что эта плеяда была представлена столь широко и разнообразно, открывало перед читателем необычайное явление в поэзии — реалистический романтизм целого поколения, явление непобедимости творческого духа, ибо правда, в которую верят, всегда романтична. Классический гегелевский конфликт между прозой жизни и поэзией сердца разрешался военным поколением по законам своего времени: поэты в жизни находили поэзию, а в сердце — беспощадную правду прозы. Взаимодействующие стили поменялись местами и качествами, как былинные русские богатыри шапками и дорогами. Они взаимосвязаны — состав поэзии и состав судьбы. Годы войны явились гигантскими усилителями чувств. Сила вымысла поблекла, стала ненужной — дни сами писали стихи за поэтов.

И еще одна характерная особенность этого «Дня поэзии» — в нем поэты представлены своими вершинными стихотворениями. Достаточно сказать, что С. Евсеева напечатала здесь «Няню», ставшие впоследствии знаменитыми стихи Е. Евтушенко — «Эта женщина любит меня...», Д. Самойлов — «Гитары», К. Ваншенкин — «Родню»...

Ставка на лучшие стихи, на талантливые имена оправдала себя. Это действительно смеляковский «День поэзии», отразивший его творческую справедливость и широту. Поэзия в его книге представлена в единстве времен, судеб и правды.

* * *

И опять по какому-то странному, лукавому закону отражения следующий «День поэзии» 1961 года явился во многом двойником предыдущего: повторены почти все разделы, правда, в упрощенном виде, хотя раздел «Голоса друзей» расширен. Приглашены на страницы книги такие великолепные поэты, как Десанка Максимович, Жак Превьер, Фаиз Ахмед Фаиз, широко представлены те, кто был открыт три-четыре года назад — Б. Ахмадулина, В. Гордейчев, Б. Слуцкий. И — ни одного имени из новых или из обойденных когда-то вниманием. Ни одного воспоминания, ни одной статьи о поэзии — лишь стихи. А в результате — освещены не магистральные направления современной поэзии, а боковые, подчас второстепенные, малозначные ее ответвления. Редактор — хороший поэт и добрый человек Г. А. Санников создал не книгу, а сборник, где стихи поэтов — разрозненные части, не составляющие единую семью. Много хороших стихов, но нет — главных. А горизонтального зенита не бывает.

* * *

Помню, как создавался луконинский «День поэзии» 1962 года в доме на Песчаной, где в небольшой двухкомнатной квартире жил М. Луконин, в квартире, о которой он говорил: «Живу, как в балалайке». И действительно, со всех стен этой квартиры стекали звуки: то соседский телефон, то звон посуды, то неуверенный тенор самообучающегося певца. Одно спасение было на кухне, уже основательно заваленной рукописями. На холодильнике «подмораживалось» отвергнутое — С. Островой и Л. Кондырев...

То и дело подпрыгивала телефонная трубка — звонил озабоченно Е. Осетров, чьей целенаправленной энергией создавался этот «День поэзии»: то новое имя, то новая идея. И я понимал, что вот так буднично, даже суматошно осуществляется поиск вечного в мечте. А каждое дело сначала просверливает в мечтаниях.

Луконин любил окружать себя молодыми еще с «новомировских» времен, когда он работал у К. Симонова и потом у А. Твардовского — заведующим отделом поэзии, где дал «путевку» и Р. Рождественскому, и Б. Ахмадулиной, и Е. Евтушенко. Поэтому было щедро решено: первые страницы «Дня» — самым молодым — Вл. Дагурову, А. Зауриху, Вл. Лазареву и С. Макарову, почти всем — по четыре полосы. С таким доверием к еще неизвестным именам не издавалась ни одна книга «Дня поэзии». И вот первое знакомство с первыми стихами Алексея Зауриха о рассвете:

Глядит, повеселевший, молодцом,
Не торопясь ко мне подходит сбоку.
...Я каждый день с рассветом, как с отцом,
К шести часам шагаю на работу (1962, с. 11).

Читаешь и понимаешь, что пришло новое лирическое настроение оправдания «малых», будничных дел, взгляд не в даль, не в горизонт событий, а — в лицо обыкновенной рабочей минуте, обозревание не всей дороги, а ее отрезка. Это поэзия частей, частностей, не лишенная произвольности мозаики. Не океанские корабли восхищают этих поэтов, а простые, почти домашние баркасы. Это была пора, когда на какое-то время поэзия как бы сознательно отказалась от масштабности. Пора громкогласной эстрады, сменившей предшествующую ей барельефную окаменелость, обещала поэти. Когда я говорю об эстрадности, я вовсе не имею в виду поэзию А. Вознесенского или, скажем, Р. Рождественского, — правда, во многом она рассчитана на голос, на декламацию, в ней много речевой рельефности. Поэты чаще всего исходили из насущных вопросов дня, чем и объясняется устойчивый интерес читателя к их стихам.

«Эстрадное» — это когда карликовые проблемы притворяются великанами, уход за «подмогой» в другие жанры искусства, когда стихи пишутся как микросценарии.

Так вот, своеобразным протестом против подобной «эстрадности» и явились стихи совсем новых и почти не известных тогда всесоюзному читателю поэтов.

Худенькая русая речушка,
Можно мне с тобой вдвоем побыть?
Ты, как загрустившая девчушка,
В чисто поле вышла побродить (с. 13).

Это стихи Владимира Лазарева, стихи смысловые, стихи-собеседники. Театр стал уступать место библиотеке. В стихе вместо голоса появился вздох. Свет метафор стал сменяться теплом деталей.

Трудно и смело составлялся М. Лукониным и основной раздел книги «Новое», открывавшийся девятью стихотворениями Л. Мартынова, который с какой-то веселой удрученностью вручил кипу стихов редколлегии, сказав: «Что найдете интересным, то и печатайте». Дома у него на письменном столе была еще гряда, именно гряда стихов. Он писал в то время упорно много, его интересовали и философия настоящего мгновения, и самотворящая жизнь кристаллов, и судьбы сибирских рек, без которых нет будущего Сибири. Он любил минералогию, как поэзию, и сам в неуываемой своей ковбойке походил на геолога. Да и в столбиках мартыновских строк было что-то от кристаллизации — мысли походили на неведомые минералы, не зря он их считал особой формой жизни. Стихи Л. Мартынова тех лет — это философия совести, забота о запасе добра в обойденном человеческом сердце. Есть в его стихах и тревога, и самосожжение слов ради правды мысли. Так на сверхускорениях синхрофазотронов рождается новая энергия и частицы нового вещества. Миры помещены друг в друга, как матрешки, и похоже, что изначально, отсчетной единицы как таковой не существует в мире разбегающихся кварков. Одно единое — человек, избравший мерой степени цивилизации — степень силы человеческой совести. И поэт обязан болью своей одухотворенной мысли отыскать в этом мире целокупную соборность, синтез идей, эпох и вещей.

В начале 60-х годов один за другим возвращались поэты в строй. Я уже говорил о С. Маркове и Н. Заболоцком. Пришло время и для стихов Е. Благиной. Взгляд в прошлое у нее оказывается взглядом в себя, через створы памяти:

Ты, война, меня не повалишь,
Я — из ванек-встанек!
Ты мне хлеб сухой жевать велишь,
А я его — как пряник (с. 22).

Сердце человеческое — эхо памяти, но не пленник. Память — и воспоминание, и одновременно освобождение от него. Вот почему боль памяти животворна. И здесь Елена Благина как бы предчувствует стихи о войне, написанные уже сейчас, в восьмидесятые годы другими поэтами.

По-моему, поэтическим событием явился цикл стихов набиравшей в те годы силу Светланы Евсеевой. Это было второе ее крупное выступление в «Дне»:

Есть у меня соревнованье
Сегодня с прошлым днем моим (с. 26).

Так властно у самых разных поэтов входила в нашу лирику тема памяти о войне как мере жизни. А в другом стихотворении Светлана Евсеева торжествует свою любовь ко всему живому: «Здесь жизнь моя, жизнь ценная, ценней бобров и лис. Мой лес! Твоя всецело я, я твой листочек, лист!» (с. 27).

Поэзия почти всегда — своеобразный усилитель пережитого. Поэт вырастает в материал жизни уверенно и воскрыленно корнями сердца. Совершенно на другом лирическом полюсе обрел Дм. Ушаков свою тематическую почву: «И не семь потов из тела выжми, трижды семь... И ты поймешь тогда, почему зерна литые груды нам дороже драгоценных руд. Почему в целинном крае люди хлеб пшеничный золотом зовут» (с. 47). Это было время обживания целины, после романтического сдвига массы молодежи в новые, необжитые края наступило упорство будней, просто работа. Об этом и пишет Дм. Ушаков. О цене труда, о самом качестве жизни.

С большим циклом стихов выступил и Василий Федоров. Он только что входил в силу и добился признания своими поэмами. В этих стихах поэт категоричен — совсем в духе времени: «Любовь, как жажда истины, как право есть и пить. Я, может быть, единственный, умеющий любить» (с. 145).

Истина — это высшая инстанция нравственности. В лирике преобладали вопросы добра и зла, правды и лжи. Поэты ставили вопросы. Спорили. Искали противников. И часто выходило, что спорили сами с собой. Книга оставалась своеобразной сценой, откуда читателя продолжали убеждать в своей правоте. Голосовые связки стиха напряжены. Так можно было сорвать голос. Но Василий Федоров не сорвал. Внешне мягкий, уступчивый, внутренне он был собран, непримирим в отстаивании своего стиля, своего взгляда на жизнь, где живет красота, как в вишневой мякоти — косточка, которая обязательно станет деревом.

Необычным для того времени был и критический материал, представленный в «Дне» широко и щедро. Алла Марченко написала о «Струне» Беллы Ахмадулиной, о свободе и незащи-

ценности ее духовного лирического вещества. Виктор Боков размахисто писал об Андрее Вознесенском, всего об одном стихотворении его «Осень в Сигудде», как о «поэзии прощания», Андрей Турков — о стихах Владимира Гордейчева, желая, чтобы их поскорее услышали. А поэты-фронтовики — о своих погибших товарищах, об их книгах. Василий Субботин — о Павле Когане: «Он был моим сверстником, но я не знал его». Написал проникновенно и честно. Семен Трегуб — о сборнике стихов Якова Козловского; Сергей Наровчатов — о Марке Лисянском; Михаил Лобанов — о «Тихой молнии» Дмитрия Ковалева, поэте с повышенным чувством правды; Николай Степанов — о неожиданных стихах Велемира Хлебникова...

Биографии стихов, книг сливались в одну большую лирическую биографию времени. Время плотно вращалось в поэзию своими корнями. Память снова становилась жизнью. В разных ритмах слышалось общее согласие. Уроки «корневой» рифмы оказались не такими многообещающими. Похоже, что монументальность форм в поэзии перерождалась в монументальность духовного опыта.

Это был «День поэзии» новых имен: Анатолия Передреева с его «Ботинками», Андрея Дементьева с «Россией», Василия Казанцева с его «Не открыл еще глаза я», Майи Борисовой со «Стихами о звездах». Николай Глазков, уже известный своим «обернутством», выступил со стихами о грибах и зиме. Юнна Мориц — с «Неутонувшим оленем»...

* * *

В литературу самовластно входила «новая волна», что отразил и «День поэзии» 1963 года, ставший как бы продолжением предыдущего. Остался прежний главный редактор — Михаил Луконин.

Принципиально этот «День поэзии» не отличался от предшествующего. Наиболее интересными, впечатляющими были в нем «Поэма без героя» Анны Ахматовой, цикл стихов Михаила Луконина, слово о Маяковском Всеволода Мейерхольда (раздел «Память») и еще несколько публикаций. В основном же этот сборник «сбился» на антологию, на равное «представительство» многих без выбора главного, характерного. Это было, конечно, отступлением от достижений предшествующих книг «Дня поэзии».

Следующие «Дни поэзии» 1964 и 1965 годов были тоже составлены по принципу антологии года. Правда, редактор «Дня поэзии» 1965 года Василий Федоров сумел организовать разговор за круглым столом — «Поэт. Читатель. Критик». Разговор состоял-

ся острый, интересный, но в нем не участвовали многие ведущие поэты. И вместо диалога получилась целая связка монологов.

Говоря об этих трех «Днях поэзии», я не хочу умалить значение стихов, которые были напечатаны в них. Хочу только подчеркнуть, что книга поэтов все более стала тяготеть к «журналу», к поэтической повседневности, утрачивая качество выбора, концентрацию действенных, живых явлений в поэзии.

* * *

Все ждали, чем нас порадует «День поэзии» 1966 года, главным редактором которого был Виктор Боков, отзывчивый на все новое и истинное. Редактору в не меньшей мере нужна искренность, чем поэту. Стихи поэтов сначала «печатаются» у него в сердце и уже после — в книге. Новые имена он любит так же, как и знаменитые. И если кто-то потом не состоится — такие ошибки (из-за доверия) прощаются.

«День поэзии» 1966 года оправдал надежды, получился. Он не «под Бокова», но он — боковский, потому что отразил его влюбленность в поэзию.

«День поэзии» впервые открылся Пушкиным: книга начиналась неизвестным до тех пор автографом пушкинского стихотворения «На холмах Грузии» (1966, с. 3).

На первых же страницах слово было предоставлено видным поэтам — Н. Тихонову, С. Щипачеву, С. Наровчатову. Выступил с новыми стихами о горькой, отринувшей забвенье любви Михаил Луконин:

И тем я жив,
 что знаю я —
 ты за меня в ответе —
 и боль моя,
 и соль моя,
 и хлеб мой
 на планете (с. 7).

Это был приказ сердцу — не помнить любви, но сердце помнило «любовь на разрыв». Всегда помнило. Эта память того же свойства, что и талант, с тем же чувством ответственности перед всеми. Луконинскому лирическому переживанию вторит в своих стихах Александр Яшин. Он писал: «Ни от своей, ни от чужой вины не отрекаюсь, а долги все те же» (с. 34). Это был расцвет совестливого лиризма А. Яшина. Он писал большую свою прозу — предшествующую распутинской и беловской. Мне часто приходилось выступать с Александром Яшиным на вечерах поэзии — он всегда приходил минут на десять раньше, сидел строгий, подтянутый и о чем-то думал; потом читал стихи ровным, провидческим голосом, а в «заставках» между стихами

тихо и внятно разговаривал с аудиторией. словно хотел понять и себя, и своего читателя.

Мы чувствовали, что появился новый читатель, не терпящий ни в чем фальши. Не знаю, кого из поэтов любил Александр Яшин, но стихи Ольги Фокиной определенно ему нравились — беззаветный распев о земле, о ручьях и ягодах. В «Дне поэзии» 1966 года переливно прозвучали ее стихи:

Рощу-пасу
Сладку ягоду в лесу.
Всякую погодушку
Я теперь люблю,
Радуюсь солнышку,
Дождики хвалю (с. 36).

Похоже, что читатель в ту пору еще как следует не расслышал ее песенную скороговорку, но уже приглядывался к ней, как было когда-то и со стихами А. Яшина.

Рядом, в согласье, звучно рвались со страниц «Дня поэзии» — «на голос» стихи Александра Прокофьева о том, как «круто замесил слова народ»:

И — люблю — сверкнуло любо
И осталось на устах
Для того, чтоб кровь горела
В расцелованных местах! (с. 41)

Очень широко и гостеприимно представил этот «День» стихи Андрея Вознесенского. И хотя они не вызывали прежних споров, но говорили о больших ресурсах поэта, о том, что он — не столько в формотворчестве, сколько в поисках новых тем, нового взгляда на привычное. Это поиски — большого поэта.

Значительным циклом стихов, кажется, в первый раз в «Дне поэзии» была представлена Юнна Мориц. Она держалась особняком, выставив свою упорную челку вперед; явилась уже сложившаяся поэтесса, ощущающая всем телом стиха нервную систему времени:

Противен мне бессмертия разор.
Помимо жизни, все невыносимо.
И горя нет, пока волнует взор
Все то, что, в общем, скоротечней дыма! (с. 63)

Читая эти строки, понимаешь, что настоящие, большие стихи должны не писаться, а сбываться с нами и что настоящее отдает прошлому холод, а будущему — жар.

Конечно, в этом «Дне» были стихи и пустотелые, как, например, «Уход Льва Толстого из Ясной Поляны» Ильи Фoniaкова или «Зной» Освальда Плебейского.

Незамеченными прошли стихи Николая Рубцова.

В «Дне поэзии» 1966 года много страниц отведено воспоминаниям о В. Аврущенко, М. Кульчицком, Вс. Багрицком, о Назыме Хикмете и Гафуре Гуляме.

Были опубликованы неизданные письма Д. Бедного, эссе В. Шкловского о В. Маяковском и С. Кошечкина о С. Есенине. И главное — статья Андрея Платонова об Анне Ахматовой с пронзительным наблюдением: «Слава и свобода есть только результат творческой способности человека — и потому ничто не выше этой способности» (с. 271). Эта мысль была вызовом мелководью всезнайства. А. Платонов, говоря о творчестве А. Ахматовой, отрицал, что «победа» быта над идеализмом повлекла за собой и победу над женственностью.

* * *

Середина 60-х годов была порой стабилизации стилей и поэтических направлений. Приток новых значительных имен заканчивался. Русская советская поэзия предстала перед читателем во всем своем объеме. После времени открытий неизменно следует время повторений, когда уже основательно обжиты «окраины» жанров, стыки стилей, поэтических идей. Тогда-то и вышел «День поэзии» 1967 года, где редактором был опять Михаил Луконин, а составителем — Евгений Осетров.

После своеобразной антологии одного стихотворения, посвященной Октябрю, следовал раздел «За круглым столом», где собрались для насущного разговора о гражданственности в литературе известные критики и поэты. Е. Осетров противопоставлял «Двенадцать» Блока псевдопоэзии, И. Гринберг говорил о необходимости умения поэта «вкладывать свою личную заботу в решение вопросов всенародного значения» (1967, с. 39), В. Кожинов — о «нерасторжимой связи прошлого, настоящего и будущего», защищая поэзию московских дворишков от разрушительства «дядей» от архитектуры.

Значительная часть книги посвящена воспоминаниям о В. Брюсове, М. Светлове, Н. Полетаеве, Э. Багрицком, Д. Кедрине, отведена статье Н. Асеева, стихам Дж. Рида, В. Броневского, Вл. Нарбута, П. Радимова.

Это был новый для «Дней поэзии» литературный материал, новый — во всем. И прежде всего в том, что ведущие поэты выступили с лучшими своими циклами (Е. Винокуров, Л. Мартынов, М. Дудин, К. Ваншенкин, Б. Окуджава), в нацеленности книги на гражданственность, современность, что свидетельствовало о несомненном вкусе и опыте создателей этого «Дня».

* * *

В последующих «Днях поэзии» были и свои удачи, и определенные повторы опыта предыдущих. Так, в «Дне поэзии» 1968 года широко представлены стихи К. Некрасовой и Е. Оболдуева, а в «Дне» 1971 года были напечатаны стихи М. Волошина. Но мне хотелось бы подробней остановиться на «Дне поэзии» 1972 года (редактор С. Куняев).

Он открывался разделом «В семье вольной, новой», посвященным 50-летию образования СССР. Эту своеобразную всесоюзную переключку писателей открывает Николай Тихонов, а завершает А. Каххори. Вот как точно выразил «чувство семьи единой» Петрусь Бровка:

Народ — он схож с могучей кроной,
Чей ствол бессмертный так высок.
Народ мой — океан зеленый,
В котором я — всего листок (1972, с. 13).

Соцветье имен, соцветье лирических чувств — они отразили все многообразие нашей поэзии.

И жаль, что в интересном разделе «Об одном стихотворении» не нашлось места поэтам наших республик. А разговор получился весьма живым: о «Зеленых дворах» С. Наровчатова, «В дни осени» М. Исаковского, «Весеннем громе» Д. Самойлова, «Цветах и пуле» Е. Евтушенко... (Этот разговор как бы продолжается в «Дне поэзии» 1985 года, где говорится о биографиях стихов «Жди меня» К. Симонова, стихотворениях М. Лукомина, С. Гудзенко...)

В «Дне поэзии» 1972 года были напечатаны стихи художника Николая Рериха:

Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем.
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье (с. 267).

В них поражает звучание мысли, ее акустика. Не рифмы, не ритмический строй создает сердцебиение стиха — форма уходит вглубь, в философию строки. Это детство мысли сменяется реальностью пробуждения, и все вместе приводит к побуждению — высшей зрелости духа: «бери свое достоянье».

Центральное место занимает лирика разных лет А. Твардовского. Александр Трифонович не хотел печататься в «Днях поэзии», считая, что в «параде стихов» участвовать не нужно. Как-то в одном из разговоров незадолго до смерти он сказал, что в такого рода изданиях слишком явно видна «диктатура редактора». Не любил и выступлений, где чаще всего «побеждает» актерство, голос, а не поэтическая суть.

Конечно, поэтические сборники нередко напоминают «толкучку» стихов. И вот — в первый раз, уже посмертно, в «Мемориале», «День поэзии» печатает стихи Александра Твардовского:

Клонит яблоньки ветер,
Гонит по полю рожь.
Все другое на свете,
Все — куда ни пойдешь (с. 195).

Под стихами дата — 1940 год. Но, кажется, они написаны еще раньше — в юности. Память, как осень, прикоснулась к отдаленной окраине сердца. Воспоминания — это мы, те, которых не хотели бы потерять в себе. Доброй грустью пронизаны эти стихи, как доброю мудростью много пережившего человека — терпкие строки следующего стихотворения: «Дела зовут туда, сюда, и невдомек еще поэту, что это исподволь беда пришла сживать его со свету» (с. 198). Лев Толстой как-то подметил такую незащищенность человеческой судьбы, только с другого «конца»: «Почему люди скоро умирают? Торопятся. О время трутся». Поэт трется о время сердцем. И умирает своим талантом.

Страшно, если умирает поэт, но страшнее, когда время умирает в нем, еще живом и полном сил. Тогда — беда. И она-то «сживает его со свету». Это было написано А. Твардовским от великого знания жизни. С таких стихов, по-моему, и берет свое начало поря «тихой лирики».

«День поэзии» 1974 года задуман был редколлегией во главе с М. Максимовым «как своего рода поэтический салют нашей Победе» (1974, с. 3). Эти строки из предисловия точно отразили направленность и суть книги. В первом разделе — «стихи с войны»: «Я убит подо Ржевом» А. Твардовского, «Я был пехотой в поле чистом» С. Гудзенко, «Соловьи» М. Дудина, «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Итальянец» М. Светлова... Антология стихотворений. Стихи «о самой сути», стихи без тоски и страха, вопреки смерти, сила холодного огня сердца: «Мне б только вот эту гранату, злорадно поставив на взвод, всадить ее, врезать, как надо, в четырежды проклятый дзот» (П. Шубин, с. 25). Иначе в пекле войны сердце испепелится. Нужен холод спокойствия для того,

Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву...
Прожить бы мне эти полмига,
А там я всю жизнь проживу!

Я не верю в стихи о рукопашном просто потому, что не верю в бодрость возле боя. Такие стихи не солдата, а актера. У Павла Шубина же дается не сам бой, а жажда жизни.

А после этой небольшой антологии следовали рассказы: как рождались стихи, включенные в нее, как они «становились боевым оружием». Бывший командир партизанского батальона Николай Москвин рассказывал о том, что песня «Священная война» помогла им однажды в ожесточенном ночном бою на станции Чаусы. Поэт Константин Симонов — о том, как было напечатано в газете «Правда» его ставшее знаменитым «Жди меня», Александр Межиров — о стихотворении «Утром».

И уже почти целиком был посвящен тридцатилетию нашей Победы «День поэзии» 1975 года (редактор Е. Винокуров), умно и тактично открывавшийся «Словом о старшем друге» младших поэтов: о Константине Ваншенкине писал Валентин Проталин, о Юрии Левитанском — Юнна Мориц, о Михаиле Луконине — Игорь Шкляревский, о Михаиле Львове — Натан Злотников...

Петр Вегин писал о Булате Окуджаве, о его фронтовых годах: «Но так вокруг «все хотело жить», что уже смелели, испуганные войной, в душе солдата соловьи. Уже не вмещалась в душе нежность, как не вмещались в начале войны — слезы. „Так она отстоялась и столько ее скопилось“» (1975, с. 22). Эти слова можно было сказать о всех поэтах фронтового поколения. Нет в их поэзии романтики мифа — все подчинено факту, событию. В основе всех стихов о войне и «с войны» — характер, его напряженный предел, как в стихах Е. Винокурова:

Торжество победы пожинаю,
Трудно шурясь на прощальный свет...
Ничего еще не понимаю:
То ли праздник в мире, то ли нет (с. 44).

Трагичность событий и потерь рождает в сердцах и поэзии особую силу — силу противоборства. Это — жизнь в огне. Пришла победа, она стала огнем памяти. И ничего как бы не кончилось, только отошло дальше, в глубь сердца. «Еще горячкой боя сердце билось, а в мир уже вступала тишина, как будто время здесь остановилось, не веря вдруг, что кончилась война» (с. 31) — так верно опознал это чувство в своих стихах Николай Тихонов, потому что пришел не вечный мир, а мир после войны — рядом с Освенцимом стояла Хиросима. Страшное для человечества соседство. И все же: «Из войны мы красивыми вышли, молодыми, и в блеске, и в силе. Нам сражения души не выжгли, только лица в боях заострили» (с. 83). «Мы» Михаила Львова здесь, как и у всего фронтового поколения, звучит как «я», только многократно помноженное. И усилилось это чувство «мы» кровным, окопным братством поэтов фронтового поколения.

Щедро представлены новые имена в разделе «Вечер одного стихотворения». Эдуард Балашов напечатал «Воспоминание о суворовском училище», Петр Вегин — «Сбор яблок», он уже

набрал силы и был читателю известен как талантливый и ищущий поэт.

В. Высоцкий — «Из дорожного дневника»: «Здесь, на трассе прямой, мне, не знавшему пуль, показалось, что и я где-то здесь довоевывал невдалеке. Потому для меня и шоссе, словно штык, заострялось, и лохмотия свастика болтались на этом штыке» (с. 140).

Это были стихи большого, настоящего поэта. Потом В. Высоцкий будет мучительно искать свой жанр поэтического «поведения», соединяя в одно музыку, слово и исполнение, не боясь ни поражений, ни непонимания. Главное, он открыл свой мир в поэзии — мир Владимира Высоцкого.

Появились, кажется, тоже впервые и стихи Геннадия Русакова — о беспризорном детстве, поисках человеческого тепла, стихи, сосредоточенные на пережитом. Тема заставляла его оглядываться в прошлое, а мысль — смотреть вперед, в даль еще не опознанной зрелости...

* * *

Последующие «Дни поэзии» — 1976, 1977, 1978 годов — отразили состояние лирики, когда в центре внимания критиков и многих читателей оказалась так называемая «тихая поэзия», повышенное внимание к поэзии А. Фета и Ф. Тютчева.

Конечно, и тогда уже ее поэзия была шире тематического круга «тихой поэзии», как, впрочем, и стихи посмертно признанного Николая Рубцова. Да и сам Владимир Соколов, почему-то объявленный главой и зачинателем такой поэзии, не соответствовал этому направлению. Странно, еще в 50-е годы он оказал решающее влияние на молодую поэзию, в частности на Е. Евтушенко, поэта совсем не «эстрадной» поэзии, но нетерпеливого и острого.

Оба они, соединяя в себе «эстрадность» и «тихость», доказывали своим творчеством, что такое деление поэзии — произвольное, идущее от бессилия критики, не чувствующей «нерва» времени. Да и А. Жигулину этот «кафтанчик» явно был маловат:

И вдалеке за горкою —
Поля, поля, поля...
Полыни ветка горькая.
Она — как жизнь моя.

Привет родному краю!
Я весь навеки твой,
Я медленно сгораю
С березовой листвой (с. 58).

Природа и душа человека не существуют отдельно от истории. Историзм поэтического виденья мира, опыт А. Твардовского, Я. Смелякова, Л. Мартынова не могли утратиться нашей лирикой. Просто поэты «дописывали» то, о чем не успели сказать представители главных магистральных путей. Да и сами вопросы экологии встали перед человечеством как насущные в 70-е годы. Эти вопросы во многом не соответствовали интонациям, ритмам, климату души «тихой поэзии». Планета и человек, соборность человечества и лирическое «я» неотделимы друг от друга. И Лариса Васильева пишет:

Я — горячая точка Земли,
не боюсь катаклизмов Ее,—
не одни ль это силы зажгли
пламя солнца и сердце мое? (1978, с. 120)

«Тихая поэзия», не успев стать главенствующей, исчерпала себя. Она не могла стать полномасштабным поэтическим явлением, так как «работала» на ограничителе — не выше и не дальше. И, главное, она, по существу, не касалась социальных вопросов времени.

* * *

«Дни поэзии» 1979 и 1980 годов объединены одним редактором — Ларисой Васильевой, общей конструктивной мыслью — отразить действительное, а не мнимое, «обговоренное» критиками состояние поэзии, представить ее сегодняшним днем, вернуть звучание полузабытому прошлому, открыть новые, перспективные поэтические имена.

И действительно, молодые представлены широко в обеих книгах, причем книга 1980 года — органичнее, без искусственного деления на разделы «Монологи», «Прогулка по Москве», «Диалоги» («День поэзии» 1979 года), когда композиция мешала целостному восприятию.

Раздел «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» открывается циклами стихов молодых.

Руки мои взлетали в небо — а я сама?
Крепко разгадку тайны прятала та зима.
Белых следов пунктиры, тучи в глухом огне...
Жаркое сердце мира — билось дитя во мне (1980, с. 5).

Это написала Ирина Василькова, празднично почувствовав в себе самое целомудренное женское чувство — материнство. Стихи ее еще не «расслышаны» нашим читателем. Не знаю других стихов И. Васильковой, не знаю ничего, кроме этой подборки, в которой виден характер и, главное, — нетерпеливая мысль о земле. А без этой мысли стихи — с «душой, вычитанной из

книг» — превращают поэтессу, по выражению В. Брюсова, в «поэтку».

В ряду новых имен этих книг я хочу назвать и молодого поэта из Куйбышева Владимира Евсеичева: «Жизнь теплые десны разжала. И, в легкий воздух набрав, рождалась Россия, рожала хозяев для нив и дубрав» (1980, с. 6). Здесь не поиск стиля, а поиск характера, освобождение от невольно присвоенных переживаний.

Ему, разумеется, нужна самоидея, что ли, чтобы «собрать» себя вокруг нее, — иначе можно растечься на множество тематических ручейков.

Иная поэтика у Ивана Жданова:

И поезд вдоль ночи вагонную осень ведет
и мерно шумит на родном языке океана.
Предчувствием снега блуждает огней хоровод,
как бред шестеренок внутри механизма тумана (1980, с. 7).

Такие стихи убеждают, что воображение — это метафора сердца.

Из «среднего» поколения можно остановиться на цикле стихов Ю. Кузнецова — в нем уже явно обозначено состояние автора:

«Ее изначальная сила пришла не от мира сего, поэта, как бездну, раскрыла и вечною болью пронзила свободное слово его» (1980, с. 46). Это о стихии. Но в таких стихотворениях, как «Брат», намечается нечто новое для него — миф сменяется моралью.

По-новому зазвучали в этой книге стихи Бориса Примерова о родительских могилах:

Зашумит половодье,
Завершится набег,
Не сдержат за поводья
Время, ветер и снег (1980, с. 81).

И хотя прежнее образное пространство очень обужено, слово его еще сильнее подчинено стихии жизни, подробностям лирического сюжета. Он к старым темам возвращается еще раз, по второму кругу.

Интересны и статьи В. Астафьева и Ю. Нагибина о поэзии.

Глеб Горбовский в статье «По направлению к Рубцову» нашел простые и беглые штрихи, чтобы обрисовать простоту и быстротечность жизни Н. Рубцова. Т. Глушкова рассказала о Сельвинском, о том, что поэту «рано или поздно слышен зов истины» (1979, с. 170). Она создала своеобразный лирический портрет своих метаний, проверяемых мастерством учителя. Сергей Кошечкин написал о Есенине, о том, как поэт поставил свою подпись под стихотворением друга, Петра Чагина.

Так что материал многообразен. Обо всем даже вкратце сказать трудно, и я отсылаю благосклонного читателя к этим двум книгам, тем более, что их украшают стихи А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Кузмина, Л. Татьяничевой, Н. Ушакова... Но особенно читатель должен быть благодарен этим «Дням» за то, что в них были вновь открыты хорошие полузабытые имена. Марина Альперт писала в стихотворении «У могилы неизвестного солдата»: «Ведь мне, наверное, двоих судьба затем и подарила, чтоб прежних сверстников своих помертно я усыновила» (1979, с. 118). К нам снова вернулись поэтические имена Владимира Захарова, Ольги Протопоповой, Михаила Морозова...

* * *

По насыщенности поэтическим и критическим материалом, по широте охвата самых разнообразных явлений жизни, умению сочетать репортаж с размышлениями выделяется «День поэзии» 1981 года (редактор Анатолий Передреев), заставляя нас вспомнить первую книгу этого уникального издания.

С крупными циклами здесь выступили Анатолий Софронов, Константин Ваншенкин, Николай Тряпкин, Владимир Семакин, Борис Слуцкий, а Федор Сухов — с циклом стихотворений о любви «Тебе, Мария», заставившим вспомнить, что он — предшественник Н. Рубцова:

Да здравствует от века и до века
Неудержимо бьющийся родник!
И яблони свисающая ветка,
К которой я, как яблоко, приник (1981, с. 76).

В мире его стихов постоянно свершается чудо любви, воспоминания его не как у многих — «пейзаж памяти», а постоянное состояние сердца. Земля и любовь определяют и очерчивают мир его лирики. Вот кто действительно несправедливо обойден вниманием нашей критики. Для меня, например, «рубцовское» направление в поэзии выглядит так: Федор Сухов — Николай Рубцов — Алексей Прасолов. Кстати, в этом «Дне» напечатаны ранние стихи Н. Рубцова, показывающие, из чего и как складывался его лирический талант.

Просто и ненавязчиво в книге соседствуют публикации Алексея Прасолова (его письма критику И. Ростовцевой) с критическим эссе о нем; ранние стихи П. Васильева — с воспоминаниями о нем его друга, поэта С. Поделкова; статья Владимира Лакшина «Твардовский и Маршак» — с редкими фотографиями А. Твардовского и С. Маршака; эссе «Взаимное тяготение» о выдающемся ученом и поэте Александре Чижевском философа Леонида Голованова — и стихи о родной земле, об исканиях, бесконечности, которые написал Александр Чижевский:

Благословим же дальнюю звезду
И горсть своей земли печальной!
Друзья мои, я вечно к вам иду,
Как к истине первоначальной (с. 102).

Человек — всего секунда на острие вечности. Бесконечность — знак бессмертия всего сущего. Об этом теперь, на пороге третьего тысячелетия, задумывается человек. Так слышится внутреннее время стиха А. Чижевского.

И еще хочется отметить два отрывка из набросков М. Бахтина, которые открывают перед нами крупномасштабность бахтинского суждения о мире памяти: «Роль нарочитого забвения в организации образа. Борьба с памятью. Большая память по особому понимает и оценивает смерть. Эта память позволяет обойти меня самого (и мою эпоху) во времени. Самосожжение и универсализация своего «я». Все неповторимо оригинальное, открывающее, бесстрашное в образе рождается именно за счет этой памяти» (с. 78).

Мысль поэтическая подвергнута почти всегда блокаде личной памяти, тогда как подлинно великое прорывает ее, ибо не желает жить на пайке только личного опыта. Весь мир как таковой и есть Большая память.

* * *

Из последующих «Дней поэзии» следует отметить посмертные публикации стихов Н. Глазкова (1982), Владимира Державина (1983), Василия Федорова (1984).

Определенно выделяется из этих трех книг «День поэзии» 1983 года, смело представивший молодые и малоизвестные имена: В. Хатюшина, В. Жилина, Р. Дуганова, В. Гаврилина... Даже с некоторым перебором. Эта книга (редактор Ю. Кузнецов) была встречена в печати весьма критически, особенно статьей Юлии Друниной, увидевшей в ней много отрицательного. А новое, что пришло в литературу, нуждалось в подробном разговоре.

Самое необыкновенное, может быть, в сегодняшней поэзии, как бы парадоксально ни прозвучало это предположение, поэзия молодых — Валентины Мальми, Валерия Хатюшина, Людмилы Букиной, Александра Ткаченко и еще нескольких других. Редакция «Дня поэзии» 1984 года старалась их представить широко и самыми характерными стихами. Их мир — это мир подробных предчувствий, очень земное, теплое ощущение космоса, как в стихах В. Хатюшина:

Беспредельна ли тьма, бесконечен ли свет — неизвестно.

Этот хаос ночной не разведан пока что никем.

Только разум и жизнь занимают центральное место

Среди мертвых планет и безжизненных звездных систем (1984, с. 170).

Здесь уловлен нерв времени. Объем лирического обозрения мира увеличен, в чем-то даже преувеличен. В наше время звезды стали ближе, а пространство мира еще шире.

В поэзии Валентины Мальми — согласие мысли с переживанием; волевое начало стиха, заложенное в интонации, перераспределяется, сам сгусток поэтических образов создает теперь «волю» стиха:

Там вечность размышляет не спеша,
И скоро утро, и восток зайснет...
Так отчего сжимается душа,
Когда какой-то огонек погаснет? (с. 137)

Совсем иной поэтический мир — у Людмилы Букиной. Многие ее стихи — это непредсказанное путешествие лирической мысли не вдоль сюжета, а силой пережитого — вглубь создаваемого образа:

Распадается время на тусклые плоские части.
Дни любви косяком заплывают в дырявые снасти.
И уходят на волю, на горькие эти просторы,
Где спокойные люди простые ведут разговоры (с. 58).

Я здесь целиком привел ее стихотворение «Телеграмма».

Итак, поэзия в стихах молодых возвращается к своей образной сущности, мысль не обуживается высказыванием; повествовательность (а ее в нашей массовой поэзии предостаточно!) уступает место внутреннему состоянию «я» и всего мира.

Для поэтов разных поколений звучат напутственно следующие строки из переписки А. Твардовского с молодыми и начинающими авторами, опубликованные в этом же номере «Дня поэзии»: «Литература — дело трудное, суровое, она требует всей жизни человека и, в первую очередь, лучшей ее части — молодости для образования и труда...» (с. 25).

Масштабность видения мира, его текучей слиянности — в «генах» времени. В этом убеждает опыт более старших, таких поэтов, как Валентин Сидоров:

Вдыхая запах пойменного луга
И повторяя свой маршрут, мой друг,
Я не иду по замкнутому кругу,
А с новой силой разрываю круг (с. 142).

Так «вечные» темы в поэзии становятся современными, они несут в себе дух нашего космического века.

«День поэзии» 1985 года (редакторы В. Федотов и В. Цыбин) в основном посвящен 40-летию нашей Победы, приглашены в гости поэты-фронтовики, живущие в других городах страны: М. Дудин, Р. Бородулин, Н. Краснов, Б. Олейник и другие.

Крупно представлены молодые, открытые «Днем поэзии» 1984 года.

Это поэты, с именами которых можно связывать наши надежды на будущее.

Более подробно говорить о последних двух книгах как один из их редакторов не могу — пусть сам читатель судит о том, что удалось, что не удалось.

Стоило бы отдельно остановиться на взаимодействии критики и поэзии во всех тридцати выпусках. Отмечу только, что статьи А. Михайлова, Л. Анненского, И. Ростовцевой, В. Кожина помогли понять главные вопросы, стоящие перед нашей лирикой, ощутить «чувство направления» и, главное, они учат гражданственности и полноте жизни.

Итак, перед нами 30 выпусков «Дней поэзии». Книги не празднуют юбилеев, но они создают праздники, в них пульсирует сердце времени. «Дни поэзии» продолжаются, потому что поэзия — вечное свойство мира и человека.

Сергей Бобков

УЛИСС

Если б не был поэт аргонавтом,
Как наладил бы с миром он связь,
Удивительной логии автором
В годы странствия становясь?

Владимир Лазарев

ЛИЦО И ДУША КУЛЬТУРЫ

Беседу вел Сергей Субботин

...В глубинах мироздания слышу слово—
Его еще никто не смел найти,
С невыносимой маетой немого
Я вслух его хочу произнести.

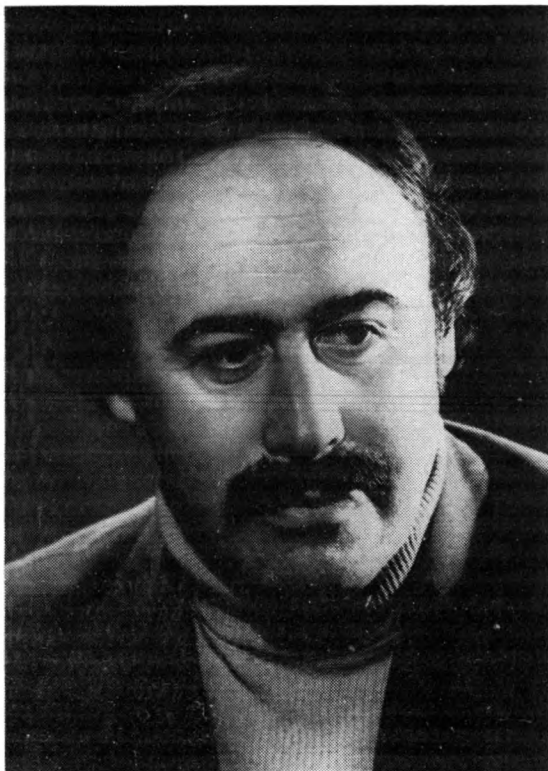
Это четверостишие Владимира Лазарева впервые было опубликовано в московском «Дне поэзии» 1962 года. Оно как бы стало камертоном творчества поэта, первый сборник которого вышел в Туле в 1956 году. Творчество молодого автора было замечено мастерами советской поэзии, в том числе Н. Асеевым и Я. Смеляковым.

Несмотря на первые удачи, В. Лазарев не спешил полностью посвятить себя литературному труду. Он работал в шахте, на строительстве доменных печей, инженером на Тульском оружейном заводе. Опыт жизни сопутствовал накоплению литературного опыта, созреванию художественного сознания, обретению творческой прочности, добротности. Не случайно имя его упоминается в фундаментальном издании «История Тульского оружейного завода» (1973)—как автора сценария театрализованного народного представления «Золотые умельцы России», которое было посвящено 250-летию знаменитого завода.

Сейчас Владимир Яковлевич известен читателям как автор нескольких сборников стихов, книг прозы «Хождение не за три моря», «Тульские истории», «Сокровенная жизнь» и др. Им опубликован ряд статей и исследований, посвященных жизни и творчеству И. Т. Посошкова, В. А. Левшина, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, И. А. Бунина, А. А. Блока, В. Ф. Булгакова, А. Ф. Лосева, И. С. Соколова-Микитова. О воссоздании пейзажного парка, заложенного А. Т. Болотовым, и дворца XVIII века в местах, где жил замечательный русский просветитель, В. Я. Лазаревым написана повесть «Возрождение в Бозородицке», а недавно по его сценарию был снят научно-публицистический фильм «Андрей Тимофеевич Болотов, или Письма из XVIII века».

Владимир Лазарев — инициатор жуковских чтений в городе Белеве и селе Мишенском — на родине великого поэта, чтений,

Владимир Лазарев

ставших теперь традиционными. Размышления о поэзии и личности В. А. Жуковского, о месте его наследия в нашей современности воплотились в книге «Уроки Василия Жуковского» (1984).

Обращение писателя к подлинным, непреходящим явлениям русской культуры прошлого неразрывно связано с его активным участием в современном литературном процессе.

Наша беседа началась с вопроса традиционного:

— Владимир Яковлевич, как запомнилось вам первоначальное знакомство с миром книг?

— Первоначальное?.. Нет, пожалуй, в моем сознании это какое-то безначальное, незапамятное, но связанное с горячим солнечным светом — радостное чувство. Точно окно для души открылось. А позднее, при более серьезном открытии мира книг, возникло сильное неослабевающее впечатление расширяющейся

Вселенной. До сих пор помню то ощущение, которое испытал, когда Валентин Федорович Булгаков, человек, знавший Льва Толстого, работавший у него, познакомил меня, тогда еще подростка, с библиотекой великого писателя в Ясной Поляне («подстерегающий случай» прочно, накрепко связал мою жизнь не только с Тулой, но и с Ясной Поляной, где в деревне, на улице Красной стоял наш дом). Это было ощущение настоящего потрясения от непостижимого разнообразия интересов Льва Толстого. Но это потрясение не было осознано как библиофильское. Нет, толстовская библиотека соединилась в моей душе с елями, тогда еще стоявшими на «Прешпекте», с тем еще не поврежденным, не утраченным ландшафтом толстовской усадьбы (позже я понял, что проза Толстого — не гладкописная, а как бы — с холмами, пересечениями, зарослями — похожа на природу Ясной Поляны).

И сейчас яснополянская библиотека Толстого для меня часть не только его дома, но и мира вне дома.

— Хотелось бы на этом несколько подробнее остановиться, ибо я неоднократно слышал от вас о тесной взаимосвязи мира, сотворенного человеком, и — книги как целостного явления культуры.

— Да, меня это очень интересует. И названная проблема, судя по всему, входит составной частью в такое понятие, как философия книги. В самом деле, книга — библиотека — градостроительство... Живая, неразрывная, гибкая связь, на мой взгляд, здесь естественна. Книга — как целостное культурное явление дает свой импульс и творческой мысли градостроителя. Мне кажется, это осознавалось еще во времена Античности, Средневековья, Возрождения... Книга как живой организм ощущается в очертаниях некоторых старинных площадей, улиц, переулков. Душа это тонко улавливает. Вообще, мне думается, что в некоторых городах есть уголки (где расположены библиотеки), которые, при переменах в застройке или при возведении новых зданий, как бы диктуют архитектуру, какие именно изменения, новшества уместны, а какие нет. Таковы некоторые районы старой Москвы с ее книжными лавками и библиотеками. Таковы Лейпциг, Дрезден, где удивительно сочетается весь архитектурный ландшафт с городской библиотекой, библиотекой университета, старыми букинистами у стен близлежащих зданий... Такое сочетание можно наблюдать и в малых городах, например в старинном Белеве, уездная библиотека в котором была открыта более 120 лет назад. И конечно, вспоминаются и Ленинград, и города Прибалтики... Примечательное событие состоялось не так давно в Научной библиотеке Тартуского университета: книга, пополнившая ее фонды, оказалась четырех-

миллионной. Сам акт записи был торжественно отмечен: книгу записали в каталог гусиным пером... Были зажжены свечи. Звучала музыка Вивальди. Ритуал в данном случае немаловажен и вызывает уважение к библиотеке, к самому духу университетских знаний, книжной культуры. В моем представлении, например, бесценные богатства древних книгохранилищ как бы диктуют колонную стройность библиотечных зданий, просторность залов, светлых, исполненных духом уединения. А такие здания подсказывают соответствующую организацию пространства вокруг себя: многоступенчатые каменные лестницы, скверы, удобные скамьи под тенистыми деревьями, фонтаны... Разве красота, исполненная мудрости, не помогает нам жить? Градостроитель должен учитывать живое присутствие книги и библиотеки в нашей жизни, чтобы своими архитектурными решениями поддерживать, обрамлять и охранять его, создавая тем самым микроклимат, который влиял бы на психологический настрой жизни человека в городе. Библиофильская утопия?.. Ничуть!

— Да, ваши размышления не назовешь чисто библиофильскими. И все же, когда, повзрослев, вы познакомились с рукописным булгаковским описанием яснополянской библиотеки, о чем думалось вам тогда?

— У Льва Толстого, так же как и у Андрея Болотова, Василия Левшина, не было сухой книжности в жизни — вот что привлекает в них. И более всего близко мне то органичное соединение ощущения земли, почвы с колоссальной книжной культурой, которое свойственно этим людям (скажем, библиотека Болотова была для его времени одной из крупнейших частных библиотек). Все они занимались издательской деятельностью: вспомним журналы Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин» — сельскохозяйственную энциклопедию своего времени. А Яснополянский педагогический журнал Льва Толстого, его «Круг чтения» и издательство «Посредник», про книги которого Александр Блок писал: «...не во всех магазинах можно найти издания «Посредник». А между тем в них можно найти немало, часто больше, чем в иных и очень толстых книгах и журналах. Можно прочесть факты очень незатейливо и сами за себя говорящие...» Так же многообразны библиотеки Толстого и Болотова.

— И другое важное качество этих библиотек — их рабочая активность, действенная энергия. Но такой же активной была, по воспоминаниям очевидцев, и библиотека М. Горького?

— Безусловно. Эти библиотеки работали (да и до сих пор работают) все целиком. Многие современные исследователи, изучая книги этих библиотек, книги и рукописи их владельцев,

в итоге приходят к глубокому постижению творчества писателей. Особенно мне хочется сказать о людях, работающих с писательскими рукописями,— исследователях-текстологах, которые стремятся вернуть нас, читателей, к первоначальному восприятию творений великих мастеров слова.

Один из подлинных и крупнейших, на мой взгляд, современных истолкователей творчества Льва Толстого была Эвелина Ефимовна Зайденшнур. В своих исследованиях она не умозрительна, ибо все ее изыскания соединены с текстологией, с исправлением многочисленных ошибок, накопленных в печатных изданиях.

И в результате — звучит первоначальный голос Льва Толстого!

— *По сути, в текстологической работе очень много от работы реставрационной...*

— Да, это особого рода реставрация. Но сейчас я хочу рассказать об одной житейской истории, в которую оказалась вплетенной такая, казалось бы, сугубо академическая текстологическая работа Эвелины Ефимовны.

В Ясной Поляне живет Мария Константиновна Михеева (Орехова), сестра которой стала женой домашнего врача Льва Толстого — Душана Петровича Маковицкого. Еще в юном возрасте Орехова помогала доктору Маковицкому в его амбулатории для крестьян. Изба, где была лечебница, сохранилась, но не сохранились документы об этой помощи, и когда пришла пора преклонного возраста, оказалось, что у Марии Константиновны не хватает стажа для назначения соответствующей пенсии. Получала она небольшую сумму, половинную от пенсионной суммы покойного мужа. Тогда я посоветовался с Э. Е. Зайденшнур, которая как раз проводила текстологическую подготовку знаменитых «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого к изданию. Эвелина Ефимовна, после тщательного прочтения рукописи, обнаружила там свидетельство о работе девочки-подростка, помогавшей Д. П. Маковицкому, сделала выписку из рукописи, которая и стала официальной справкой Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Она была передана тогдашнему директору музея «Ясная Поляна» С. Г. Бунину, что сыграло свою роль в увеличении М. К. Ореховой размера пенсии.

Все взаимосвязано — и текстологическая научная работа, и дела житейские... И как это было бы понятно Толстому!..

Один из исследователей творчества великого писателя как-то сказал о его рукописях: «А я их не смотрел — мне они не нужны». Вот этого я не приемлю! Такое отношение к рукописям — признак отсутствия филологической культуры.

— *Эти решительные слова живо напомнили мне ваши публичные выступления в самых разнообразных аудиториях —*

будь то толстовские вечера в Центральном Доме литераторов или встречи в Белеве с земляками В. А. Жуковского, или московские библиофильские собрания, посвященные таким вершинам русской словесности, как А. А. Блок, Н. А. Клюев, М. И. Цветаева, В. В. Вересаев, и «Литературные среды», проходящие в московской библиотеке имени В. А. Жуковского... Но считаете ли вы достаточным ограничиваться лишь словесными высказываниями?

— Слово памяти непременно должно претвориться в поступки, в дела... Так возник школьный музей В. А. Жуковского на его родине — в селе Мишенском под Белевом. Так было и в Туле после вечера памяти талантливого русского писателя Николая Васильевича Успенского (состоявшего в родстве с другим большим писателем — Глебом Ивановичем Успенским) — в здании, где прежде учился Николай Успенский и где теперь находится школа-интернат, педагоги и школьники создают музей Николая и Глеба Успенских. К слову сказать, много ценных сведений о Н. В. Успенском собрали учителя и школьники села Любаново Ефремовского района Тульской области, создавшие школьный краеведческий музей. В деревнях Русятино и Дворяниново создается экспозиция сельского музея А. Т. Болотова. Бесспорно, необходимой мерой явилось бы установление памятников А. Т. Болотову в Туле и Богородицке; наименование одной из улиц Тулы его именем состоялось. Но хотелось бы, чтобы агрономические изыскания Болотова были претворены в жизнь, потому что они плодотворны и по сей день. Надо бы под открытым небом создать действенный экспериментальный центр — своеобразное опытное хозяйство имени Болотова. Это вполне можно было бы сделать с помощью ученых и студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии и МГУ, с помощью ВАСХНИЛ.

Иной раз возникает лишь «на языке» заботливое отношение к памятникам культуры: чуткие на новые веяния «дети коллажа» пытаются использовать общественные устремления исключительно в целях личной популярности. Начинаются игры в духовность. Культура же — растение многовековое и требует от человека самоотверженности. Вызывает, например, восхищение, с каким тщанием собирает музей Болотова на его родине сельский учитель, инвалид Великой Отечественной войны Александр Иванович Трошин, как настойчиво служат восстановлению мемориальных мест, связанных с именем Жуковского в Белеве и в селе Мишенском краеведы Н. Д. Жилиев, А. М. Куртенков, учителя А. В. Власова, С. М. Сазонова и другие. Когда в мишенской школе возник сельский музей Жуковского, московские поэты послали в дар музею сотни книг... Книга связана со своей почвой

больше, чем иной раз кажется: подлинно прекрасная книга, стремясь в небо, растет из почвы, как дерево. Эта взаимосвязь благодатна. Для того чтобы воссоздать старинную усадьбу в Мишенском, нужно произвести многократные лесопосадки... А как это сделать? Родилась идея организовать школьное лесничество. Мне в этом деле большим помощником был московский фотохудожник В. М. Табольский, человек, можно сказать, прикипевший к этим местам. Горячо отозвалась на эту мысль белевская учительница Светлана Митрофановна Сазонова. И вот в школе № 4, где она работает, такое лесничество возникло. В этом деле большую помощь оказали директор белевского лесного хозяйства Александр Андреевич Андреев и главный лесничий Николай Афиногенович Дорников. Учителя и школьники несколько раз производили лесопосадки строго по сохранившемуся плану старинной усадьбы. Кстати сказать, ждут врачевания многие старые деревья Оптиной пустыни, что неподалеку от тех мест.

Так что это дело — не одного человека, а многих человеческих судеб, соборное дело.

— *Вы много занимались Болотовым, писали о нем, в том числе и в «Альманахе библиофила». Считаете ли вы, что эта тема в известной мере разработана?*

— Ни в коем разе! Многие работы Болотова вообще не увидели света, не говоря уже о том, что даже опубликованные его сочинения настоятельно требуют переиздания. Мечтаю, чтобы в наше время увидел свет важнейший исторический источник, характеризующий русскую провинцию в 1812 году, — я имею в виду болотовский «Домашний исторический журнал».

— *Вот, кажется, мы и подошли вплотную к вашим библиофильским интересам...*

— В мире библиофилии столько еще неоткрытых уголков... Даже в писательской библиотеке Центрального Дома литераторов, библиотеке, казалось бы, изученной-переизученной, работая в философском отделе, я обнаружил книги с автографами и пометами авторов, очевидно, пришедшие когда-то в ЦДЛ из их личных библиотек. На мой взгляд, имеет прямой смысл сделать научно-библиографическое описание этих книг и, быть может, издать их каталог.

— *Живой интерес к философии постоянно ощущается в ваших стихах последних лет (памятны такие стихотворения из книги «Брат милосердия», как «Пейзаж с зажженной лампой», «Домик Томаса Манна на фоне XX века», «Всемирность — это не исход...»)*

— Мне показалось, в интонации ваших слов есть некий оттенок удивления?.. Да, у некоторых литераторов сложилось

мнение, что поэт не обязательно должен обременять себя грузом знаний.

Вспомним пушкинскую любовь к библиографии, скрупулезность в подготовке к тому или иному переводу, которая отличала Жуковского. А его поразительное трудолюбие в познании философии, внимательное отношение к историографии, оригинальные педагогические разработки! (Все это подтверждают недавно вышедшие в Томске книги — библиографическое описание библиотеки Жуковского, тщательно исполненное В. В. Лобановым, и два тома коллективных исследований книг этой библиотеки, проведенных учеными-филологами Томска Ф. З. Кануновой, А. С. Янушкевичем и др.)

Но наши великие поэты были не только широко образованными людьми. Они никогда не гнушались многодневной черновой филологической работой, считали ее не только необходимым элементом творческой жизни, но и главным средством освоения новых, все более высоких уровней филологической культуры.

Словом, крупнейшие русские поэты были, как правило, крупнейшими деятелями отечественной культуры. И не худо нам всем обратить на это самое серьезное внимание. Высокие творения рождаются именно на базе высокой культуры — вспомним Гёте, Шиллера, Жуковского, Одоевского, Стендаля, Достоевского, Льва Толстого, Томаса Манна.

Совсем не просто освоить эти творения. Лишь постоянная работа самого человека в постижении подлинных культурных ценностей, накопление им потенциала истинной духовной культуры могут прояснить внутреннее зрение. И тут вспоминается совет Василия Жуковского в одном из его писем к молодому Ивану Киреевскому... Если помните, в московском сборнике «День поэзии» 1983 года мы вместе с сотрудницей ЦГАЛИ М. И. Крыловой опубликовали три ранее не печатавшихся письма Жуковского к Киреевскому. В письме, подготовленном нами к печати, и содержится как раз совет Василия Андреевича по поводу необходимости получения молодым литератором разнообразного и глубокого образования. В частности, великий поэт пишет: «...Ты терял свою молодость в московском свете. Всякий так называемый большой свет есть жалкая сцена для деятельности ума и души, а московский большой свет и подавно. Ты попал в сословие архивных дэнди и пропал для той прекрасной деятельности, для которой создала тебя прекрасная природа, к тебе особенно добрая. Я не много читал *твоего*, одну только статью, но по ней готов уверять, что ты мог бы сделаться писателем заметным и полезным для отечества. Но тебе недостает классических знаний... Если говорить, талант зреет в уединении, а характер — в обществе, в том обществе, которое ты для

себя выбрал, характер не созреет (ибо нет способов ни меняться мнениями, ни действовать перед зловещими судиями), а уединения ты сам себя лишил самым бедственным образом... Теперь совет. Я на твоём месте (прежде путешествия, которое должно дополнить занятия кабинетные) прежде выбрал бы года два постоянного пребывания в таком месте, где можно солидно выучиться, и не в Париже, а в Германии, и в Германии предпочтительно в Берлине... Там найдешь все. Университет отличный, без всех недостатков университетской жизни. Общество без noneшней примешки рассеянности; все способы познакомиться с изящными искусствами и, наконец, самый отборный круг людей ученых... Париж полезен только для вооруженных знаниями и мыслями. Для образования он слишком блистателен. Публичные лекции в Париже более роскошь, нежели солидное наставление. Париж — прекрасно после Берлина... Употреби года два на жизнь университетскую, потом — года два на путешествия, особенно на Францию, Англию, Швейцарию и Италию. В конце четвертого года будет готова и Греция. Возвратись через Южную Россию, на которую также употреби год.

В течение этого времени пиши для себя по-русски, ломай язык и создай чистый, простой, ясный язык для своих мыслей, со всем этим возвратись и пиши. Обещаю тебе, что будешь хорошим писателем...» (ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. 71).

Скажем так: серьезное, многозначительное письмо, связанное, разумеется, со всеми координатами своего времени. Полагаю, счастьем для Ивана Васильевича было иметь наставником такого человека, как Жуковский. И сочетание глубоких знаний, одухотворенности с практической деятельностью у братьев Киреевских — было продолжением жуковских традиций. Вообще практическая деятельность всегда была очень важным звеном в творческой жизни русских литераторов. Сошлюсь как на пример на результаты обобщающего исследования Е. А. Дудзинской, изложенные в ее монографии «Славянофилы в общественной борьбе», выпущенной в 1983 году издательством «Мысль». В ней убедительно показано, что основательность мышления многих славянофилов связана с их практической (хозяйственной и общественной) деятельностью в тех или иных комитетах, комиссиях и т. п.

Именно такая многогранная практическая деятельность славянофилов отличала их — и это доказано в книге Е. А. Дудзинской — от апологетов так называемой «официальной народности», насаждавшейся царским правительством.

— В конце 1984 года «Литературная газета» опубликовала вашу статью «Трава забвения?.. Нет, свет памяти!» — заметки об охране некрополей и других мемориальных мест.

— Да, это одна из важнейших проблем нашей культурной жизни. Статья получила широкий отклик, и сейчас предпринимаются конкретные меры по реализации на деле тех предложений, которые в ней высказаны.

— В вашей статье есть строки: «Существует не всегда улавливаемая нами — иногда отчетливо проявляющаяся, иногда невидимая — стихия памяти в народном характере, в народной жизни». Каким образом, по-вашему, может обнаруживаться стихия памяти в таком явлении жизни, как взаимоотношение человека и книги?

— Прежде всего, наверное, в глубинном (а не поверхностном) устойчивом интересе к подлинно прекрасным, правдивым, непреходящим произведениям. Да, да — поверхностный интерес может быть и быстроменяющимся, подчас ложным, но глубокий... Тут, как мне кажется, внутреннее народное зрение безошибочно в своем выборе. Недаром с такой трепетной бережностью передают иногда из поколения в поколение какую-нибудь заветную книгу. Ибо, как сказал один мудрец: «Писаний много, но не на все истина суть». С другой стороны, нельзя не учитывать и другое явление — широкий современный читатель. Мне кажется, что переоценивать читателя — «широкого, современного» — не следует.

Книжный бум — явление неоднородное, вселяющее в иные головы неоправданный оптимизм. Он, этот книжный бум, и воспитание, создание нового читателя — вещи различного толка. Удручают факты, когда в результате массовой добычи какой-нибудь «Королевы Марго» на фабрике по переработке макулатуры оказываются сочинения Пушкина и Чехова, «Тихий Дон» Шолохова, «Воспоминания и размышления» маршала Жукова... (Об этом сообщила «Комсомольская правда» 17 марта 1985 года в печальном репортаже из Раховской картонной фабрики, что в Закарпатье.) Мокрые, смерзшиеся книги рубят топором. Да, «человек с топором в руках» — символ, неподходящий для образа библиофила. По моим, возможно, ошибочным, представлениям, этически и эстетически образованного, подлинно культурного читателя современная литература еще далеко не воспитала. Моему сердцу ближе всего и писатели и библиофилы открытого общественного интереса и темперамента, а не коллекционеры «нарциссического» толка. Не скупой рыцарь — а «рыцарь бедный», бескорыстный, с открытым сердцем... Обожаю тип самоотверженного библиофила.

— Сколь часто, по вашему мнению, встречается именно такой тип библиофила?

— Исходя из собственного опыта могу назвать хотя бы московского литератора И. А. Мазнина, который подарил много

Книги с дарственными надписями В. Ф. Булгакова и Д. С. Лихачева из библиотеки В. Лазарева

книг с автографами школьному музею В. А. Жуковского в селе Мишенском, или А. М. Алиева, всегда чутко относящегося к интересам товарищей по писательскому цеху, отдающего из библиотеки то, что, по его представлению, другому нужнее. Памятен мне случай, когда В. В. Кожин, зная о моих многолетних «болотовских» пристрастиях, легко снял с книжной полки и подарил мне «Памятник претекших времьям, или Краткие исторические записки о бывших происшестввиях и о носившихся в народе слухах» А. Т. Болотова (М., 1875)... Но особый феномен в этом смысле представляет старейший мурманский библиофил Николай Петрович Трунин. Будучи в Мурманске, я познакомился с ним. Многие годы этот человек одаривает знакомых и незнакомых людей книгами из своей библиотеки. И поэтому библиотека его — живая, подвижная... Трунинская страсть дарить по силе своей равна собирательской страсти (это ведь тоже достойный предмет для изучения в круге проблем философии библиофильства). Вот и недавно пришли ко мне вместе с книгами тепло и привет из Заполярья... Я даже стихи написал по

этому случаю: «Бедный рыцарь Книгодар»: Слово-то какое, *Книгодар*,—крепкое, звучное, редкое! Хотите, прочитаю?

Притягательно приятен,
 Словно в стужу скрытый жар,—
 Он не просто собиратель,
 Книголюб... Он — Книгодар.
 Книгодар — мерцает имя,—
 Рассыпает свет алмаз—
 Сокровеньями своими
 Он одаривает нас.

— Но, разумеется, не каждый вызывающий уважение библиофил — *Книгодар*...

— Разумеется. Я всегда с большим уважением относился и отношусь к подлинным библиофилам. Среди них были и есть редкие люди и по своей высокой культуре, и по своим человеческим качествам. Это ушедшие от нас А. И. Маркушевич,

А. А. Сидоров, В. Г. Лидин, и ныне здравствующий старейшина московских книжников М. И. Чуванов, не говоря уже о других активно работающих собирателях книг, о моих коллегах и товарищах по редакционному совету «Альманаха библиофила»... Хочется хотя бы несколько добрых слов сказать об А. В. Храбровицком, известном исследователе жизни и творчества В. Г. Короленко, краеведе и библиографе, который очень много делает, сообщая коллегам-литераторам, в том числе и мне, ценные библиографические сведения... Хворая и не выходя уже несколько лет из дому, Александр Вениаминович продолжает жить творчески напряженной жизнью. Зная об интересах ученого или писателя, он неизменно звонит по телефону и сообщает те подчас ускользающие из их внимания факты, которые могут пригодиться в работе. Некоторые таким образом связанные с Храбровицким люди никогда его и в лицо не видели... Очень радует такое чистое служение литературе, науке; отрадно, что среди библиофилов есть такие бескорыстные люди. Тут география самая широкая. Я это знаю, потому что состою в дружеской и деловой переписке с библиофилами из других городов страны. Очень ценю дельные письма Е. Д. Петряева, всеми уважаемого библиофила из Кирова. Когда в 1982 году газета «Книжное обозрение» опубликовала наш диалог с литературоведом и критиком В. В. Кожинным «О культуре подлинной и мнимой», мне было очень приятно получить от О. Г. Ласунского из Воронежа книгу, которую он подготовил и издал в своем родном городе. Это — сборник известной в свое время писательницы В. И. Дмитриевой «Повести и рассказы» (мы все читали ее хрестоматийный рассказ «Малыш и Жучка», но вряд ли помним фамилию его автора). В своей дарственной надписи О. Г. Ласунский пишет о В. И. Дмитриевой: «Не слишком ли мы расточительны, забывая такие дарования?!» Хранится в моей библиотеке и другая книга, присланная Ласунским, — переизданный и прокомментированный им «Дневник семинариста» Ивана Саввича Никитина. Мне кажется, что и никитинская проза, в отличие, скажем, от «Очерков бурсы» Помяловского, в достаточной степени все-таки недооценена. Вообще, надо с благодарностью отметить библиофильскую, библиографическую и издательскую деятельность Олега Григорьевича как весьма примечательное явление в нашей культурной жизни.

— *Коль скоро зашел разговор о книгах подаренных, что бы вы могли сказать об автографах и дарственных надписях на книгах в вашей библиотеке?*

— Ну, это большая тема, она требует отдельного обстоятельного разговора. Коротко скажу — автографы на книгах в моей библиотеке, как правило, связаны с жизненными сюжетами,

поэтому весьма дороги для меня. Вот, скажем, каталог «Славянские книги кирилловской печати XVI—XVIII веков», изданный в Томске, присланный мне его составителем Василием Васильевичем Лобановым, библиотекарем-подвижником. Этот дарственный автограф связан с моими занятиями Жуковским. Лобанов в полном объеме выявил и описал библиотеку поэта, хранящуюся в Томском университете.

— А вот я вижу книги с автографами Алексея Федоровича Лосева, которого, как мне известно, связывают с вами долгие, добрые отношения. Фундаментальные тома, а рядом сравнительно небольшая книжка, посвященная Владимиру Соловьеву, подаренная вам с надписью: «...с благодарностью за проникновенную отзывчивость. 1/1-84 г. А. Лосев». Это уже после публикации вашей беседы на страницах «Альманаха библиофила»?

— После. И после статьи «Подвиг профессора Лосева» на страницах «Литературной России». Алексей Федорович — выдающийся современный филолог и философ, крупнейший интерпретатор античной эстетики, человек необычайного творческого долголетия. А вот посмотрите переиздания повестей А. Ф. Вельтмана, подаренные составителем, безвременно ушедшим от нас Юрием Модестовичем Акутиным, талантливым библиофилом-исследователем, человеком романтического умонстроения.

— Много поэтических сборников. Книги, подаренные Н. Н. Асеевым, Я. В. Смеляковым, В. В. Казиным, С. П. Щипачевым, А. А. Коваленковым, Я. З. Шведовым, поэтами военного и вашего поколений. Сборник стихов и дневниковых записей С. Чекмарева, надписанный составителем Ст. Ильичевой. Книги с автографами замечательных ученых Д. Д. Благого, М. В. Алпатова, Д. С. Лихачева, прозаиков В. П. Астафьева, В. Г. Распутина, Ан. С. Ткаченко, литературоведов М. П. Лобанова, И. И. Ростовцевой... «Воспоминания» А. И. Цветаевой...

— Все это далеко не случайные автографы и далеко не случайные книги в моей библиотеке. Николай Николаевич Асеев в своей надписи остроумно связал поэтическое призвание с традициями тульского умельца Левши! Отсюда ниточка далеко тянется, автографы ведь не только на книгах бывают. Вот видите — молоточек, инструмент, с которым не растает гравёр. Это подарок известного оружейного мастера (мне больше нравится старое название — ружейный мастер) Геннадия Куракова. На зеркально отполированной металлической поверхности нанесен своеобразный орнамент и сделана микроскопическими буквами — без увеличительного стекла не разобрать — напутственная надпись. Такой автограф сам по себе — подлинное, самоценное искусство. Берегу этот драгоценный молоточек. А получил я его

после написания «Писем с Растеряевой улицы» и «Тульских историй». Потом тот же мастер выгравировал на металлической пластинке строки моей песни о Поле Куликовом и подарил ее в музей Куликовской битвы. Видите, как все взаимосвязано. Живя в тульском крае, я много раз бывал на Поле Куликовом. Ездил туда, ходил пешком. Столько незабываемых встреч подарили эти путешествия. Постепенно вызревала поэма, написанная по мотивам «Задонщины». И люди встречались замечательные. Причем одинаково важны и неповторимы в таких случаях встречи как со знаменитыми людьми, так и с безвестными. Радует то открытие, с которыми говорят друг с другом люди. Это и есть движение и передача памяти самим биением жизни. Все это я остро ощущал, когда встречался в Богородицке с художником П. А. Кобяковым, в Дворянинове и Русятине с сельским учителем А. И. Трошиным, в Ефремове, в бунинских местах — с библиотекарем Д. С. Поваляевым, в Белёве и Мишенском с краеведами Н. Д. Жилиевым, А. М. Куртеновым, журналистом В. Я. Грековым, учительницей С. М. Сазоновой, на Куликовом Поле — с летчиком-космонавтом В. И. Севастьяновым... Трудно от всего этого отделить автографы на книгах, проникновенные письма, собственные писания. Все связано общей жизнью, общим делом. Общее дело-то как раз и дарит самое неожиданное, незабываемое. Из реальной работы с тульскими подростками в 60-х годах выросла наша с Евг. Волковым повесть для юношества «Мальчишкам снятся бригантины». Предисловие к ней совершенно неожиданно для нас написал первый летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Вот вам история еще одного автографа, который теперь хранится в музее издательства «Молодая гвардия». Или во время работы над поэмой «Одиссея испанского мальчика» судьба свела меня с многими замечательными людьми. Прославленный кинооператор Роман Кармен подарил несколько своих книг, а также — «Испанский дневник» Мих. Кольцова, надписав на титульном листе, что фотографии в этой книге принадлежат ему, Кармену, хотя издательство забыло отметить сей факт... Несколько позже мне посчастливилось встретиться с легендарной дочерью испанского народа Долорес Ибаррури, и она во время рассказа о сыне неожиданно тоненьким нежным голоском, прикрыв глаза, вся преобразившись, стала напевать народные испанские песни, те самые, которые напевала сыну в детстве... Можно ли такое забыть!..

— *Разговор об автографах в самом деле может быть безграничным. Какова последняя по времени книга с автографом, появившаяся в вашей библиотеке?*

— Последняя?.. Как раз в эти дни почтальон принес бандероль: книгу стихотворений и поэм А. Т. Твардовского — от ее

составителя Марии Илларионовны Твардовской. Я был несказанно обрадован. Мария Илларионовна не только жена и достойный товарищ, соратник великого поэта, но и вдумчивый исследователь, библиограф, истолкователь его творчества, литератор строго вкуса и характера...

— *Заканчивая эту тему, нельзя все-таки не сказать хоть немного о хранящемся у вас экземпляре московского сборника «День поэзии» 1981 года, составителем которого вы были. Вижу, это уникальный экземпляр — ибо в нем собраны автографы подавляющего большинства участников сборника — поэтов, критиков, литературоведов, ученых, художников...*

— Да, своего рода — остановленное мгновение. Память об общем, весьма трудоемком деле. Что и говорить, этот уникальный экземпляр весьма дорог для меня! Многочисленные автографы естественно сочетаются с факсимильно воспроизведенными рисунками поэтов разных времен, с рукописными текстами.

— *Да, если говорить о таком деле, как составление, то вы обращались к нему, как я знаю, неоднократно...*

— ...Следуя таким образцам, как составленное В. А. Жуковским «Собрание русских стихотворений...» Тома этого собрания с предисловием составителя вышли в Москве в 1810—1811 годах. Образец высокий.

— *Вами составлены поэтические антологии «Невыдуманные поэмы» (три тома), «Колокола веков» (русская историческая поэзия). Интереснейшая панорама крестьянской поэзии развернута в антологии «Поэзия российских деревень»... Кроме того, вы осуществляли общую редакцию такой не имевшей аналогов книги, как «Стихи о музыке» (русские, советские и зарубежные поэты). По вашей инициативе стало выходить примечательное издание «День песни», редактором-составителем которого вы являетесь. Четыре выпуска уже увидели свет...*

(Обращение Вл. Лазарева к музыкальным проблемам не случайно. Напомним читателю, что на его стихи написано несколько ораторий, вокально-хоровых циклов, а также романсы и песни, получившие широкую известность. Среди них: «Как не любить мне эту землю», «Березы», «Мой белый город», «Ночной разговор», «Мне приснился шум дождя», «Не остуди свое сердце, сынок», «Соловьи Хатыни», «Шум берез слышу...».)

Часто ли, Владимир Яковлевич, пересекаются ваши библиофильские устремления и ваши составительские интересы?

— Часто ли?.. Постоянно. Случаются даже при этом удивительные стечения обстоятельств. Так, однажды тамбовский краевед и журналист Василий Кириллович Степанов показал мне первое издание нот знаменитого марша В. И. Агапкина «Проща-

ние славянки». Во мне—при взгляде на старинное издание нот—возникло непреодолимое желание словами выразить неуловимо-тревожное настроение с детства знакомой музыки. Так появились эти стихи—«Прощание славянки»:

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза—
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.
Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков.
И зовет нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков.
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости-прощай, прости-прощай...

Во время празднования столетия со дня рождения Василия Ивановича Агапкина эта песня прозвучала в исполнении преподавателей и учащихся Тамбовского музыкального училища у дома, где когда-то жил композитор, в торжественные минуты открытия мемориальной доски, ему посвященной. Полностью новые слова марша опубликованы в книге В. К. Степанова «Неувядаемый марш» (Воронеж, 1984) и в четвертом выпуске сборника «День песни».

— Так что, можно сказать, библиофильство в данном случае благотворно повлияло на поэзию...

— При составительской работе, достаточно трудоемкой, библиофильские интересы всегда приходят на помощь, в частности, при подготовке сборников «День песни». Это издание объединяет разных деятелей отечественной культуры, болеющих за будущее нашей песни. На страницах сборника читатель найдет высказывания таких деятелей современного музыкального искусства, как Дмитрий Шостакович, Густав Эрнесакс, Евгений Светланов... Мы обнародовали ряд материалов, связанных с музыкальным фольклором и с активным обращением композиторов нашего века к этой неиссякаемой сокровищнице народного искусства. И конечно, стараемся публиковать те современные песни и вокальные произведения, в которых существует неотъемлемое, органичное слияние мелодии и слова—качеств, начисто, на мой взгляд, утраченных сейчас в песне «массового поточного производства»—в так называемых сезонных шлягерах.

— Помнится, еще в начале 60-х годов страстно боролся с проникновением пошлости и бездуховности в песню М. В. Исаковский. В 70-е годы эта проблема вновь обострилась. В это время вы опубликовали принципиальную нелицеприятную статью «Достоинство песни» (журнал «Наш современник»,

1979, № 7), пафос которой был направлен против насаждения и массового распространения низкопробной песенной халтуры — халтуры и в музыкальном, и в литературном плане. Затем журнал «Литературная учеба» (1982, № 5) помещает вашу статью «Песня в поэзии и за ее кругом». Тем же вопросам посвящены ваши статьи в газетах «Известия», «Литературная Россия», журнале «Смена»...

Открытого, смелого, пронизательного слова, высвечивающего существо проблемы, что бы там ни говорили, побаиваются все-таки «ловкие поставщики ходкого музыкального товара». Но эти, по вашему выражению, «деятели песенной индустрии» продолжают усердно «трудиться», развращая вкус слушателя, особенно молодого...

— Конечно, ни одна, ни две, ни даже десятки статей сами по себе не смогут загнать в сосуд выпущенного из него джина. Это процесс всемирный (а не только наш внутренний), причем носящий эпидемический характер. Но противостоять этой стихии — необходимо, духовно необходимо... Проблема эта имеет свою давнюю историю, она не принадлежит, как иным кажется, второй половине XX века. В моих руках книга «Избранные статьи» немецкого композитора Рихарда Вагнера, изданная в Москве в 1935 году. Он, чье творчество столь много значило для ряда выдающихся деятелей русской культуры — поэтов, философов, музыкантов, — еще в сороковых годах прошлого столетия, будучи молодым человеком, страстно выступал против разлагающего духа развлекательной индустрии. Весьма характерна в этом смысле статья «Парижские увеселения», где Вагнер нарисовал яркий сатирический образ одного из жрецов такого увеселительного искусства. Гибкий, улавливающий все запросы, служащий любым вкусам, сей жрец оказывается ловким дельцом.

Вот вам, пожалуйста, — обжигающий огонь, добытый из давней статьи, из старой книги...

— Понятно, библиофильство не обязательно носит мемориально-академический оттенок...

— Характер библиофильских устремлений всегда похож на характер самого библиофила... Но вернемся к затронутой проблеме. Тем, кто причастен к созданию так называемых массовых песен, очень важно сейчас устоять под напором наглого потребительства не поддаться искусству песенной индустрии. Однако подчас даже известные авторы — мастера этого жанра — поддаются такому искусству, вот что печально... Что может реально противостоять песенной индустрии? — Подлинное искусство. Причем здоровое ядро этого возрождения, на мой взгляд, лежит даже не в сфере современной массовой песни (хотя создание талантливых, безупречных со стороны вкуса песен играет свою немалую

роль), а за ее пределами, в глубине той музыки, которую пишет, к примеру, Георгий Свиридов, в принципиально новой системе музыкального воспитания, охватывающей и общеобразовательные школы. В этом смысле требуется серьезная, глубокая вспашка молодого поля, проработка почвы, счастливый сев...

— Приятно увидеть в вашей библиотеке коллективную «Книгу о Свиридове»...

— Да, эта книга представляется мне принципиально важной. С ее страниц встает облик музыканта и человека, для которого главная дума и дело его жизни святы, и, очевидно, поэтому творчество его неразменно. Свиридов, как правило, обращается к классическим образцам поэзии, и при этом многие его произведения — волнующе современны. Создается особый, свиридовский стиль освоения поэтической классики. В книге, о которой идет речь, зримо прочерчена линия творческой судьбы композитора — путь настоящего воителя за сохранение и развитие национальных музыкальных традиций, путь их продолжения в вокальных жанрах, в том числе в романсе и в песне...

Хочется вот еще что отметить: судя по статьям и выступлениям самого Георгия Васильевича, по его письмам, — я, например, бережно храню не только пластинки, подаренные композитором, но и его письма, замечательные своим содержанием, — мы имеем дело не только с крупнейшим русским композитором нашего времени, но и с человеком высокого ума и высокой культуры... И — простодушного, незащищенного сердца. Его музыка, его пронизательные оценки тех или иных явлений музыкальной жизни пронизаны историческим оптимизмом, свойственным многим выдающимся деятелям и подвижникам отечественной культуры. Вспомним, что столь непохожие друг на друга два гениальных художника Лев Толстой и Федор Достоевский сходятся именно в точке исторического оптимизма, связанного с верой в духовное развитие своего народа. Но выдержать повседневное духовное напряжение традиции, связанной с таким мироощущением, не просто. Эта традиция требует от человека некой пожизненной страды. И календарь художника в чем-то, наверное, схож с крестьянским календарем. Тут, по моему, нельзя пренебрегать никакой кропотливой черновой работой, которая стороннему наблюдателю может показаться необязательной, мелкой. Мне, например, как и ряду других товарищей, не приходится наступать «на горло собственной песне», чтобы, скажем, составить и выпустить в издательстве «Планета» комплекты открыток «В. А. Жуковский», «И. А. Бунин» или для серии «Русская поэзия XVII—XX веков» подготовить пластинку, посвященную творчеству В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова... Да, это требует от человека немалых затрат времени. Но и приносит

удовлетворение в ходе самой работы и радость, когда составленное выходит в свет, оказывается в руках читателей и слушателей. На мой взгляд, это действенная форма просвещения... Следование культурным традициям рождает особую ответственность в душе каждого, идущего этим путем. Приходится иной раз даже корректировать свои порывы. К примеру, ваш покорный слуга давно желал составить том избранных сочинений Василия Алексеевича Лёвшина. Но в издательстве, куда я обратился, решили, что лучше будет выпустить не разные его сочинения, а «Русские сказки» Лёвшина, не полностью, разумеется, а выборочно. Так и запланировали. В процессе работы я засомневался: а нужно ли сейчас спешить с выпуском литературных сказок романного толка, в то время как драгоценные собрания подлинно поэтических народных сказок с давних пор — не переизданы или вовсе не изданы? И скрепя сердце я решил остановить начатую работу. (Хотя от мысли издать избранные сочинения Лёвшина, куда могли бы войти и образцы написанных им сказок, я, разумеется, не отказываюсь.) В возрождении и развитии любой, самой плодотворной традиции, как я понимаю, необходима разумная последовательность, дабы не нанести урон общему делу культурного воспитания и избежать искажения первоначальных понятий.

Парефразируя известное чеховское изречение, скажу: и лицо и душа культуры должны быть прекрасны.

Николай Старшинов
ДОРОГА К ЧИТАТЕЛЮ

Беседу вела Людмила Антипова

Николай Старшинов — поэт, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола, главный редактор альманаха «Поэзия». Его имя известно читателям по многим книгам стихов, в числе которых — «Осинник», «Милая мельница», «Река любви», «Протока», «Мое время».

С Николаем Константиновичем мы встречаемся у него дома. Хозяин прихрамывает: «зашевелился» осколок, оставшийся еще с войны. Усаживаемся в кресла подле массивного шкафа, за прозрачными стеклами которого — книги, книги, книги... Заметив мой взгляд, Николай Константинович первым начинает разговор.

— После ранения в сорок третьем я лежал в госпитале в Избергеше, это в Дагестане. На весь этаж у нас была всего одна книга — «Полтава» Пушкина. И мы просили нашу палатную сестру Нину Матросову ежедневно читать поэму. Уже первые строки ее:

Богат и славен Кочубей,
Его луга необозримы,—

оказывали на нас магическое действие, не говоря об описании полтавского боя...

— *А в сорок четвертом вы написали стихи:*

*Ничто здесь не скроется,—
Тридцать глаз
В нашей одной палате.
Пятнадцать «лежачих»,
Пятнадцать нас,
Глядят из своих кроватей.*

*...А что поделать? Идет война,
Надо подумать здраво...
И книга на всю палату одна —
Пушкинская «Полтава».*

Николай Старшинов

*...Но оживают все тридцать глаз,
Когда, вопреки уставу,
Матросова Нина в полночный час
Уже, наверное, в сотый раз
Читает для нас «Полтаву».*

В первые военные годы вы, пулеметчик Старшинов, не думали, наверное, о том, что два понятия — «книга» и «война» — определят всю дальнейшую жизнь, человеческую и поэтическую судьбу. Какие книги читали вы в ту пору?

— «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, цикл стихотворений А. Блока «На поле Куликовом», неоднократно перечитывал «Бородино» М. Лермонтова, «Клеветникам России» А. Пушкина, замечательную, хотя и не широко известную «Солдатскую песню о Севастополе» А. Апухтина, которая звучала очень современно:

*Я спю, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали —
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!*

...Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы.

Эти произведения привлекали меня тем, что говорили о судьбе Отечества, о стойкости его защитников.

Вспоминается интересная встреча с книгой на фронте. Лето 1943 года на Смоленщине выдалось ненастное, дождливое. Дороги развезло, болота, и без того напитанные влагой, совсем размякли. Мокрые ботинки, обмотки, шинели, вещмешки стали вдвое тяжелей. Идти — да еще в полной боевой выкладке — трудно. А мой товарищ, Павлин Малинов, второй номер пулеметного расчета (ему приходилось нести станок пулемета, в котором больше тридцати килограммов), нашел в вещмешке место для книги.

И читать-то ему приходилось от случая к случаю, может быть, раз в месяц, но книга постоянно была при нем, и расстался он с ней только после тяжелого ранения. Спустя много лет я понял, почему так дорожил он этим сборником рассказов Антона Павловича Чехова.

Павлин Владимирович — мягкий, деликатный, и многие высказывания великого писателя о человеке можно отнести к моему старому другу и однополчанину: «Воспитанные люди уважают человеческую личность, и потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы».

Ему, доброму и отзывчивому человеку, конечно же, по душе были и другие слова Чехова: «Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро». И еще: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья».

Он, сельский учитель, всю жизнь придерживался этого правила. Вспоминая чтение военных лет, хочу снова обратиться к поэзии. Ведь именно она была самым эмоциональным откликом на события и пользовалась огромной популярностью. Очень сильное впечатление произвели на меня стихи военной поры — «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Жди меня» К. Симонова, стихи А. Суркова, посвященные битве под Москвой...

Война для меня началась с воздушных тревог, которые я встретил на крыше дома: как и многие москвичи, я, старшекласник, участвовал в противовоздушной обороне Москвы. И помню, как там, на крыше, мы пели сурковскую «Песню защитников Москвы», читали:

Курганами славы покрыта родная равнина.
И Днепр, и Морава, и Висла-река.
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь славянина,
Что в грозные годы душа славянина кротка...

— Будто чувствовали, что правоту этих строк придется доказывать и в смоленских болотах, и теперь, в мирные дни...

У каждого человека рано или поздно наступает время осмысления своей судьбы, и тогда мы понимаем, что река нашей жизни могла бы повернуть в другое русло, не случись какого-то события, не повстречайся нам какой-то человек. Но течение зависит не только от рельефа местности, плотин, порогов, притоков. У реки жизни есть свой духовный источник: родина, мать, детство.

Детство — особая, прекрасно-трагическая пора, когда человек одинаково серьезно относится и к окружающему его реальному миру, и к миру сказочному, к событиям, происходящим в царстве прочитанных книг. Пожалуй, это можно назвать мифологичностью детского сознания. У каждого — своя мифология детства. Узор ее мозаики неповторим, во многом он зависит от того, что мы читаем, будучи детьми. Выбор книг, а значит, и героев, неизбежно отражается потом на душевном строе взрослого человека, исподволь подталкивает его к принятию решения, совершению поступка, определяющего порой весь ход дальнейшей жизни. У ребенка появляется любимая книга, читаная-перечитаная, — он подсознательно ищет в ней самого себя — будущего...

— У меня такой любимой книжкой (не поверите!) был «Фауст» Гёте. И остался до сих пор. Сначала я воспринимал эту вещь как сказку, необычную, а потому интересную — увлекала фабульность. Став старше, я пытался осознать уже не только суть происходящего, но и смысл вечных понятий добра и зла, начал задумываться над сущностью человеческой жизни. Ведь философская глубина этого гениального произведения раскрывается не сразу. У каждого возраста свой «Фауст»...

Дома у нас хорошая библиотека была, даже странно. Странно потому, что мать — почти неграмотная, у отца все образование — три класса городского начального училища. Но книги любили, ценили, и всех детей (я — восьмой ребенок в семье) сумели этому научить. Было заведено: после ужина — чтение вслух. Собирались всем семейством. Почему-то больше стихи читали. Вот так я открыл для себя Кольцова, Некрасова, Никитина, Пушкина, Лермонтова. И «Фауста» читали, и «Песнь о Гайавате». Очень любили «Рассказы о животных» Сетона-Томпсона. Телевизора-то не было...

Подросток, сам стал читать. Помню, с интересом рассматривал и изучал приложения к журналу «Нива» (у нас их много сохранилось); произведения Горбунова, Гаршина...

Годам к пятнадцати уже неплохо знал русскую поэзию — стихи Кольцова, Тютчева, Фета, А. К. Толстого. В это же время

увлекся, и поныне люблю, Беранже — стихотворений с полсотни помню наизусть.

Светлое впечатление детства — «Аленький цветочек» С. Аксакова. Может, именно благодаря этой сказке во мне родилась вера в добро и красоту, оставшаяся на всю жизнь, что бы потом ни случилось.

Как и все мальчишки моего поколения, с увлечением читал «Республику Шкид» Л. Пантелеева и Г. Белых. Но наиболее сильно на нас, подростков предвоенной поры, повлияли и книги, и сам пример человеческой жизни Аркадия Гайдара. Каждый чувствовал себя Мальчишем-Кибальчишем в душе, а кому-то пришлось разделить его судьбу в суровой реальности жизни.

Одна из самых моих любимых книг с детства и до сих пор — «Конек-Горбунок» П. Ершова, самая русская, по-моему, из русских сказок. Я стараюсь не упустить ни одного из многочисленных изданий этой книги. Чем-то она притягивает меня до сих пор, есть в ней какая-то загадка. Притягивает не только меня, конечно. Недавно я узнал интересную вещь: оказывается, существует около ста вариантов перевода сказки Ершова на японский язык! Переиздание следует за переизданием, и это в Японии, стране с совершенно иными культурными традициями, с ярко выраженным национальным колоритом. Удивительный успех для сказки, построенной на чисто русской фольклорной основе.

— Многие книголюбы могут лишь мечтать о таком собрании. Николай Константинович, что еще вам особенно дорого в домашней библиотеке?

— Собрание стихов военных лет. Это целая «библиотека в библиотеке»; на мой взгляд, в ней представлена почти вся советская поэзия, родившаяся в годы Отечественной войны. Для меня это не просто книги, а живая память о друзьях, молодости. Каждая книжка — с автографом поэта — С. Гудзенко, М. Дудина, А. Недогонова, С. Орлова, С. Наровчатова, Ю. Друниной...

Есть автографы и на многих книгах воспоминаний выдающихся полководцев времени Великой Отечественной. Интерес к мемуаристике, в частности военной, сейчас очень велик. Особенно пристально следят за появлением каждой такой книги участники войны, и это понятно. Вот недавно я ездил на рыбалку, в Вологодскую область, на реку Шексну. Рыбачили мы там с одним дедом, разговорились. Оказалось, в войну он служил в армии маршала Рокоссовского. И для него лучший подарок — книга К. Рокоссовского «Солдатский долг». Она есть у меня в библиотеке. Есть также «Воспоминания и размышления» Г. Жукова, «На главном направлении» Н. Антипенко, «Сильные духом» Д. Медведева. Очень дорожу книгой «В военном воздухе суровом» В. Емельяненко с дарственной надписью автора.

Книги эти я все время перечитываю — потребность такая.

— Потребность, наверно, диктуется необходимостью постоянно осмысливать события, происшедшие сорок лет назад. Для людей, прошедших войну, Великая Отечественная осталась сильнейшим переживанием на всю жизнь — она была временем необычайного напряжения физических и нравственных сил, испытанием воли, характера, души, чувства единства со своим великим народом. Вы, поэт военного поколения, не случайно имели самое непосредственное отношение к изданию сборников, связанных с военной тематикой, книг, посвященных 40-летию Великой Победы. Какие из них, на ваш взгляд, особенно примечательны?

— Хотел бы отметить, в первую очередь, «Венок славы» — двенадцать томов художественных произведений советских поэтов и прозаиков, воспевающих подвиг нашего народа. Каждый том посвящен конкретной странице в истории Великой Отечественной: первым дням войны, битве под Москвой, сражению на Курской дуге, освобождению стран Восточной Европы... Из задуманного крупнейшего издания вышло в свет восемь томов. Впереди еще много напряженной работы; я отвечаю за составление поэтической части «Венка». Вот уже два года львиную долю моего времени поглощает этот труд: приходится искать стихи, отвечающие не только литературным требованиям, но и тематическому назначению каждого тома.

Военной теме посвящен и сборник «Солдатская судьба». Его авторы — молодые поэты и прозаики, родившиеся вскоре после войны.

В издательстве «Молодая гвардия» в год 40-летия Победы вышел составленный мной сборник «Поэзия моя, ты — из окопа». В нем собраны стихи участников войны, поэтов-непрофессионалов.

— Интересна сама идея — собрать под одной обложкой стихи восемнадцати участников войны, людей самых разных военных и мирных профессий. Как возник этот замысел, как удалось его осуществить? Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— В последние годы заметно оживилось творчество поэтов — участников войны. В связи с празднованием 40-летия Победы появилась, я бы сказал, волна стихов на военную тему. Я стал искать талантливых людей, талантливые стихи для публикации в альманахе «Поэзия».

Поиски продолжались три года. Но результат вознаграждал все труды и превзошел все ожидания: столько стихов настоящих открылось, столько встреч состоялось незабываемых! Стало ясно, что набранного материала хватит на книгу, и хорошую книгу. Так вот и возник замысел сборника «Поэзия моя, ты — из окопа».

Большинство авторов книги не москвичи, живут в разных городах страны: в Иваново, Россоши, Свердловске, Ульяновске. Многие награждены боевыми орденами и медалями, многие ранены на фронте. Не всем довелось увидеть свои стихи напечатанными. Тетрадку стихотворений Владимира Боброва, умершего в 1977 году, мне принесла его вдова. Бывший артиллерист, а затем работник Министерства внешней торговли, Бобров никогда не печатал при жизни свои стихи. Вышли три его журналистские книги: «1001 день в Рио-де-Жанейро», «На перекрестке цивилизаций», «ФРГ. Штрихи к портрету». А стихи никуда не посылал и не предлагал—считал недостойными опубликования. Хотя стихи—настоящие: образные, точные, искренние.

Иван Лапшин пришел в редакцию сам. Раньше стихи его печатались только во фронтовых газетах: «На страже Родины», «За Отечество», «Бей врага!», «Красноармеец». В армии служил с 1933-го по 1945-й. Всю войну прошел командиром орудия, с первого до последнего дня. Победу встретил на Одере. Был тяжело ранен, но после войны вернулся к прежней мирной профессии—до сих пор преподает физкультуру в школе в Кременчуге.

Хочется прочесть его послевоенные стихи:

...Вот и встретились—дальнее с близким,
Незабудки—с ковыльной травой.
Пред граненым, как штык, обелиском
С непокрытой стою головой.

Стихи Михаила Тимошечкина, воевавшего с сорок третьего до конца войны, пришли по почте. Я попросил прислать еще. Постепенно завязалась переписка. Живет Тимошечкин в городе Россошь, преподает в школе историю. И пишет стихи, на мой взгляд, очень хорошие. А человек он просто замечательный: скромный, щедрого сердца. Вот письмо не так давно прислал. Пишет, что День Победы—9 мая—стал для него и его семьи двойным праздником: пришла бандероль с книгой «Поэзия моя, ты—из окопа». Но знаете, что больше всего меня тронуло в этом письме? Там есть несколько строчек... Я сейчас найду это письмо. Вот: «Особенно радует то, что в книге есть стихи и посильнее моих. Крупно и мощно пишет Анатолий Головков—его стихи самые лучшие».

Я слушала и думала: «Не так уж часто встречается у поэтов этот особый дар—искренне радоваться чужим находкам». А Николай Константинович уже читал стихи Михаила Тимошечкина—с увлечением, наизусть:

Стоял апрель. Взбухали реки.
Жизнь пробуждалась ото сна.

Рождалась в каждом человеке
Одна великая весна.

Не переключением журавлиным
Она была для нас близка,—
Гремел апрель, и шли к Берлину
Смертельно храбрые войска...

Название сборнику дала строка вот этого стихотворения
Анатолия Головкова:

Поэзия моя, ты — из окопа,
Еще тогда, солдату жизнь храня,
Блеснула мне: смотри, мол, парень, в оба,
Чем и спасла от снайпера меня.
И знак мне твой все светит издалека,
Но чей еще оптический прицел
Покажешь мне, сверкнув в мгновенье ока,
Чтоб я остался невредим и цел?!
Ведь с той поры войны непозабной
Поверил я и буду верить впредь
В то, что пока я под твоей защитой,
Я не имею права умереть!..

На фронт Головков пошел добровольцем, в семнадцать лет.
На Курской дуге был тяжело ранен, но конец войны встретил в
Берлине. В мирное время работал трактористом, слесарем.
Сейчас живет в Мытищах. И пишет стихи, которые говорят сами
за себя:

Накал сраженья был неистов,
Лишь устоять бы нам, а там...
Теперь меня везут туристом
По этим памятным местам.
А сколько их лежать осталось,
Где на полях тучнеет рожь!
Имен бы сколько ни писалось,
Всех все равно не назовешь.
Отсюда к мирному рассвету
Ребята нашего полка,
Как жизнь, Великую Победу
Несли на кончике штыка.

— *Трое из авторов сборника — профессиональные художники...*

— Да, но пережитое за время войны нашло у них выход не в живописи, а в слове. Юрий Куликов во время войны был и в танковом десанте, и в пехоте, связистом, наводчиком зенитной пушки. В его живописи это не отразилось ни в малейшей степени — он пейзажи пишет, а вот в стихах вылилось:

...А ты, забывшись, издалека,
Как будто бы со стороны,
Увидел свой окоп глубокий,
Корявый мир своей войны.

Где все не так, как на экране,
 Но ты все там, и до сих пор
 Обоймю воспоминаний
 Стреляет прошлое в упор.

Слушая Николая Константиновича, я перелистываю хорошо изданную среднего формата книжку в темно-красном переплете. Подборку стихов каждого поэта открывают фотографии автора, краткие сведения о нем. Восемнадцать снимков сорокалетней давности... Открытые русские лица, смеющиеся и серьезные — лица семнадцатилетних людей в военной форме.

— В 1984 году в издательстве «Современник» вышел третий томик поэтического сборника «Земли моей лицо живое». Жаль, что тираж всего 25 тысяч экземпляров. А ведь многие любители современной русской поэзии с удовольствием приобрели бы эту книгу с прекрасными иллюстрациями М. Ромадина. В ней — стихи Николая Рубцова, Николая Глазкова, Василия Федорова, Новеллы Матвеевой. Составителем выпуска, как и предыдущих двух, является вы. Хотелось бы побольше узнать о работе над книгой.

— Издание интересно во многих отношениях. Оно в своем роде уникально: о русской деревне, ее людях, о природе, свидетельнице всех радостей и бед, выпавших на долю русского народа. Природа России для поэтов — не только источник вдохновения, но и одушевленный любовью человека пейзаж. Вот таким было задумано издание. И еще — чтобы о живом лице русской земли читателю рассказали не только давно и хорошо известные строки, но и забытые, а то и никогда не публиковавшиеся.

Первый том начинается былинами, народными песнями, а заканчивается стихами Сергея Есенина. Вот, взгляните, — эту книжку теперь уже непросто найти, разошлась мгновенно.

Я раскрываю плотный томик в изыщном, под домотканый холст, переплете. Перелистываю: А. Пушкин, К. Павлова, Н. Цыганов, А. Шаховской, А. Белый, В. Хлебников, Н. Клюев, И. Северянин, М. Волошин, К. Случевский, А. Ахматова, С. Клычков, М. Цветаева, К. Бальмонт... С детства знакомая певучая строка: «Однозвучно гремит колокольчик...»

— *Николай Константинович, мы привыкли считать, что это — русская народная песня, а здесь указан автор: И. Макаров (1821 — 1852).*

— Имя поэта открыли лет восемь назад. Будучи крепостным, он чем-то провинился перед помещиком, тот и отдал его в ямщики. В ямщиках Макаров служил недолго — замерз, почти как в другой русской песне поется. Нашли его, составили акт о смерти. При погибшем сундучок был с имуществом: полушубок драный, старые сапоги да тетрадка стихов...

А вот второй том издания. Стихи В. Маяковского, А. Твардовского, М. Исаковского, А. Прокофьева, Я. Смелякова, А. Яшина, Л. Мартынова, Б. Пастернака и других, известных и совсем неизвестных поэтов.

В третьем выпуске, как и в первых двух, не только признанные имена. Рядом с М. Лукониным, М. Львовым и Е. Винокуровым — стихи сельского учителя В. Пахомова. Замечательно чувствует он природу, деревню.

— Книголюбу было бы приятно иметь такое издание. А в вашей библиотеке, Николай Константинович, есть что-нибудь редкостное?

— Редкостное... Я вам покажу сейчас одну книгу — такой уж ни у кого нет, ручаюсь! Она самодельная, друзья подарили ко дню рождения в прошлом году. Здесь собраны стихи, имеющие ко мне отношение, — с посвящениями, шутливыми и серьезными. Они написаны в разное время: вот акростих Глазкова. Много дорогих мне имен; некоторых из друзей — авторов этого своеобразного альбома, уже нет в живых...

Только что в издательстве «Современник», в серии «О времени и о себе» вышла моя книга «Дорога к читателю» — воспоминания о встречах с Твардовским, Светловым, Ахматовой, Смеляковым... Сколько их было, встреч с книгами, с людьми, чьи судьбы неотделимы от судеб книг. Встречи, о которых просто не имеешь права не рассказать другим.

Виви Луик

СТИХИ — ЭТО ВСЕ-ТАКИ ПРОЗА

Под гудки виадуків снова
Сна по привычке нет.
Вечером крыши лиловит
Выпавший рано снег.

Вечером крыши розовы,
А деревья чернеют в саду.
Стихи — это все-таки проза
Месяцев двадцать в году.

*Перевела с эстонского
Ирина Махонина*

С. Пузанов

КНИГА-ПТИЦА

Беседу вел С. Сергеев

Объединение «Московская букинистическая книга» — старейшее и, пожалуй, единственное в своем роде специализированное подразделение книжной торговли страны. Оно создано в 30-е годы и поныне — важный методический и консультационный центр букинистической торговли столицы. Одновременно оно выполняет задания Всесоюзного государственного объединения «Союзкнига» Госкомиздата СССР и Главного управления книжной торговли Госкомиздата РСФСР по разработке букинистических каталогов-прейскурантов и ценников, документов, регламентирующих букинистическую торговлю. Объединение активно участвует в повышении квалификации торговых работников как Москвы, так и других городов страны. Ни одно важное мероприятие в области букинистической торговли не обходилось без участия Мосбуккниги. В ней насчитывается 19 специализированных магазинов, которые дают государству годовой товарооборот в семь с половиной миллионов рублей. Мы беседуем с директором объединения С. В. Пузановым.

— Станислав Викторович, расскажите, пожалуйста, почему вы пришли в книжную торговлю?

— Немного о первом знакомстве с книгой. Отца я лишился рано, он погиб в начале войны. Двенадцать лет воспитывался у деда в Ярославской области, в деревне на реке Сить. Учился в семилетней деревенской школе. Дед, несмотря на то что был простым крестьянином, имел небольшую библиотеку. Я познакомился и с приключенческой литературой, которую читал запойно, и с классикой — Пушкиным, Гоголем, Л. Толстым, русскими народными сказками. Кончив школу, я вернулся в Москву, случайно увидел объявление о наборе в недавно открывшийся книготорговый техникум. В конце 40-х годов он располагался там, где сейчас находится Библиотека иностранной литературы. Техникум славился прекрасными педагогами: старый московский книжник А. Ю. Портер возглавлял техникум, читали лекции

И. И. Старцев — редактор отдела художественной литературы, Н. И. Суворезин, известный книголюб. Я проучился три года. Техникум заложил базу, дал необходимые знания.

— Как сложилась ваша жизнь после окончания учебы?

— Меня направили в Москниготорг на должность инспектора областного отдела. Много приходилось разъезжать, встречаться с самыми различными людьми в сфере книжной торговли. Память до сих пор хранит воспоминания о многих из них: помню прекрасного книготорговца поселка Люблино — В. И. Голубева. Если сейчас продавец или директор озабочен тем, как выполнить заказы покупателей, то в те времена продавец прежде всего старался проложить путь книге к читателям. Условия работы были тяжелыми, недавно отгремела война, в развалинах лежали города и села, приходилось все начинать сначала, а людей не хватало. И когда встречались люди, подобные Голубеву, верилось: нормальный ход жизни восстановится, страна поднимется из руин. Это был человек, всей душой и телом преданный делу. Подобный тип людей прекрасно описан еще в стародавнее время Николаем Лесковым. Голубевым руководила беззаветная любовь к книге, уверенность в том, что книга нужна людям как хлеб. И эта вера помогала ему налаживать книжную торговлю.

— Видно, что вы прошли прекрасную школу! Где работали потом?

— В 1958 году последовало назначение на пост директора магазина № 45 «Антиквар», который располагается в здании гостиницы «Метрополь». Мне тогда исполнилось 25 лет. Конечно, я чувствовал, что накоплено знаний весьма и весьма недостаточно, чтобы руководить таким крупным магазином. Непосредственным учителем стал Степан Иванович Мячин, тогдашний директор Мосбуккниги. Именно он создал каталог-прейскурант на покупку и продажу антикварных и букинистических книг. Мячин пришел в Москнигу сразу после войны, и ему пришлось налаживать книжную торговлю в столице.

Много помогли мне работники «Антиквара» — товаровед И. А. Листвойб (знаток антикварной книги), одна из старейших работников книжной торговли Э. М. Шабалина (она заведовала отделом в этом магазине). Славилось искусство обслуживания в нашем магазине. Назову постоянных покупателей: генерал-лейтенант А. А. Игнатъев, автор знаменитых мемуаров «Пятьдесят лет в строю», вице-президент Академии педагогических наук А. И. Маркушевич, архивист и исследователь русской литературы И. С. Зильберштейн, дирижер, генерал-майор Б. А. Александров, писатель В. Г. Лидин и многие другие. Продавцы умели найти им необходимые книги, знали интересы каждого из них. В «Антикваре» я трудился восемь лет.

— Можно позавидовать вам. Сколько интересных встреч! А ведь это было время начала книжного бума! А. И. Маркушевич, исследуя истоки этого явления, писал в 1975 году в статье «Советское библиофильство» о научно-технической революции, предоставившей читателям возможность знакомства с сокровищами мировой литературы. Он отмечал: «Такой рост сопровождался значительным расширением тематики издаваемой у нас оригинальной и переводной, современной и классической, художественной и научной литературы, изданием собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков, почти полностью вытеснивших из букинистических магазинов издания Пантелеева, Маркса, Сойкина, которые в течение десятилетий бойко продавались по высоким ценам...»

— Описано точно. И все же перед книжной торговлей в те годы вставало немало проблем. В 1966 году в Союзкниге была создана рабочая группа по организации букинистической торговли в стране. Назревала реформа букинистической торговли, и Госкомиздат СССР решил приступить к изучению вопросов, связанных с ней. Я возглавил эту группу. Необходимо было пересмотреть действующие каталоги-прейскуранты цен на антикварную и букинистическую книгу, поднять уровень торговли.

О результатах нашей работы вы можете судить по цифрам: если в 1966 году доход от скупки букинистических и антикварных книг по стране составлял 1,8%, то есть 5,3 миллиона рублей, то в 1982 году—6—8%, то есть около 70 миллионов. Члены нашей группы несколько раз бывали за рубежом: в Польше, Венгрии, Болгарии, изучали постановку книжного дела в этих странах. Обобщался их опыт, лучшее перенималось...

— И все же букинистам часто адресуют упреки. В газете «Книжное обозрение» доктор геолого-минералогических наук М. Рац сетует: «Сейчас в букинистических магазинах Москвы работает молодое поколение товароведов: «стариков» осталось буквально двое-трое. Товароведы, пришедшие на работу 15 лет назад, просто не видели большинства редких изданий. Естественны грубые ошибки в оценке книг, просчеты в их „адресации“...»

— Да, читал... Смешно думать, что трудности, упоминаемые М. Рацем, не замечены нами. Мы пытаемся их разрешить. Первая—проблема улучшения материальной базы книжной торговли. Доход мы даем государству немалый, но ведь необходимо изыскивать средства и для улучшения условий работы. Вторая, не менее важная проблема—подготовка кадров. Старые работники уходят. Действительно, их осталось совсем немного, а приходит на их место малоопытная молодежь. Специальное образование, полученное ими в техникуме, не дает полного объема

необходимых знаний. Их может дать многолетний опыт работы. А для того чтобы накопить такой опыт,— нужны мудрые учителя, любовь к книге, желание расширить свой кругозор. Согласитесь, что эти качества встречаются не так часто.

Однако немало упреков могли бы высказать и мы. На мой взгляд, слишком мало отводится на страницах печати места воспитанию книжной культуры среди молодежи. Среди периодических изданий, которые настойчиво и постоянно работают над этой проблемой, я могу назвать «Альманах библиофила», тираж которого не велик для нашей страны, журнал «В мире книг», еженедельник «Книжное обозрение», газеты «Советская культура» и «Московский комсомолец». Воспитание вкуса — дело нелегкое, но, согласитесь, необходимое. Когда нас упрекают в том, что продавцы в букинистических магазинах недостаточно компетентны, то, по-видимому, наивно полагают, что продавцов нам засылают с Марса или Венеры. Нет, к сожалению, они приходят прямо со школьной скамьи или, в лучшем случае, после техникума. Но среда, в которой они выросли, не сумела заложить в них необходимого запаса книжных знаний. Пора осознать, что воспитание любви к книге среди молодежи — наше общее дело.

Кадры решают все. В букинистической торговле подготовленные кадры, знающие ассортимент книги, обладающие богатым опытом работы с ней, имеют огромное значение. К сожалению, высшие и средние книготорговые учебные заведения специальные кадры для букинистической торговли не готовят. Поэтому мы считаем, что в целях повышения квалификации кадров букинистов нужны постоянно действующие курсы при Московском полиграфическом институте. В этих целях мы используем День товароведа, который проводится ежемесячно, по специальной программе, с лекциями ведущих специалистов из крупнейших библиотек, музеев, членов Общества книголюбив, преподавателей вузов. В последние годы такие курсы ежегодно проводились при Мосбукниге для тех, кто торгует новой книгой, теперь мы должны провести подобную работу в специализированной букинистической сети.

И все же, надо сказать, немало знатоков трудится в нашей системе. Я бы хотел отметить заслуженного работника культуры, директора «Пушкинской лавки» З. И. Константинову, одного из старейших работников московской книжной торговли, директора магазина № 54 А. В. Харитонову, директора магазина № 28 Л. В. Островскую, директора магазина № 37 Н. Ф. Сергееву.

Кстати, букинистические магазины проводят большую работу с музеями страны. Вот отзыв о магазине № 155: «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области благодарит ваш коллектив за существенную помощь в

комплектовании книжного фонда. В течение довольно длительного сотрудничества нашему Объединению удалось приобрести значительное количество редких и крайне необходимых изданий: прижизненные сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, М. Н. Загоскина и многих других русских писателей...»

Заметьте, что благодарит не один музей, а целый «куст». Подобные письма прислали из Пскова, Иркутска, Азова. Эти письма говорят, что среди московских букинистов немало настоящих знатоков, принявших эстафету из рук старейших работников книжной торговли. Если сохранена преемственность, значит, дело будет развиваться и крепнуть!

— *Как вы считаете, изменился ли со стороны администрации Мосбуккниги подход к книжному делу по сравнению с предвоенными годами?*

— К сожалению, я не был очевидцем тех далеких времен, поскольку родился в 1933 году, но вы можете раскрыть интереснейшую книгу Евгения Платоновича Иванова «Меткое московское слово», вышедшую в издательстве «Московский рабочий» в 1982 году, и все станет ясно. Иванов пишет: «Китайгородская стена, Ильинские ворота, Никольский угол, Ильинский бульвар — хорошо известные для старого московского букиниста места. Вдоль всей китайгородской стены тянулся ряд мелких лавочек книжных торговцев. Они прилеплялись к нишам стен, вылезали из всех уголков, щелей и трещин. Постоянная ярмарка букинистов». Довольно яркая картина. Если сравнить с нашей централизованной торговлей, то — ничего похожего. Книголюбам, желающим воскресить лотки, на которых можно было бы самим, без помощи магазинов, обменивать книги, советую внимательно перечитать Иванова. Рассказывая о книжных торговцах на Сухаревском рынке, он пишет: «До чего сухаревские умудряются! Продали одному нашему покупателю книгу, а в ней двадцати страниц нет. И как сделали! В середину из другой книги страницы с номерами вклеили, сразу и не разберешь!» А потом ведь какой простор для спекулянтов при таком подходе!

— *А что вы можете рассказать о своей библиотеке?*

— Ничего особенного. Я люблю и часто перечитываю русскую и зарубежную классику... Богато у меня представлена справочная литература. Особый упор делаю на библиографию. Этим разделом моей библиотеки, пожалуй, и можно похвастаться. Собираю и книги современных писателей, особенно люблю Шукшина и Солоухина, может быть, потому, что мое детство прошло в деревне. Моя слабость — открытки, рассказывающие как о дореволюционной, так и о сегодняшней книге. Когда устаю, люблю отвлечься за чтением приключенческой литературы. Люблю книги о путешествиях.

— *Станислав Викторович, каким вы представляете себе книжный магазин будущего?*

— Магазины редкой книги испокон веку стояли друг подле друга. Потому что человек, ищущий книгу, должен их обойти все (и не раз), пока его настигнет удача. Пример тому — ряды букинистов во многих городах мира. Да и в старое время в Москве букинистические магазины вставали друг подле друга. Так и вижу — «Улица букинистов». Это — одна из старых улиц, хорошо известная всем москвичам. Сам букинистический магазин оборудован по последнему слову техники, оформлен на уровне современного дизайна, так сказать, эталонный магазин — со всеми необходимыми службами. Конечно же, здесь есть салон для закупки книг, где можно познакомиться с новинками букинистической торговли. Обязательно — салон для выставок редких книг, как из фондов магазина, так и из частных собраний. Справочно-библиографический отдел, в котором можно получить необходимые сведения об изданиях. Конференц-зал, в котором проходят встречи с покупателями. Естественно, труд товароведов механизирован...

— *Какая из приобретенных вами книг вам дороже всего?*

— Ну... хотя бы эта, подаренная Ираклием Луарсабовичем Андрониковым. Ее я получил в подарок давно, когда возглавлял «Антиквар», о чем уже говорил. Почти тридцать лет назад начал свой путь специалиста букинистической торговли — нелегкое, но увлекательное дело.

На титуле книги И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки», раскрытой С. В. Пузановым, — дарственная надпись автора: «Станиславу Викторовичу Пузанову, которому молодость не мешает быть отличным букинистом, но зато открывает перед ним неизъяснимо прекрасные перспективы — букинистические и всяческие!»

Ал. Романов

ИСТИННО НАРОДНЫЕ

И однажды побывав в этом городе, нельзя не почувствовать его своеобразие, не ощутить дыхание истории и силу патриотических традиций, в нем оберегаемых. Нельзя не восхититься покоряющей красотой его светлых площадей, новых широких проспектов и старых узеньких улиц, его тенистых парков и скверов, каждый из которых носит имя выдающихся деятелей русской государственности, культуры и литературы.

Я в Воронеже не впервые. И всегда помню имена коренных воронежцев — поэтов Алексея Кольцова и Ивана Никитина, философа Николая Станкевича, художника Ивана Крамского, писателя Ивана Бунина, сказочника Александра Афанасьева, актера Александра Остужева, собирателя песен Митрофана Пятницкого, и гостей города Василия Жуковского, Александра Грибоедова, Михаила Лермонтова, Кондрата Рылеева, Виссариона Белинского, Льва Толстого, Владимира Маяковского, оставивших пусть и кратковременным своим пребыванием приметный след в его истории. А кому не известны имена наших современников-воронежцев: академика Николая Басова, летчиков-космонавтов К. Феокистова и А. Филипченко, поэта Егора Исаева, певицы Марии Мордасовой и многих других замечательных деятелей науки и культуры!

В дни, когда широко отмечались 175-летие со дня рождения народного поэта Алексея Васильевича Кольцова и 160-летие со дня рождения поэта-демократа Ивана Саввича Никитина, казалось, что строки этих поэтов, песни на их стихи, высказывания выдающихся представителей отечественной критики об их творчестве были на устах у всех воронежцев... Газеты области посвятили этим датам серьезные литературоведческие и краеведческие статьи. Областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выпустило в свет отлично оформленный буклет «Кольцовские и Никитинские места в Воронеже». Большое внимание памяти знаменитых русских поэтов

уделили местные организации творческих союзов, Центрально-Черноземное книжное издательство, Дворцы культуры и клубы, учреждения искусств.

Знаток истории города, аспирант исторического факультета Воронежского университета Александр Николаевич Акинъшин познакомил нас, гостей города, с местными достопримечательностями и, прежде всего, с кольцовскими местами. Но куда ехали в прибрежную часть старого Воронежа, в обиходе именовавшуюся Гусиновкой, где когда-то, на углу улицы Большой Стрелецкой и Тихоновского рва (ныне улица Софьи Перовской), стоял домик, в котором родился поэт, Александр Николаевич, человек, несомненно, увлеченный, искренне любящий свой город, начал свой рассказ издалека — с времен основания города, задолго до «великого корабельного строения» Петра Первого, с многобашенной дубовой крепости, противостоявшей набегам степных кочевников на русские земли, а затем, минуя петровские времена, — о революционных традициях воронежцев — их участии в походах Степана Разина, в борьбе против крепостничества, о состоявшемся в 1874 году в Воронеже съезде «Земли и воли», в котором участвовали Г. Плеханов, Н. Морозов, С. Перовская, В. Фигнер, А. Желябов...

На углу улиц Сакко и Ванцетти и Смоленской когда-то стояло здание Воронежского уездного училища, которое посещал 11-летний Алеша Кольцов. Здание это было разрушено в годы войны, на его месте нынче возвышается корпус Технологического института. От кольцовских времен сохранились только каменные ступеньки, которые ведут с тротуара на проезжую часть улицы.

Немало кольцовских мест на проспекте Революции. В прошлом это была главная улица города, именовавшаяся Большой Дворянской, сюда семья Кольцовых в 1810-е годы переехала с Гусиновки. Здесь в большом каменном доме Кольцовы прожили около двадцати лет. В 1837—1840-х годах дом этот был перестроен, нижний этаж заняли магазины; на верхнем этаже, в одной половине, поместился женский пансион, а в другой жила семья поэта — отец, мать и сестра. Сам Алексей Васильевич занимал небольшие комнатки в мезонине, обставив их по своему вкусу. Здесь бывали В. Жуковский, Н. Станкевич и другие виднейшие деятели культуры. Но мраморная мемориальная доска, свидетельствующая, что «на этом месте» стоял некогда дом, где жил народный поэт России Алексей Васильевич Кольцов, установлена на соседнем доме, в котором находилась когда-то гостиница «Центральная», построенная купцом-миллионером Д. Г. Самохваловым.

— Трудно объяснить теперь, — говорил нам Александр Николаевич, — почему так получилось. Ясно, однако, что в 1959 году,

А. В. Кольцов.
Худ. Е. Пошивалов

когда устанавливалась мемориальная доска с барельефом поэта, была допущена ошибка, которая должна быть исправлена...

Кстати, вопрос об исправлении этой ошибки А. Н. Акиншин поставил в статье «Биография его дома», содержащей новейшие изыскания и опубликованной в газете «Коммуна». О глубине и серьезности этих изысканий свидетельствует и другая статья — «Говорят „Ревизские сказки“», напечатанная в газете «Молодой коммунар». В статье изложены интереснейшие сведения о предках Алексея Кольцова и Ивана Никитина, найденные автором в «Ревизских сказках» по городу Воронежу за 1815 год, обширный том которых (две тысячи листов!) хранится в Воронежском областном государственном архиве.

Не могу не рассказать и о том, что несколькими днями раньше в газете «Коммуна» появилась обстоятельная статья кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы Воронежского педагогического института Виктора Ивановича Кузнецова о книге ленинградского ученого Н. Н. Скотова «Коль-

цов», которая вышла в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Статья озаглавлена «Глубокое исследование». О жизни и творчестве «русского соловья», писал В. Кузнецов, создана не одна сотня разномасштабных исследований. Новая фундаментальная работа о народном поэте под силу лишь опытному литературоведу, обладающему не только глубоким научно-художественным видением, но и определенным литературным даром. Именно эти качества, по мнению автора статьи, в полной мере присущи книге Н. Н. Скатова, отличающейся «зорким взглядом в отечественное культурное прошлое, соотнесенное с духовными достижениями нашего дня».

В. Кузнецов напоминает, что рассматриваемой работе Н. Н. Скатова предшествовали его монография о Кольцове и многие научно-исследовательские статьи. «Рождение такого самобытного творчества, как кольцовское,— по словам Н. Н. Скатова,— при всей его уникальности определялось четкими— национальными и социальными— посылками и теснейшим образом связано со становлением всей русской литературы, шире— русской духовной жизни». В. Кузнецов характеризует это положение как «отправной тезис» автора, обоснованный конкретными наблюдениями, связанными с литературным окружением поэта, прежде всего с А. С. Пушкиным, Н. В. Станкевичем, В. Г. Белинским.

В статье В. Кузнецова содержится замечание, что в книге Н. Н. Скатова есть и «спорные страницы», которые, однако, не умаляют значения этой «большой и интересной работы», представляющей собой новую заметную веху в изучении и осознании такого замечательного художественного явления, каким было и остается в нашей культурной истории, ее духовном наследии творчество Алексея Кольцова.

Думается, что и сам Виктор Иванович Кузнецов внес свой вклад в познание кольцовского творчества книгой «Нетленные строки. Этюды об Алексее Кольцове и Иване Никитине», выпущенной в свет Центрально-Черноземным книжным издательством. Написанная поистине поэтическим языком, она читается с интересом от первой до последней страницы.

Несомненное достоинство этой сравнительно небольшой книги состоит в том, что она посвящена, прежде всего, неизвестным или малоизвестным страницам жизни поэтов, их семейному окружению, их современникам— друзьям и недругам, их необычным, поистине трагическим судьбам. Автору удалось разыскать и включить в повествование много новых архивных документов, в том числе одно, ранее неизвестное письмо А. В. Кольцова к П. А. Вяземскому, малоизвестные письма И. С. Никитина к его возлюбленной Н. А. Матвеевой и другим адресатам; он воспроиз-

И. С. Никитин.
Худ. Е. Пошивалов

вел забытые ныне воспоминания современников и иные мемуарные свидетельства.

Автор дает весьма убедительное, образное определение народности кольцовского творчества. Он пишет: «Ему не нужно было «становиться» народным поэтом, он всеми духовными нитями был крепко-накрепко связан с почвой, его породившей. Сжигал жаркий суховец крестьянские посевы — и умолкала его песня, подкрадывалась к мужицким хатам холера — и не шли на ум стихи, нападал на скотину какой-нибудь мор — и тускнела его муза». И дальше: «...строй стиха — это строй души поэта. Уже в самой интонации кольцовских песен о трудном житье селянина слышится сдавленный стон, чувствуется скорбная мелодия».

И в той части книги, которая посвящена И. С. Никитину, автору удалось найти емкие слова, характеризующие несуразность быта, физические и душевные страдания, выпавшие на долю поэта, воспеть нравственные силы его возвышенной души.

„Будь ты проклято, праздное слово!“ — в этой накаленной душевным огнем строчке, — пишет автор, — творческая и жизненная программа Никитина». «В провинциально-мещанском смраде, — утверждает он, — редко выживали таланты, но уж зато, если они выбирались из лап хапужничества и холопства, обожженные страданиями и борьбой, ими всегда гордилась умная и честная Россия».

Столь же выразительны и многие другие места книги. В ней подчеркивается общественный пафос многих произведений Кольцова и Никитина, их верность жизненной правде, их неизменные устремления к вершинам художественной мысли. Особенно выпукло это показано в главах, посвященных дружеским отношениям А. В. Кольцова с В. Г. Белинским, И. С. Никитина — с его наставником, литературоведом и философом Н. И. Второвым.

В главах «Я видел Пушкина» и «Вспоминают современники», «Ошибка Якова Полонского» и «Цензура свирепствует» повествуется о счастливых и горестных минутах восхождения поэтов из народа в большую литературу своего времени.

Несомненно, прав Евгений Осетров, который в предпосланном книге «Нетленные строки» кратком «Приглашении к чтению» пишет, что для литературных работ Виктора Кузнецова «характерно поисковое начало, возобновляющее — с учетом достижений современности — лучшие из традиций отечественной культурно-исторической школы».

В этой связи, коль скоро речь зашла о некоторых литературных работах воронежских исследователей и писателей, не могу не рассказать об одном знаменательном событии, свидетелем которого мне довелось быть.

В начале октября 1984 года в областной научной библиотеке имени И. С. Никитина открылась выставка, приуроченная к 175-летию со дня рождения Алексея Кольцова. Здесь были представлены редкие его портреты, гравюры, литографии, рисунки, многочисленные издания его стихов на русском и иностранных языках, на языках народов СССР, памятные медали, экслибрисы, марки, ноты песен на его стихи из редкого собрания воронежского литературоведа и краеведа Олега Григорьевича Ласунского. Здесь были представлены также и новейшие издания сочинений поэта, вышедшие в свет в предъюбилейные дни. Среди них: «Сочинения» (М.: Правда) — едва ли не самое полное собрание в одном томе; «Стихотворения» с предисловием Льва Озерова (М.: Дет. лит.); «Сочинения» со вступительной статьей проф. Н. Скатова (Л.: Худож. лит.); «Косарь. Стихотворения и письма» (М.: Современник); «Стихотворения. Письма к В. Г. Белинскому» (Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во); «Избранное» (Алма-Ата: Жазуши); «Русь

моя» (Кемерово: Кн. изд-во); «Косарь» (Киев: Веселка). Среди книг о поэте выделялась изданная в Воронеже: «А. В. Кольцов. Страницы жизни и творчества» и уже упоминавшиеся фундаментальный труд Н. Скатова «Кольцов», этюды В. Кузнецова «Нетленные строки», а также буклет «Кольцовские и никитинские места в Воронеже», составленный А. Акиньшиным, О. Ласунским и художником Е. Пошиваловым.

Эпиграфом к этой интересной выставке могли бы служить слова, сказанные о поэте Виссарионом Белинским: «Кольцов вырос среди степей и мужиков. Он не для фразы, не для красного словца, не воображением, не мечтою, а душою, сердцем, кровью любил русскую природу... Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни».

Мне довелось присутствовать и на кольцовских краеведческих чтениях, тридцать шестых по счету. Многочисленные их участники с интересом слушали доклады, сохранившие новые данные о знаменитом поэте и его окружении. О серьезном исследовательском характере представленных докладов свидетельствовали уже их темы: произведения поэта в советской многонациональной общеобразовательной школе; новое в кольцовской иконографии; кольцовские места в Воронеже; поэт и царская цензура; произведения поэта в братских славянских странах. Художник Василий Павлович Криворучко представил участникам чтений свою новую картину, посвященную поэту.

Мне остается в заключение упомянуть о том, что среди кольцовских мест, показанных нам Александром Николаевичем Акиньшиным, и сохранившийся от прошлого века корпус бывшей духовной семинарии, куда на заседания литературно-философского кружка хаживал и купеческий сын Алексей Кольцов, и бывший губернаторский дом, где по своим коммерческим и литературным делам бывал Алексей Васильевич.

На проспекте Революции мы осмотрели еще одно здание, построенное в начале прошлого века. Здесь, как об этом свидетельствует мемориальная доска из розового гранита, летом 1837 года с Алексеем Васильевичем Кольцовым неоднократно встречался Василий Андреевич Жуковский.

Иван Саввич Никитин родился и до четырех лет жил на Богословской улице (ныне улица Чернышевского), покуда его семья не приобрела домик на улице Верховой. Домик этот в войну сгорел, на его фундаменте построено ныне новое кирпичное здание. На стене здания бывшей духовной семинарии, где учился будущий поэт и автор «Дневника семинариста», теперь установлена гранитная мемориальная доска с бронзовым барель-

ефом И. С. Никитина. На улице Кирочной (ныне Никитинской) отец Ивана Саввича завел постоялый двор и определил сына дворником. На Кирочной Никитин прожил до конца своих дней и создал едва ли не все свои поэтические творения. В 1924 году здесь, в отреставрированном здании, был открыт Литературно-мемориальный музей поэта, а позднее на высоком постаменте установлен его гранитный бюст.

Все эти здания, восстановленные после войны или каким-то чудом частично уцелевшие, в архитектурном отношении заметно уступают строениям XVIII и начала XIX века, упоминания о которых встречаются в разного рода справочниках и путеводителях по Воронежу. Уступают они и современной городской архитектуре. И только неизменное их сочленение с житейскими судьбами великих русских поэтов-воронежцев придает им подлинно культурную ценность.

Увы, время не пощадило многие исторические места, где когда-то жили близкие друзья поэтов, не уцелел и дом, где находилась книжная лавка И. Никитина. Только по рассказам знатоков можно восстановить в воображении литературную историю Воронежа.

Побывали мы и на могилах А. В. Кольцова и И. С. Никитина — в прошлом это было кладбище, именовавшееся Митрофановским. У памятника А. Кольцову (в сквере его имени), установленного еще в 1868 году, у второго памятника ему на Советской площади, открытого не столь давно, как и у памятника И. Никитину на площади, носящей его имя, и зимою и летом лежат живые цветы. Пусть они положены только сегодня или вчера. Они здесь лежали и лежат, неизменно живые, и в нынешнем, и в минувшем веках. И они будут лежать здесь всегда, во все времена, как символ признательности и благодарности не только русских, но и всех советских людей — истинных ценителей поэтического слова.

Ираклий Абашидзе

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Сердце поэта —
То лев разъяренный,
То колесница в полете над бездной;
Сердце поэта — как Рим непреклонный,
Где все дороги сошлись, как известно.

Эта стезя — тверже грани алмазной,
Эта — к пластам огнестойкой породы,
Чтобы над прахом восстать, как Армази
Или Хорезма белые своды.

Чтоб сохранились, не рушась, на свете
Все рукотворной природы создания,
Как Варахши или чудо Месхети,
Ванских пещер полумрак и сиянье.

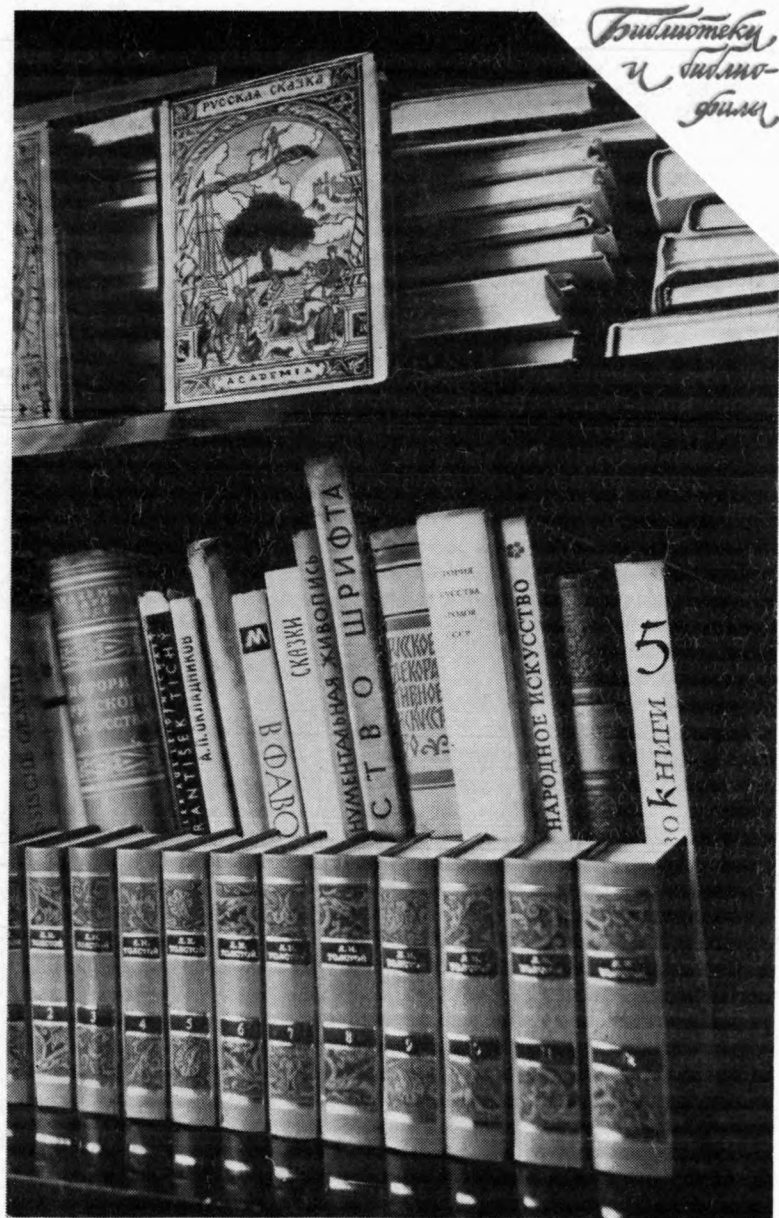
Нет божества —
Чтоб его поддержало,
Как и собора
С молитвой-спасением;
Пламени нет, чтоб его не терзало,
Нет и сторонних землетрясений.

Что за источник
У крови, столь яро
Пшавской Арагви кипящей всечасно,
Неосушимо, раз участь Акбара —
Города мертвых — ему не опасна!

Сердце поэта — как Рим непреклонный,
Вьется к нему даже тропка любая;
В сердце поэта — в костре вознесенном —
Так и бушует борьба мировая!

*Перевел с грузинского
Сергей Бобков*

*Библиотека
и библиотекарь*

Книги делают человека лучше, а это одно из основных условий и даже основная, чуть ли не единственная цель искусства.

И. ГОНЧАРОВ

Пока библиотечный институт
работает,
на полки книги ставят,
нас никакие бомбы не сметут,
нас никакие орды не раздавят.
Б. СЛУЦКИЙ

Александр Никитин

КНИЖНОЕ СОКРОВИЩЕ ПОЛЕНОВЫХ, ИЛИ ЗАГАДКА ЭКСЛИБРИСА «ДВП»

Каждый день из Москвы в Поленово, в этот чудесный уголок на Оке, отправляются автобусы с экскурсантами. Их привлекает Музей-усадьба замечательного русского художника Василия Дмитриевича Поленова, создателя «Московского дворика» и многих других прекрасных полотен.

От Москвы до Поленово 120 километров. Но случилось так, что мой путь оказался дальним: через Тамбов, затем через Балтику ехал я в тульские «пенаты» художника, где ждала одна необычная история.

* * *

Державинская улица, названная в честь российского поэта, когда-то служившего губернатором здесь, в Тамбове, вывела меня к старинному особняку с подъездами, с сохранившимися чугунными колоннами и навесом через весь тротуар. Теперь здесь располагалась библиотека. Был вечер, читальный зал сиял огнями. Я уже приоткрыл массивную дверь, когда мой взгляд остановился на объявлении: «Просим читателей, когда-либо изучавших латынь, срочно подойти к дежурному библиотекарю...»

Поднимаясь на второй этаж, невольно подумал: «И кому это понадобилась латынь, да еще так срочно?» Не знаю, врожденное любопытство или воспоминание о годах изучения латыни в университете привели меня к дежурному библиотекарю. Не говоря ни слова, он увлек меня в глубину книжных недр.

Распахнулась узкая створка дверей, и я увидел за столом заместителя директора областной библиотеки Александра Ильича Сапогова, рядом с ним — несколько серьезных людей. «Наверное, врачи или провизоры!» — пронеслось в голове, когда я присел рядом и почувствовал легкий запах лекарств.

Александр Ильич положил на ладонь толстую книгу в желтом кожаном переплете и, прежде чем ее раскрыть, объяснил, что книга имеет надпись, связанную с именем Суворова, но

сделана она на латинском языке. Раньше на нее не обращали внимания («Латынь из моды вышла ныне»), однако имя Суворова, в конце концов, заставило библиотекарей призвать на помощь своих читателей. Тогда-то и явились к ним почтенные медики, которые сообща разобрали надпись. И что же?

Надпись гласила, что книга куплена в феврале 1766 года по приказанию полковника Александра Васильевича Суворова, командира Суздальского полка, и используется им на занятиях латынью с кадетами квартированного полка. Кроме того, было записано, что эта книга, как воинское полковое имущество, подлежит досмотру «директора полка» Филиппа Аурицкого, по-видимому, полкового распорядителя учебными занятиями. Им-то и сделана витиеватая надпись, заканчивающаяся так: «Подписано собственноручно 1766 года, апреля месяца, 10 дня».

— А теперь вот,— сказал мне Сапогов,— смотрите сами!..

Я открыл первый лист и увидел на нем уже изрядно выцветшие строки, написанные бурными орешковыми чернилами. Почерк был довольно крупный, латинская надпись своими завитушками чем-то напоминала русскую скоропись конца XVII века и занимала почти всю страницу. Вид бумаги и чернил не вызывал сомнений в том, что надпись сделана очень давно.

Перевернул еще лист, и передо мной предстал полный титул книги:

«Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллиногреческих и латинских. Сокровище из различных древних и новых книг собранное и по алфавиту славянскому в чине расположенное».

Ниже название книги повторялось на двух других языках — древнегреческом и латинском.

Это действительно редкая книга — первый в России словарь на трех языках, напечатанный в Москве в 1704 году. Составил лексикон «справщик», впоследствии руководитель Московского Печатного Двора Федор Поликарпов. Воспитанник Славяно-греко-латинской академии и ее преподаватель Поликарпов был одним из образованнейших людей России начала XVIII столетия. Поликарпова хорошо знал и ценил Петр I. Некоторые книги выходили в Москве по личному указанию царя: они служили его реформаторской деятельности, успех которой был невозможен без развития науки и просвещения.

Многие книги издавались Поликарповым впервые. За год до рождения лексикона-«сокровища», как говорится о нем в названии, в этой же типографии впервые в России были отпечатаны «Таблицы логарифмов». Здесь же — и снова впервые — появилась на свет знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, которую Ломоносов назвал «воротами учености».

Латынь в начале XVIII века была языком науки, так что лексикон Федора Поликарпова стал просто незаменимым для русских грамотеев того времени. Точно такой же лексикон вытребовал из Москвы в Петербург для своей личной библиотеки Петр I¹. Популярен был лексикон и среди иностранцев. В библиотеке АН СССР в Ленинграде хранится экземпляр поликарповского словаря, принадлежавший лейб-медику Петра I, голландскому ученому Роберту Арескину.

Важно отметить и другое. Книга, напечатанная в Москве за пять лет до Полтавской баталии, пользовалась спросом вплоть до XIX столетия. И выбор Суворова говорит о том же—о долгой службе словаря и его популярности.

Перенесемся теперь в середину XVIII века—в 1766 год. В то мирное время 37-летний полковник Суворов, уже успевший побывать комендантом Мемеля и принять участие в битве с пруссаками при Кунерсдорфе, командовал Суздальским полком, расквартированным в Новой Ладоге,—одним из старейших полков русской армии. При Полтаве полк вместе с другими преследовал отступавших шведов и пленил остатки разбитой армии Карла XII. Суздальцы воевали в Крыму, штурмовали Очаков.

Став еще в 1763 году командиром Суздальского полка, Суворов по-своему использовал временное затишье на русских границах: превратил полк в образцовую школу для солдат и офицеров. Иначе говоря, на этот раз суздальцы отличились на зимних квартирах. И сделать это, право, было не легче, чем в открытом сражении. Вот тогда и родились крылатые суворовские слова: «Тяжело в ученье—легко в походе».

В ученье суздальцам было действительно тяжело. Неутомимый полковник по-новому обучал вверенный ему полк, почти не оставляя солдатам и офицерам досуга. Некоторые офицеры, иначе использовавшие мирные будни, спешили перевестись в другие полки или уйти в отставку. А Суворов тем временем разрабатывал свой первый новаторский военный труд «Полковое учреждение», из которого выросла потом его знаменитая «Наука побеждать».

И вполне закономерно, что высокообразованному полковнику Суворову, сочинявшему стихи, читавшему в подлинниках Гомера, Плутарха, Тита Ливия и Юлия Цезаря, могла понадобиться в Новой Ладоге книга Федора Поликарпова. Александр Васильевич Суворов относился к тем любознательным русским людям, которые в любых условиях, даже в самых трудных, находят время для пополнения образования—своего и своих подчиненных.

Да и для чего, кроме учения, нужны словари? И надпись на лексиконе характерна для тех дней. Именно так обозначалась

принадлежность книги казенному заведению. Печати, штампы, инвентарные номера тогда еще не были в ходу...

Аутентичность перевода латинской надписи подтвердилась уже в Москве; перевод в Тамбове был сделан в основном правильно. Вот разве лишь фамилия «директора полка» Филиппа Аурицкого ставила в тупик. По мнению моих бывших учителей — преподавателей латыни в Московском университете, — этот Филипп скорее всего носил фамилию Золотова.

Именно так звучит дословный перевод подписи: «Аурицкий». Россияне той далекой поры, изучая латынь, иногда щеголяли более звучными, на их взгляд, переделками-переводами собственных фамилий. Конечно, что касается нашего заочного знакомого, это только гипотеза, хотя и не лишенная здравого смысла.

К сожалению, и эта деталь мало что внесла в дальнейший ход поисков. Среди ближайшего окружения Суворова той поры не обнаружено пока ни Аурицкого, ни Золотова. Зато в документах есть упоминание о том, что Александр Васильевич в Новой Ладогe вел занятия не только с младшими офицерами — подпрапорщиками и кадетами, но и с солдатами, даже с солдатскими детьми. Для этого он сам составил краткий катехизис и написал учебник арифметики. В числе полковых построек, воздвигнутых при Суворове в Новой Ладогe, значатся также школы. В одной из них петербургский губернатор Сиверс как раз в 1766 году увидел даже некое подобие сцены, на которой кадеты Суздальского полка разыграли поставленную специально к его приезду пьесу.

Осенью 1768 года был получен приказ о немедленном выступлении Суздальского полка в Смоленск — началась война с польскими конфедератами, кончилась пятилетняя мирная жизнь. Суворов устремился в поход с такой поспешностью, что даже не успел отдать распоряжений об оставшемся в Новой Ладогe полковом имуществе и посылал указания с дороги. Возможно, что именно в те дни и был оставлен в здании одной из новоладожских школ поликарповский словарь.

А теперь сопоставим факты. Трехязычный лексикон, краткий катехизис и солдатский учебник арифметики обогащают наше представление о Суворове, они наводят на размышления о том, не слишком ли односторонне, не слишком ли традиционно воспринимается порой его деятельность? Да, гениальный полководец, бесстрашный в бою, неутомимый в учении. Но в учении, дескать, чисто воинском, походном и так далее. Не надо забывать, что первые биографы полководца были военные люди, и они, естественно, изучали и описывали именно те стороны его деятельности, в которых считали себя специалистами.

На деле же, оказывается, все было чуть-чуть иначе. Полководец обучал солдат не только на плацу, на марше, в сражении, но и в школах, сам писал или искал для них учебники, чтобы были его подопечные не только исполнительными «нумерами», но и людьми грамотными, чтобы знали они и о героях греческих, и о богатырях из летописей славянских. Без такого морального вооружения, без патриотического духа не было бы никогда суворовских чудо-богатырей!

Недаром, отвечая стихами на «Эпистолу» поэта-современника Е. И. Кострова, который прославлял храбрость и гениальность полководца, Александр Васильевич писал:

В священный мудрые водворены быв лог,
Их смертных просвещать есть особливый долг;
Когда ж оставят свет, дела их возвышают,
К их доблести других примером одобряют.

Смертных просвещать, одобрять примером... И тут все встало на свои места. И вышедшая из моды латынь, и восхищение забытым раритетом Александра Ильича Сапогова, солдата последней войны, и поистине завидная судьба самого словаря, и многое другое, что еще недавно казалось пустячным, отрывочным, не имеющим никакого значения. «История — учительница жизни!» — говорили древние и, кажется, не ошиблись.

...Но вернемся в Тамбов. Попробуем узнать, как и когда оказалась здесь книга Суворова?

Внимательно перелистав тамбовский экземпляр лексикона и не найдя в нем никаких других латинских надписей, остановимся на пометках, сделанных на внутренней стороне переплета. В эллипсе фиолетовой печати значится: «Нарышкинская особая библиотека в г. Тамбове». Рядом чуть приметный росчерк карандашом: «Шкаф Поленова». Все слова приведены по старой русской орфографии. В верхнем левом углу приклеен относительно безыскусный экслибрис, представляющий собой монограмму из трех букв «ДВП».

Экслибрис, как и другие записи, говорил о том, что книга в более позднее время входила в личную библиотеку русского дипломата и ученого Д. В. Поленова (1806—1878), отца художника В. Д. Поленова. И это придавало истории словаря еще больший интерес: ведь далеко не всегда ценные книги переходят в руки достойных преемников. Здесь же, как видим, счастливый случай.

После окончания Петербургского университета Дмитрий Васильевич служил в министерстве иностранных дел, а с 1832 по 1836 год был секретарем русского посольства в Греции. Эта строка в биографии одного из владельцев раритета для нас очень важна. Она дает основание предположить, что уже повидавший

виды славяно-греко-латинский лексикон на втором веку своего существования мог иметь для Поленова не только чисто исторический, но в какой-то мере и профессиональный интерес. Возможно, что со своим новым владельцем суворовский экземпляр словаря проделал путь в Элладу и вернулся обратно.

Настольной книгой лексикон мог служить Дмитрию Васильевичу и в последующие годы, когда после возвращения в Россию Поленов был избран ученым секретарем Русского археологического общества. В этом не было никакой случайности, ибо Греция, где он провел четыре года,— страна самых блистательных археологических находок. На изучение античной истории он не жалел ни времени, ни сил.

Однако потом Дмитрия Васильевича увлекла отечественная история: основные научные работы он посвятил изучению русских летописей, деятельности так называемых Уложенных комиссий екатерининской эпохи. Среди исторических сочинений академика и члена многих научных обществ Дмитрия Васильевича Поленова лишь одно носит биографический характер— небольшая книжка «А. Я. Поленов, русский законовед XVIII века», изданная в 1865 году в Москве.

Работу эту Дмитрий Васильевич посвятил своему деду, одному из первых русских юристов Алексею Яковлевичу Поленову (1738—1816)—сыну солдата, сумевшему получить образование.

В 1766 году, когда Филипп Аурицкий покупал для Суворова лексикон, Алексей учился в Страсбургском университете, куда был послан после окончания Университета при Российской Академии наук².

В городе Страсбурге, расположенном на границе Франции с Германией, А. Я. Поленов, изучая право, прожил несколько лет. Об этом представителе рода Поленовых можно сказать словами Пушкина: «Он из Германии туманной привез учености плоды: вольнолюбивые мечты...» Поселившись в Петербурге, Алексей Яковлевич написал на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом, сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России», в котором резко критиковал крепостничество и его защитников.

Здесь же кратко скажем и о его сыне Василии Алексеевиче Поленове—о том самом, часть переписки которого с А. С. Пушкиным опубликована в Полном академическом собрании сочинений поэта. А относится эта переписка ко времени, когда Пушкин получал непосредственно из рук директора Государственного архива в Петербурге В. А. Поленова документы о Пугачевском восстании и, собираясь ехать на Урал, уже набросал вчерне свою «Историю Пугачева».

Каков же итог наших экскурсов в родословную последних владельцев книги? Не отвергая предыдущих версий относительно появления суворовской книги в библиотеке Поленовых, они дают повод выдвинуть новую. Не могла ли эта книга оказаться у солдатского сына Алексея Поленова еще в XVIII веке, а потом уже по наследству перейти к Дмитрию Васильевичу? Если это так, то лексикон еще раньше мог побывать в Страсбурге.

Но как могла попасть библиотечная коллекция давнишних жителей Петербурга в Тамбов?

Ответ на этот вопрос дает «Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову». Такой список был издан в 1893 году в Петербурге и представляет собой толстую книгу. Из предисловия к нему мы узнаем, что Дмитрий Васильевич еще при жизни завещал свою уникальную библиотеку Тамбову.

Не последнюю роль в этом поступке сыграл, наверное, его шурин — брат жены Леонид Алексеевич Воейков, который почти всю жизнь провел в своем имении в селе Ольшанке Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (теперь Мучкапский район Тамбовской области). У Воейкова, воспитанника Царскосельского лицея, сына героя Отечественной войны 1812 года, тоже была значительная библиотека, переходившая по наследству из поколения в поколение. Сам Леонид Алексеевич собирал преимущественно материалы по истории и статистике Центрально-Черноземного края России.

В эти степные места не раз приезжал Дмитрий Васильевич с женой и сыновьями, один из которых стал потом народным художником, а другой — маститым профессором геологии. Здесь, наверное, и узнал Д. В. Поленов, что в Тамбове на частные пожертвования создается Дом народных чтений с библиотеками разного назначения. Одним из инициаторов этого дела выступил меценат Э. Д. Нарышкин, располагавший огромными капиталами.

Ни Поленовы, ни Воейковы больших средств не имели, тем не менее они тоже решили внести вклад в дело народного просвещения — передать Тамбову свои непомерно разросшиеся семейные библиотеки. Но строительство Дома народных чтений затянулось. В 1878 году скончался Д. В. Поленов. Не дождался открытия Дома и Л. А. Воейков, умерший спустя семь лет. За это время в Ольшанку успели перевезти из Петербурга огромную поленовскую библиотеку, которая пополнилась книгами из библиотеки Воейковых.

Лишь в 1892 году строительство Дома народных чтений, в котором и расположена теперь Тамбовская областная библиотека имени А. С. Пушкина, было закончено. В том же году художник

Василий Дмитриевич Поленов передал «тамбовскому обществу» собрание книг своего отца и дяди. Для этих коллекций отвели «особую залу» в нижнем этаже здания. Тогда же, наверное, и появился на поленовских книгах экслибрис с монограммой «ДВП», — он стоит и на суворовском «Лексиконе трехязычном...».

Кстати, суворовский экземпляр лексикона в каталоге поленовской библиотеки значится под номером 7873. Словарь этот единственный в каталоге, что окончательно подтверждает имя его последнего владельца.

Всего из села Ольшанки перевезли в Тамбов около десяти тысяч книг, многие из которых были поистине уникальными. Сочинения античных авторов на древних языках и в переводах, собрание русских летописей, прижизненные издания российских и зарубежных писателей за сто с лишним лет. Помимо суворовского экземпляра «Лексикона трехязычного...», в поленовской коллекции до сих пор хранится первое издание книги «Житие Ф. В. Ушакова», напечатанное А. Н. Радищевым в 1789 году — за год до появления «Путешествия из Петербурга в Москву». Сохранилось здесь и первое издание «Слова о полку Игореве» (М., 1800). Как известно, единственная рукописная копия замечательного произведения древнерусской литературы, найденная А. И. Мусиным-Пушкиным, погибла во время пожара Москвы в 1812 году, и текст его запечатлен лишь благодаря этому изданию.

Среди книг с экслибрисом «ДВП» хранились также издания из личной библиотеки Г. Р. Державина. Нет, они не оставались в Тамбове со времени губернаторства Гаврилы Романовича. Причина появления их здесь совсем другая. Дело в том, что жена Д. В. Поленова, М. А. Воейкова, была дальней родственницей поэта. Мало того, в пору своей молодости она воспитывалась в этой семье в Петербурге. Оттуда державинские книги вместе с поленовской коллекцией перевезли в тамбовское село Ольшанку, а потом уже передали в Нарышкинскую библиотеку.

До сих пор мы говорили лишь о книгах. Но, оказывается, были в Ольшанке и другие «материалы для биографии поэта». Совершенно неожиданно, занимаясь в Отделе рукописей Пушкинского Дома в Ленинграде, я нашел письмо, набросанное непринужденным почерком. Адресовано оно как раз Марии Алексеевне Поленовой, урожденной Воейковой. Внизу листа дата: 20 октября 1880 года. И подпись: Яков Грот.

Известный литературовед и биограф Державина писал Поленовой: «Спешу поднести Вам том биографии Державина, на днях вышедший... Как больно мне, что именно этот том выходит тогда, когда уже нет почтенного Дмитрия Васильевича, который так интересовался им и так много участвовал в доставлении мне

богатых материалов для биографии поэта»³. Неопубликованное письмо Грота раскрыло передо мной характерную деталь: использование Поленовыми своей библиотеки во благо отечественной литературы.

Теперь державинские книги поленовской коллекции в Тамбове относят к числу пропавших. Но, к счастью, пропали не все. Несколько книг, в том числе повесть в вольных стихах И. Ф. Богдановича «Душенька» (Спб., 1783), подаренная автором Державину, а также «Анакреотические песни» (Спб., 1804) самого Державина с его пометками в тексте, были приобретены в тридцатые годы у московских букинистов писателем Владимиром Германовичем Лидиным⁴.

На этих книгах, как и на суворовском экземпляре «Лексикона трезычного...», тот же эжлибрис с монограммой «ДВП» и оттиск печати: «Нарышкинская особая библиотека в г. Тамбове». Я еще раз сличил названные издания со списком книжной коллекции Поленовых и Воейковых из села Ольшанки. В нем указаны обе книги. Сомнений быть не может: редчайшие книги Богдановича, Державина, Радищева и Суворова стояли когда-то рядом в одном и том же «шкафу Поленова» в Тамбове.

* * *

Пожалуй, здесь можно было бы поставить точку. Но захотелось побывать в Музее-усадьбе художника В. Д. Поленова на Оке под Тарусой, встретиться с давним знакомцем — внуком живописца Федором Поленовым. Когда-то, четверть века назад, мы были сослуживцами. Капитан-лейтенант Поленов командовал кораблями ударно-поисковой группы, а я нес вахту радиста на эскадренном миноносце «Страшный». Но встречались друг с другом чаще всего не на морских просторах, а в литературном объединении Балтийского флота.

И вот, когда я приехал в поленовскую усадьбу, Федор Дмитриевич показал замечательный портрет углубленного в свои мысли человека, в строгом черном сюртуке и с книгой в руках.

— Наверное, именно таким вы и представляли хозяина подаренной Тамбову библиотеки? — заметил Федор Дмитриевич. — Портрет написан в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, за год до смерти прадеда.

— Кем написан?

— Его сыном, народным художником Василием Дмитриевичем Поленовым, завещавшим Советскому государству не только библиотеку, но и все свои живописные полотна, свою мастерскую, свой дом...

На первом этаже особняка — библиотека Поленовых уже более позднего времени. Солнечный свет играет на золоте

переплетов. И снова поражаешься — на этот раз широте кругозора художника. Книги на русском и иностранных языках по истории, философии, географии, художественная литература, альбомы... А на дверцах деревянных резных шкафов монограмма, напоминающая тамбовскую, но только из двух букв: «ВП».

Дошла очередь до суворовского лексикона, и Федор Дмитриевич высказал свою версию:

— Семейное предание гласит, что один из наших предков служил под началом Суворова и штурмовал Измаил. Не знаю, в каком полку служил, но теперь можно предположить, что в Суздальском. Наверное, словарь попал в семью еще через Якова Кондратьевича. Все Поленовы были страстными библиофилами, ценили книги и передавали их из поколения в поколение.

По дороге из Поленово в Москву читаю рассказ Федора Дмитриевича «Березовый сок», опубликованный в 37-м номере «Недели» за 1975 год. Старый генерал Воейков, отец матери художника, возвращается из похода славного двенадцатого года, после ранения, в родное тамбовское село Ольшанку, и кучер угощает его березовым соком. Воейков открывает походный ларец и достает хрустальный бокал императора Франции — военный трофей из захваченного в бою под Красным обоза Наполеона⁵. Но тут же отставляет императорский бокал в сторону, увидев рядом с наполненной березовым соком колодой крестьянский берестяной ковшик, и благоговейно берет его в руки. «Все лучшее, что может взять от родной земли белая береза, — все отдает она свежим весенним соком. Кто хоть раз его пил — никогда и нигде не забудет Родины...»

Поленовская вахта продолжается. Удивительная вахта, измеряемая поколениями и веками!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 168.

² Этот университет просуществовал в России с 1725 по 1765 год. Здесь мы исправляем ошибку, допущенную в «Советской исторической энциклопедии» (М., 1968, т. 11, с. 264), где говорится, что А. Я. Поленов якобы окончил Петербургский университет, который был открыт в 1819 году — спустя три года после смерти А. Я. Поленова.

³ Отдел рукописей Пушкинского Дома, ф. 88, оп. 2, д. 82, л. 1—2.

⁴ См.: Лидин В. Г. Друзья мои — книги. Заметки книголюба. М., 1962. С. 41—47.

⁵ Эта деталь в рассказе Ф. Д. Поленова, как и многие другие, строго документальна. Бокал долгие годы хранился в семье Воейковых в Ольшанке, а ныне находится в экспозиции Музея-усадьбы В. Д. Поленова.

БИБЛИОТЕКАРЬ ГЛАВНОГО АРХИВА

«Хорошо организованная библиотека... определяет до известной степени ход и направление умственной цивилизации в стране...»

Эти слова принадлежат Ивану Федоровичу Токмакову¹, библиографу и историку, автору более 200 печатных работ, активная творческая деятельность которого приходится на последнюю четверть XIX—начало XX века. Имя его, к сожалению, отсутствует в энциклопедиях, в том числе и в энциклопедическом словаре «Книговедение» (М., 1982), нет специальных работ, посвященных творчеству Токмакова. Чем это объяснить? Может быть, тем, что сведения о нем более чем скромны?

1 мая 1874 года восемнадцатилетний Иван Токмаков, выдержав экзамен, был принят на должность помощника библиотекаря в Московский главный архив министерства иностранных дел. В этот год архив и библиотека с исторической портретной галереей были перевезены в новое, специально оборудованное помещение—дом 3 на Воздвиженке (проспект Калинина), на месте которого сейчас корпус Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, построенные в 1930—1941 годах.

Токмаков участвовал в перевозе и устройстве библиотеки на новом месте, что позволило ему быстро и хорошо познакомиться с богатыми фондами замечательного собрания. Уже в 1877 году Токмаков принял библиотеку архива от своего предшественника и до 1900 года состоял в ней делопроизводителем и библиотекарем. Молодой работник оказался человеком творческим, трудолюбивым, рано начал печататься. Первая его публикация, посвященная способам сохранения рукописей и книг, обнаружена нами в газете «Современные известия» за 1875 год (№ 216). В 1877 году в «Ремесленной газете» Токмаков опубликовал статьи «Московские ассоциации и их деятельность» (№ 2) и «Бабий городок в Москве (народные предания)»—(№ 3 и 4). Эти публикации положили начало московской тематике в работе исследователя.

Известность Токмакову принесло издание составленных им тематических каталогов библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел.

Все началось в 1879 году с появления его брошюры «Обозрение библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел». «Обозрение...» явилось общим путеводителем по библиотеке, кратко описывавшим ее интересную историю, перечислявшим главнейшие редкости и замечательные издания по основным отделам. Автор «Обозрения...» как бы увлекал за собой любознательного читателя в путешествие по библиотеке. В том же году один за другим выходят из печати первые каталоги сокровищ библиотеки, составленные Токмаковым, с историческими экскурсами и библиографическими примечаниями. Тематика их разнообразна. Это каталоги славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 год, рукописей с XIII по XIX век и книг по юриспруденции с 1500 по 1879 год, дел и рукописей Аптекарского приказа, книг по медицине на русском и иностранных языках с 1597 по 1870 год, а также — «Библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел каталог рукописям, относящимся до Москвы, Московской губернии, их церквей и монастырей», в котором описаны 112 рукописей, планов, рисунков, акварелей. Однако эти рукописи охватывают значительно больше единиц хранения. Так, под № 96 «Материалы для исторического описания Москвы», составленные бывшим директором архива А. Ф. Малиновским (1762—1840), содержат многочисленные документы, систематизированные по разделам, каждый из которых характеризует определенную исторически сложившуюся часть Москвы: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город, а также «загородье» и окрестности. Подавляющее большинство рукописей, перечисленных в каталоге, — извлечения из знаменитых портфелей Г. Ф. Миллера (1705—1783). Некоторые рукописи — из бывшего Государственного Посольского приказа, из портфелей А. Ф. Малиновского, из библиотеки и бумаг М. А. Оболенского и других дарителей. В предисловии к этому каталогу Токмаков дает краткую характеристику рукописных и печатных материалов, которые составляли так называемый Московский отдел, созданный в 1874 году в одном из залов библиотеки и содержавший все, что было собрано о столице в этом замечательном книгохранилище.

Большой интерес к Московскому отделу библиотеки стали проявлять и отечественные, и зарубежные исследователи вскоре после его организации. Поэтому создание каталога всех материалов, хранившихся в Московском отделе, стало к концу 70-х годов XIX века делом необходимым. Принимаясь за эту работу, Токмаков видел главную цель не только в помощи ученым и

Московский Главный архив

людям, интересующимся историей города. Своим трудом он стремился «доставить практическую пользу и, насколько возможно, облегчить архивные разыскания для будущих исследователей Москвы». Далее Токмаков выступает с важной инициативой, призывая библиографов поддержать его начинание в составлении таких же каталогов в других архивах и библиотеках: правительственных, общественных и частных, в которых имеется немало интересных материалов по истории и статистике Москвы. «С изданием таких каталогов возможно было бы сделать не только общий, полный обзор научного движения для изучения Московской губернии, но и возбудить новые исследования, имеющие большое значение как для археологии, так и, в некотором отношении, для этнографии и антропологии».

До выхода отдельной брошюры каталог был опубликован в XV выпуске «Известий Московской городской думы». В заметке московского корреспондента петербургского журнала «Всемирная иллюстрация», подписанной Ф. П. (Федор Федосеевич Попудогло,

1846—1883), эта работа названа выдающейся среди прочих публикаций по истории Москвы. Автор заметки отмечает, что «каталог и предпосланное к нему предисловие прекрасно составлены г. Токмаковым, библиотекарем архива, и могут оказать несомненную услугу каждому, желающему изучить нашу столицу по рукописям этого богатого книгохранилища, которое, год от года расширяя свою деятельность, начинает приносить все более и более пользы ученому миру»².

Появление каталога было отмечено и зарубежной прессой (брюссельским журналом «Nord», лондонской газетой «The Academy» и другими).

Обсуждая издания Московского главного архива министерства иностранных дел, журнал «Исторический вестник» писал, что «трудами молодого и многообещающего библиотекаря архива г. Токмакова издано несколько библиографических трудов, составляющих богатый вклад в русскую библиографию и делающих наконец известными те сокровища, которые до сих пор оставались сокровенными для публики»³. Давая высокую оценку первым работам Токмакова, журнал, в частности, отмечает, что «Каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 год» гораздо интереснее и богаче других подобных изданий и отличается более полной библиографической системой, чем каталоги В. С. Сопикова, П. М. Строева и других авторов. Каталог этот опубликован также в VIII выпуске «Летописи занятий Археологической комиссии».

Признание, высокая оценка работ исследователя активизировали его деятельность, и в 1880 году он публикует отдельным изданием «Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел каталог книг, относящимся до Москвы, Московской губернии, их церквей и монастырей с XVI столетия», завершив тем самым описание всех материалов, хранившихся в Московском отделе библиотеки. Каталог содержит 54 страницы и состоит из трех разделов: книги на русском языке (272 издания), книги на иностранных языках (68 изданий), планы городов, географические карты, виды замечательных местностей и зданий Московской губернии в различные эпохи их существования (75 наименований). Книги в первых двух разделах перечислены в алфавитном порядке, в третьем разделе материалы расположены в хронологической последовательности, что делает пользование каталогом очень удобным. По надписи, имеющейся на экземпляре, который хранится в моем собрании книг о Москве и Подмоскowie, тираж каталога составлял 200 экземпляров.

Предметом моей особой гордости является полный (8 выпусков) «Указатель материалов для изучения истории, археологии, этнографии и статистики Москвы...», составленный Токмаковым

и изданный в том же 1880 году. Все выпуски этого редкого издания — в мягких, хорошо сохранившихся обложках и составляют в общей сложности 350 страниц библиографических сведений о нашей столице и ее области. Это самая полная библиография литературы о Москве и Московской губернии по состоянию на 1880 год. В предисловии к первому выпуску Токмаков писал, что «в этот указатель войдут, кроме собрания каталогов рукописных и печатных книг по разным архивам и библиотекам России, также и полная библиография Москвы с начала книгопечатания в России, следовательно, сюда войдут выборки из летописей и других источников, изданных как правительственными, так и частными учреждениями, и таким образом составится полный алфавитный указатель всех заключающихся в них упоминаний о Москве и ее достопримечательностях».

Большую часть «Указателя...» составляет раздел «Опыт Российской библиографии о Москве с 1703 по 1880 год». При подготовке этого раздела (автор ввел его со второго выпуска «Указателя...» использованы: «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. в библиографическом и хронологическом порядке, описанных А. Н. Неустроевым» (Спб., 1874); журналы: «Вестник Европы» с 1802 по 1830 год, «Отечественные записки» с 1839 по 1841 год, «Москвитянин» с 1841 по 1853 год; «Московский вестник» с 1827 по 1831 год; «Русский зритель» с 1828 по 1830 год; издания Общества истории и древностей российских за 1815—1879 годы; Геннади Г. Н. «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год», т. 1, А—Е (Берлин, 1876); А. Г<олубев>, Н. С<обко> «Русская библиография. Год первый. (1878)» (Спб., 1879); Забылин М. «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М., 1880); Межов В. И. «Библиографический указатель вышедших в России книг и статей... (с 1859—1876 г.)». В процессе подготовки последующих выпусков Токмаков включал дополнения к этому разделу, почерпнутые из других изданий, в том числе из новых книг, журналов, газет.

«Указатель...» также содержит извлечения из каталогов крупнейших московских, подмосковных, петербургских архивов и библиотек в виде самостоятельных разделов. Многие материалы, помещенные в «Указателе...», аннотированы. К сожалению, расположение библиографических источников по принципу принадлежности тому или иному архиву или библиотеке, а также дополнения к разделу «Опыт российской библиографии о Москве с 1703 по 1880 год» и другим, помещенные в различных выпусках, создают неудобства в пользовании «Указателем...». Однако достоинства этого труда несомненны. Известный совет-

Библиотека Главного архива

ский библиограф и книговед Н. В. Здобнов назвал «Указатель...» Токмакова ярким примером историко-археологической краевой библиографии⁴.

Иван Федорович хотел собрать также полную библиографию иностранных книг о Москве. Однако эти планы не осуществились.

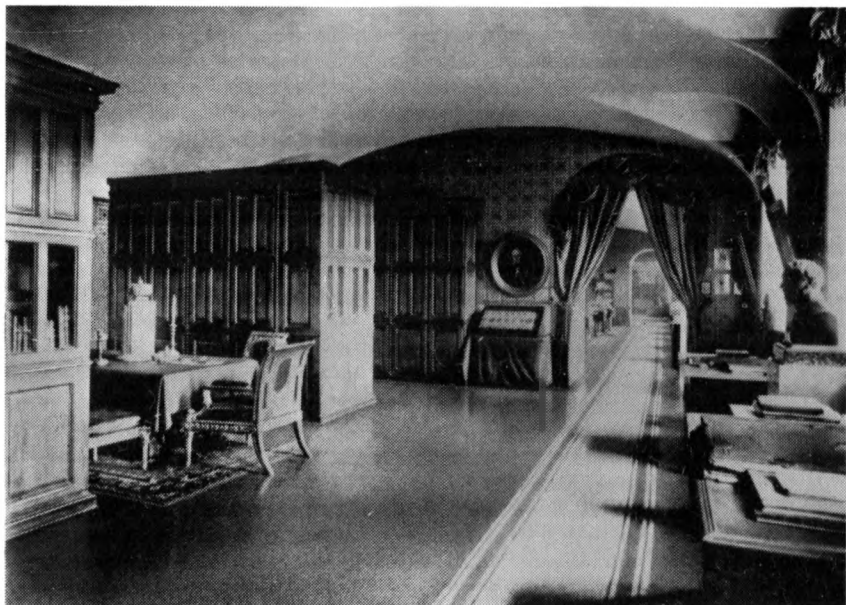
Последний выпуск «Указателя...» опубликован в конце 1880 года, он подводил итоги плодотворной деятельности молодого библиографа за истекший год, которая была высоко оценена современниками. Положительные отзывы о работах Токмакова, особенно посвященных Москве, опубликовали газеты «Голос» (1880, № 349), «Современные известия» (1880, № 352), «Русские ведомости» (1880, № 337), «Московские ведомости» (1881, № 11).

Публикация каталогов рукописей и книг о Москве из собрания библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел и «Указателя...» оказалась очень своевременной. Автору не пришлось долго ждать, чтобы «доставить практи-

ческую пользу... для будущих исследователей Москвы»: по решению Московской городской думы в июле 1881 года началась большая работа по сбору и подготовке материалов для создания истории древней столицы. «Желая, со своей стороны, содействовать этому предприятию», Иван Федорович и издал в короткий срок свой «Указатель...», сообщив о поставленной цели в предисловии к первому выпуску.

25 мая 1877 года на заседании Думы выступил Н. А. Найденов — историком и любителем московской старины он известен как издатель замечательных альбомов: «Москва. Снимки с видом местностей, храмов, зданий и других сооружений», в 4 частях (М., 1886); «Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений», в 2 частях (М., 1888, 1891); «Москва. Городские ряды» (М., 1890), — который предложил рассмотреть вопрос о создании фундаментального научного описания Москвы, ее истории. Городской голова С. М. Третьяков — брат основателя Третьяковской галереи — поддержал Н. А. Найденова. Была создана специальная комиссия для обсуждения этого вопроса, которая обратилась к известному бытописателю древней столицы Ивану Егоровичу Забелину (1820—1908/09) с просьбой возглавить группу специалистов для сбора материалов и написания истории города. Получив окончательное согласие Забелина, взявшегося за столь большое и ответственное дело «не из нужды, но по любви к предмету»⁵, Дума своим решением от 17 декабря 1880 года утредила его руководителем работ. В помощники историк пригласил двух опытных архивистов братьев В. Н. и Г. Н. Холмогоровых, известных по публикации ценных обзоров церквей и сел Московской губернии.

Несмотря на то, что «историю приходится собирать по крупицам, рассеянным во множестве книг и рукописей, не говоря об архивном материале, где и самые крупницы добываются с утратой премногого времени»⁶, уже в 1884 году были опубликованы первые результаты исследования — «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» (93 печатных листа). В большом введении, написанном Забелиным, дается обзор наиболее известных книг о Москве с XVIII века по начало 70-х годов XIX века включительно. При подготовке «Материалов» в значительной степени использованы книги и дела богатейшего Московского архива министерства юстиции, сотрудниками которого были братья Холмогоровы, других московских архивов, вплоть до архива духовного ведомства города. Несомненно, и библиографические работы Токмакова оказали помощь исследователям. Второй том «Материалов» (103 печатных листа) вышел в 1891 году, а «Историю города Москвы» (первую часть)

Зал государственных грамот и договоров

Забелин закончил и опубликовал лишь в 1902 году (второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 1905 году. Приложением к первой части «Истории города Москвы» служит «Альбом старинных видов Московского Кремля». М., 1904).

Деятельность Токмакова с конца 70-х годов не ограничивается рамками служебных обязанностей, библиографических поисков, публикаций каталогов и указателей литературы. Он печатает статьи и заметки в различных периодических изданиях, в основном под псевдонимами: Библиограф, Один из посетителей, И. Ф. Т-в, иногда под своей фамилией.

В 1879 году возник журнал «Российская библиография», издаваемый петербургским книгопродавцем Э. К. Гартве. Со дня основания и до прекращения издания в 1882 году (всего вышло 103 номера) Токмаков активно сотрудничал в нем. Редактором журнала до начала 1881 года был Е. Ф. Буринский, затем Н. М. Лисовский. В издании принимали участие и другие известные библиографы, историки, библиофилы того времени: Я. Ф. Березин-Ширяев, П. А. Ефремов, И. А. Шляпкин, Г. Н. Геннади, С. Ф. Либрович, В. И. Межов.

Древлехранилище

«Российская библиография» оставила заметный след в истории русского книгоописания—в основном благодаря печатавшимся в журнале систематическим спискам новых отечественных и важнейших иностранных изданий. Были предприняты и попытки аналитической журнальной библиографии. Немногочисленные, но разнообразные по тематике публикации Токмакова в этом журнале представляют определенный интерес. Например, одна из них посвящена практическому разбору новых методов восстановления старых рукописей (1879, № 20, с. 74—76). Описание и впечатления от пушкинской выставки в Москве, устроенной Обществом любителей российской словесности в Благородном собрании с 5 по 11 июня 1880 года по случаю торжеств, связанных с открытием памятника поэту в Москве, Токмаков завершает призывом: «Не мешало бы Обществу также устраивать в Москве периодически библиографическую выставку русских писателей—литераторов и историков» (1880, № 64, с. 298). В его публикациях встречаются сообщения о ценном издании с пометками Н. М. Карамзина, хранящемся в библиотеке Московского главного архива министерства иностранных дел (1880, № 67,

с. 343), о новых поступлениях в эту библиотеку прижизненных изданий А. С. Пушкина — в одно из них вклеено письмо, почерк которого схож с почерком поэта (1880, № 65, с. 313). Несомненно, такое важное сообщение не могло пройти мимо пушкинистов, и предположение автора публикации, очевидно, давно проверено специалистами.

Говоря о положении русских библиотек, автор обеспокоен судьбой ценных книжных собраний и неопубликованных рукописей, хранящихся в старинных усадьбах. Он сообщает об интересных и редких изданиях, о литературе, популяризирующей книгу. Токмаков призывает к организации при Московском обществе распространения технических знаний Публичной технической библиотеки, потребность в которой была очень велика, а в Москве такая библиотека тогда отсутствовала (1881, № 80, с. 86—89). Иван Федорович был действительным членом Московского общества распространения технических знаний, его учебного отдела. Основанное в 1869 году 25 учредителями, Общество в конце первого года существования насчитывало более 500 членов, среди которых были крупнейшие профессора, писатели и общественные деятели.

Учредители Общества полагали, что распространение и совершенствование технических знаний возможно лишь в связи с развитием науки и искусства. Поэтому первостепенной задачей считалось открытие школ, учебных мастерских, классов технического рисования. Учебный отдел начал работу с 1871 года. Проблемы, решение которых он осуществлял, состояли в устройстве детской библиотеки, учебно-педагогического музея, в организации дешевых лекций для «ремесленного класса», разработке методики учебной и воспитательной работы технических школ. Как библиограф Токмаков, несомненно, мог оказать существенную помощь в работе учебного отдела.

Распространению просвещения среди жителей города, не получивших образования, созданию для них библиотек и читален способствовала деятельность другой прогрессивной организации — Комиссии по устройству в Москве публичных народных чтений, членом которой был и Иван Токмаков. Первое чтение проведено Комиссией в народной столовой 21 ноября 1874 года. Вскоре для иллюстраций чтений стал использоваться «волшебный фонарь». Рост интереса к ним среди «московского простонародья» превзошел все ожидания. Для проведения чтений увеличили число аудиторий. Пять чтений прошло, в частности, в большом зале Сухаревой башни. Так, 28 марта 1876 года С. М. Соловьев, в то время ректор Московского университета, выступил с чтением отрывков из своей «Истории России с древнейших времен», а

товарищ председателя Комиссии М. М. Дмитриенко «живо и занимательно» рассказал об истории Сухаревой башни.

Когда началось строительство здания Политехнического музея, архитекторами была специально спроектирована аудитория для народных чтений, где они и проводились с 1877 года каждое воскресенье и в праздничные дни. Тематика отличалась разнообразием.

Слушатели знакомились с произведениями классиков русской литературы, для них читались лекции, посвященные юбилеям писателей, лекции по медицине, истории, географии, общеобразовательные, антиалкогольные и так далее. Чтения проводились также в школах, приютах, училищах, больницах, богадельнях, чайных, столовых, казармах. Материалы о характере деятельности Токмакова в Комиссии обнаружить не удалось, но очевидно, что работа этой организации вполне соответствовала устремлениям молодого библиографа.

В 1880 году Токмаков состоял также членом Московского юридического общества и был корреспондентом знаменитой Археографической комиссии, учрежденной в 1834 году для сбора и издания документов по истории России.

Занимаясь общественной деятельностью, Иван Федорович продолжает активно работать и в области библиографии, публикует обнаруженные им исторические документы. Московская тема получает развитие в «Сборниках материалов для исторических описаний святых и священных достопамятностей Московской губернии», составленных и изданных Токмаковым в 1881 (вып. 1 и 2) и в 1882 годах (вып. 3). Сборники содержат различные исторические сведения, впервые опубликованные рукописи, грамоты, выписки из строительных книг и другие архивные материалы.

Диапазон библиографических и исторических изысканий Токмакова постоянно расширяется. Совместно с В. Д. Левинским он составил и опубликовал «Указатель материалов по истории почт в России с 1582 года» (М., 1881), а затем подготовил «Краткий исторический очерк постепенного развития сценического искусства в России с XVII по XIX столетие» (Спб., 1882), опубликовал в 1885 году библиографический указатель литературы об известных славянских просветителях Кирилле и Мефодии с приложением перечня исторических материалов, хранящихся в архивах и библиотеках. Много работает Иван Федорович в области отраслевой библиографии, которая в эти годы начинает интенсивно развиваться. В 1882 году вышел в свет составленный им «Указатель материалов к истории промышленности и развития прикладных знаний в России» (М., 1882), который явился одним из первых трудов в данной области, однако исследователь

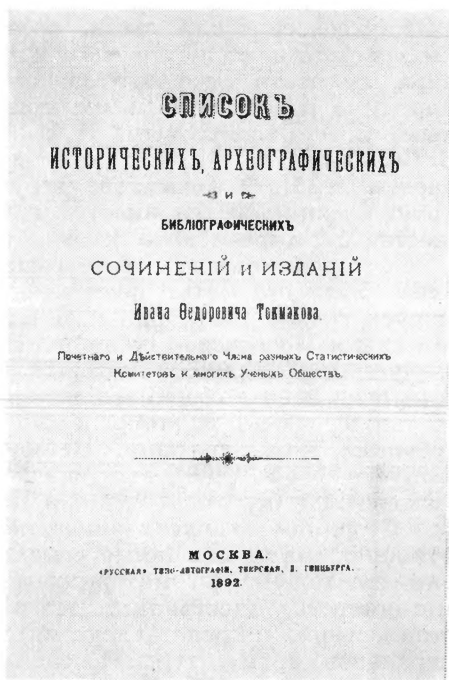
ограничился описанием архивных материалов Московского главного архива министерства иностранных дел.

Библиографический указатель литературы по шелководству за 1703—1882 годы с приложением перечня исторических материалов, хранящихся в правительственных и общественных архивах и библиотеках, был высоко оценен Комитетом шелководства Московского общества сельского хозяйства, который удостоил Токмакова серебряной медали за этот труд в 1883 году. Две работы исследователя посвящены обзору архивных материалов по истории пчеловодства и литературе по этому вопросу за период с 1703 по 1888 год, один сборник является кратким обзором архивных документов по истории лесоводства. Токмаков собрал, систематизировал и издал историко-статистические сведения о производстве знаменитых фарфоровых и фаянсовых изделий на фабрике М. С. Кузнецова, а редакция журнала «Библиограф» опубликовала подготовленные исследователем «Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей», вып. 1 (Спб., 1885), вып. 2 (Спб., 1886).

Таким образом, тематика библиографических и исторических изысканий Токмакова в 1880-е годы была достаточно разнообразной. В известной работе историка и библиографа В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (Киев, 1881, т. 1, кн. 1) даны 22 каталога библиотеки Московского главного архива, составленные Токмаковым, а «Список исторических, археологических и библиографических сочинений и изданий Ивана Федоровича Токмакова...» (М., 1892) содержит 108 печатных работ и 48 подготовленных к печати.

В конце 1880-х годов среди книг Токмакова уже не встречаются каталоги и указатели литературы. Теперь его работы содержат публикации архивных материалов, являются историческими, археологическими, этнографическими, историко-статистическими очерками о различных «достопамятностях» Москвы и Московской губернии, а также сел, городов и уездов России. В 1881—1888 годах был напечатан ряд трудов Токмакова по истории, археологии и статистике Московской губернии⁷. В конце 1880-х годов Иван Федорович задумал большую работу — «Наша родина. Историко-археологический путеводитель по России и ее святыням» в 60 выпусках. Путеводитель предполагалось составить из двух больших томов, включающих около 1200 страниц текста и до 300 древних и современных видов, планов, портретов. К 1892 году автор подготовил к печати выпуск первый, посвященный Костроме, и выпуск второй о Нижнем Новгороде, включив в него и описание известной Нижегородской ярмарки, но издание не состоялось.

Каталог книг
И. Ф. Токмакова

В 1889 году Токмаков начал публиковать новую работу — «Московская старина. Историко-археологический путеводитель по Московской губернии и ее святыням». Был отпечатан выпуск первый. Он оказался единственным из широко задуманного издания, которое, подобно путеводителю «Наша родина», предполагалось издавать в 60 выпусках и должно было в сокращенном виде представить, насколько это возможно, полный очерк Московской губернии с ее достопримечательностями, а в одном из выпусков содержать все справочные сведения, необходимые для приезжего.

В 1885—1886 годах Иван Федорович жил в Кречетниковском переулке, в доме Козменко, где находилась и склад его изданий. Там же Токмаков принимал подписку на свои книги. Список его сочинений, изданный в 1892 году, содержал справку о том, что сочинения автора продаются во всех книжных магазинах России.

8 января 1890 года в специально приспособленном помещении Исторического музея в Москве был торжественно открыт

VIII археологический съезд, посвященный 25-летию основания Московского археологического общества. Съезд работал по 24 января. В состав Предварительного (организационного) комитета наряду с известными и выдающимися учеными Д. Н. Анучиным, С. А. Белокуровым, Н. И. Веселовским, И. Е. Забелиным, В. Ф. Миллером, М. В. Никольским, В. В. Суловым и другими входил и И. Ф. Токмаков, депутат от Московского главного архива министерства иностранных дел, член-корреспондент Общества с 7 апреля 1880 года.

Во время съезда работа секции «Памятники археографические» была полностью построена на обзоре и обсуждении документов упомянутого архива, в частности, относящихся к истории Москвы и Московской губернии. В подготовке работы секции есть заслуга и Токмакова, который начиная с января 1889 года выпустил девять сборников материалов для VIII археологического съезда, восемь из которых вышли под названием «Московская губерния и ее святыни. История, археология и статистика», выпуски 1—4 (1889), выпуски 5—8 (1890); выпуск 9 посвящен Псковской губернии и издан в Пскове (1890).

Сборники содержат ранее не публиковавшиеся документы, рукописи, многочисленные ссылки на архивные источники. Все они составлены по материалам Московского главного архива министерства иностранных дел и Московского архива министерства юстиции и представляют интерес для истории гражданской и церковной архитектуры, а также «для ознакомления с бытом прежнего времени». К сожалению, сборники разноформатны, отпечатаны небрежно—очень плотно, мелким, нечетким шрифтом и на плохой бумаге. Объем каждого из них 15—30 страниц.

Во время работы VIII археологического съезда в Московском главном архиве министерства иностранных дел была открыта выставка древних письменных памятников, посвященная 25-летию Московского археологического общества. Иван Федорович участвовал в организации выставки, он—автор ее каталога.

Серия работ Токмакова «Старая и новая Москва» (М., 1890—1895) была подписная, состояла из 30 выпусков и продолжала историко-археологические и статистические описания столичных достопримечательностей. Один из наиболее интересных в этой серии—«Сборник исторических материалов о Китайской стене в Москве, в связи с обзором владений, примыкающих к стене Китай-города, а равно и находящихся в районе означенной местности» (М., 1894).

В 1895 году Иван Федорович жил в Божедомском переулке (ныне Делегатская улица), в доме Кудрявцева. Он по-прежнему много трудился. В 90-е годы можно говорить и о коммерческой направленности деятельности Токмакова. При его сотрудниче-

стве Московская «Русская» типолитография принимала заказы на создание исторических и археологических описаний монастырей, церквей, посадов, сел, губернских и уездных городов России, фабрик, заводов, историй полков, а также на составление родословных, выпуск различных календарей и других подобных работ. Все заказы выполнялись на основе «точных» документов и рукописей государственных архивов и библиотек. Очевидно, этим объясняется столь широкая «география» работ Токмакова.

Пестрота тематики заказов, короткие сроки выполнения их не способствовали тщательной проработке материала, иногда снижали качество изданий, которые, как правило, оказывались чисто описательными. Так, журнал «Исторический вестник», некогда поддерживавший первые библиографические работы «многообещающего библиотекаря», в 1890 году отмечает в корреспонденции за подписью А. К. (Александр Иванович Кирпичников, историк литературы) поверхностный и даже компилятивный характер работ Токмакова, касающихся исторического и археологического описания какого-нибудь города или веси. «Первые страницы такого произведения обязательно нужно искать в «Географическом словаре» Семенова, а последние — в ранее изданной им же, Токмаковым, книжке, — притом слово в слово», — отмечает автор корреспонденции и приводит доказательства на примере разбора двух брошюр о Вологодской и Калужской старине⁸.

Однако далеко не все «коммерческие» работы Токмакова были поверхностны и компилятивны. Просмотрев некоторые книги из серии «Дороги к прекрасному», которые с 1967 года выпускает издательство «Искусство», я обнаружил пять ссылок современных исследователей на работы Токмакова, две из которых относятся к 1891 и 1892 годам. Ссылки на работы Токмакова, опубликованные в 90-е годы, встречаются и в других современных изданиях.

Со второй половины 90-х годов у Токмакова нет работ о московских достопримечательностях. Однако его книги о подмосковных усадьбах, селах, городах и уездах по-прежнему выходят, расширяя географию исторических, статистических, этнографических и археологических сведений о ближних и дальних окрестностях столицы.

Так, в известной работе И. М. Картавцева «Усадьбы Московской губернии. Опыт библиографического указателя» (М., 1927) упомянуты четыре книги Токмакова о подмосковных усадьбах. Но сведения эти неполны. Известны описания около 15 подмосковных сел, составленные Токмаковым. Среди них: Гребнево, Петровское-Разумовское и другие.

Не все книги Токмакова о Подмоскowie прошли проверку

временем. Но многие из них не затерялись и в наши дни помогают исследователям восстанавливать историю замечательных мест в окрестностях столицы. Так, в числе литературных источников, использованных при составлении географического словаря Московской области «Все Подмосковье» (М., 1967),— семь книг Токмакова, а в каталоге «Памятники архитектуры Московской области» (М., 1975) имеются ссылки на работы исследователя...

Напряженная многолетняя деятельность подорвала здоровье Ивана Федоровича, и в 1902 году он вышел в отставку по болезни, однако продолжал трудиться, и книги его выходили еще в течение нескольких лет.

К сожалению, каталога сочинений Токмакова, изданных после 1892 года, нет, и установить точное количество его работ и дату выхода последней из них непросто. Задача усложняется еще и тем, что книги выходили в разных городах небольшими тиражами в виде брошюр в мягких обложках, обычно малого формата, и лишь изредка, особенно серии, объединяли и «одевали» в добротные любительские переплеты для специалистов и коллекционеров, что спасало их от гибели. Кроме того, книги Токмакова не переиздавались. Последняя из обнаруженных мною работ исследователя — «Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений» — вышла в Москве в 1906 году.

В 1914 году отмечалось 50-летие Московского археологического общества. По случаю юбилея Иван Федорович передал коллекцию снимков церквей и древних зданий в дар обществу.

Других сведений о Токмакове обнаружить не удалось. Год его смерти и место захоронения неизвестны. Однако имя Ивана Федоровича Токмакова не должно быть забыто. Своими лучшими работами он оставил заметный след в отечественной библиографии и историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Токмаков И. Ф. Обзорение библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел. М., 1879. С. 17—18.
- ² Всемири. иллюстрация, 1879. Т. 22. № 564. С. 339.
- ³ Ист. вестн., 1880. Т. 1. С. 228—229.
- ⁴ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 467.
- ⁵ Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 193.
- ⁶ Забелин И. Е. История города Москвы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1905. Ч. 1. С. XIX.
- ⁷ См.: Список исторических, археографических и библиографических сочинений и изданий Ивана Федоровича Токмакова... М., 1892.
- ⁸ Ист. вестн., 1890. Т. 40. С. 675—677.

Книга — это письмо автора к другу... Мы должны радоваться, что живем в эпоху, когда книга воздействует на жизнь, когда литература расцветает, вызывая споры, и когда каждый год приносит нечто новое и удивительное в этой области. Мы благодарны писателям за то, что они пишут книги. Мы благодарны издателям и печатникам, выпускающим книги. Мы благодарны читателям, потому что это они создают вокруг книги атмосферу живой заинтересованности.

Я. ИВАШКЕВИЧ

...Буква
была
не только красотой,
но и жизнью,
миром для солдата...

П. НЕРУДА

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

В 1929 году Демьян Бедный (любовь поэта к книге, страсть к книжному собирательству широко известны) в одном из московских букинистических магазинов купил с рук у литератора Е. И. Вашкова записную книжку Федора Самыгина — небольшую, в восьмую долю листа, тетрадь из плотной бумаги с надписью «Федор Самыгин» на обороте обложки. По рассказу Е. И. Вашкова, тетрадь была приобретена им случайно на толкучке в Иванове. Демьян Бедный наметанным глазом разглядел, среди прочих записей, переписанный в эту тетрадь текст поэмы «Светочи» — вариант некрасовской поэмы «Дедушка», более развернутый, с неизвестными ранее строками бунтарского содержания. Демьян Бедный был рад находке этой тетради,

...ныне знаменитой,
Где мной, большевистским пиитой,
Не лезущим в особо ученые доки,
Случайно раскопаны некрасовские строки.

Он опубликовал «Светочи» — сначала в «Правде», а потом — отдельной брошюрой.

Но публикация вызвала неожиданную реакцию. Молодой в те годы ленинградский текстолог С. А. Рейсер свое специальное исследование, напечатанное в журнале «Литература и марксизм», закончил словами: «Можно считать доказанным, что 214 строк, включенных в «Дедушку» в иваново-вознесенском списке, Некрасову не принадлежат». Это заключение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Как? Очередная мистификация? Разгорелся шумный спор, в который оказались втянутыми, естественно, сам Демьян Бедный, а также А. Ефремин, П. Щеголев, К. Чуковский.

Тетрадка была направлена на экспертизу А. А. Салькову, ранее работавшему с анонимным «дипломом», присланным А. С. Пушкину незадолго до дуэли. Вывод Салькова был неутешителен: запись поэмы недавнего происхождения. К тому же А. Каменский, знакомый Е. Вашкова, признался в совместной с

Вашковым подделке рукописи. Вера в подлинность «Светочей» пошатнулась. Впрочем, спор о «Светочах», то затухая, то вновь разгораясь, тлеет по сей день. Не будем входить в его подробности—это отдельная большая тема. Мнение о том, что Демьяну Бедному продали фальшивку, сейчас преобладает.

Было, однако, еще одно направление поисков. В записной книжке Федора Самыгина, помимо «Светочей», был помещен еще ряд других записей—местного, ивановского содержания. Подлинность их взялся проверить ивановский краевед И. И. Власов.

План И. И. Власова был обширен: встретиться с ивановскими литераторами, знавшими Е. И. Вашкова (тот некоторое время проживал в Иванове), с Демьяном Бедным, с самим Вашковым, разыскать документы с сообщениями, которые бы подтвердили те, что зафиксированы в тетради.

На вопросы И. И. Власова А. Е. Ноздрин, иваново-вознесенский поэт и председатель Иваново-вознесенского рабочего Совета, человек прямой, ответил подробным письмом, суть которого сводилась к тому, что он сомневается в подлинности записей: «Были ли «Светочи» написаны одним Некрасовым или же у него был соавтор, дополнивший его поэму «Дедушка» новыми стихами, переименовав ее из «Дедушки» в «Светочи»?

Поэма «Светочи» в читательской среде появилась из рук авантюриста Вашкова, известного до «Светочей» переводчика с итальянского, переводившего мастерски рассказы и романы не существовавших в итальянской литературе писателей. «Светочи», вышедшие из рук такого авантюриста, само собой разумеется, вызвали подозрение, что их автор—не Вашков ли? Но почему-то в возникшей при появлении «Светочей» историко-критической литературе Вашкову сделали отвод, имя его в этих работах не упоминалось, а с кого, как не с него, можно было бы спросить то, что «Светочи»—подделка или подлинная поэзия Некрасова? Казалось бы, более прямого пути—начать дело с Вашкова—и не могло быть, но этого, такого прямого действия, не случилось, а случилось только то, что «Светочи» из рук Вашкова перекочевали... к Д. Бедному... Напечатание «Светочей» в «Правде» не разрешало вопроса о подлинности их...

Как у А. Ефремина, так и у Рейсера, в их работах о «Светочах» Вашков не упоминается, о чем надо только пожалеть...

Лично я сам иногда могу думать, что Вашков и Федор Самыгин—одно и то же лицо, с одной стороны—авантюрист, а с другой—искусный мастер литературной имитации...

Я побаиваюсь, дорогой Иван Иванович, за то, как бы мне фигурой Вашкова, выдвинутой в настоящей записке, не испор-

тить Вашей влюбленности в Некрасова и в тему — являются ли «Светочи» чистым золотом некрасовской поэзии или они Вашковым... испорчены... Если авантюру Вашкова точно установят, чего я никак не могу пожелать, то я и сам, в своей влюбленности в Некрасова, был бы жестоко подавлен, мучительно удручен...»

А. Е. Ноздрин посоветовал И. И. Власову встретиться с Демьяном Бедным и самому просмотреть тексты записной книжки Ф. Самыгина. В мае 1934 года в Москву полетело письмо: «Уважаемый Ефим Алексеевич! Решил обратиться к Вам по совету старого ивановского поэта и краеведа Авенира Евстигнеевича Ноздрина... Мне крайне необходимо получить копию всех записей этой памятной книжки и в особенности копию заметок из дневника... 18—20 мая я буду в Москве в административной комиссии при Президиуме ВЦИК (по делам службы в Ивановском облисполкоме) и мог бы зайти к Вам для снятия копий памятной книжки Самыгина, если Вы выразите на это согласие».

В Москве Власов получил короткую телеграмму: «Зайдите к Демьяну Бедному». Телеграмма сохранилась; на ней есть запись: «Ув. Еф. Алекс.! Заходил к Вам в 10-м часу вчера, т. к. к сожалению поздно получил телеграмму. Завтра зайду в 6—7 часов вечера. Если не застану — придется отложить до следующего приезда в Москву. С глубоким уважением и приветом — И. Власов. 20.5.34 г.»

События развивались, как свидетельствуют записи Власова, следующим образом: «В 6 часов вечера я его не застал. Девушка (по-видимому, домработница) сообщила, что он со вчерашнего дня не приезжал с дачи, и порекомендовала мне посидеть на бульваре против дома, а когда подъедет автомобиль, придти снова. Я сидел на скамье, поглядывая на солидный дом — № 16. Это большой сравнительно 2-этажный дом; левая часть занята квартирой № 1, а правая — № 2 — Демьяна Бедного. Толстое большое стекло входной двери.

В половине 7-го действительно подъехал автомобиль (№ 10—30—50), из которого вышел Д. Бедный, по-видимому, с женой и дочкой.

Через 5—10 минут я позвонил у двери. Та же девушка доложила обо мне и пригласила войти. Из передней я вошел в большую залу, с высоким потолком, в середине которой стоял большой, овальной формы обеденный стол. Около него меня встретил Д. Бедный, предложил мне сесть и сам сел у левого края стола, где лежала пачка свежих газет и писем.

— Ну, рассказывайте, в чем дело, — сказал он баском, довольно сухо.

— Что же рассказывать, Ефим Алексеевич! Я вам написал в

письме, в чем дело... (Тут, заметим, ивановский краевед, пожалуй, переоценил значимость своего письма. Д. Бедному в это время писали множество писем. Присылали целые тетради стихов с сообщением продолжить присылку их еженедельно—тетрадь в неделю. На одном из таких оптимистических писем поэт написал: «Караул».— Ю. Е.) Меня интересует записная книжка Ф. Самыгина с некрасовской поэмой «Светочи». Я хочу обследовать ее как местный краевед, установить ее подлинность, хронологическую дату.

— Да, да! Это интересно и важно. Вашков, у которого я купил ее за 250—300 рублей,—темная личность, но книжка-то, по-видимому, подлинная. Как же вы-то, ивановцы, ее проворонили? Не знаю, где она лежит у меня,—хитровато заметил он, пристально поглядывая на меня.

Я невольно улыбнулся. В натуре он не показался мне таким толстым, как на фотографиях... Загорелое лицо, голый, чисто выбритый череп, светло-серый костюм, маленькие прищуренные глазки.

— Много книг-то у вас,—заметил я, оглядываясь на заполненные доверху книжные полки, чисто отполированные, под яшень, аккуратно застекленные.

— Да, много было возни. Я ведь 10 лет жил в Кремле, потом пришлось переезжать, перетаскиваться... Пойдем, я еще больше покажу.

Мы встали и пошли налево мимо комнаты с лестницей на второй этаж, стены которой также были отделаны книжными полками, в его кабинет. Здесь также все полки с книгами, расставленные в большом порядке. Д. Бедный подошел к книжной полке, у самого окна, раскрыл дверцу и сразу, уверенным движением достал с нее записную книжку Самыгина.

— Поглядим, вот она.

И он стоя стал быстро перелистывать книжку, прочитывая прозаические записи. Я также смотрел и называл фамилии лиц, чьи имена и отчества были названы в записях:

— Яков Петрович—Гарелин, Сергей Петрович—тоже Гарелин, Терентий Алексеевич—Щапов...

— Откуда вы все это знаете?

— Я видел эту книжку раньше. Вашков приносил ее мне. А людей этих я знаю, изучая историю Иванова, в частности за 60—70-е годы 19-го века.

— Так. Но отдать вам этой книжки я не могу. Вдруг вас на обратном пути поезд раздавит и вместе с вами—эту книжку?

— Я и не притязаю, Ефим Алексеевич, на получение подлинной книжки. Мне хотелось бы только скопировать эти записи.

— А вы когда еще приедете в Москву?

— Месяца через полтора, не раньше. Ведь я бываю в Москве только в служебных командировках...

— Досадно. А сейчас снимать копии некогда. Я сейчас побреюсь и должен ехать на совещание. Дайте ваш адрес. Я, может, коли не забуду, пришлю вам копию.

И он записал карандашом мой адрес. Я откланялся. Руки Д. Бедный не подавал ни при моем появлении, ни при уходе. Вообще он держался суховаато, осторожно ко мне присматриваясь, как к незнакомому человеку...

Понравилась мне в нем большая, чисто охотничья любовь к книжной и рукописной редкости, сильная любовь к книге, умение ценить ее как драгоценное сокровище, бережное отношение к своим собраниям, к находящейся в порядке и любовном уходе библиотеке.

— Заходите, как будете в Москве. Еще потолкуем об этой записной книжке. Загадка большая, любопытная,—сказал он мне, когда я уходил, а он, установившись у лестницы, ведущей кверху, видимо, торопился подняться туда...»

Копии из записной книжки Федора Самыгина И. И. Власов действительно вскоре получил. «Я уверен, что Вам удастся и подтвердить подлинность тетрадки, и установить ее хронологическую датировку,—писал Д. Бедный, высылая копии в июне 1934 года,—о ходе работы ставьте меня в известность, так как никто ею не будет так заинтересован, как я». А в 1937 году Демьян Бедный передал И. И. Власову и саму покупку. «От Демьяна Бедного,—писал Власов знакомому шуйскому краеведу Н. А. Звездину,—получил, и не во временное пользование, а в подарок, «Записную книжку Федора Самыгина».—Все равно,—говорит,—как подохну, в музей попадет, и вы, когда кончите над нею работу, можете передать ее в музей какой-нибудь». Сейчас эта книжечка находится в ЦГАЛИ в фонде И. И. Власова. «Е. Придворов. 15.4.29 г.»—стоит надпись в правом верхнем углу. Внизу: «Получил от Демьяна Бедного 6.6.37 г. Ив. Власов».

Мы все же немного опередили события. Пока Демьян Бедный готовил копии текста книжки, И. И. Власов побывал у Е. И. Вашкова. Тот, конечно, не признавался в подлоге. Ивановский краевед свидетельствует: «Результаты беседы: 1. Книжка куплена на базаре в г. Иваново в 1929 г. Куплена была за 5 рублей связка старых бумаг—переписка, среди которой оказалась и записная книжка Ф. Самыгина,—у какой-то старухи. Она просила всего 3 рубля. Среди бумаг были письма Н. И. Бояркину, одно из которых Вашков передал мне, порывшись при мне в чемодане. Это письмо из С.-Петербурга от 1 мая 1851 г. от некоего Василия Говоркова, коммерческого содержа-

ния—просьба уплатить «по моему переводу приказу Осипа Михайловича Сенькова». (В то время ни Вашков, ни Власов не знали, кто такой Сеньков, и эту часть письма не обсуждали. Осип, или Иосиф Михайлович Сеньков, был фабрикантом и предпринимателем из г. Вязники Владимирской губернии, лицом, реально существовавшим. Известен его портрет кисти знаменитого Зарянко.—Ю. Е.) В этом пункте Вашкову можно верить: около этого времени в Иванове на базаре действительно продавался по частям архив Н. И. Бояркина, о чем мне говорил и Авенир Евстигнеевич Ноздрин. Часть этого архива куплена в Ивановский музей Арк. Макс. Кузнецовым. Но возникает вопрос: как записная книжка Ф. Самыгина могла попасть в этот архив? Д. Бедному книжка Вашковым продана за 250 рублей, которые он, будто бы, получил в редакции «Правды» из гонорара поэта после напечатания «Светочей»... Вашков показывал свой альбом автографов, где Д. Бедным собственноручно записаны заключительные строфы «Светочей» как принадлежащие Некрасову. Тут же фотографическая карточка Д. Бедного. Вашков рассказывал еще, что Д. Бедный вызывал его и показывал вырезку из какой-то газеты... со статьей Анатолия Каменского. Каменский утверждал, что Вашков ему говорил, будто он сам написал «Светочи», а потом выдал их за принадлежащие Некрасову... Вашков категорически отрицает утверждение Каменского...

И. И. Власов между тем продолжал поиски.

Экспертиза Салькова... Но, пожалуйста, ведь никто и не доказывал, что «Светочи» записаны в тетрадку рукой Некрасова. Может быть, они переписывались, и не один раз. Последний раз, вот в эту тетрадку, и не очень давно. Но если эта тетрадка донесла до нас звучание некрасовской музыки—ценность ее остается. Если будет доказано, что Некрасов располагал текстом поэмы, более полным, чем «Дедушка», то это будет говорить в пользу «Светочей»...

Тут-то и вспомнил И. И. Власов о В. А. Водарском. Жил он в Шуге, учительствовал, готовил к поступлению на рабфак. В самом начале века он учился в Петербурге, бывал часто у академика А. Н. Пыпина. Александр Николаевич Пыпин, историк литературы, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, с Некрасовым был знаком лично, не раз бывал у него дома, беседовал с поэтом в домашней обстановке. Может быть, о «Светочах» что-нибудь слышал Пыпин, а через него—Водарский? К шуйскому учителю полетели запросы. Вот что он поведал:

«В 1901 и 1902 гг., будучи на последних курсах университета в Петербурге, я по вечерам бывал у академика А. Н. Пыпина, занимаясь, главным образом, перепиской его статей, работ, писем Белинского (тогда А. Н. Пыпин готовил новое издание писем

Белинского) и т. д. Александр Николаевич, вообще скупой на разговоры во время работы, иногда рассказывал мне что-либо о Белинском, Чернышевском, Некрасове... Однажды разговор зашел о Некрасове. Александр Николаевич говорил о его последних днях, о его женитьбе во время предсмертной болезни... Не помню, по какому поводу, зашел разговор о поэме Некрасова «Дедушка». Вероятно, в связи с поэмой «Русские женщины», каковая поэма, по словам Пыпина, называлась первоначально у Некрасова «Декабристки».

А. Н. Пыпин рассказывал, что он дважды, придя днем к Некрасову, заставлял его в постели с листочками в руках. Некрасов стал ему читать поэму о декабристе. Это, по словам Пыпина, была редакция поэмы «Дедушка», не имевшая, однако, этого названия.

Называлась она иначе, как сказал Пыпин; но я не помню, чтобы Пыпин употребил слово «Светочи».

В этой поэме, по словам Пыпина, было больше стихов, по сравнению с текстом, напечатанным под заглавием «Дедушка». Пыпин, по его словам, просил Некрасова дать ему черновик, чтобы списать, но Некрасов отказался дать, ссылаясь на то, что поэма не отделана и что многие строки он читал на память. Когда Пыпин спросил, думает ли он печатать ее в таком виде, Некрасов ответил в том смысле, что если он и надумает печатать ее в журнале, то надо много выбросить по цензурным условиям. «Шуя, 11 ноября 1934 г.» — датировал В. А. Водарский свои воспоминания, наводящие нас на мысль, что расширенный вариант поэмы у Некрасова все же был.

И. И. Власов еще энергичней начал поиск аргументов в подтверждение подлинности записей. Увы, по мере поисков уверенность его падала. «Подлинность не вызывает сомнений», — с такой позиции начал он свои поиски. «Вопрос о подлинности этой книжечки и о принадлежности этой поэмы Некрасову остался, в сущности, открытым», — вынужден он отметить, ознакомившись с материалами повнимательнее. И, наконец, в 1939 году заключил: «В сущности, все вопросы, намеченные 5 лет назад, мною обследованы, но основной вопрос о Федоре Самыгине все еще остается открытым»... И уже совсем прямо: «Никакого Федора Самыгина в Иванове не существовало».

В печати появлялись сообщения о том, что ивановские краеведы, литераторы и библиофилы, несмотря на выступление С. А. Рейсера, продолжали верить в подлинность «Светочей». Но они хотели бы найти убедительные доказательства подлинности некрасовских строк.

М. Толмачев

ПЯТЬ КНИГ
С АВТОГРАФАМИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В 1976 году я по случаю приобрел ряд книг на французском языке, в том числе почти все произведения Флобера, включая переписку. Когда, недели две спустя, по какой-то надобности я заглянул в томик с «Госпожой Бовари» и присмотрелся к владельческой записи чернилами на форзаце, я не поверил своим глазам; уже известным мне ранее, характерным, с наклоном влево почерком здесь было написано в две строчки по-французски: *Marina Zwetaieff. Moscou, le 13 Janvier 1910* (Марина Цветаева. Москва, 13 января 1910). При просмотре книги обнаружились пометы на полях, сделанные одним и тем же карандашом; в ряде случаев они сопровождались высказываниями на французском языке, принадлежащими также, судя по почерку, М. И. Цветаевой.

Вскоре слух о моей счастливой находке достиг знатока цветаевского творчества и собирателя относящихся к нему материалов — Л. А. Мнухина. Ему не составило особого труда убедить меня уступить книгу в обмен на необходимое мне для работы издание А. Ахматовой. Мы условились с Л. А. Мнухиным о том, что со временем я подготовлю публикацию цветаевских маргиналий к «Госпоже Бовари». Осуществляя теперь свое намерение, я хочу поблагодарить нынешнего владельца книги за то благожелательное терпение, с которым он ожидал моего обращения к работе, а также за оказанную в ней помощь своими справками и разъяснениями.

Несколько слов о самом издании. Оно — в переплете, на титульном листе значится: *Gustave Flaubert. Madame Bovary. Moeurs de province. Edition définitive Suivie de Réquisitoire, plaidoirie et jugement. Du procès intenté à l'auteur Devant le tribunal correctionnel de Paris, Audiences des 31 janvier et 7 février 1857. Paris. Bibliothèque-Charpentier et E. Fasquelle, éditeurs, 11, rue de Grenelle, 11. Tous droits réservés* (Гюстав Флобер. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы. Окончательное издание с приложением обвинительной, защитительной ре-

Marina Tsvetaieff
 Москва, le 13 Janvier 1910.

Владельческая надпись М. Цветаевой
 на книге «Госпожа Бовари»

чей и приговора. На процессе автора в исправительном суде г. Парижа, в заседаниях 31 января и 7 февраля 1857 года. Париж. Библиотека Шарпантье. Издатели Г. Шарпантье и Э. Фаскель, ул. Гренель, 11. Все права охраняются законом).

Мы видим, что издание вышло в год рождения М. И. Цветаевой. В отличие от более поздних изданий, оно содержало материалы судебного процесса над «Госпожой Бовари», что было одновременно и известной «рекламой», и данью «общественным приличиям», ибо книга была судом оправдана. Роман попал в руки Цветаевой, когда ей было семнадцать с небольшим лет. Был ли он прочитан сразу, сказать трудно. Пометы относятся к несколько более позднему времени, так как в одной из них упоминаются слова М. А. Волошина, сказанные им Цветаевой 20 декабря 1910 года.

Исследуя маргиналии, я пришел к выводу, что книга была прочитана Цветаевой очень внимательно. Так, на с. 259 в сцене объяснения Леона в любви к Эмме упоминаются ее «голубые глаза» (ses yeux bleus). Цветаева подчеркивает слово «голубые» (bleus) и пишет на полях: Voir page 15, ligne 11 d'en bas (Смотри страницу 15, строка 11 снизу). В указанном месте, относящемся к первой встрече Шарля с Эммой, сказано, что глаза у нее были «карие» (bruns). Таким образом, замечено авторское противоречие.

Цветаева внимательно прочла не только текст романа, но и приложение, относящееся к процессу над «Госпожой Бовари». Ее пометы здесь, быть может, наиболее интересны, так как связаны с оценкой романа в целом, отчасти с некоторыми мыслями Цветаевой общего характера. Прокурором в его обвинительной речи было отмечено следующее место в романе после сцены смерти Эммы: «Когда кто-нибудь умирает, настает всеобщее оцепенение — до того трудно бывает осмыслить вторжение небытия, заставить себя поверить в него» (Il y a ~ croire)*. Назвав эти слова воплем скептицизма, если не неверия, прокурор заявил: «Я же говорю: если смерть вторжение небытия, если любовь блажен-

* Здесь и далее цитаты из романа даются в переводе Н. М. Любимова.

енького мужа к жене возрастает, когда он узнает о ее изменах, если общественное мнение представлено гротескными существами, а религия нелепым священником, то единственная личность права, царит, господствует: это Эмма Бовари. Права Мессалина, а не Ювенал» (*Et moi ~ Juvenal*). Эти слова прокурора отмечены Цветаевой скобкой на полях с. 409, в самом тексте подчеркнуты слова «единственная личность права, царит, господствует» (*une seule ~ domine*), а против скобки на полях стоит: *C' est la vie* (Такова жизнь).

Далее прокурор говорит о том, что только с позиций христианской морали, лежащей в основе современной цивилизации, можно было бы дать подлинную оценку личности Эммы, и заключает свою речь словами: «Эта мораль клеймит реалистическую литературу не за то, что она живописует страсти — ненависть, месть, любовь; мир живет лишь этим, и искусство должно их живописать, но не выходя из своих границ, не теряя чувства меры. Искусство без правил перестает быть искусством; оно уподобилась бы женщине, сбросившей с себя все одежды. Предписывая искусству всего лишь одно правило — соблюдение общественного приличия, его не порабощают, но оказывают ему честь. Расти можно только следуя правилам. Вот, господа, принципы, которые мы исповедуем, вот учение, которое мы защищаем совершенно сознательно» (*Cette morale ~ conscience*). Это заключение прокурорской речи (с. 410) сопровождается следующими словами Цветаевой: *Ce livre inspire le dégoût de la vie, car il peint la vie comme elle est. Tout y est la vérité* (Эта книга внушает отвращение к жизни, ибо она описывает жизнь такой, как она есть. Все в ней является правдой).

Еще одно место в прокурорской речи (с. 391) привлекло внимание М. И. Цветаевой. Обращаясь к присутствующим, прокурор воскликнул: «Господа, любила ли г-жа Бовари своего мужа или стремилась его полюбить?» (*Messieurs ~ à l'aimer?*). Цветаева подчеркивает слова «стремилась его полюбить» (*Cherché à l'aimer*) и ставит на полях восклицательный знак, говорящий об ироническом отношении к подобному взгляду на любовь. Простым подчеркиванием цифры «32» отмечена Цветаевой сделанная на с. 394 отсылка к странице 32 данного издания, где находится приводимый прокурором отрывок о том, как Шарль, «весь во власти упоительных воспоминаний о минувшей ночи, радуясь, что на душе у него спокойно, что плоть его удовлетворена, все еще переживал свое блаженство, подобно тому как после обеда мы еще некоторое время ощущаем вкус перевариваемых трюфелей» (*le coeur ~ digèrent*). И, наконец, не исключено, что Цветаевой принадлежит не очень четкая отметка на с. 400 против цитируемого прокурором места, относящегося к представ-

лению «Люции ди Ламмермур», на котором присутствуют Эмма и Шарль Бовари: «О, если б в ту пору, когда ее красота еще не утратила своей первоначальной свежести, когда к ней еще не пристала грязь супружеской жизни, когда она еще не разочаровалась в любви запретной (некоторые сказали бы: не разочаровалась в супружеской жизни и не пристала грязь любви запретной), кто-нибудь отдал ей свое большое, верное сердце...» (*Ah si ~ solide*).

Надо сказать, что речь защитника Флобера не вызвала повышенной реакции юной Цветаевой. Здесь отмечено всего одно место на с. 429. Опровергая доводы прокурора о том, что Флобер выходит за границы правдоподобия и приличия, приписывая девочке Эмме, воспитывающейся в монастыре, эротические мечтания, связанные с религиозным культом, защитник утверждал, что подобная мечтательность является распространенным заблуждением религиозного чувства, в том числе и детского, стремящегося установить личные отношения с богом. Стремление же установить эти отношения как таковое защитник считает законным и существеннейшим для христианства: «Я хочу, чтобы у моих детей было представление о боге не как об отвлеченном боге пантеизма, но как о верховном существе, с которым они находятся в личных отношениях...» (*Je veux ~ en rapport...*). Цветаевой подчеркнуты, видимо, в знак одобрения, слова «с которым они находятся в личных отношениях» (*avec lequel ils sont en rapport*).

Обращаясь к маргиналиям, относящимся к тексту романа, надо в первую очередь указать на внимание Цветаевой к местам, связанным с основными идеями Флобера. Так, на с. 118 отмечены строки, в которых говорится о том, что любовь питается воображением и в большой мере не зависит от своего объекта: «Эмма была влюблена в Леона, и она искала уединения, чтобы, рисуя себе его образ, насладиться им без помех. С его появлением кончалось блаженство созерцания. Заслышав его шаги, Эмма вздрагивала, при встрече с ним ее волнение утихало, и оставалось лишь состояние полнейшей ошеломленности, которую постепенно вытесняла грусть» (*Elle était amoureuse ~ en tristesse*). Против отметы этого места на полях запись: *Paroles de M. A. W. le 20 déc. 1910* (Слова М. А. В<олошина> 20 дек. 1910). Таким образом, у Марселя Пруста, выстроившего, вслед за Стендалем и Флобером, в своих «Поисках утраченного времени» стройную концепцию независимости любви от ее объекта, находится еще один предшественник — Максимилиан Александрович Волошин.

Цветаева не прошла мимо еще одной «прустовской до Пруста» идеи романа — мысли о том, что жизнь в конечном счете обманывает все наши ожидания, никогда не дает ощущения

Cette robe aux plis droits cachait un cœur bouleversé,
 et ces lèvres si pudiques n'en racontaient pas la tour-
 nement. Elle était amoureuse de Léon, et elle recher-
 chait la solitude, afin de pouvoir plus à l'aise se détec-
 ter en son image. La vue de sa personne troublait la vo-
 lupté de cette méditation. Emma palpait au bruit de
 ses pas ; puis, en sa présence, l'émotion tombait, et il
 ne lui restait ensuite qu'un immense étonnement qui se
 finissait en tristesse.

Paroles
 de M. A. A.
 le 20 déc
 1880.

Léon ne savait pas, lorsqu'il sortait de chez elle déses-
 péré, qu'elle se levait derrière lui, afin de le voir dans la
 rue. Elle s'inquiétait de ses démarches ; elle épiait son
 visage ; elle inventa toute une histoire pour trouver pré-
 texte à visiter sa chambre. La femme du pharmacien lui
 semblait bien heureuse de dormir sous le même toit ; et

Помета М. Цветаевой на странице романа «Госпожа Бовари»

полноты существования и является, таким образом, утраченным
 временем. В романе есть сцена, относящаяся к кризису отноше-
 ний между Эммой и Леоном. Уйдя со свидания с Леоном раньше,
 чем обыкновенно, Эмма шагает по бульвару, видит монастырь, в
 котором воспитывалась, садится на скамейку и предается раз-
 мышлениям: «„Нет, я его люблю!“ — говорила она себе. Ну что ж,
 все равно! Счастья у нее нет и никогда не было прежде. Откуда
 же у нее это ощущение неполноты жизни, отчего мгновенно
 истлевало то, на что она пыталась опереться?..». Цветаева
 подчеркивает в тексте на с. 136 слова «мгновенно истлевало то,
 на что она пыталась опереться» (*cette pourriture ~ s'appuyait*) и
 пишет рядом на полях: *Paroles de L. A. et les miennes* (Слова
 Л. А. и мои). Инициалы Л. А. обозначают, видимо, Лидию
 Александровну Тамбурер, зубного врача, большого друга семьи
 Цветаевых.

Остальные маргиналии относятся к разнородным по значи-
 мости и менее существенным по значению местам романа.
 Классифицировать их каким-либо образом трудно, и мне остается
 только привести их в порядке следования страниц. Описывая
 состояние Эммы после отъезда Леона в Париж для завершения
 юридического образования, Флобер говорит, что память о Леоне
 стала как бы средоточием ее тоски. В сообщающей об этом фразе
 на с. 136 Цветаева отмечает на полях слова «ее неутоленные
 чаяния, домашние дрязги — все это она подбирала, все это она

ловила, все это годилось, чтобы разжечь ее кручину» (*ses esperances ~ sa tristesse*). На с. 174 в сцене отъезда Эммы и Родольфа на верховую прогулку говорится о маленькой Берте, дочери Эммы: «Девочка послала матери воздушный поцелуй— та сделала ответный знак рукояткой хлыстика» (*L'enfant ~ sa cravache*). Эти слова отмечены на полях и сопровождаются следующим ироническим замечанием: *Quel adieu tendre!* (Какое нежное прощание!).

Интересную помету, имеющую непосредственное отношение к размышлениям Цветаевой о поэзии, встречаем мы на с. 212. Речь идет здесь о сомнениях Родольфа в искренности чувства Эммы, вызванных высокопарностью ее речи. «Как будто полнота души не изливается подчас в пустопорожних метафорах! Ведь никто же до сих пор не сумел найти точные слова для выражения своих чаяний, замыслов, горестей, ибо человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс». Цветаева отмечает на полях слова «человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс» (*la parole humaine ~ les étoiles*). Над словами «*un chaudron fêlé*» надписан карандашом перевод: «лопнувший котел».

На с. 215 говорится о том, как похорошела г-жа Бовари в апогее своего романа с Родольфом, когда предполагалось их бегство: «Она была красива тою не поддающейся определению красотой, которую питают радость, воодушевление, успех и которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни». Цветаевой отмечены на полях слова «которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни» (*qui n'est que ~ les circonstances*).

Следующая помета (с. 218) связана с проектами бегства. Против слов «во всех этих планах отсутствовала Берта» (*et, dans tout cela ~ de son enfant*) Цветаева пишет на полях: *Elle n'est pas femme jusqu'au bout* (Она не является женщиной до конца).

Сцена свидания Родольфа и Эммы накануне предполагаемого бегства заканчивается их прощанием и внезапно принятым Родольфом по дороге домой решением расстаться с Эммой. «Какой же я дурак!—сказал он и скверно выругался.—Ну, ничего, любовница она была очаровательная!» В приведенном месте на с. 221 Цветаева подчеркивает в тексте слово «была» (*s'était*) как меткую деталь, говорящую о бесповоротном решении Родольфа сделать отношения с Эммой достоянием прошлого. Несколько ниже, на с. 222, Цветаева отмечает на полях строки, говорящие о том же самом. Родольф приходит домой и начинает

вымучивать из себя прощальное письмо к Эмме, но слова не идут ему в голову, ибо Эмма стала для него как бы далеким прошлым; Цветаева обращает внимание на авторский комментарий: «...принятое им решение мгновенно образovalo между ними громадное расстояние» (*la résolution ~ intervalle*).

В сцене обморока Эммы после отъезда Родольфа в Руан Флобер в очередной раз дает волю своему сарказму в адрес мещанского прогрессиста аптекаря Оме. Его медицинские советы такое же пустозвонство, как и все, что он говорит: «Нет, нет, долой бесполезные медикаменты! Режим— это все! Побольше болеутоляющих, мягчительных, успокоительных! А вы не находите, что, может быть, следует поразить ее воображение?»

— Чем? Как?— спросил Бовари.

— Вот в этом-то и весь вопрос! Вопрос действительно сложный! *That is the question*, как было написано в последнем номере газеты».

Против слов шекспировского Гамлета «*That is the question*» (Вот в чем вопрос) Цветаева пишет на полях с. 231: *Pauvre Shakespeare!* (Бедный Шекспир!).

Рассказывая о постепенном выздоровлении Эммы и охватившей ее чрезмерной набожности, Флобер сообщает о том, как по просьбе священника книгопродавец присылает ей книги духовно-нравственного содержания, но они разочаровывают ее: «К церковной догматике она сразу почувствовала отвращение; в сочинениях полемических ожесточенные нападки на лиц, о которых она не имела понятия, прискучили ей...». Против слов «ожесточенные нападки на лиц, о которых она не имела понятия» (*acharnement ~ ne connaissait pas*) Цветаева помечает на поле с. 237: *Bien remarqué* (Хорошо замечено).

На с. 311 мы находим помету, опять свидетельствующую о внимательном чтении романа. Аптекарь Оме, приехавший развлечься в Руан, бесконечно докучает своим обществом Леону, мешая его свиданию с Эммой, а когда тот отговаривается занятостью в конторе, призывает его бросить на время свои занятия и отправиться с ним к некоему Бриду: «Пойдемте к Бриду! Он вам покажет собаку. Это очень любопытно!» (*Allons ~ curieux!*). Против этих слов Цветаева делает на полях отсылку: *Voir page 231* (Смотри страницу 231). В указанном месте, относящемся к сцене обморока Эммы, Оме действительно впервые упоминает Бриду: «...у моего старого товарища Бриду (он сейчас живет в Руане на улице Мальпалю) есть собака,— так вот, поднесите вы ей к носу табакерку, и она сейчас же забьется в судорогах».

Оме удастся затащить Леона к Бриду, в то время как Эмма ждет его в гостинице, а затем, не дождавшись, в ярости уезжает

в Ионвиль. То, что Леон не пришел на свидание, воспринимается ею как личное оскорбление, и она мысленно чернит его, затем, успокоившись, находит, что была к нему несправедлива. Флобер замечает по этому поводу: «Но когда мы черним любимого человека, это до известной степени отдаляет нас от него». Следующая за этой фраза (с. 312) отмечена Цветаевой на полях: «До идолов дотрагиваться нельзя — позолота пристаёт к пальцам» (Il ne faut pas ~ aux mains).

Запутавшись в долгах, за два дня до описи имущества Эмма веселится на маскараде в Руане, но затем ей становится плохо, она покидает Леона и его товарищей и остается одна в гостинице «Булонь». Цветаева отмечает на полях (с. 323) слова, характеризующие состояние Эммы: «Ей хотелось вспорхнуть, как птице, улететь куда-нибудь далеко-далеко, в незагрязненные пространства, и обновиться душой и телом» (Elle aurait voulu ~ immaculés).

Две пометы относятся к эпизодам после смерти Эммы. В ночь после похорон Эммы, сообщает Флобер, еще один человек не спал, кроме ее мужа Шарля. Это был подросток Жюстен, служивший у Оме, который благоговел перед Эммой и поэтому не мог помешать ей похитить в аптеке мышьяк: «У свежей могилы, осененной ветвями елей, стоял на коленях подросток; он исходил слезами, в груди его теснилась бесконечная жалость, нежная, как лунный свет, и бездонно глубокая, как ночной мрак. Внезапно скрипнула калитка. Это был Лестибудуа. Он позабыл лопату и пришел за ней. Подросток взобрался на ограду, но Лестибудуа успел разглядеть, что это Жюстен,— теперь он, по крайней мере, знал, какой разбойник лазает к нему за картошкой» (Sur la fosse ~ ses pommes de terre). Весь приведенный абзац, относящийся к Жюстену на с. 376—377, отмечен Цветаевой на полях.

Наконец, последняя помета относится к случайной встрече Шарля Бовари с любовником Эммы Родольфом после ее смерти. Шарль говорит Родольфу, что не сердится на него больше, и, прибегнув к высокому слогу, заявляет: «Это игра судьбы!» (C'est la faute de la fatalité). Его слова сопровождаются авторской ремаркой: «Родольф сам руководил этой игрой...» (Rodolphe, qui avait conduit cette fatalité). Цветаева делает на полях характерное замечание: que la fatalité avait conduit, peut-être (сам был руководим этой игрой, быть может).

Как можно заметить, несмотря на известную разнородность помет и замечаний, они говорят о том, что в лице юной Цветаевой мы имеем дело с внимательным читателем и тонким ценителем знаменитого французского романа. Можно не сомневаться в том, что, если бы случай предоставил ей возможность

или повод для более или менее развернутой оценки «Госпожи Бовари», в антологии критических высказываний о шедевре Флобера появилась бы еще одна блестящая страница.

Работая весной 1982 года в Публичной библиотеке в Ленинграде над своей книгой об Ахматовой, я обнаружил в ее фондах 4 или, вернее, 5 инскриптов Цветаевой (один из них двойной).

Первый и, может быть, наиболее интересный хранится в отделе рукописей и редких книг (фонд 150, № 456, л. 1) и представляет собой надпись на чистом листке, вырванном из книги. На нем написано:

Après avoir aimé il faut aimer encore,
Il faut aimer sans cesse—après avoir aimé!
A. de Musset*

Милой Loulou на добрую память
МЦ.

(30° мороза, исторические здания, камни и чай на полу)
Петербург, 17го января 1916 г.

Адресат надписи был установлен мной без каких бы то ни было затруднений. По рассказам О. Н. Гильдебрандт-Арбениной я знал, что «Лулу» звали Елизавету Иоакимовну (Акимовну) Каннегисер, дочь известного инженера-кораблестроителя Иоакима (Акима) Самойловича Каннегисера. Он был хозяином дома (Саперный пер., 10), описанного в очерке Цветаевой «Нездешний вечер», где ему дано прозвище «лорда». Слова «30° мороза, исторические здания, камни и чай на полу» прямо связаны с обстоятельствами, отраженными в очерке, и мне нет необходимости их комментировать. Эпиграф надписи—видоизмененные заключительные строки стихотворения А. де Мюссе «Августовская ночь» (*La nuit d'août*, 1836); в оригинале первая строка звучит так: *Après avoir souffert, il faut souffrir encore* (После того, как страдал, надо еще страдать). Скорее всего мы имеем дело с сознательным изменением слов Мюссе Цветаевой, а не с аберацией памяти.

Остальные инскрипты находятся на книгах, хранящихся в основном книжном фонде Публичной библиотеки. На авантитуле первой книги стихов Цветаевой «Вечерний альбом» (М., 1910) мы читаем:

Милой Анастасии Васильевне Модестовой <...>
Марина Цветаева

Москва, 23го января 1911 г.

* После того, как любил, надо еще любить, надо беспрестанно любить—после того, как любил!

Анастасия Васильевна Модестова — дочь Василия Ивановича Модестова (1839—1907), филолога-классика, публициста, профессора Киевского и Новороссийского (в Одессе) университетов, Петербургской духовной академии — друга отца М. И. Цветаевой. Сестры Цветаевы дружили с Асей Модестовой в 1908—1912 годах.

Вслед за этой идет вторая надпись, не принадлежащая Цветаевой:

Лиля Але (к бывшей годовщине).

22/III—39

Надпись сделана, очевидно, Елизаветой Яковлевной Эфрон, золовкой М. И. Цветаевой, и обращена к племяннице, дочери М. И. Цветаевой — А. С. Эфрон, в связи с годовщиной ее возвращения в СССР.

На титульном листе второй книги стихов Цветаевой «Волшебный фонарь» (М., 1912) находится дарственная надпись М. А. Волошину:

Милому Максус с благодарностью за Коктебель.

Марина

Москва, 11го февраля 14.

Думаю, что в особых комментариях эта надпись не нуждается. Дружба Цветаевой с Волошиным достаточно отражена в ее очерке «Живое о живом».

И, наконец, на другом экземпляре «Волшебного фонаря» мы находим две поврежденные дарственные надписи. Одна из них сделана на титульном листе красными чернилами, полустерта и частично срезана по правому краю. Прочтение ее довольно предположительное:

Милому Жихареву <?> — русс<ком>у за<мечательному>
человеку — с любовью и благодарно<стью>
желаю<?> жизнь.

Марина Цветаева

Москва, 17го мая 1919 г., ст. стилия.

Вторая надпись сделана карандашом и расположена на обороте титульного листа и следующей странице, которая частично срезана по правому краю, что привело к утрате части надписи. Восстанавливается предположительно:

Сонечке Голлидэй — Марина Цветаева.

Сонечка! Ничто не случи<тся>. Будет Вам большая с<цена>

Театра, как уже есть <большая> сцена Жизни!

МЦ

Москва, 2го июня 1919.

воскресенье — holiday* — отъезд.

* Праздник (англ.).

Адресат первой надписи мне неизвестен, второй — известен всем, читавшим цветаевскую «Повесть о Сонечке», и это снова избавляет меня от необходимости комментирования.

«Книги имеют свою судьбу» — это латинское изречение нельзя не вспомнить по поводу пяти книг с автографами Марины Цветаевой. У каждой из них своя история, во многом для нас не ясная. Если «Госпожа Бовари» до коллекции Л. А. Мнухина побывала в библиотеке литературоведа и переводчика Б. А. Грифцова (оставившего на ней свою владельческую надпись карандашом), то какими путями пришли в Публичную библиотеку вырванный из книги листок с надписью Loulou Каннегисер, книга из библиотеки Волошина и две других книги — это пока загадки, ответы на которые могли бы стать интересными и в чем-то поучительными.

Евграф Кончин

ЗАГАДКИ ШАЕВСКОГО ИЗГНАННИКА

...Лошади с трудом тащили сани, нагруженные книгами и связками бумаг, прикрытыми рогожными мешками. Весна развернулась вовсю. Мужики ругались, они не могли уразуметь, зачем их снарядили везти этот «барский хлам» из Шаево в Кологрив, а там сдать в Отдел народного образования. Какникак — сорок верст, путь немалый, да по такому бездорожью...

У деревни Ильинское сани скончательно стали. Ни вперед, ни назад. Все — конец пути. Покричали мужики — покричали, покурили, а затем выгрузили поклажу в сарай да забросили на чердаки ближних домов. И погнали лошадей обратно в Шаево.

Приключилось это, как гласит предание (слышал я, что видели и документы, но нынче найти их не могут), весной 1919 года. В России бушевала гражданская война. Не до брошенного барского имущества было. И кологривский комиссар по просвещению Федор Степанович Чумбаров-Лучинский, поэт и чекист, вскоре уехал в Москву делегатом на X съезд РКП(б), а потом погиб при подавлении кронштадтского мятежа. Тогда и вовсе по бумагам забыли.

Вспомнили через много лет. Не знаю, как и дознались о той давней истории. Отправили специальную экспедицию из Москвы, которая прошла санным путем от Кологрива до Шаево (усадыбы то давно уже нет). Осмотрели чердаки по дороге, расспросили старожилов — но ничего не нашли.

Почему бумаги и книги, которые не довели в 1919 году в Кологрив, так взволновали специалистов? Почему тревога об их судьбе высказывается на страницах литературных и научных изданий? Почему сегодня ими интересуются не только исследователи, литературоведы, историки, краеведы, но и солидные костромские, ленинградские и московские учреждения и организации? Потому что речь идет об архиве и библиотеке Павла Александровича Катенина — одного из первых и наиболее решительных участников тайных декабристских обществ, драматурга,

самобытного поэта, литературного критика и переводчика, друга А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, знаменитого трагика В. А. Каратыгина.

В тех бумагах наверняка встретились бы документы, рукописи, переписка, имеющие важное значение для истории отечественной литературы и русского революционного движения. Наконец, среди них могли оказаться пушкинские реликвии — его письма, другие автографы. Ведь известно, что в катенинской библиотеке находился экземпляр первого издания «Евгения Онегина» с дарственной надписью автора роману Павлу Александровичу. «...Я даже удивился,— вспоминает Катенин,— получив от него в подарок экземпляр вышедшей книги»¹. Известно также, что хранилась в Шаево и рукопись «Горе от ума», посланная Грибоедовым. Были и письма, автографы видных деятелей русской культуры и государства.

Родился Катенин в 1792 году в родовом поместье Шаево в старинной дворянской семье. Получил основательное домашнее образование. В 1810 году определяется на военную службу. Участвует в Отечественной войне. Храбро сражается при Бородине при Кульме, чем особенно потом гордился, в «битве народов» под Лейпцигом. Вступает в Париж. Но в сентябре 1820 года в чине полковника гвардии неожиданно уходит в отставку. Через два года, придравшись к незначительному инциденту, происшедшему с Катениным в театре, Александр I высылает его в Шаево с запрещением въезда в обе столицы.

Настоящая причина гонений Катенина заключалась в его политической неблагонадежности, свободомыслии и «либерализме». Подозревали, что он принадлежит к тайному антиправительственному обществу.

Дошедшие до нас материалы политической биографии Катенина, как правильно заметил Ю. Г. Оксман, очень «скудны, тусклы и порой противоречивы»². Но совершенно определенно можно сказать, что Павел Александрович входил в первую организацию дворянских революционеров — в Союз Спасения, или Общество истинных и верных сынов Отечества. О деятельном его участии говорили на следствии И. Д. Якушкин, А. Н. Муравьев, И. Г. Бурцев. По словам П. И. Пестеля, Катенин играл «первенствующую роль» в военном Обществе, в промежуточной организации между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия, созданном в конце 1817 года в Москве.

Однако ко времени своей ссылки в Шаево он уже отошел от дел революционных и в подготовке восстания 14 декабря не участвовал. Но попал все же в «Алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ», правда, с пометкой: «Высочайше повелено оставить без внимания».

До конца жизни Павел Александрович оставался верен свободолобивым устремлениям, никогда не отказывался от своего революционного прошлого. Ясное представление о его убеждениях дает сочиненное им стихотворение «Отечество наше страдает», призывающее «свергнуть трон и царей», — вольное переложение знаменитого «Гражданского гимна» де Буа; его распевали солдаты французской революционной армии. Катенин сделал песню широкоизвестной в России; она стала русской «Марсельезой» для декабристов: они пели ее под кандаальный звон, когда шли на работу, заставляли слушать этот напев и конвоиров.

Гимн «Отечество наше страдает» — одна из загадок Катенина. Его полный текст не дошел до нас. Сохранился отрывок, изложенный видным чиновником и литератором Ф. Ф. Вигелем. В своих «Записках» он с ужасом верноподданного служачки отзывается о песне: «Раз случилось мне быть в одном холостом, довольно веселом обществе, где было много офицеров... Вдруг запели они в один голос песню, известную в самые ужасные дни революции: «Veillons au salut de L'Empire». Богомерзские слова ее, переведенные надменным и жалким поэтом, полковником Катениным... Я их не затверживал, не записывал, но они меня так поразили, что передаю их здесь, хотя не ручаюсь за верность.

Отечество наше страдает
 Под игом твоим, о злодей!
 Коль нас деспотизм унижает,
 То свергнем мы трон и царей.
 Свобода! Свобода!
 Ты царствуй отныне над нами!
 Ах, лучше смерть, чем жить рабами,
 Вот клятва каждого из нас!..»³

Вигель обладал феноменальной памятью. Его свидетельству можно доверять. Однако иных подтверждений авторства Катенина мы не имеем. Вероятно, в исчезнувших бумагах Павла Александровича хранился и текст песни. Или ее черновики. Или другие подтверждения, свидетельствующие, что она сочинена им...

Уверен, что в его архиве нашлись бы произведения, которые нам неизвестны. Ведь писал же он Пушкину в 1833 году о том, что послал Каратыгину целый «пакет» стихов и прозы, судьба которых до сего времени неведома. А где находится то, что написано им в Шаево в сороковые годы?

В Шаево опальный полковник провел три года. Лишь в августе 1825 года он получает возможность вернуться в Петербург. Но через два года вновь уезжает в костромскую свою деревню, где остается до середины 1832 года. Потом появляется в столице, чтобы издать свои сочинения и вернуться на военную службу, к чему побуждали материальные затруднения. В это время часто встречается с Пушкиным. В январе 1833 года они

одновременно избираются в Российскую академию. Пушкин деятельно помогает распространять подписку на его «Сочинения и переводы». Он же посвятил им сочувственную рецензию.

...И опять загадка, над решением которой много лет спорят ученые. Дело в том, что после выхода в свет книги Катенин продолжал работу над ней, предполагая, очевидно, переиздать свои сочинения и переводы. Поэтому он редактировал их, вносил исправления и дополнения. «В последнем издании... кое-что перебелил»⁴, — признается он в 1833 году Н. И. Бахтину.

Экземпляр «Сочинений и переводов» Павла Катенина с подлинной авторской правкой долгое время хранился в частном собрании в Ленинграде. В свое время с ним познакомились литературоведы Г. А. Гуковский и В. Н. Орлов. По мнению исследователя жизни и творчества писателя Г. В. Ермаковой-Битнер, «правка... очень интересна с точки зрения литературной эволюции Катенина, и поэтому ее следовало сделать достоянием читателей»⁵. Исправления Катенина были скопированы Владимиром Николаевичем Орловым и затем учтены при издании сочинений Катенина, вышедших в Большой серии «Библиотеки поэта».

Вместе с тем сам экземпляр «Сочинений и переводов» с подлинной авторской редакцией — важный литературный памятник — исчез, его местонахождение ныне неизвестно.

На мое письмо Владимир Николаевич Орлов ответил, что «экземпляр сочинений Катенина с его собственноручной правкой принес какой-то человек, не имеющий никакого отношения к литературе. Он позволил только скопировать правку Катенина, что я и сделал. Книга была возвращена владельцу, и о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю...»

Литературовед А. А. Илюшин сообщает, что один экземпляр сочинений Катенина с его личными пометами долгое время хранился в семье Катениных⁶. Об этом ему говорила еще в середине 60-х годов Л. М. Катенина, двоюродная внучка писателя.

Однако она не знала, где находится эта книга.

Об одном и том же экземпляре говорят Орлов и Илюшин или нет — установить не удалось.

Летом 1832 года Павел Александрович возвращается в армию. Служит на Кавказе. В Ставрополе близко знакомится с родственником Лермонтова, Павлом Ивановичем Петровым, «лучшим по мне из всех здешних». Существует предположение, что Катенин виделся на Кавказе и с опальным автором известного ему, несомненно, стихотворения «Смерть поэта». В июле 1838 года он назначается комендантом Кизлярской крепости. Именно туда в мае следующего года приезжал Лермонтов и, по

существующим правилам, обязан был представиться коменданту, то есть Катенину.

Считают также, что лермонтовское стихотворение «Великий муж! Здесь нет награды...» посвящено Катенину, как бы в ответ на его гимн «Отечество наше страдает...» Написано стихотворение после возможной встречи с Катениным. Печатается по автографу так называемой тетради Чертковской библиотеки, что хранится в Государственном Историческом музее. Но в рукописи оторвана верхняя часть листа, на котором были написаны название и первая строфа стихотворения, а также, очевидно, имя «Великого мужа», к которому оно обращено. Поэтому ученые упоминают имена Чаадаева, Радищева, Рылеева, Баркляя-де-Толли и... Катенина. Ему могли быть адресованы такие лермонтовские строки:

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»...⁷

В 1838 году Катенин, без всякой причины, увольняется из армии в чине генерал-майора. И уже навсегда удаляется в любимое свое Шаево. Заводит в усадьбе большое хозяйство. Собирает, по единодушному мнению современников, отличную библиотеку, состоящую из редких книг: прижизненных изданий Пушкина, Грибоедова, других видных русских литераторов того времени, изданий писателей-декабристов. В письме Н. И. Бахтину 26 апреля 1825 года Катенин сообщает: «Брат Саша (Александр Андреевич Катенин.— *Е. К.*) прислал мне... «Полярную звезду» и Рылеева поэму „Войнаровский“⁸... Многие книги были с его пометками и комментариями.

В Шаево Катенин написал последнее и, быть может, самое ценное для потомков произведение — воспоминания о Пушкине. Написал в ответ на просьбу Павла Васильевича Анненкова рассказать о великом поэте и близком человеке. Закончил записки 9 апреля 1852 года. Сразу же отослал Анненкову вместе с оставшимися у него письмами Пушкина.

Анненков в «Материалах для биографии Пушкина», изданных в 1873 году, а также в работе «Пушкин в александровскую эпоху» использует из катенинского сочинения лишь несколько эпизодов. Хотя в предисловии к «Материалам...» с благодарностью называет его имя. Пушкинские же письма опубликовал все. И сделал предусмотрительно, ибо их ожидала трагическая участь.

Впрочем, рукопись Катенина о Пушкине, как и почти все катенинские документы, по какому-то зловещему стечению обстоятельств имела странную, почти драматическую историю. Внача-

ле она затерялась в бумагах Анненкова. Затем его архив был разделен и растерян. Только в 1924 году катенинскую рукопись отыскал П. П. Анненков, сын писателя. Он продал ее антиквару Ф. Г. Шилову. Тот, в свою очередь, перепродал ее литературоведу и историку П. Е. Щеголеву. Впервые воспоминания Катенина опубликованы полностью в 16—18 томах «Литературного наследства» в 1934 году с предисловием и подробным комментарием Ю. Г. Оксмана.

Письма же Пушкина, переданные Катениным Анненкову, потеряны. В их числе письмо Пушкина от 19 июля 1822 года, направленное Катенину из Кишинева; письмо, датированное сентябрем 1825 года; письмо от первой половины февраля 1826 года. Сохранился лишь обрывок черновика письма, посланного из Кишинева в апреле—мае 1822 года.

Не уверен, что Катенин передал Анненкову все пушкинские послания. В своих воспоминаниях он пишет: «...во время моего пребывания в Ставрополе получил я от него (Пушкина.— Е. К.) два письма, из коих одно уцелело, а другое—пропало»⁹. Оксман замечает: «Из двух писем, полученных Катениным от Пушкина в Ставрополе, до нас не дошло ни одного»¹⁰ (курсив мой.—Е. К.). Судя по ответу Катенина от 16 мая 1835 года, в первом из них Пушкин давал положительную оценку катенинской «Княжне Милуше». Во втором, представляющем собою, вероятно, ответ на письмо от 12 апреля 1836 года, речь шла об участии Катенина в «Современнике».

Катенин умер 23 мая 1853 года. Почти тридцать лет, половину своей жизни, он провел в Шаево. После смерти Павла Александровича имение досталось племяннику Михаилу Ивановичу Катенину. Он получает «всю его переписку, наиболее интересные его бумаги и библиотеку». В 1891 году Михаил Иванович внезапно умирает. Выясняется, что Шаево совершенно расстроено, в огромных долгах. Поэтому оно со всем содержимым было продано, а затем—переходит из рук в руки. Из рук в руки, естественно, переходят катенинский архив и его библиотека...

Встретился мне в журнале «Исторический вестник» за 1908 год любопытный очерк Н. Н. Оглоблина «На вольных митингах». Рассказывает автор о своем плавании на пароходе по реке Унжа, на которой расположился Кологрив. Разговорился со случайным попутчиком. Беседа их небольшая, поэтому привожу ее полностью.

«Большим знатоком Унженского края оказался один кологривский купец и лесопромышленник, который отрекомендовался «любителем истории и археологии». Рассказал о себе:

— Закружился я как-то в нашем клубе и проиграл несколько сот рублей. Такая тоска напала. И знаете, что меня спасло?

Архивные занятия. Продавалось имение Катенина, известного деятеля прошлого века, и я приобрел его архив. Проигравшись, я уселся за разборку бумаг и так увлекся ими, что и клуб и карты совсем вылетели из головы... Бумаги весьма интересные: письма к Катенину разных писателей, ученых, генералов, архиереев и проч. Долго я возился над ними и окончательно исцелился от губительных занятий...

— Нельзя ли посмотреть катенинские бумаги?

— Пропали они...

— Как так?

— Да, видите ли, покончил я с ними и положил на чердак...

Тут подошли разные дела, лесом занялся и забыл я про архив. Вспомнил о них, когда в Костроме открылась архивная комиссия—хотел туда сдать их... Полез на чердак, а там—только лоскутки да обрывки бумаг. Кое-что домашние растащили на разные нужды, а кое-что мыши поели.

— Ах вы—варвар!

— Что делать!.. Не с руки это нам...»¹¹

Николай Николаевич Оглоблин—видный русский археограф, знаток архивного дела, поэтому неудивительно, что он так заинтересовался катенинскими бумагами.

Несколько утешало то, что купец приобрел (и невольно погубил) небольшую часть фамильных бумаг. Остальное же...

В 1920—1930-х годах в Кологриве проживал краевед Глеб Владимирович Пяткин. Преподавал историю в школе, редактировал местную газету. Хорошо знал край и его достопримечательные места. В первые годы советской власти был он активным членом Кологривского научного общества. Оставил свои воспоминания, которые передал в музей. С помощью его сотрудницы, Галины Ивановны Воробьевой, я познакомился с воспоминаниями. Оказывается, дед его был хорошо знаком с П. А. Катениным, часто наезжал в Шаево. Вот к нему-то и перешла часть катенинского архива. От него и к самому Глебу Владимировичу. В 1914 году он был мобилизован, а вернулся в Кологрив только в 1921 году. И в своем доме не нашел уже архива Катенина...

Куда все девалось? Неизвестно. Но, заметьте, Глеб Владимирович не утверждает, что архив погиб. Быть может, бумаги кто-нибудь забрал? Вывез? Не исключено.

В Шаево оставалась еще какая-то часть архива Катенина, его библиотека, которые весной 1919 года по требованию комиссара Чумбарова-Лучинского решено было перевести в уездный центр.

Не довели!..

К началу революции Катенины в Костромской губернии владели лишь одним родовым имением— в Клусееве, близ города

Чухломы, где и похоронен П. А. Катенин. Управлял им Александр Александрович Катенин, который умер в начале 1917 года. Имение перешло к вдове и сыну Евгению Александровичу. А не хранились ли в Клусеове книги и бумаги Павла Александровича? Да, хранились!

Костромской краевед Виктор Николаевич Бочков отыскал письмо Евгения Александровича Катенина, в котором он, в частности, говорит об этих бумагах. Сообщает: «...у моего покойного отца хранилось довольно значительное количество рукописей и писем Павла Александровича. Был и его формуляр, кончавшийся пометой, что он увольняется от службы «за неуживчивость в характере». Имелся у нас также рукописный экземпляр «Горя от ума», по преданию, принадлежавший Павлу Александровичу и полученный им от самого Грибоедова. Все это вместе с остальным семейным архивом и библиотекой, довольно значительной, погибло в конце 1918 года...»

Недавняя и весьма неожиданная находка заставила меня усомниться в трагическом сообщении Евгения Александровича. В начале 1960-х годов московский библиофил Юрий Борисович Шмаров приобрел связку старых бумаг. Когда стал ее разбирать, то нашел, к своему удивлению, отчет члена Костромского научного общества Василия Васильевича Звездина о поездке в Клусеово в ноябре 1918 года; его как директора губернской библиотеки конечно же интересуют прежде всего книги и архивные бумаги. Ничего не находит. Потому ли, что они, по уверению Евгения Александровича, погибли? Нет! Василий Васильевич пишет в своем отчете, что «все фамильные бумаги находятся в Петрограде на квартире Катениных, так как они в усадьбе жили только летом...»

Так куда же исчезли архив и библиотека Павла Александровича Катенина? Вероятно, в разрозненном состоянии попали они в какие-нибудь книжные собрания, в государственные архивы. Быть может, часть оказалась после гражданской войны за границей. Но поиски архива и библиотеки, безусловно, нужно продолжать...

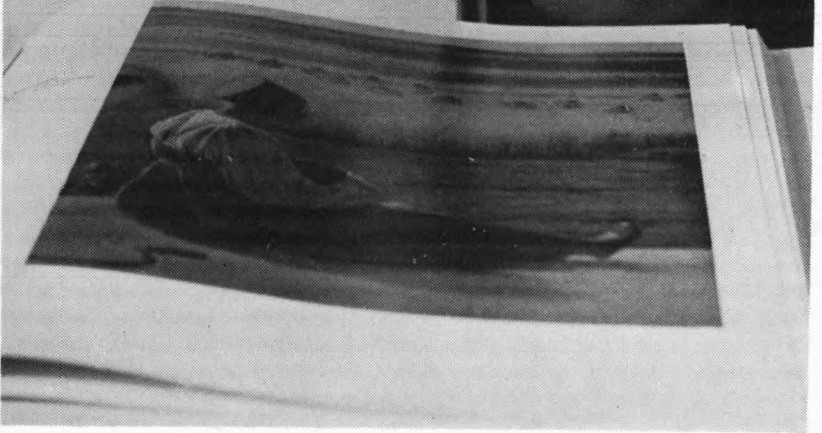
ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974 Т. 1. С. 189.
- 2 Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 624—625.
- 3 Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 6. С. 17—18.
- 4 Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Спб., 1911. С. 203—204.
- 5 Катенин П. А. Избр. соч. М., 1965. С. 660.
- 6 См.: Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. 1971. Вып. 115. С. 81.
- 7 Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 4 т. М., 1957. Т. 1. С. 299.
- 8 Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. С. 85.
- 9 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 191.
- 10 Лит. наследство. Т. 16/18. С. 624—625.
- 11 Ист. вестн. 1908. №1. С. 197—198.

Восприимчивость
 №3

... в этом смысле, ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Просматривать, перелистывать книгу — это не чтение. Читать надо так, как слушаешь исповедь человека. Углубляясь в книгу. Тогда она раскроет себя, и ты постигнешь ее прелесть.

К. ФЕДИН

...Книга — там, парит над высотой,
Сверкает; и куда пролет свой свет спокойный —
Там гибнут голод, скорбь, и эшафот, и войны!

В. ЛЮГО

Эльдар Рязанов

МОЙ ЛУЧШИЙ СОБЕСЕДНИК

Беседа велa Ирина Барметова

Наш корреспондент попросил народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР кинорежиссера Эльдара Рязанова рассказать о роли книг в его жизни, их месте в творческой лаборатории режиссера и сценариста.

— *Когда началось ваше приобщение к книгам?*

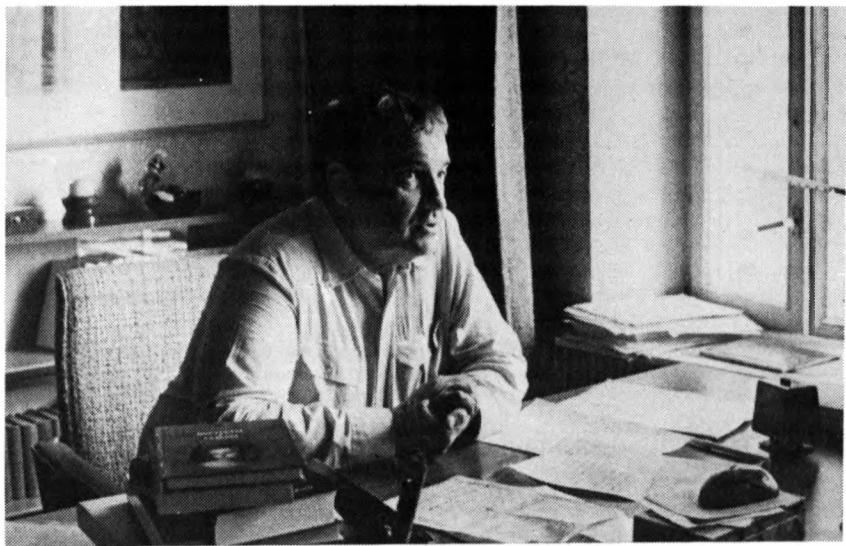
— Читать я научился очень рано. По рассказам матери, уже в три года, лежа на полу, пытался читать газеты. И так получилось, что книги стали главной страстью моего детства. Мать это поощряла. Хорошо помню томики с золотым тиснением — серию «Библиотека приключений»... До войны у меня была собрана неплохая детско-юношеская библиотека. А читал я много: так получалось, что все время обгонял свой возраст. Любовь к книге привела меня к первому неблагоприятному поступку: я записался в несколько районных библиотек.

— *В каком городе?*

— Это все было в Москве, в районе Зубовской и Смоленской площадей. И вот появилась новая библиотека на улице Веснина, за нынешним зданием Министерства иностранных дел. Чтобы туда записаться, нужно было принести справку из школы. Мне дали справку, что я учусь в третьем классе. Я «три» переделал на «пять». Это был первый подлог, совершенный мною для того, чтобы выдавали книжки на два класса старше.

В школе меня называли ходячей энциклопедией... К сожалению, жизнь, ее ритм позволяли читать все меньше и меньше. И сейчас уже не я хожу в библиотеку, не я стою в очереди за книгами, а книги ждут, чтобы я их прочитал. Это очень печально. Теперь делаю предварительный отсев, отказываюсь в условиях цейтнота от вещей, которые прочитал бы, имея свободное время. Некоторые книги не читаю сознательно. До других не доходят руки.

— *Но такие книги вы и не держите у себя, или все же вы их ставите на полку?*

Эльдар Рязанов

— Я не привык продавать книги, я их только покупаю. Бывает так, что книга прочитана и стоит без надобности, а бывает — не прочитана, и понимаешь, что никогда ее не откроешь. Такое тоже случается. Бывает, книжку начинаешь читать и теряешь к ней интерес. Что делать? Наверное, надо относить книги в букинистический магазин.

— *Какие книги оставили заметный след в вашей жизни?*

— Хочу выделить две, которые осветили мне детство. Первую я читал примерно семьдесят раз, а вторую, наверное, раз сто двадцать — «Овод» и «Три мушкетера». Так случилось, что одно лето я жил на даче, где у меня были эти книжки, и ничего больше.

Я их читал до бесконечности, многое знал наизусть и даже помню сейчас: «Ночь была темная, бурная, тяжелые тучи неслись по небу, заволакивая звезды...» — так начинается глава, где четыре бравых джентльмена казнят одну несчастную миледи. Дюма, его сто двадцать раз прочитанные «Три мушкетера» оказали невероятное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

— *В чем это выразилось?*

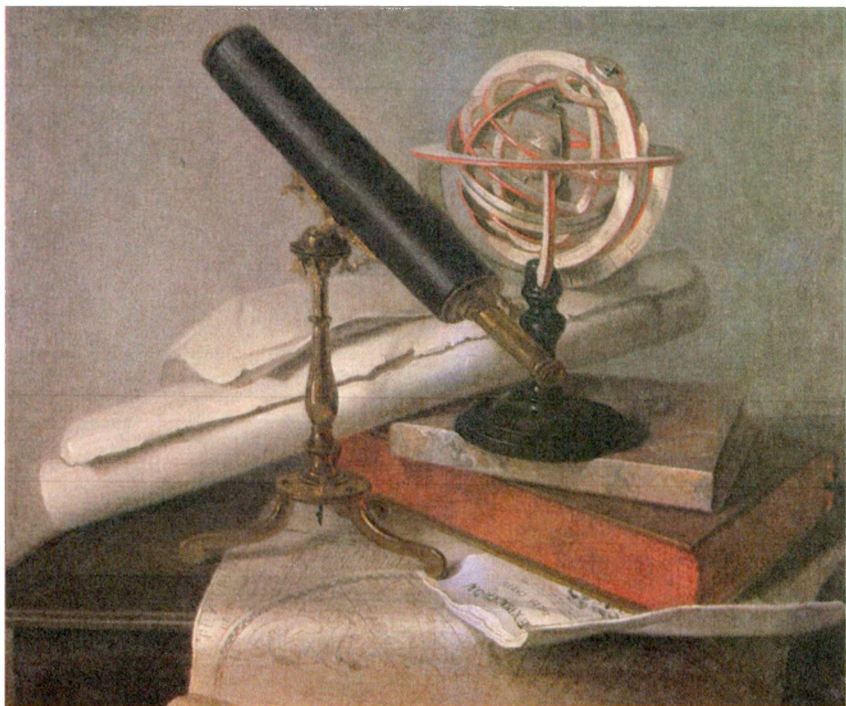
— Попытаюсь объяснить. Чем прекрасен Дюма, в особенности такие его книги, как «Три мушкетера», «Граф Монте-

Жан-Батист Удри. Стол в мастерской художника. XVIII в.

Жан-Батист-Симеон Шарден. Натюрморт с атрибутами искусств. 1766

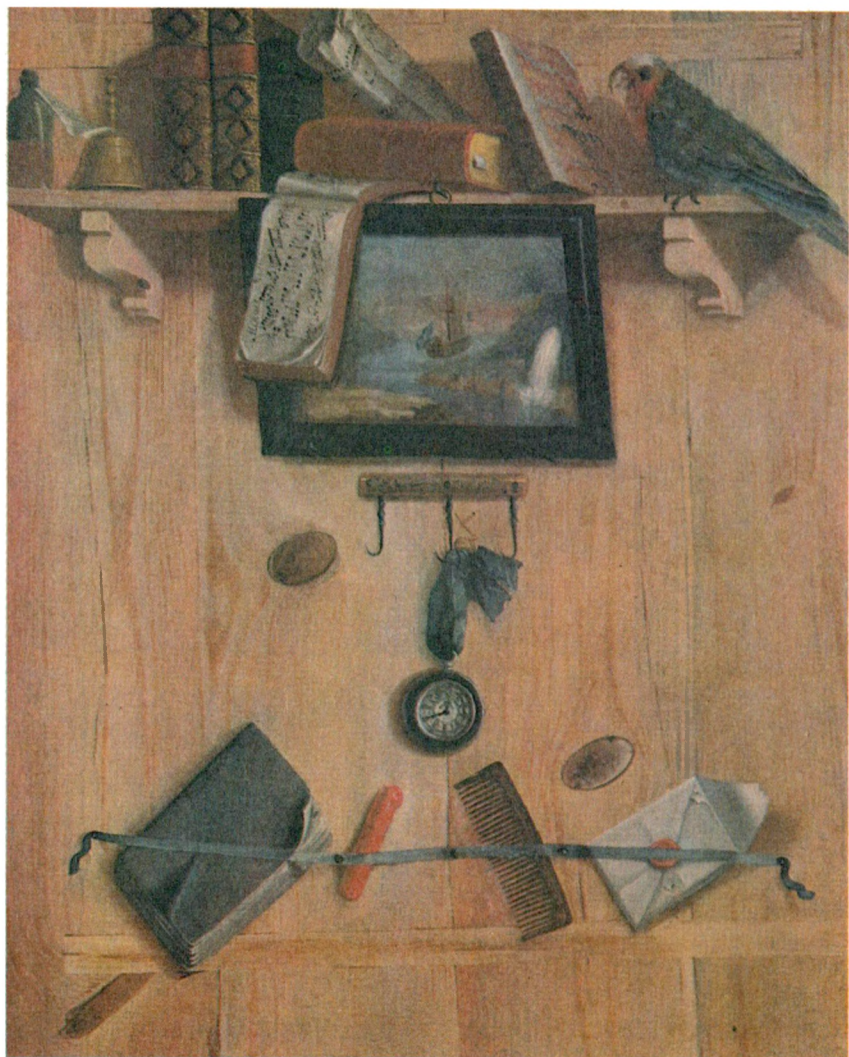
Филипп де Лагир (?). Натюрморт с астрономическими приборами. XVII в.

Юриан ван Стрек. Суета сует. XVII в.

Питер де Ринг. Музыкальные инструменты. XVII в.

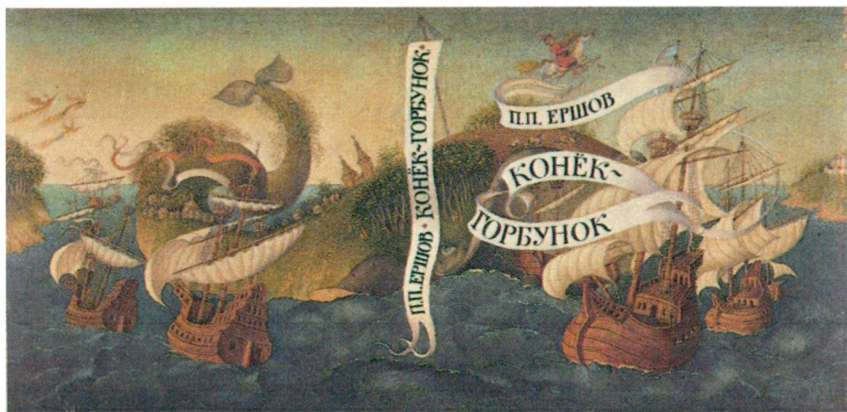
Г. Н. Теплов. Натюрморт с нотами и попугаем. 1737

Неизвестный русский художник. Натюрморт. Листы из книг и картинки. 1783

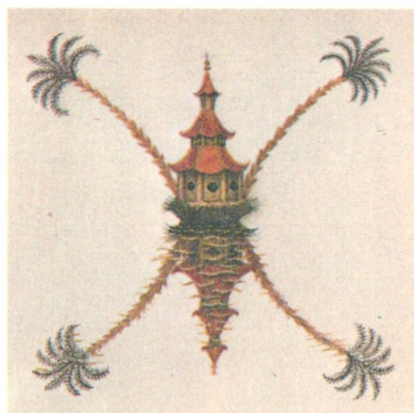
В. В. Рождественский. Натюрморт с лампой. 1917

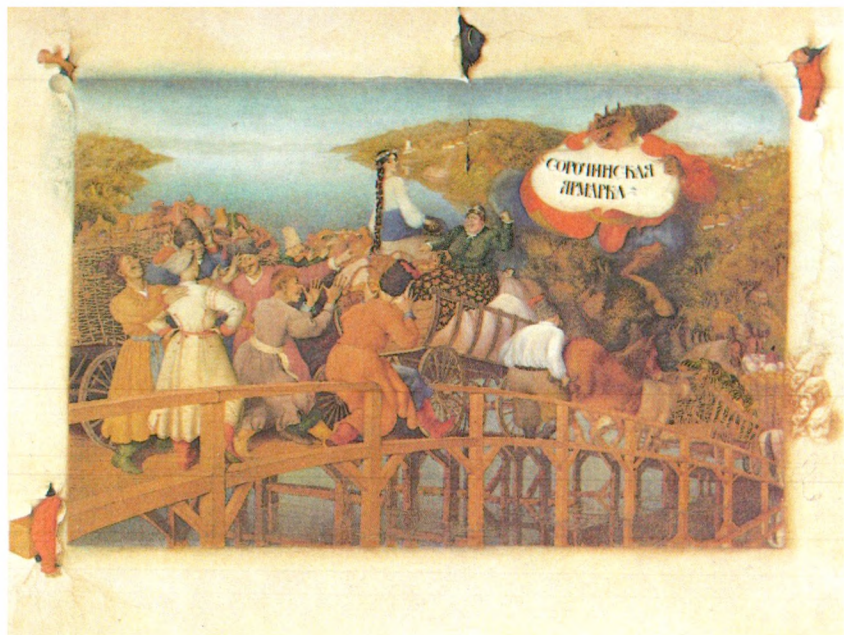

Сказки народов мира. Буквицы

Н. В. Гоголь. Сорочинская ярмарка

К СТАТЬЕ А. КУЗНЕЦОВА
«ПОЭТЕССА, ХУДОЖНИЦА, ИЗДАТЕЛЬНИЦА»

151
84.
ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА.

КРУПЕШНИЧКА

сказка
въ трехъ дѣйствіяхъ
и
пяти картинахъ
въ стихахъ
съ рисунками автора

кн-во «Тропинка»
П. Соловьевой и П. Мандусиной

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА
БОРОДАТИКЪ
СКАЗКА ВЪ СТИХАХЪ

Обложка детской книги П. Соловьевой. Худ. В. Белкин

Книга П. Соловьевой, оформленная автором

Кристо», «Двадцать лет спустя»? По-моему, Дюма — гений беллетристики. В отличие от многих литераторов к слову «беллетрист» я отношусь с уважением. Обычно беллетристов ругают те, кто не владеет увлекательной манерой изложения, кто не может написать так, чтобы привлечь любовь читателя, вызвать желание прочесть одним духом... Именно эти люди в свое оправдание и выдумали, что беллетристика — это плохо, мол, это для ширпотреба.

Ничего подобного. Настоящая, высокая беллетристика сочетает в себе и идейность, и литературное мастерство. Кроме Дюма, который работал, скажем, в приключенческом жанре, для меня пример беллетристов — Ги де Мопассан, Джек Лондон, Сомерсет Моэм.

— Как реализуется в вашей работе эта любовь к беллетризму?

— Когда, скажем, я веду «Кинопанораму», то стараюсь говорить на языке, который понятен всем людям. Когда пишу, то пишу тоже языком разговорным, живым. Во всяком случае, стремлюсь к этому.

— Последняя ваша книга «Неподведенные итоги» написана именно в таком стиле...

— Или, скажем, когда я делаю картины. Иные режиссеры, наверное, считают, что это ширпотреб. Но совсем не просто быть понятным, доходчивым. Помните, у Пастернака: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту»? Пожалуй, эти качества в себе я не развивал, они были присущи изначально.

— Возможно, Дюма дал импульс к их развитию.

— Думаю, что да. С детства мне нравятся книги сюжетные, написанные ярко, образно, легко. И это все невольно перешло в мой стиль, когда начал писать, сочинять, снимать...

В юности еще одна книга имела для меня большое значение и повлияла на мою судьбу: «Мартин Иден» Джека Лондона. Я так в нее погружался, что никакой силой нельзя было вытянуть меня из этого мира. Вообще, увлечение чтением раньше было невероятно сильно распространено. Сейчас меньше, к сожалению.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос,—

писал о том времени Борис Пастернак. Так что моя «болезнь» чтением — не исключение, а норма жизни.

И вот однажды пришла мысль, которая меня поразила: писатель — человек, который сам может создать свой мир. Тогда я понял, что эта профессия — удивительная.

— Не только погружаться в книгу...

— Да, то, что человек способен придумать, написать, создать, доставить такую радость, счастье и удовольствие,— это было для меня открытием. В 14—15 лет я начал пробовать силы в литературе. Это естественно. Мало кто не пробует. Причем начал с прозы. Сочинял какие-то драмы, пытался писать романы, повести, рассказы. Все это бросал на третьей странице.

— Значит, поэзией вы тогда особенно не увлекались? Но ведь известен факт, что, поступая во ВГИК, вы представили тетрадку стихов как творческую работу.

— Да, именно стихи косвенно помогли мне решить судьбу... Итак, я пытался писать, но ничего не получалось. И когда прочитал книгу «Мартин Иден», понял: не получалось потому, что я ничего не знал, не имел жизненного опыта. Там есть замечательный рецепт: нужно сначала многое изучить, испытать на себе. Мартин Иден был моряком, и для меня стало ясно, что надо идти в Одесское мореходное училище, стать моряком, плавать, посмотреть мир, а потом все это описать в книга.

Я собирался стать штурманом дальнего плавания. Наверное, мысль о том, что мне пойдет морская форма, была не последней. Может, не главной, но все-таки, чего там греха таить, об этом я тоже подумывал.

А поскольку пришла юность, я начал писать стихи. И понял, что делаю это не очень хорошо.

Стал интересоваться поэзией, читать стихи разных поэтов. Подражал Пушкину. Потом перешел к подражанию Лермонтову — там слышалась разочарованность. Затем надолго застрял в Надсоне. Надсон умер двадцати пяти лет, роковая любовь, мировая скорбь, все так красиво... От Надсона перешел к Есенину. Произошел невероятный скачок из XIX века в XX. Потом — Ахматова...

Маяковский был мне чужд — хотя стихи «под Маяковского» я тоже писал. Версификация нравилась. Это качество, кстати, помогло мне при поступлении во ВГИК. Там был экзамен, который назывался просто — «Письменная работа». Приходишь и не знаешь, что тебя ждет.

Ждал рассказ Чехова «Жалобная книга», который, вы помните, состоит из разных записей. Нам сказали: выберите три записи и напишите образы людей, оставивших их. Я написал три вещи в чеховской интонации. Одну как письмо, другую как дневник, третью просто от автора. Не помню, что я там изображал, только помню, что чеховская интонация во мне просто звенела, звучала в голове, и я сделал этакую «подделку» под Антона Павловича. Эту работу заметили и поставили отличную отметку — единственную. Все остальное я сдавал плохо, и меня вообще приняли условно.

— А как вышло, что вы, мечтая стать моряком, попали во ВГИК?

Это случайность. Из Одесского мореходного училища, куда я послал документы, все не шел ответ. Училище только что вернулось из эвакуации в Одессу, почта работала плохо. Ответа нет, а надо куда-то поступать. Один приятель сказал:

— Пойдем во ВГИК.

Я спрашиваю:

— Что это такое?

Он говорит:

— Это институт кино.

Так я попал во ВГИК и был уверен, что там годик пересажу, а потом все-таки поступлю в Одесское мореходное, поплаваю и затем стану писателем.

В конечном итоге я стал писать пьесы, книги, стихи. Только не путешествовал, а работал в кино. То, что было заложено в детстве, в отроческие годы, осуществилось.

— И все же не часто поступающие во ВГИК приносят тетрадки со стихами. Может, вам нечего было представить, потому что не готовились к этому поступлению?

— У меня не было времени, с момента подачи заявления до экзаменов оставалось несколько дней. Можно было подавать рисунки, фотографии, сценарии, повести... Я представил лирические стихи—о тщете жизни и о том, что скоро придется помирать (мне и семнадцати не было). Понимая, что это произведет плохое впечатление на комиссию (а вместе со мной поступали люди, пришедшие с войны, с заводов, все были старше, у всех был жизненный опыт), я написал одно стихотворение «под Симонова». И когда Григорий Михайлович Козинцев— наш мастер—смотрел работы, он спросил меня:

— А что вы читали?

Я ответил:

— Пушкина, Лермонтова, и вообще, я для своего возраста начитанный.

Комиссия захохотала. Я не понял, почему, так как был абсолютно искренен.

— Симонова, я вижу, вы тоже читали,—сказал он с подко-выркой.

Во ВГИКе мой интерес переключился с книг на фильмы: их надо было смотреть по программе, это стало профессией.

— Но тем не менее, делая кинематографические работы, вы искали литературный материал, например книги Карела Чапека, Стендаля,—ведь это не случайный отбор?

— Нам давались задания написать экранизацию, поставить какой-нибудь отрывок из русской или западной классики. Так что

читали мы много. Козинцев упоминал незнакомые имена, и мы читали затем, чтобы соответствовать...

Один ставил Мопассана, другой ставил Стендаля. Моя первая экранизация — «Волоколамское шоссе» Александра Бека. Вместе со своим сокурсником я сделал сценарий...

— *Был ли в вашей жизни случай, который помог взглянуть на книгу не только как на источник информации, зеркало человеческой души, но и помог полюбить ее как таковую?*

— На втором курсе к нам пришел преподавать теорию режиссуры Сергей Михайлович Эйзенштейн, человек невероятной образованности, энциклопедист в самом высшем смысле этого слова. Мы его обожали еще и потому, что держался он очень просто. Он вообще был лишен каких-либо атрибутов величия. Озорной, остроумный, веселый, легкий человек.

Мы часто занимались у него дома и имели возможность познакомиться с гигантской библиотекой Сергея Михайловича. Это был дом на Путьлихе, который, к сожалению, снесли, когда прокладывали Мосфильмовскую улицу. В квартире — книги, везде, включая подсобные помещения.

Эйзенштейн — сын рижского архитектора, получил блестящее образование. Он замечательно знал английский, французский, немецкий языки. Он дружил с выдающимися людьми культуры нашего века. Его, великого режиссера, признал весь мир. У него была коллекция книг с автографами Цвейга, Драйзера, Синклера, Чаплина... Целая стена книг от пола до потолка с автографами знаменитых художников XX века: невероятная по тем временам, да и по нынешним тоже, галерея книг по живописи и изобразительному искусству. И, конечно, — замечательная литература по кино.

«Пропилеин Кунст Гешихте» — я до сих пор помню название, но ни у кого потом и нигде не видел этой прекрасной истории искусств, изданной в Германии.

— *Какова судьба библиотеки Эйзенштейна?*

— Для нее выделена бывшая квартира режиссера. Конечно, это не музей в полном смысле слова. Хранитель библиотеки — Н. Клейман. Скоро будет создан Киноцентр на Пресне, надеюсь, что коллекция великого мастера найдет достойное место в музее кино.

— *Повлияло ли столь близкое знакомство с Эйзенштейном на ваше восприятие изобразительного искусства, на оценку того или иного произведения живописи?*

— Его роль для меня огромна. Мы изучали историю живописи в институте, и у нас были очень неплохие педагоги. Но Эйзенштейн давал то, чего нет в обычных курсах — невероятно увлекательные путешествия по художникам, по эпохам. Эти

путешествия сопровождалась замечаниями крупного мастера, который сам был художником и понимал искусство изнутри.

— А как он относился к своим книгам? Давал их читать друзьям?

— Нет, книгу он не дал бы даже под угрозой смертной казни. Помню, однажды я встретил его после возвращения с курорта. Мы приехали с вокзала, он вошел в квартиру (еще раз повторяю, там не было сантиметра, свободного от книг) и сразу же спросил домработницу тетю Пашу, которая вела его несложное хозяйство:

— Кто взял такую-то книгу?

— Приезжал Максим Максимович Штраух, и я дала ему для работы.

— Чтoб это было в последний раз!

А надо сказать, что Штраух был близким другом Сергея Михайловича.

— Вам он давал книги?

— Мне давал. Но это было исключение, которое лишний раз подтверждало правило. После его смерти у меня остались две или три книжки, которые я должен был вернуть, но не успел. Это память... У меня есть сценарий «Ивана Грозного», подписанный им в 1947 году.

Он брал меня с собой на экскурсии по букинистическим магазинам Москвы. Помнил, как кого зовут, и его знали в лицо, потому что это был не только человек с мировым именем, но и крупный книжник. Уже упомянутые «Пропилеин Гешихте» были куплены на весь гонорар, который он получил за постановку «Валькирии» в Большом театре в 1940 году.

— Не сделали ли эти путешествия вас страстным собирателем книг?

— Конечно, я тоже имел возможность покупать редкостные издания, которые оставляли специально для Эйзенштейна. Но денег-то у меня было мало — одна стипендия. Я лишь смотрел с сожалением. Иногда позволял себе какую-то мелочь. Но произошло главное: он меня заразил книжным собирательством.

В 1947 году мы были на практике в Ленинграде у Григория Михайловича Козинцева, нашего основного мастера. Он, кстати, очень дружил с Эйзенштейном. Когда Сергей Михайлович вел курс, то приглашал Козинцева читать лекции, и наоборот. Они испытывали друг к другу чувство, которое не часто встречается в режиссерской среде, — нежность и подлинную любовь, не считая себя соперниками. Нам, практикантам, платили за организацию массовок. И вот на «заработанное» я привез домой два чемодана книг.

— А какие, вы помните?

— Помню. Это и Ремарк, тогда мало кому известный, и Олдингтон, и Хемингуэй, и книги о художниках — то, что удалось купить в букинистическом. Привычка сохранилась у меня до сих пор: еду в Ленинград — привожу оттуда книги. По московским же букинистическим магазинам, как правило, не хожу.

— *В вашей библиотеке хорошо представлены классические и современные поэты. Наверное, это увлечение началось давно и потом отразилось в вашем творчестве.*

— Поэзия еще в юности стала спутником жизни и всегда звучала во мне. Скажем, роستانовского Сирано де Бержерака я знал наизусть. Первый толчок дал прекрасный вахтанговский спектакль. После этого я обошел все букинистические магазины и нашел дореволюционное издание в переводе Щепкиной-Куперник.

Дорогу гвардейцам-гасконцам!
Мы дети одной страны.
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены.

Такое же сильное впечатление на меня произвела пьеса «Давным-давно» Александра Гладкова, которую я потом поставил.

Любовь к поэзии во мне постоянна. Работая на хронике и снимая фильм «Остров Сахалин», я сочинил первую в своей жизни песню — песню хроникеров. И наша съемочная группа дружно ее распевала. После переработки песня вошла в фильм «Остров Сахалин», который я снял вместе с однокурсником Василием Катаняном. Это была наша первая полнометражная документальная лента.

— *Когда вы писали сценарии своих фильмов, вас окружали книги поэтов — Цветаевой, Заболоцкого, Бёрнса, — их я вижу на полках. Не с этим ли связано появление таких чудесных романсов в ваших картинах?*

— Да, это произошло благодаря моей любви к поэзии; я недоумевал, почему такие прекрасные строчки не поют? Раньше вообще не было принято брать готовые стихи для фильма. Приглашали поэтов, они писали текст, а композиторы — музыку. Работая над фильмом «Ирония судьбы», я подобрал готовые стихи и вставил их в сценарий. В эту картину я ввел стихотворение Александра Кочеткова «С любимыми не расставайтесь», которое знал давно, еще до того, как было опубликовано. А печаталось оно один раз. Но где — я не помнил. Позвонил Александру Володину, думая, что он-то наверняка знает. Мне нужен был точный текст, и в конце концов в одном из сборников «День поэзии» нашел эти стихи...

Иногда меня спрашивают: кого из актеров вы снимаете? Я говорю: тех, кто мне нравится. В моих картинах звучат стихи, которые люблю и читаю. Для меня строки:

А напоследок я скажу:
Прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу или восхожу
К высокой степени безумства

— высокая поэзия.

— *А не случилось ли так, что вы какую-то линию фильма «подверстывали» под стихи?*

— Нет, стихи всегда шли вслед за сюжетом. Например, песню на стихотворение Киришона, которую еще в середине 50-х годов пел под гитару Новохижин: «Я спросил у ясеня, где моя любимая», — знал задолго до того, как поместил в картину. Микаэл Таривердиев, не слышавший прежней музыки, написал свою. Так слова песни обрели в фильме вторую жизнь.

— *Есть ли система в расположении книг вашей библиотеки, быстро ли находите нужную, когда работаете над картиной?*

— Иногда приходится долго искать. Единственное, что у меня находится в образцовом порядке, — это поэтические сборники. Тут я нахожу все сразу.

— *Есть такое понятие: книги-работяги...*

— Я не подбираю их специально, потому как не знаю, о чем будет следующая картина. Это все равно, что покупать к машине запасные части, пытаюсь угадать, что сломается.

К вопросу приобретения старых изданий отношусь так: если передо мной, например, книга Н. М. Карамзина редкого издания и современного, я предпочту второе. По разным причинам. Прибегаю к покупке старых изданий, когда та или иная книга необходима мне для работы над фильмом и когда в современном исполнении она не существует. Для картины «О бедном гусаре...» мне очень пригодились книги М. К. Лемке «Политические процессы в России 1860-х годов», «Николаевская жандармерия и литература. 1826—1855 годы»; Н. К. Шильдера «Николай I»; сочинения Ивана Забелина. Атмосфера фильма навеяна книгами о Пушкине, его друзьях и окружении. В моей библиотеке эти книги стоят особняком. Среди них — «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово». Ее подарил мне актер Олег Басилашвили в память о своей матери: эта книга из ее библиотеки.

Семитомник «Отечественная война и русское общество» был моей настольной книгой во время работы над сценарием, а потом над постановкой фильма «Гусарская баллада». А вот эта — небольшая по объему с интригующим названием «Знаменитые

авантюристы XVIII века» — не без пользы побывала у Григория Горина, — в то время он писал сценарий фильма «Формула любви» о графе Калиостро.

Среди прочных, долговременных интересов — книги по живописи. Покупаю альбомы любимых художников, но иногда приобретаю и такие, которые «принято иметь», хотя к моде отношусь спокойно. В общем, стараюсь собирать издания, которые — знаю — буду смотреть, читать и перечитывать.

В фильме «О бедном гусаре...» я открыл для себя Вяземского. Это замечательный поэт. В поздних стихах, таких горьких, откровенных, он рассказал о себе, о своих мучительных чувствах, которые не всякий способен доверить слову...

Найдя прием — брать готовые стихи для фильмов, я продолжал его развивать.

— *И никогда ему не изменяли?*

— Случалось, не найдя ничего подходящего, писал сам. Это началось со «Служебного романа». Когда писал «У природы нет плохой погоды», то не думал о картине. Просто стихотворение вышло — и все. Потом понял, что его можно поставить в фильм. Так совпало. Так же, как и песня в картине «Вокзал для двоих». А вот «романс Ларисы» написан специально. Помню, я перечитал всю женскую поэзию XIX века. Но хотелось сделать картину, которая была бы одновременно и о XIX веке, и о XX. Пришлось писать самому от имени женщины. Я каждый раз ввожу в заблуждение Петрова, когда предлагаю свои стихи для песен, — говорю, что они написаны известными поэтами.

— *В каждом фильме, соблюдая стилистическое единство, вы отдаете предпочтение какому-нибудь конкретному поэту?*

— В «Бедном гусаре» почти все песни на слова Вяземского. В «Жестоком романсе» — на стихи Ахмадулиной. В обоих фильмах звучат и стихи Цветаевой. Строки:

Под маской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было, чья победа,
Кто победил, кто побежден? —

я нашел в архиве, они впервые прозвучали в фильме «Жестокий романс» — не могу этим не похвастаться.

— *Книга не нуждается в защитниках, но есть пессимисты, которые в эпоху телевидения и развития новых средств хранения информации предрекают закат книгопечатания. Что вы думаете по этому поводу?*

— К сожалению, домашний экран потеснил книжные полки. Но для меня книга как средство общения сохраняет свое первенство, остается непревзойденным чудом. И когда я хочу найти задушевного собеседника, то беру в руки книгу.

Юрий Благов

НИ ДНЯ БЕЗ ШУТКИ

Опыт моноинтервью

Однажды мне позвонили:

— Нашли старую пластинку «Мандолина, гитара и бас», а на этикетке написано: «Исполняет Ю. Благов». Случайно, не вы?

Конечно же я, и вовсе не случайно! Литературного образования у меня нет, есть театральное. После театрального техникума (был такой в Самаре) работал в драме и оперетте, в джазе и на эстраде и одновременно писал... Но лишь выпустив две книги стихов и став членом Союза писателей, перешел на литературную работу. Вышло у меня уже 30 сборников стихов и прозы, а любовь к книгам заменила литературное образование — с ними я не расставался никогда.

Между прочим, хотя я давно «хожу в литераторах», то и дело слышу: «Это какой Благов?»

Отвечаю. Тот, который написал от имени одного персонажа:

Я за смех. Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

— А-а,— отвечает собеседник, и ему все становится ясно. Я немало сделал помимо этой эпиграммы, но подобные вопросы меня не обижают. Русская литература велика, и остаться в ней хотя бы одной строчкой — счастье, а тут четыре! Или вот... Все знали когда-то песню, начинавшуюся словами: «В день осенний улетают к югу стаи журавлей»... Одни ее пели, другие слышали, и все знали, что это венгерская мелодия. А то, что русские слова к ней написаны мной, не знал никто (кроме бухгалтерии Гастрольбюро). И это лучше, чем когда все знают, что ты автор такого-то произведения, но никого оно не трогает...

Живу я один, а скучать не умею, и однажды стал задавать самому себе вопросы и отвечать на них:

— Твой коллега Сергей Швецов утверждал, будто дар поэта-сатирика редок, и приводил такую параллель: «Акторов — тысячи, а Райкин — один». Не уникальность ли этой профессии тебя привлекла?

Юрий Благоев

— Вовсе нет.

— А что же?

— Желание смешить людей, и только оно! Веселить их или, на худой конец, развлекать. Однако внешностью я не рассмешу — не толстый, не рыжий, не слишком худой, не слишком длинный. Надо было что-то придумать...

— И давно начал?

— Очень. Мама рассказывала, что, когда меня привезли из родильного дома, я, вместо бессмысленного «а-а-а», отчетливо повторял «игого-игого-игого», причем в разных регистрах — то выше, то ниже, и все кругом покатывались со смеху.

— В дальнейшем тебе сопутствовал такой же успех?

— Не всегда. Помню, учась в театральном техникуме, я читал на эстраде музыкальные фельетоны и делал буриме — моментальные стихи. А однажды, в Ульяновске, взялся конферировать... Выйдя на эстраду, перво-наперво добросовестно произнес репризу маститого конферансье о том, что «в цирках

Древнего Рима выбегала на арену обезьяна с дощечкой, на которой значился следующий номер программы, а у нас обезьяны нет, так вот я выхожу...» У маститого над этой фразой все смеялись, а когда ее произнес я, в зале воцарилась жуткая тишина, а затем раздался громкий голос:

— Разница небольшая!

Решив, что терять мне нечего, я ответил:

— Вы правы! Между мной и обезьяной разница небольшая, а вот между обезьяной и вами вообще разницы нет!..

Теперь бы за такой экспромт, наверное, со сцены прогнали, а тогда меня сочли «врожденным конференсье».

Между прочим, всех поступавших в Самарский театральный техникум приемная комиссия спрашивала, что именно их побудило выбрать путь актера. Один поступавший ответил: «Я поспать люблю, а артистам можно рано не вставать».

— Тебе нравится профессия конференсье?

— Прекрасная профессия! Другое дело, что ее часто опошляют. И не зря говорят, чтобы стать конференсье, нужно быть и актером, и режиссером, и литератором. Но, с другой стороны, если быть и актером, и режиссером, и литератором, для чего становиться конференсье? Однако ведь такая благородная цель: выйти «один на один» со зрительным залом, где сидят люди, зачастую к веселью не расположенные, и добиться того, чтобы все начали смеяться. Все! Что может быть приятнее?..

— А тебе попадались хорошие конференсье?

— И даже разные! Видишь ли, юмор литератора при желании можно обнаружить, ведь он где-то напечатан, а у конференсье иначе... Его находки не фиксируются, свидетелей их появления становится все меньше и меньше. Не потому ли, говоря об остроумных людях, вспоминают выдуманного Насредина и забывают реального Смирнова-Сокольского.

— Ты ведь его знал...

— Я у него даже учился во Всесоюзной студии эстрадного искусства.

У меня чудом сохранилась его статья в «Известиях» за 1940 год, в которой он, характеризуя принятых в студию, написал: «Артист Куйбышевской эстрады Ю. Благов обещает стать хорошим советским куплетистом». Помню, когда мы жаловались на отсутствие хорошего репертуара, он отвечал:

— Что значит репертуар?.. В 1915 году артист Мамонт Дальский прочитал нам в ресторане меню так, что мы в одном месте смеялись, а в другом плакали.

Я, конечно, видел уникальную его библиотеку в доме на Малой Бронной, где Сокольский жил. А как она создавалась, однажды был свидетелем. Встретились его концертная бригада и

Н. П. Смирнов-Сокольский

артисты радиокомитета, с которыми выступал я, в Челябинске, договорились вместе пообедать, а Николай Павлович не пришел. Оказалось, он в это время рылся в захламленном чердаке у одной старушки на окраине города. Когда у меня вышла первая, размером в два печатных листа, книжица, я ему постеснялся подарить, но, когда вышла вторая, уже в три листа, вручил с такой надписью:

Как подобает сочинителю,
Свою крупнейшую из книг
Подносит с трепетом учителю
Полутолковый ученик.

Но вообще-то книги, действительно, моя любовь, хотя это и звучит банально. Именно любовь к книге и, следовательно, к литературе подсказала мне выбор второй профессии. Будучи актером, я писал от случая к случаю, в основном, когда нужны были деньги. Писал все: от газетных фельетонов до сценариев праздничных гуляний в парках и садах. Сквозь гастрольные

растрепанные годы с хроническим бесквартирьем, когда мы с женой в Москве снимали чужие углы, все ж таки я донес до сегодняшних дней мини-уникумы: «Поэзо-концерт Короля поэтов Игоря Северянина» (набрано и напечатано в типографии Крестного календаря А. Гатцука, 1918); «Три кита», рассказы Пантелеймона Романова (Рига, 1928), «Бренные слова» Веры Инбер (издание автора, зарегистрированное в Одесском Губиздате за № 89, Одесса, 1922); книги А. Аверченко, Тэффи, В. Дорошевича и, конечно же, моего любимца Саши Черного. Недавно приобрел «Синее с золотом» А. Аверченко, последняя, по-моему, книга, изданная им на родине. Сохранил ставший уникальным журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», № 1 (3) за 1924 год. Именно в этом номере «Восемь пунктов» имажинистов и первая публикация «Москвы кабацкой» С. Есенина (цена 1 рубль золотом, издание «Ассоциации вольнодумцев»).

А над письменным столом Сокольского, в студии, для любителей посидеть в кабинете и поболтать висел ехидный плакат: «Скажи-ка дядя, а не даром?»... Кстати, вот еще плакат: «Автор! Не говори о рукописи, пусть рукопись скажет о тебе...»

— Где, по-твоему, мог красоваться такой афоризм? — В редакции журнала? В издательстве?

— В литчасти Московского цирка! Там, в темном закутке, восседал литсотрудник Павел Герман, а заходило три-четыре автора в год, да и у тех он удивленно спрашивал: «Как вы сюда попали?..» Тем не менее такой плакат висел.

— А Сокольский конферировал?

— Еще бы! Я помню такую его репризу. Если публика принимала концерт вяло, он доверительно сообщал: «Когда я прихожу домой, меня мама всегда спрашивает: — Ну, как, Коленька, прошел концерт? И радуется, если хорошо... Так что же, в конце концов, вам моя старушка плохого-то сделала?»

Умение импровизировать в конферансе у него было уникальным. В своем «мемуарном» стихотворении «Смирнов-Сокольский говорил» я несколько его экспромтов «увековечил», в том числе такой:

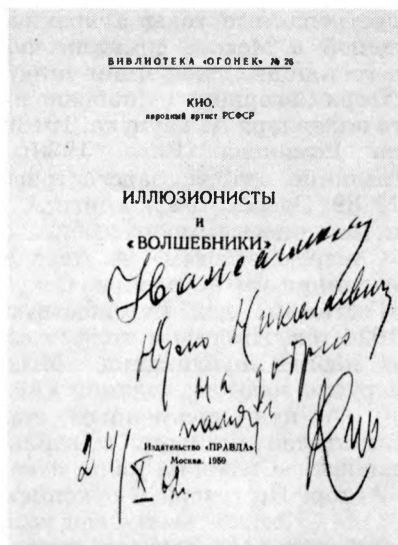
Нигде впросак не попадая,
Он на концерте, например,
Раз пианиста объявляя,
Вдруг заявил: «Скрипач Флиер!»
Но тут же выправил ошибку:
— Флиер оставил дома скрипку,
А проживает далеко,
Но, чтоб вы в зале не скучали,
Он вам сыграет на рояле,
А это тоже нелегко!

Его любви к книге посвящены такие строки:

Юрию
Юрию Николаевичу
Благому —
с искренней любовью —
С. Маршак

18/XI 1956 г.
Москва.

Дарственные надписи
С. Я. Маршака и Кио
Ю. Благому

Всю жизнь на книги деньги тратя,
Узнал Сокольский, что жена
На званый вечер в старом платье
Явиться с ним обречена,
И он любимому созданию
Ответил в образе своем:
— А ты, франтихам в назиданье,
Шекспира первое издание
Надень на шею — и пойдем!

Я, конечно, не убежден, что у Сокольского был Шекспир в первом издании, но это же стихи, а не каталог!

— Ты хотел сказать о хороших и разных конференсье.

— Пожалуйста... Один из ветеранов конференса утверждал: «Нас, старых москвичей, осталось только четверо: Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Василий Блаженный и я».

Когда в мастерской Агитплаката один поэт предложил лучшие работы делать на шелку, Эмиль Кроткий тут же откликнулся экспромтом:

В журнал он чушь таскал нектати,
Зато теперь в Агитплакате
Его суконную строку
Воспроизводят на шелку...

А на именины писательницы Д. художник И. принес торт, оказавшийся черствым.

— В каком магазине вы купили этот торт?—спросила хозяйка. Бывший в числе гостей Кроткий ответил за художника:

— В комиссионном.

А Маршак?.. А Виктор Ардов?..

Однажды Самуил Яковлевич был приглашен к министру кинематографии И. Г. Большакову. Прождав час, Маршак ушел, оставив записку следующего содержания:

У вас, товарищ Большаков,
Не так уж много Маршаков.

Когда Леонид Осипович Утесов репетировал в Москве новую программу, руководитель другого джаза начал исполнять его репертуар на периферии. Утесов послал ему такую телеграмму: «Коллега, вы у меня взяли все, но в боковом кармане остались золотые часы. Приезжайте за ними!»

— Ну, а про композиторов что-нибудь слышал?

— Есть, кажется, книжка «Музыканты смеются». Если это так, могу туда кое-что добавить.

Композитора Б. собеседник назвал «инженером человеческих душ».

— Вы ошиблись,—уточнил Б.—Я инженер человеческих уш».

Сын знаменитого баса Григория Пирогова рассказывал мне, что, навещая в больнице умирающего отца, он опрокинул склянку.

— Медведь!—простонал отец. Затем оглядел халат сына и уточнил:

— Белый медведь!..

На совещании «Крокодила» Ю. А. Ганфу предложили сделать рисунок на антирелигиозную тему.

— Я уже стар,—пошутил художник,—и мне бы сейчас не хотелось портить отношения с богом...

— Все это понятно. А литературные твои пристрастия начались с чего?

— С книг, конечно. И журналов, скажем «Смехача». У других ребят герои—капитан Немо или Робинзон Крузо, а у меня—Евламий Надькин.

— Это еще кто?..

— Популярный персонаж «Смехача», кочевавший из номера в номер. Делали его художник Б. Антоновский и поэт И. Прутков. Его, Надькина, приключения все тогда ждали, и в нашем классе в особенности.

— А ты сочинять стихи стал под влиянием этого Надькина?

— Нет, значительно раньше. Как-то, ложась спать, сочинил и продекламировал домашним такое:

— Пойду в острог,
Сниму сапог,
Выйдя из острога,
Надену два сапога.

Было мне тогда лет пять. В дальнейшем в угоду рифме слов не коверкал! А однажды спародировал «Конька-Горбунка» прямо на полях книги. За это мне попало, с тех пор пристрастия к пародиям не питаю. Да и без меня пародистов немало.

Кстати, о «Горбунке». В безбумажные двадцатые годы ГИЗ не стал экономить на детях и выпустил большую, яркую книгу с широкими белыми полями. Они-то меня и соблазнили! А сейчас я храню компактного «Горбунка» в прекрасном издании с рисунками Вадима Преснякова (Кемеровское книжное издательство, 1967). Вообще, полиграфические удачи на периферии нередки, например книги-кассеты Н. Некрасова и В. Маяковского, изданные в Ставрополе в 1979 и 1980 годах. Читаю, перечитываю и люблю истинно творческой работой этих издательств. Впрочем, вернемся к нашему разговору.

— Но что же больше всего влияло на тебя?

— Юмор, конечно. Была такая веселая книжечка «Макс и Мориц» о том, как «скверные мальчишки не читают умной книжки», как они «потехи ради рвут и пачкают тетради»... Знали все эту книжку наизусть! Не могу понять, почему она теперь не издается... Смех воспитывает лучше назиданий.

— А первую свою публикацию помнишь?

— Это был логогриф — литературная загадка. Ее напечатала самарская «Пионерская газета».

— Это первое произведение, а последнее?..

— Вернее, одно из последних... Оно посвящается как раз теме сегодняшнего разговора. Не могу сказать, что я прожил легкую жизнь, но что прожил в общем-то весело — это уж точно! И во многом благодаря дружбе с шуткой, которую я воспеваю в этом маленьком стихотворении:

Не делают старость
Мечтою своею,
Никто ведь не скажет:
— Ура! Я старею!

Но чтоб на закате
Нам не было жутко,
Пусть возле кровати
Усядется Шутка.

Ирина Махонина

СПРОШУ СЕБЯ

Бежит вода ручьем—
она жива.
Шумит сосна в лесу—
она жива.

Весна дохнула мне в лицо—
жива!
Живут ли так
в стихах мои слова?

Ю. Герчук

КНИГА В МИРЕ ВЕЩЕЙ

Объясняя сложную природу книги как произведения искусства, Владимир Андреевич Фаворский противопоставляет внешний облик этой простой обиходной вещи, «кирпичика» на нашем столе или на полке, заключенному в ней «целому миру, иногда даже несколько не связанному с тем пространством, в котором мы живем». Чудо восприятия книги состоит, по его словам, в том, что «вдруг вещь, которую мы продолжаем держать в руках и ценить по качествам вещи, открывает нам внутри себя новые качества, характерные для пространства, населенного своими вещами, вещами книжного мира»¹.

Смысл книги, мир ее духовных ценностей, ее богатство — скрыты внутри, в крайнем случае чуть просвечивают через внешний облик этого скромного, геометрически четко очерченного предмета. И когда художник кладет или ставит книгу среди вещей композиемого им натюрморта, когда делает ее своей «натурщицей», — что он пишет: заурядную вещь или «мир образов», только угадываемый, но все же обволакивающий эту форму ореолом духовной значительности?

В портрете или в сюжетном изображении книга лишь атрибут, зримо обозначающий профессию (писатель, ученый) или же духовную причастность персонажа-читателя к внебытовому, книжному миру. А в натюрморте...

В натюрморте книга вообще гость не частый. Как вещь, она ведь не представляет особенного живописного, пластического интереса — по сравнению, ну, хоть с фаянсовым кувшином или яблоком. А как знак духовности оказывается, пожалуй, чересчур отвлекающей. Ведь чудо перехода от внешности в ее внутреннее пространство, к «вещам книжного мира», в картине не может произойти.

Конечно, живописец может изобразить книгу и открытой, выписать кисточкой заглавие, нарисовать иллюстрацию. Но не слишком ли это будет протокольно-информационный способ передачи содержания?

Таких открытых книг было изображено все же немало, например, в голландских натюрмортах популярного в XVII веке жанра *vanitas*, то есть «суета сует». Это были своего рода живописные проповеди на темы о бренности бытия и суетности земных желаний, материализованные в вещах призывы задуматься о вечности и о жизни за гробом. *Vanitas* — искусство ученое, обращенное не столько к непосредственному восприятию, сколько к знанию подробно разработанного и известного образцовым людям символического языка эпохи. Приписанные вещам значения здесь важнее их подлинных предметных качеств.

Идея бренности воплощалась в таких натюрмортах специальным подбором вещей, демонстрирующих быстротечность бытия, тленность всего земного. Человеческий череп, песочные часы, мыльные пузыри, цветы, которым суждено увянуть. А среди всего этого нередко атрибуты наук и искусств как знаки тщеславного стремления к бесполезным, суетным целям. Здесь книга, исконный атрибут высшей мудрости, оборачивается символом пустого, ложного знания. Да и сама она — потеряя, ветхая, с завернувшимися залистанными страницами, демонстрирует, как и все предметы этого мира, свою подверженность тлению. Любопытно, что как раз в ученом, университетском Лейдене живописцы XVII века особенно охотно писали груды ветхих и рваных книг — жалкий конец земного знания.

И все-таки книга оставалась предметом многозначным, не сводимым к простой символике мыльного пузыря. Вот на раскрытой странице каллиграфически выписано стихотворение: все о том же, о бренности бытия! Книга, изображенная художником, продолжает поучать нас. Вот в натюрморте Юриана ван Стрека тщательно выписанный титульный лист «Электры» Софокла в голландском переводе говорит скорее не о гибнущих, но о вечных, противостоящих тлению культурных ценностях.

В этот век науки, при всех его противоречиях, книга, носительница знания, сохраняет и отстаивает свой авторитет, в том числе и в своих живописных воплощениях. Изображаются кабинеты ученых с их богатыми библиотеками. Мы читаем на корешках имена Аристотеля и Платона. В натюрмортах книги соседствуют с математическими инструментами и астрономическими приборами. Это — олицетворения самой Науки. На раскрытых страницах видны красочные гербарии, рядом — живые экзотические растения в цветочных горшках. Среди музыкальных инструментов — раскрытые тетради нот.

Ученый натюрморт, аллегорическое прославление наук и искусств, представленных характерными предметами (а среди них, конечно, и книгами, тетрадями нот, альбомами рисунков), перешел из XVII в XVIII век. Подобные натюрморты писал даже

Шарден, обычно не склонный к холодным аллегориям, предпочитавший передавать чисто человеческую, душевную близость к обыденным, но согретым домашним теплом предметам.

Между тем, в начале XVIII столетия было создано в Италии самое, вероятно, одухотворенное живописное изображение книг. Большой натюрморт болонского художника Джузеппе Мария Креспи не просто изображает книги. Он, можно сказать, непосредственно вводит зрителя в их мир, включает его в прямое, чуть ли не осязаемое общение с ними, окружает атмосферой чтения, книжных занятий. Натюрморт, хранящийся в Болонье, в Консерватории Мартини (судя по надписям на корешках, он изображает в основном музыкальные книги), побывал однажды и у нас в Москве, на выставке итальянского искусства. Креспи написал просто шкаф — четыре открытые полки и стойку посередине. Шкаф этот занимает всю картину, от края до края, и торцы полок вплотную придвинуты к плоскости холста. Мы с вами стоим перед холстом, будто перед настоящим шкафом. Протяни руку — и ощутишь вес снятого с полки тома, благородный глянец старинного кожаного переплета...

Искусство времен Креспи не боялось создавать подобные иллюзии. Существовал тип натюрморта, обозначаемый французским выражением «*trompe l'oeil*», «обман глаз». Предметы в нем изображались так, будто находились в одном пространстве со зрителем, а не в глубине картины, и потому казались гораздо более реальными, чем обычные изображения. Шкаф Креспи, конечно же, вариант такой «обманки». У него, правда, есть небольшая глубина — это ширина полок, но есть и выведенные из них почти наружу корешки книг. Свойственные этому художнику глубокие черные тени заполняют пустоты, подчеркивают объемность и весомость томов. Обычны для него скупой коричневатый тон живописи и искусственное контрастное освещение.

Однако не ради элементарного обмана зрения, не для простой «натуральности» создал Креспи свой натюрморт. Это был мастер глубокий и страстный, художник, выражавший душевные волнения не только через сосредоточенность мимики и точность жеста, но и самой атмосферой картин, контрастами и борьбой света. Приемы чисто живописной драматизации художник перенес из своих больших композиций в камерный, тихий жанр натюрморта-«обманки».

Верхняя из четырех полок шкафа плотно заполнена тяжелыми томами. Здесь самые толстые книги, и они, образуя тесный ряд, не оставляют просветов. Разные по высоте и толщине тома создают строгий ритм, несут тему порядка, тяжести, веса. Поместив самую громоздкую часть своей композиции вверху, художник зрительно перетянул вверх центр тяжести всей этой

массы книг, сделал шкаф менее устойчивым, напряженным в своем шатком равновесии. (Характерно, что именно так строится и композиция оконного наличника в стиле барокко: вверху, над окном выступает из стены наиболее широкая и тяжелая пластичная масса.) А книзу полки все свободнее, и книги здесь, более легкие и тонкие, стоят наклонно или лежат, громоздясь друг на друга. Строгий ритм верхней полки оттеняется беспорядком средних. Неустойчивые положения (так и хочется сказать — позы) книг вносят в неподвижную композицию ноты движения и беспокойства. Их усиливают треугольные провалы глубоких теней между книгами и блики, вспыхивающие на углах переплетов, на выпуклостях корешков, и даже барочные завитки чернильных надписей на корешках.

Стоит сравнить беспокойную атмосферу этого натюрморта с наивной ясностью близких по сюжету картин первой половины XVIII века, чтобы оценить его драматизм, столь редкий в этом спокойном жанре.

В русский натюрморт тема книги пришла уже в начале XVIII века, можно сказать, вместе с самим жанром. Большинство ранних произведений этого жанра тоже были «обманками» — этот наивный тип изображения с его подчеркнутой предметной выразительностью и свойственным ему элементом игры, розыгрыша пришелся по вкусу живописцам петровских и послепетровских времен.

В Эрмитаже, среди личных вещей Петра I, сохранилось перспективное изображение двух книг, написанное на доске и выпиленное по контуру. Это типичная игрушка «обманка», не столько произведение искусства, сколько занятный фокус. Сама возможность натурального изображения, обманывающего зрение, забавляла и радовала людей.

Немалая доля этой простодушной радости сквозит и в настоящих натюрмортах-«обманках» русских художников первой половины XVIII века — Т. Ульянова, Г. Теплова, П. Богомолова (все картины — 1737 года). Книги здесь изображены среди других домашних вещей. А вместе с тем они — представители новой светской культуры, международного обмена — недаром иноязычные заглавия старательно выведены среди золотых узоров на корешках².

Таков и более поздний русский натюрморт (1783) с двумя картинами и титульными листами разных книг (на этот раз большей частью церковных), с угольником и циркулем, цветами и хлебным колосом. В этом старательном подборе ощущается какой-то аллегорический, до сих пор еще нерасшифрованный смысл.

Но чем меньше позднейшие мастера натюрморта были

склонны придавать изображаемым предметам какой-либо отвлеченно-духовный или символический смысл, тем реже на их холстах появлялись книги. А если они все-таки фигурировали в живописи XX века (золотого века натюрморта!), то меньше всего в качестве носителя собственного «книжного мира», а лишь в роли «кирпичика» в пространственном мире картины.

Впрочем, правило это, конечно, имеет исключения. Начав статью Фаворским, хочу закончить им же. Замечательный натюрморт с книгами, награвированный мастером в 1919 году,— один из шедевров раннего Фаворского. Простое изображение заваленного книгами стола оборачивается у него целостным и сложным миром—миром интеллектуальной работы и высоких духовных интересов. Книги и другие предметы увиденны здесь ближним зрением, почти в упор. Малое пространство, замкнутое стеной, на которой висит картина в тяжелой раме, зрительно еще более уплотнено, сближено с плоскостью изображения. Но почти осязательная близость к этим вещам странным образом соединена с холодком некоторой отстраненности. Сам способ изображения, серебристая, музыкально-ритмическая штриховка гравюры, не позволяет предметам слишком уж материализоваться, проявить свои индивидуальные качества, свою вещную природу. Все они остаются частями единого целого, и не только определенного, строго избранного круга вещей, но еще и частями самой гравюры—ее ритмическими паузами, тактами ее напряженно звучащей мелодии. Отточенно разнообразный штрих выражает вещи и пространство, свет и воздух каким-то особым образом, в своей отвлеченности образительный язык ксилографии сам выступает как сугубо интеллектуальный и одухотворенный.

В то же время Фаворскому не чужда и традиционная, классическая символика. Картина на стене, статуэтка купидона на книгах—это старые атрибуты искусств, прижившиеся в новом для них художественном пространстве.

Так создается среда, в которой книга не может оставаться только вещью, «кирпичиком». Страницы раскрытой книги, выдвинутой на передний план, к зрителю, в гравюре Фаворского, конечно, не читаются. Мы не можем узнать, о чем эта книга. Но они серебрятся и трепещут, излучая духовное напряжение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фаворский В. А. О графике, как об основе книжного искусства.—Искусство книги. М., 1961, вып. 2. С. 61.

² Подробнее об этих натюрмортах см. в моей книге «Живые вещи» (М., 1977).

Резцы
и
кисть

Если вы, историографы, поэты и математики, не видели глазами вещей, то плохо сможете сообщить о них в письменах. И если ты, поэт, живописуешь историю посредством пера, то живописец посредством кисти изобразит ее так, что она будет легче удовлетворять и будет менее скучна для понимания... Если ты, поэт, сумеешь рассказать о явлениях форм и описать их, то живописец сделает это так, что они покажутся ожившими благодаря светотени, создательнице выражения на лицах, недоступного твоему перу там, где это доступно кисти.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Плод бессонниц моих и забот,
Книга. Вот я беру тебя в руки.
Так, наверно, ребенка, рожденного в муке,
Мать впервые на руки берет.

Чем ты будешь, концом или славой?
Я держу тебя перед собой.
Так солдат гимнастерки обрывок кровавый
Поднимает, как знамя,— и в бой!

Р. ГАМЗАТОВ

Дмитрий Бисти

НАД ЧИСТЫМ ЛИСТОМ

Беседу вел Анатолий Королев

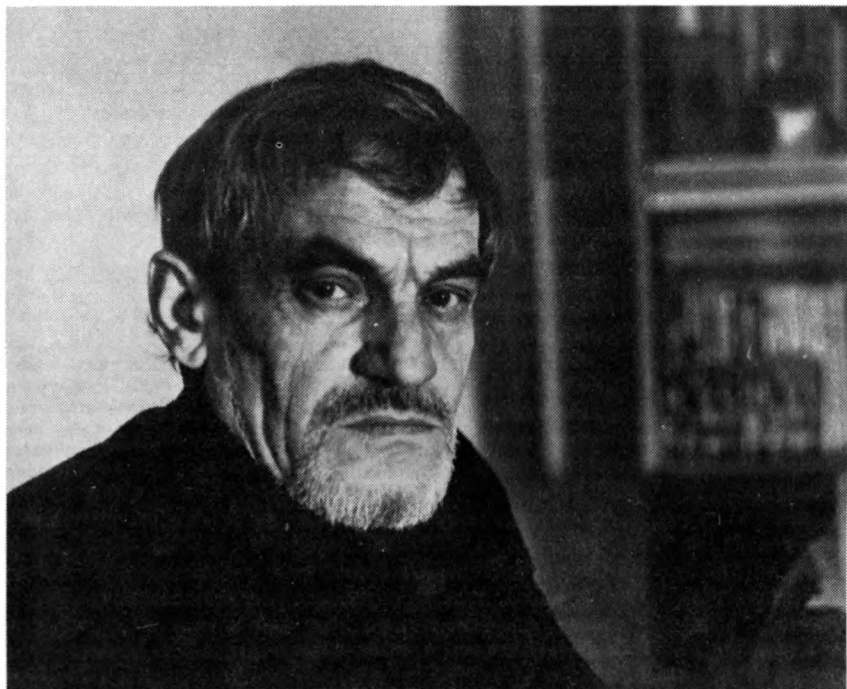
Дмитрий Спиридонович Бисти — известный современный художник — член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР. Книжная графика Дмитрия Бисти отмечена наградами многих представительных конкурсов. Широкую известность у нас и за рубежом получили его графические циклы и оформление изданий, среди которых повесть Акутагавы Рюноске «В стране водяных» (1962, 1970), поэма Егора Исаева «Суд памяти» (1965, 1973), поэма Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1966, 1967), «Песнь о Роланде» (1976), стихотворная книга Э. Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю!» (1977), эпические поэмы Гомера «Илиада» (1978) и «Одиссея» (1979).

Всем читателям хорошо знакомо его общее оформление «Библиотеки всемирной литературы».

Недавно министерство культуры ГДР и магистрат города Лейпцига вручили Дмитрию Бисти одну из самых престижных наград, присуждаемых художникам книги, — Международную премию Гутенберга за 1985 год.

— *Дмитрий Спиридонович, поскольку сейчас вы работаете над гравюрами к «Слову о полку Игореве», вопросы напрашиваются сами собой: каким художественным принципам следуете в работе над древнерусским сочинением? Учитываете ли художественный опыт предшественников, например шедевр Фаворского, который, как вы знаете, проиллюстрировал «Слово» в 1950 году?*

— Прежде всего я пристально вчитывался в текст «Слова», мысленно переносился в древнюю русскую историю, старался проникнуться мироощущением и миромыслием (если можно так выразиться) человека той поры. Я пытался увидеть «Слово» изнутри, как бы глазами современника минувшей эпохи. В этом мысленном соотношении себя с древностью я и пытался найти художественный ключ к оформлению великой книги, 800-летие которой сегодня отмечает весь мир. Надо заметить, что всегда, прежде чем приступить к работе, я должен поразмышлять над чистым листом, я должен ясно определить визуальную концепцию того пространства и времени, в котором существует произве-

Дмитрий Бисти. Фото Я. Назарова

дение. Пока я ее не отыщу, не начинаю работу... Так вот, в этом смысле «Слово о полку Игореве» представляет очень сложную художественную задачу, поскольку в основу произведения положены мысли и чувства предков, а они во многом не похожи на наши с вами. Прежде всего это был, в их представлении, мир плоской земли, в котором нет ничего от современного космизма. Это — модель мира, сотворенная мифологическим сознанием. Нужно мысленно «выпрямить» земной шар — задача нелегкая, но необходимая. Стало ясно, что важную роль в будущей серии гравюр станет играть линия горизонта... На этой плоскости, накрытой куполом небесной тверди, находится древний мир, границы которого весьма неясны. В центре мирового круга для русского человека естественно — Русь; по одному краю рубежа — Поле половецкое, по другому — Поморье, по третьему — Угорские горы. Море называется просто «морем». В пространстве «Слова о полку Игореве» существует лишь одно-единственное

море. За границами этой части земли для древнерусского человека — неизвестность, как бы пустота.

Разумеется, пространственная картина выглядела на самом деле сложнее, но мой подход — подход художника-графика. Я искал в мировидении древних ключ к решению собственной творческой задачи. Для меня было важным увидеть эпоху не в образах, а в *состояниях*.

Итак, раздумывая над обликом того мира, каким он виделся древнерусскому человеку, я начал чувствовать, что художественным воплощением такого взгляда будет густое штрихованное локальное пятно рисунка, окруженное активным пустым пространством. Эта белая пустота в чем-то сродни образу «Поле половецкое». По отношению к этой мертвой белизне рисунок начинает жить активным, даже агрессивным образом. Он стремится захватить без остатка все поле книжного листа. Белое и черное стремятся противостоять друг другу, они взаимопроникают, отступают и наступают... В этом конфликте мне видится графический отголосок борьбы Поля с Русью.

Но вернемся к картине древнего мира.

Над плоским пространством поднимается небо — вертикальная координата, — и небо это, конечно же, не наша атмосфера, а небеса, видимые глубоко религиозным сознанием. В центре неба — бог. Русь приняла христианство в 988 году, но еще долго сохраняла языческие верования, следы которых заметны в «Слове» — хотя бы в упоминаниях Стрибога, Велеса, Дажьдбога — богов славян-язычников. Значит, это еще не вполне христианский бог-вседержитель, он не просто верховный свидетель человеческой истории, а еще и живой заинтересованный соучастник многих земных событий. Бог не просто «наверху», но и «напротив», и «за спиной». Одним словом, в языческом мире «Слова о полку Игореве» все без исключения живые и мертвые силы природы олицетворены, внимают человеку и его делу. Выходит, все из того, что я стану гравировать — сокол или ворон, туча или солнце, — должно быть графически активным по отношению к человеку. Любого зверя, всякое состояние стихий необходимо рисовать как союзников или недругов в битве Руси с Полем, то есть *эмоционально предвзято*. В этом, например, одно из принципиальных отличий моего подхода от позиции Фаворского, который иллюстрировал «Слово» с эпической объективностью, в былинном ключе.

Но, пожалуй, еще более важным, чем пространство, для меня было почувствовать в самом начале работы *время*, в котором жили тогда люди. Требовалось ощутить его в языческом ключе... Ясно, что время в представлении древних славян не обладало нашей исторической глубиной. Оно было типологически неглубо-

ким. Это временное мелководье делало злосчастный поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев для автора «Слова» практически современным. Это была не историческая даль, а реальное, недавнее, к тому ж позорно-трагическое прошлое. Воспоминание о нем обжигало вчерашним стыдом. В своих гравюрах я старался передать эту *современность* прошлого, его актуальность, его жгучесть через подчеркнутую экспрессию форм при общей статичной композиции. Чувства как бы не могут вырваться наружу, отсюда — большая эмоциональность... Представления о будущем времени у древних в известном смысле тоже не было. Уость прошлого не давала прочных оснований для протяженной экстраполяции. Солнце древнего человека завтра могло и не взойти, он не мог подумать, что оно всходит *всегда*. Ожидание восхода было достаточно тревожной повседневностью людей, постоянной реалией языческого сознания. Потому восход солнца — это радостное ежедневное чудо, а значит, столь же важно и затмение солнца, знаменательное событие для древнего мира. В результате этих раздумий черное солнце затмения стало одним из главных лейтмотивов моих гравюр к «Слову».

— Но, Дмитрий Спиридонович, многое из того, что вы назвали, уже имеет яркое визуальное отражение, я говорю об иконе. Например, эмоциональная предвзятость изображения, плоское образно-постигаемое пространство, время, явленное взгляду наблюдателя сразу и целиком, без деления на прошлое и настоящее... Как ваша работа соотносится с иконной моделью мироздания?

— Проникновение в изобразительный строй иконы было для меня всегда важным элементом духовной работы. Да, конечно же, «Слово» во многом построено, а точнее, отражает примерно тот же визуальный подход к миру, что был и в иконе. Во-первых, это симультанность. Все происходит с большой степенью синхронности. Ярославна не только плачет на стене Путивля, но еще и летит в эту минуту над землей. Подобно иконным клеймам, центральное событие «Слова» окружают другие, например сон Святослава в Киеве. Во-вторых, это глубина пространства, которое суть глубина смысла. Нет современного деления на первый, второй или третий план. Все равно важно, и все как бы на первом плане. Разномасштабность не имеет того сравнительного смысла, как сейчас. Маленькое не меньше большого; то, что на заднем плане, так же важно, как и то, что прямо перед глазами. Икона представляет собой не столько способ изображения, сколько систему мышления. Например, древний художник просто физически не мог изобразить изолированный эпизод. Этот принцип стал определяющим и в моей работе над «Словом». На

Иллюстрация Д. Бисти к книге Е. Исаева «Суд памяти»

одном листе, на одном срезе реальности у меня одновременно изображаются несколько этапов одного и того же центрального события — похода князя Игоря в Степь.

— Об этом хорошо сказал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, отмечая, что древнерусская литература «это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов, и в основном здесь господствует унисон... Каждое событие воспринималось как часть чего-то большего».

— Да. Кроме того, из визуально-иконного образа того времени следуют не менее важные другие слагаемые духовной природы «Слова», например отсутствие смерти. Потеря брэнной оболочки ничего не значила «для бога», а значит, и для человека; бессмертная душа убитого воина возносилась на небо. Физическая жизнь тогда не ценилась так, как сегодня. Она не имела реальной значимости по сравнению с душой, отсюда столь частый бытовой героизм, бесстрашие, презрение к смерти... *Смертность бессмертного!* Это уже можно попытаться нарисовать. Во всяком случае, если и не удастся передать это состояние, знать об этом мне абсолютно необходимо.

— Когда наступило солнечное затмение, пишет автор «Слова о полку Игореве», только один Игорь не внял зловещему знаку. «Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование». По мысли автора, поражение Игоря было еще и наказанием рока за пренебрежение к знамению. Скажите, Дмитрий Спиридонович, отличается ли рок «Слова» от рока «Илиады» и «Одиссеи»?

— Рок в древнерусском сознании не персонафицирован. Это не гнев конкретного олимпийского бога. К нему нельзя «встать лицом», он вокруг тебя. Он таится в кустах, в воде. Кроме того, рок древних греков «человекоподобен», поступки олимпийцев объяснимы. Понятно ведь, почему Посейдон преследует Одиссея — тот ослепил Полифема, Посейдонова сына. И орудия рока всегда эффектно реальные: брошенная Зевсом молния, разящая стрела Аполлона... Рок в «Слове», наоборот, принципиально обезличен, он называется, но облик его никак не конкретизирован. «...Кликну Карна, и Жля поскочи по Русской земли». Что это? Ясно, что это некие олицетворения скорби, беды, горя, зла, доброты. Но как они выглядят? Карна и Жля? На слух в этих воплощениях рока различим карк ворона, жужжание ос. В этих словах и кара слышится, и тлен, и жало, и жар, и еще... жалость. Эта кара не слепа, как гнев греческих богов, где Посейдон, преследуя одного Одиссея, топчет всех без разбору. У Карны, и тем более у Жли, явно есть глаза. Это не просто черное моровое облако. Жля видит. Упавшего Жля не топчет. В этом смысле рок древних славян не так неотвратим, как у Гомера. Лично на тебя

эти формулы зла не держат обиды, они наделены чем-то похожим на чувство сострадания. Чисто русская черта! Одним словом, рок в «Слове о полку Игореве» более справедлив.

— *Итак, совершив столь пространный экскурс в мирозерцание древних, как вы нарисовали «Слово»?*

— Моя графика сознательно лишена той картинной былинности, с какой часто изображают Древнюю Русь. Блистательные гравюры Владимира Андреевича Фаворского, творчество которого я высоко ценю, на мой взгляд, не исчерпали всех возможностей, которые таятся в «Слове». Например, в том, как у Фаворского плачет Ярославна на стене в Путивле, виден прежде всего красноречивый жест. Помните? Ярославна простерла руки к солнцу. Тем самым эпическое время как бы остановлено жестом. Для меня же здесь гораздо важнее то, что в этот самый миг она еще и летит «зегзицею» над землей,—отереть князю кровавые раны рукавом, который она мочит в Каяле-реке. Передать эту внутреннюю simultанность событий, мне кажется, более созвучным нашему пониманию древнего памятника литературы. Я против романтического подхода к истории. По-моему, такой подход к графике уже устарел. Более плодотворен путь к «Слову» через бытовой реализм. Я же (подчеркну еще раз) пытался передать свое понимание той эпохи через состояния.

— *В комментариях к памятнику по-разному читают слово «зегзица». Для одних это чайка, для других — кукушка, а что думаете вы сами?*

— Мне кажется, что это кукушка. Автор «Слова» создал образ, где печальный, плачущий голос женщины летит над землей, а этот звук сродни голосу одинокой кукушки. Чайка в одиночестве летит тихо и молча, кроме того, ее резкий крик не похож на мольбу. Другое дело моно-онная молитва кукушки, звуки которой падают, как слезы.носителем рыдающего звука, если можно так выразиться, чайка быть не может — это суетная, шумная, стайная птица, не умеющая быть одинокой.

— *Кстати замечу, что заказ на оформление «Слова» Фаворский получил в издательстве «Детская литература» и сознательно рисовал прошлое так, чтобы величие его увлекло молодого читателя. Он прямо писал об этой установке в своей популярной книжке «Рассказы художника-гравера»... Но вернемся в основное русло нашего разговора... Ваш графический подход очень интересен, особенно поиск изначального принципа, которым организовано духовное пространство будущей книги...*

— Простите! Я решительно против определения «духовное пространство», которое сейчас так любят применять и под которым подразумевают чаще всего духовный мир автора. Я ищу совсем иное пространство, я бы назвал его пластическим, или

Иллюстрации Д. Бисти к «Илиаде» Гомера

мыслимым пространством, пространством мысли. Оно гораздо шире пространства той или иной книги и включает в себя книгу и автора как часть миропорядка. В примере со «Словом» я искал пластическое выражение древнего сознания, мысль того времени, которой было когда-то организовано пространство данного текста.

— *Поправку принимаю... Так вот, Дмитрий Спиридонович, когда вы, наконец, нашли искомое, вам уже ясно, как это будет выглядеть на книжной странице? Обладает ли пластическое пространство книги явно выраженной формой воплощения? Поясните на примере иллюстраций к Акутагаве... Как вы придумали мир кап?*

— Действие замечательной повести Акутагавы «В стране водяных», как вы знаете, происходит под водой, ее герои водяные, по-японски — капшы. Облик их Акутагава хотя и описал, но так, как описывают всем известное, мелком. Японцы знают сказочных героев своего фольклора, для меня же они — загадка. Я волен изобразить их абсолютно свободно... Поначалу, однако, многое смущало — стихия воды, фантастические существа... Но главным было не то, как это все нужно *рисовать*, а то, как это *понимать*.. Так, размышляя над повестью, я вдруг понял одну очень простую вещь: водяные здесь ни при чем, капшы — это мы с вами. Акутагава написал книгу не о сказочных водяных, а о людях, то есть никакая это не фантастика, а всего лишь прием, каким автор подчеркнул горькую и самую настоящую реальность человеческого бытия. Это мы — люди вывернули жизнь наизнанку, это беды человеческой природы придали людям черты вымороченности водяных. Как только мне это стало ясно, я сразу понял — не надо рисовать никакой воды! Ее просто нет. Никаких размытых линий. Наоборот! Черные, сочно-черные фигуры на абсолютно белом фоне. Жесткий, как бы неоновый свет придает им силуэтность. А вокруг капш самый обычный буржуазный город... Капшы — это духовная суть современного человека на рентгеновском снимке. Нужно только переделать остранный взгляд самого Акутагавы, и я оставил их голыми, а на лицах у капш появились длинные птичьи клювы. Нагота в сочетании с привычными реалиями городского быта породила абсурд.

Как видите, для меня процесс постижения сути книги был одновременно и выявлением скрытой в ней формы выражения.

Кстати, через несколько лет (по моей просьбе) мне привезли из Японии изображение сказочного капшы; я угадал — традиционный капша был заметно похож на плод моей фантазии... Так вот, поиск пластического образа, если он успешен, обычно сопровождается и одновременным открытием его формо-воплощения. Здесь вы правы. Так было с Акутагавой, так было,

например, и с «Песней о Роланде». Обдумывая этот средневековый эпос, я сначала представил то, что первым делом приходит нам в голову при слове «рыцарь», то есть штамп... Рыцари в тяжких латах. Тысячи мечей. Сотни штандартов над шлемами. Лес копий. Кони, закованные в железо, как и люди. Битвы, от которых гудит земля, и прочие общие места нашего стандартного воображения. Затем задал себе вопрос: а что же такое Европа VII—VIII веков на самом деле? Ответ искал в научных книгах. И что же! В Европе живет меньше одного миллиона человек! Они рассеяны по огромным необжитым пространствам; крохотные городки; горстки домишек, облепившие храмы. Сейчас трудно даже вообразить такую малонаселенность. Когда я улетал из Милана, я видел, что современная Италия—это практически один сплошной город. А в «величайших битвах» того времени, даты которых вошли в учебники истории, порой сражалась сотня человек, и не с каждой стороны, а—всего сто. Эту «битву» было неслышно уже за соседним лесочком, да и слышать было некому. Одним словом, муравьи на огромной пустой земле. *Муравьи*. Из этой образной сути родилась и пластика—тонкие ножки, муравьиный суетливый темп, скованные движения. Отсюда же сама собой, без нажима, родилась и ироническая графическая наполненность будущих офортов.

— Таким образом, вы шли от разрушения штампа, но согласитесь, что подобный подход к оформлению книги предполагает активную наступательную графику. Вы должны увлечь, покорить, а часто и убедить читателя в верности именно вашего прочтения, тем более, если оно парадоксально. Не следует ли из этого, что текст становится в известном смысле всего лишь подспорьем для графической вариации художника? Причем зачастую такая вариация весьма произвольна. Ведь от иронии, от комического взгляда на то же рыцарство можно было бы вновь вернуться к реальному человеку, и тогда бы мы увидели трагическое лицо Дон Кихота, с нашлапкой на носу,—каким его гениально нарисовал Гюстав Доре. Так в чем вы видите художественный смысл: в гармонии или в переосмыслении текста?

— Я бы уточнил ваш вопрос, ну, скажем, так: цель графики—образ или эквивалент?

Отвечу издали... Восхищаясь, например, иллюстрациями Ореста Верейского к «Анне Карениной», я вижу, как персонажи романа относятся друг к другу, как Анна любит сына. Вижу, какие отношения между ней и Карениным, но! Но, скажите, как сам Верейский относится к Анне? А к Толстому? Сейчас настало время (это моя точка зрения) задавать и такие вопросы. Только лишь уважительного отношения к первоисточнику недостаточно.

Отныне нам важен и сам иллюстратор. Что он за человек? Что за гражданин? Что у него за душа? В бесстрастно гармоничных отношениях с книгой пропадает сам художник. Потому я за диссонанс (не путайте с дисгармонией), за непростые отношения между автором и его иллюстратором. Художник просто обязан трактовать, он *осмысливает* автора, не только соглашается, но и спорит. Он выявляется как личность через *отношение* к произведению. Другого не дано. Без своего отношения современный график способен лишь зубрить уроки прошлого. Мне лично костюмная и сюжетная графика неинтересна. Если у корифеев она еще покоряет блеском исполнения и масштабом дарования, то у эпигонов она не может вызывать решительно ничего, кроме скуки. Стаффажные решения по существу тавтологичны. Они лишь уныло повторяют то, что уже описано в тексте. Повторяю, художник обязан трактовать, он, на мой взгляд, должен искать пластический образ, а не эквивалент. Эквивалент—это всего лишь тень слов. Я никогда не рисую сюжет в чистом виде, я равнодушен к нему. Моя цель—осмыслить общечеловеческие понятия. В формах найденного пластического пространства я стараюсь задеть читателя, мое поведение в книге активно, даже агрессивно. Гармония—это не просто графическая параллель тексту, гармония, на мой взгляд,—это органичное выявление пластического образа в формах, которые открыл художник. Я стараюсь завоевать читателя.

Вот в общих чертах мой подход к книге.

— *Дмитрий Спиридонович, в связи с вашими выводами небезынтересно напомнить точку зрения Фаворского. В своей работе «Образ в пространстве и словесном искусстве» (Декоративное искусство, 1971, № 9) он отмечал несколько положений, близких по смыслу вашей точке зрения. Первое: изображению подлечит прежде всего стиль произведения. Отношение описанного предмета к пространству в литературе—это мирозерцание писателя, а поскольку художник-график имеет тоже свой взгляд, то книга—это комплекс, где словесный образ становится пространственным. Мирозерцание выражается через мировоззрение, первое через второе. При этом, отмечает Фаворский, форма мировоззренчески активна. Идея и форма, продолжает он, взаимовыявляют друг друга, как ствол наилучшим образом являет миру «идею» дерева, как человек идеально вписан в собственную оболочку, в суть-форму. Анализируя пространство текста, Фаворский вводит, на мой взгляд, блистательную идею о разделении литературы на два рода. Первый—это реалистические произведения, второй—это так называемые иллюзионистские литературные произведения. Проще говоря, это все то, что стоит за гранью настоящей*

литературы. Так вот, замечает Фаворский, иллюзионистское произведение не имеет пространственной формы (!). Оформление такого рода книг, по существу, невозможно, возможно лишь иллюстрирование в самом узком смысле слова. Зато в действительно реалистическом произведении мы доходим до «подлинного строя действительности», до изображения «вечного мирового строя и мировой формы».

— Мне близки эти мысли Владимира Андреевича. Они нисколько не устарели, несмотря на то, что давно сказаны.

— Если применить идеи Фаворского к вашим графическим работам, то сразу становится видно, что ваши успехи связаны с оформлением книг, у которых есть внутреннее пространство: «Илиада», «Одиссея», «Легенда об Уленшпигеле», «Энеида». Единственная, на мой взгляд, неудача — иллюстрация беллетристической книги И. Стоуна «Муки и радости».

— Да, эта работа и мне сейчас представляется неудачной. Тогда меня захватил образ Микеланджело, но, как я ни бился, получился все-таки только Стоун. Иллюстрации утонули в сюжете.

— Нельзя не сказать о том, что до сих пор теоретические труды Фаворского не изданы полностью. Они разбросаны по периодическим изданиям, а большая часть осела в семейном архиве. Между тем появляются компилятивные труды, в которых самое интересное — это цитаты из Фаворского.

— Владимир Андреевич был теоретиком мирового масштаба, и отсутствие его трудов (а ведь со дня его смерти в 1964 году прошло более двадцати лет!) — это зияющий пробел в нашей национальной культуре. Такое отношение к интеллектуальному наследию великого художника выглядит чуть ли не кощунством. Труды Фаворского оказались за бортом нашей духовной жизни, они никак не осмыслены нашим художественным сознанием.

— В русской отечественной культуре были не только строгие ревнители графики, как Фаворский, но и ее ниспровергатели. Я имею в виду известную статью Юрия Николаевича Тынянова «О иллюстрации», где он в принципе отвергает иллюстрацию в книге.

Разумеется, ни вы, ни я не разделяем столь категорический вывод, и все же в анализе Тынянова есть свои глубины. Напомню вам некоторые из отправных положений его статьи. Играя, в сущности, подсобную, второстепенную роль в тексте книги, иллюстрация волей художника выдвигается на первый план и диктует свое понимание текста. Неверная интерпретация наносит книге огромный урон. Большинство, считает Тынянов, знает «Мертвые души» не по Гоголю, а по Азину.

Этот «Гоголь» дискредитирует, по его мнению, классическую книгу. Иллюстрация облегчает прочтение, а это незаконно по отношению к цели литературы, любое снижение воздействия автора на читателя (в чем, по Тынянову, суть иллюстрации) недопустимо. Второе, главное его возражение против иллюстрирования сводится к следующему: деталь повествования, искусственно изъятая художником из ткани произведения, разом становится чисто фабульной (внесюжетной). Онтологическая природа художественной литературы — это еще и развитие временных событий, фабульная природа иллюстраций противоречит книге. Любая иллюстрация, по Тынянову, сугубо статична, она загромождает сюжет, разрывает естественное течение времени произведения. И это противоречие неустранимо.

А ваша точка зрения?

— Думаю, что Тынянов верно фиксирует это противоречие, но из этого не следует, что оно отменяет искусство художников книги. Разрыв во временной ткани текста — это еще одна особенность структуры, которую должен учитывать иллюстратор. Наверное, удачный рисунок сводит эту статичную паузу почти на нет. Плохо, когда работу графика можно разглядывать по частям, она должна обладать качеством мгновенной зрительской усваиваемости. Я бы назвал это качество *суммарным эффектом красоты*.

Еще раз вернусь к тому, что в собственной работе я равнодушен к сюжетному началу в книге. Моя задача найти то извечное, о чем говорил Фаворский. На одной эмоции эту задачу не решить. Сюжетный момент, вырванный из текста, это всего лишь событийная точка. Сопровождать ее еще одной точкой — иллюстративной — значит заниматься тавтологией. Например, при всем моем уважении к творчеству Кукрыниксов, их рисунки к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина мне кажутся узкоиллюстративными. Нарисовано так, будто глумовские градоначальники и сам Глумов — это только гротескное прошлое. А ведь клоповный завод — это не столько повод для сатиры, сколько система мироощущения. Подход Салтыкова-Щедрина сатиричен, но результат его — не карикатура, а осмысление. Здесь нельзя ограничиться только сатирой, забыть о том, что «глумовщина» — это философия жизни.

Думаю, что плохая иллюстрация действительно облегчает чтение, здесь Тынянов прав, поэтому наша задача, художников книги, рисовать так, чтобы рисунок не облегчал, а углублял книгу.

— Русская и советская школа графики, как и живопись, шла обычно от натуры. А натуральности свойственно «ко-

Рисунок Д. Висти к книге Э. Вевериса
«Сажайте розы в проклятую землю!»

роткое замыкание» на жизнь. Наше визуальное национальное сознание всегда было чутким к урокам природы, и природа понималась как непреложная правда. Но в равнении на природу есть как свои плюсы, так и минусы...

— Вот именно! Мы прошли этап, когда природа была высшим судьей, когда она являлась нам в собственной значимости, никак не тронутая интерпретацией художника. Сегодня природу нужно трактовать, осмысливать, а не *репродуцировать*. Нельзя превращать искусство в натуральный класс или костюмированную историю. На смену значимости пришла знаковость. Задача — рассмотреть реальность под таким углом, чтобы одновременно были видны и форма, и то эстетическое содержание, которое в данный момент читает в ней художник.

На суперобложке книги Итало Кальвино «Барон на дереве» (1965) у меня впервые появляется образ дерева-знака. С одной стороны, это явно дерево, с другой — символ. В книге Э. Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю!» дерево-знак становится символом зла, уничтожающего человека. В зависимости от

поставленной задачи тот же самый знак дерева может стать и символом счастья. Такое взаимное проникновение мысли в образ и обратно — чрезвычайно емкая художественная структура, тот срез реальности, где натура приобретает знаковость. Мне кажется, там и живет красота. Меня, например, всегда восхищал Матисс; кажется, еще один нажим — и человеческое лицо исчезнет с листа, превратится в прихотливую арабеску, но художник великолепно справляется с этой проблемой. Будучи почти знаками, его лица живут на листах волнующей жизнью. Восхищает его умение превратить в знак линию рта, губы, нос — и оставить все это индивидуально живым. Легкое изменение знака, всего лишь еле заметный нажим, делает одно лицо непохожим на другое. Наслаждаясь тонкой игрой матиссовых знаков, ты одновременно любишься переливами настроений художника и его модели...

— Одна из новелл Акутагавы, которые вы оформляли трижды (*В стране водяных*, 1962, 1970; *Новеллы*, 1974), рассказывает фантастическую историю о некоем художнике Ёсихиде, который, добиваясь выразительности в заказанной ему работе «Муки ада», перешагивает ради искусства через человеческую жизнь. Сначала он пытается натурщиков, чтобы узнать, как выглядит цвет избитой плоти, затем просит князя-заказчика сжечь для натуральности карету с придворной дамой. Именно такую сцену задумал нарисовать Ёсихиде в центре своей композиции. Сатанинская просьба вызывает дьявольское согласие князя, который, желая проучить художника, сжигает на его глазах великолепную карету, только вместо безымянной придворной дамы в ней сгорает единственная дочь художника. И все же даже в этот страшный миг Ёсихиде переживает глубокое эстетическое потрясение, которое он спешит запечатлеть во всей эмоциональной силе на шелковых ширмах. И нельзя сказать, что это — больной маньяк-монстр, нет, нет, подчеркивает Акутагава, Ёсихиде движет только бескорыстное служение правде искусства.

Если я спрошу вас, стоит ли красота такой цены — вы, конечно, ответите: нет, не стоит. Если я повторю знаменитый вопрос Достоевского, стоит ли мировая гармония слезинки хотя бы одного ребенка, вы, как и он, ответите: нет, не стоит... Тогда я подойду к этой проблеме — искусство и жизнь — с другой стороны. При всем богатстве содержания и формы отечественной книги на глаза читателям стали все чаще и чаще попадаться издания, отмеченные какой-то сомнительной красотой. Такие книги встречались и мне. До сих пор помню то тягостное впечатление, смесь восхищения и отвращения, которое они произвели. Почему восхищение? Потому, что это было талантливо придумано. Почему тягостное?

Потому что художник ничего не противопоставил тому чуждому миру, который встает перед читателем с книжных страниц. Акутагава — трагическая фигура в истории мировой литературы, далеко не всегда он справляется с тем дьявольским сосудом, который ему достало сил распечатать. Именно русскому художнику по силам противопоставить искусству безверия духовную препону, помочь найти опору в человеке.

Муки ада, пылающая плоть, тела повешенных, красота насекомых... Но и в этом азарте осталось место для человеческих слез. К сожалению, не всем художникам удастся найти прорыв к духовности. Одним словом, Дмитрий Спиридонович, не кажется ли вам, что в современном искусстве появились мрачные ноты неверия в человека?

— Вы, Анатолий Васильевич, затронули тревожную тему. Да, такие мрачные, бездуховные тенденции в искусстве налицо, заметны они иногда и в нашем, отечественном. Это не может не волновать. Признаюсь, временные неудачи таланта (они все равно, так или иначе, обогащают искусство) меня беспокоят гораздо меньше, чем постоянный успех бездарности. Заодно с неверием в человека в наше искусство шагнули ловкие мастера имитаций подлинных чувств и мыслей, салонный успех которых они же сами пытаются выдать за всенародное признание, — и, порой, такое удается. Наш обычный зритель в массе доверчив и неискушен, у него не выработан вкус к серьезной живописи, наконец, он брошен нашей критикой, нашей школой, и вынужден сам кроить собственные эстетические ценности из всего того, что попадет под руку. Его не ругать надо, а понять и пойти навстречу, воспитать вкус. Но, пожалуй, еще более опасно то развращающее влияние, которое псевдоуспех имитаторов оказывает на неокрепшие души молодых художников. Легко соблазниться, нелегко устоять. Если вернуться к разговору о певцах бездуховности, полотна которых не оставляют нам никаких надежд, то я хочу вспомнить работы Виктора Попкова: они ведь тоже и невеселы, и сумрачны, и трагичны, и все-таки в них виден восторг перед человеком. По-моему, с его нелепой трагической гибелью оборвался целый этап в нашем искусстве.

Но, кроме перечисленных опасностей, художника, а если точнее и шире — творческую личность подстерегают еще несколько бед: это муки собственного несовершенства, неумение оказывать интеллектуальную поддержку собственным чувствам и, наконец, диктат повседневности. Читая лекции в Московском полиграфическом институте о композиции и живописи, я однажды понял, что только профессиональных знаний моим молодым

коллегам недостаточно, и ввел в свои лекции еще один аспект — проблемы нравственные.

— *Какие же нравственные ценности необходимы, на ваш взгляд, в творчестве?*

— Одно из самых важных свойств, необходимых творческому интеллигенту, — это гармония свойств характера, которую я назвал для себя гармонией качеств. Кроме того, необходимо научиться защищать свой внутренний мир от обыденности, от натиска будничности, которая грозит превратить духовную красоту в глухую, слепую и немую обрубку.

Первая творческая задача — создать самого себя. Я уверен в огромных возможностях самовоспитания вопреки распространенному утверждению о власти врожденного над человеком. Подчас такая вера в полную предопределенность судьбы делает человека игрушкой в руках обстоятельств, идущей на поводу у собственных пороков. Всякие там гороскопы и прочая невежественная чепуха расцвела пышным цветом в прослойке псевдоинтеллигенции.

Утверждение, что в нашей судьбе все предрешиено, имеет еще одно основание, якобы научное. Кое-кто из ученых медиков провозгласил стабилизацию человеческого характера чуть ли не в чреве матери, отрицая всякую возможность последующих принципиальных изменений. На мой взгляд, это суеверие от науки не лучше суеверия от невежества. А между тем, как нельзя «дважды войти в одну реку», так же нельзя дважды поговорить с одним и тем же человеком. Во второй раз он уже будет другим. Люди меняются постоянно и меняются сильно; если бесконтрольно — то, как правило, к худшему. Но даже само несовершенство человека — залог его духовного роста. Вот, например, что говорит о возможностях самовоспитания мусульманский мыслитель Ибрагим-ибн-Хатаб: «Само несовершенство человеческой природы таково, что свидетельствует о высшем месте человека среди прочих существ, ибо только ему — единственному из живых — дана возможность совершенствования. Само слово «несовершенный», относимое к нему, уже содержит признание за ним способностей к восхождению».

Исходя из этого, нужно деятельно трудиться над собой и не нужно бояться труда, потому что тому, кто взялся за дело, немедленно придет на помощь одна важная особенность жизни, которую я назвал законом гармонии качеств... Вы, наверное, не раз наблюдали внешние физические проявления этого закона, когда одно свойство объекта сопровождается и подразумевает другое. Раскидистому дереву обычно сопутствует толстый ствол, голубым глазам — светлые волосы, твердым яблокам — кислый вкус. То же гармоничное явление мы обнаруживаем в сочетании

ях свойств характера. Начав работать над собой, вы увидите, что свойства характера не только сопутствуют друг другу (культура пунктуальности, чистоплотность — достоинству), но и поддерживают друг друга. Воспитание в себе всего лишь одного положительного качества помогает образованию второго, третьего, точно так же, как неконтролируемый порок тянет за собой цепь новых недостатков.

Главный враг внутренней культуры творческого интеллигента — это его же крайности, поэтому основная духовная работа над собой должна быть направлена на то, чтобы установить равновесие между всеми нашими свойствами и добиться строгой меры их проявления. Образным символом этого вполне могут стать весы. Так вот, самое первое и труднодостижимое равновесие — это равновесие чувства и разума. Я бы даже сказал, равноправие чувства и разума. Наверное, ученый для познания мира может позволить своему разуму подавить чувство, человек низкой культуры, пожалуй, может существовать и тогда, когда чувства подавляют разум. Но художник обязан найти в себе силы для полной гармонии чувства и разума. Все разговоры о том, что художник имеет право идти на поводу своих ощущений, — лишь поблажка для слабых, оправдание безвольности. Владеть своими страстями вовсе не значит их подавлять. Это значит облекать их в благородную форму. Ведь если в плюще, оплетающем стену, не вырезать проемы для окон, он захлестнет собой все, в доме воцарится мрак, а украшение жилища превратится в напасть...

— Простите, я вас переблю. Дмитрий Спиридонович, а ежели задать вопрос, какой задал себе французский философ Маритен: если человек станет лучше, станут ли лучше его картины? Такой вопрос предполагает два ответа, один из них отрицательный: нет, не станут, для живописи это безразлично. Подобная позиция весьма распространена на Западе. «Надо, конечно, быть святым, — иронизировал писатель Мориак, — но тогда не напишешь романа». Одним словом, для многих художников личное несовершенство становится источником творчества. Наверное, для них ваши мысли о гармонии душевных качеств показались бы неприемлемыми?

— Разумеется! Но самовоспитание творческого интеллигента не имеет ничего общего с самоудовлетворением интеллектуального эгоиста. Главное отличие первого от последнего в том, что цель его жизни — это обогащение современников, служение, а не самосмакование. Упование на творческую силу зла — это плод презрительного ума, который чужд состраданию. Если даже и допустить на одну минуту, что живопись от добра в качественном отношении равна живописи от ада, все равно первая будет явно нужнее людям, а раз так, значит, все-таки она лучше! И все

же, такой вот западный чисто эстетический подход к нравственным проблемам мне кажется неприемлемым с точки зрения русской национальной культуры, ориентированной на совесть и человеколюбие.

Мориаку можно возразить словами другого французского писателя, Анатоля Франса: «Художник должен любить жизнь и доказывать нам, что жизнь прекрасна. Иначе мы усомнимся в этом». Продолжая разговор о гармонии качеств, я еще раз повторю, что художник не должен идти на поводу своих чувств (тем более — пороков!), если дать им волю, они могут выродиться в капризные страстишки с самыми уродливыми чертами. Разум должен учить чувства проявляться в благородной степени и форме. Чувства, в свою очередь, также необходимы разуму; без них он быстро приобретает сухость, жесткость, холодность и утрачивает восприимчивость к живой красоте.

Гармония между чувствами и разумом помогает найти и сохранить еще одно необходимое равновесие — между знанием и неведением. Сначала о знании. Я имею в виду то знание, о котором говорил Платон, — «его нельзя перелить из одной души в другую, а можно лишь пробудить в ней». Если же, как он считал, такого потенциального знания душа не содержит, то обучение уже ничем не сможет ей помочь. Знание — не знакомство с информацией, а *талант восприятия*. Знание — это не то, что тобой узнано, а то, что осознано. Я убежден, что, если человек, прослушав университетский курс по экологии, стреляет в животное, мы не можем назвать его знакомство с наукой знанием. Без таланта, без глубины восприятия, без гуманистических идей образованность не значит ничего, более того — она способна умножить зло в мире.

В период расцвета средневековой китайской культуры была придумана казнь под названием «человек-свинья». Редкостью, нежной красавице, любимице императора Лю Бана, отрубили руки и ноги, ослепили, дали выпить снадобье, вызывающее немоту, и поместили жить в отхожее место. Человек, который придумал эту казнь, был сведущ в медицине и фармакологии. Это был творческий человек, с избытком наделенный воображением. Так почему же он изобрел не лекарство, а орудие пытки? Потому что так бывает всегда, если знанию не сопутствует сострадание. Испокон веков самые изощренные казни, пытки и издевательства красота претерпевала не от заскорузлой руки невежества, а от белой руки образованности, если ей не сопутствовала гуманность.

Теперь о неведении.

На мой взгляд, в основе всеобуча были весьма значительные изъяны. Мне казалась, например, абсурдной такая вот мысль:

народ считать образованным, если все, кто к нему принадлежит, знакомы с одними и теми же начатками знаний. Словно бы есть какой-то смысл в том, чтобы продавец знал то же, что и врач. К разряду тех же несуразностей относился классический набор книг, которые нам всем необходимо было прочесть, и мы с самого детства читали и читаем, даже если мир и образ мыслей писателя глубоко чужды. Надо отбросить эти предрассудки! Человек имеет полное право на независимость своего вкуса от общепринятых норм. Читать книги, которые не по душе, только потому, что их читали все,— глупость! Есть еще один нелепый постулат, известный нам с пеленок. Он звучит так: «Читайте как можно больше!» Ни в коем случае не нужно делать этого. Отягченная память мешает фантазии, тормозит динамику мысли. Я убежден, что читать следует лишь то, что будит воображение. Нужно самому определить собственную меру неведения и знания. Для поглощения информации, так же, как для творческой отдачи, у каждого художника своя *строго индивидуальная норма*... Я высказываю свою точку зрения, и каждый волен согласиться с ней или не согласиться. Замечу лишь, что к любому новому тексту я отношусь как к знакомству с новым человеком — не тороплюсь его отвергать. Советую поэтому внимательно, осторожно, с полным доброжелательством попробовать вчитаться в книгу, но если она пришлась не по душе, закройте ее с чистой совестью, даже если весь мир будет твердить, что эта книга гениальна!

— *Дмитрий Спиридонович, распространяете ли вы подобную осторожность на область живописи, графики?*

— Да. Зная себя, свою восприимчивость, я предпочитаю просто не ходить на какие-то выставки. Бывает, что на вернисаже я сознательно пройду мимо той или иной картины, потому что ее внедрение в мою память может быть разрушительным. Это трудно объяснить на словах, но я это хорошо чувствую и доверяюсь собственной интуиции... Основное для творческой личности — установить меры между Чувством и Разумом, между Знанием и Неведением, между Поглощением и Отдачей, между Иронией и Состраданием. Необходимо найти еще множество тончайших пропорций между другими личными, индивидуальными качествами... Выходит, что, под каким бы гороскопом вы не родились, художнику покровительствует только созвездие Весов!

А. Асоян

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» В БИБЛИОТЕКАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Эта тема предполагает обращение к интереснейшему материалу, важному как для летописи отечественного библиофильства, так и для научных представлений о восприятии Данте в нашей стране. Вопросы, касающиеся истории русских переводов дантовской поэмы, а частью и читательских отзывов о них, в той или иной мере освещены в дантологических трудах и работах, сопутствующих им. Что же касается систематизации сведений о «Божественной комедии» в русских библиотеках, то предлагаемая обзорная статья — одна из первых попыток, предпринятая с этой целью.

С изобретением книгопечатания «Божественная комедия» Данте, опубликованная в 1477 году, издавалась чаще, чем какая-либо другая книга. Уже к концу XIX века ее читали на каталонском, французском, немецком, голландском, польском, шведском, чешском, еврейском, португальском, датском, армянском, словенском, греческом, английском и русском языках, на санскрите. Итальянский поэт поистине оказался «центральным человеком мира» (Дж. Рескин). Если же говорить о России, то Данте, несомненно, относился к тем поэтам Европы, которые, по выражению Ф. М. Достоевского, стали почти русской силой. В статье «Первое знакомство с Данте в России» академик М. П. Алексеев обстоятельно рассказал, как шло проникновение «Божественной комедии» в среду русских читателей¹. Вслед за В. Ф. Шишмаревым он сообщил, что в 1757 году в Венеции увидело свет издание «Комедии» с посвящением в форме сонета императрице Елизавете Петровне, написанном неким графом Кристофором Сапата де Сиснеросом. Человек сомнительной репутации, авантюрист, он мечтал о должности одного из «придворных» петербургских стихотворцев и потому подносил царице роскошно иллюстрированное издание поэмы. Этот текст почти полностью тождествен с текстом Падуанского издания 1726—1727 годов, заслужившего одобрение академиков «Круски». К слову сказать, Падуанское издание «Комедии», воспроизведенное издательством Дзатта, хранилось в парижской библиотеке известного русского сатирика и блестящего дипломата Антиоха Кантемира (1708—1744).

Факты, изложенные в статье М. П. Алексеева, позволяли предполагать, что проникновение Данте в Россию началось с предприимчивой акции Сапата де Сиснероса. Но совсем недавно в печати появилось сообщение, что в Кирове обнаружили

экземпляр «Комедии», отпечатанной в Венеции в 1536 году, и что он принадлежал другу Феофана Прокоповича (1681—1736), основателю Вятской семинарии Лаврентию Горке². Тем самым история русско-итальянских отношений, связанная с именем Данте, стала старше еще на несколько лет. Впрочем, если отвлечься от знакомства с поэтом по книжным собраниям, то уместно вспомнить об интересном соображении М. В. Алпатова по поводу иконы «Апокалипсис» в главном соборе Московского Кремля. Этот шедевр создан безымянным мастером в конце XV века, т. е. в ту пору, когда итальянцы сотрудничали с русскими в украшении Кремля. При всей творческой независимости и широте авторского замысла в исполнении угадывается переключка с «Божественной комедией»: чтобы сделать обозримой всю икону, мастер разделил ее на три части, чему его мог научить, считает исследователь, только текст «Комедии». К тому же те сцены, где художник изобразил Иоанна Богослова в сопровождении одного из старцев, напоминают нам Данте и его спутника. М. В. Алпатов высказал предположение, что автор «Апокалипсиса» знал о дантовской поэме от итальянских зодчих, работавших с ним в Кремле³.

Но вернемся к библиотекам. В XVII веке интерес к Данте резко упал, однако в конце XVIII столетия увлечение Европы «Божественной комедией» стало расти. Число ее изданий, по сравнению с предыдущим веком, возросло чуть ли не в десять раз. Перечисляя наиболее замечательные, итальянский дантолог Франческо Фламини насчитал более тридцати. Постепенно расширялся круг читателей и в России. Одним из самых образованных среди почитателей Данте был М. Н. Муравьев (1757—1807), видный деятель русского просвещения, прозаик, поэт, переводчик. В его личной библиотеке, рукописный каталог которой находится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, хранился прозаический перевод «Ада» на французском языке, выполненный Жюльеном Мутонне де Клерфоном (1740—1813). Но Муравьев, выучившийся итальянскому в свои молодые годы вместе с поэтом Н. А. Львовым, мог обратиться и к подлиннику, напечатанному тут же вместе с примечаниями де Клерфона и составленной им биографией Данте. Эта книга опубликована в Париже в 1776 году. По сведениям М. П. Алексеева, она пользовалась некоторой популярностью во Франции и даже в Италии, но далеко не такой, на которую рассчитывал де Клерфон, не без основания считавший издание первым в своем роде, так как других переводов поэмы с подлинным текстом en regard тогда не было⁴.

Начало XIX века ознаменовалось становлением романтизма в русской литературе. Новое направление стимулировало чита-

тельское, творческое и научное освоение Данте, в котором многие видели отца романтической поэзии. Среди них был и поэт-декабрист П. А. Катенин, один из первых переводчиков «Комедии» на русский язык. В 1830 году он писал в «Литературной газете», редактируемой А. С. Пушкиным и А. А. Дельвигом: «Теперь понаслышке и древним назло много хвалят Данта, но мало читают». В этом резком суждении все же больше признания заметно возросшей популярности автора «Божественной комедии», чем справедливости мнения, будто в эти годы Данте хотя и знали, но не читали. На исходе первой трети XIX столетия суровый тосканец заслонил собой Торкватто Тассо и стал в глазах культурного читателя олицетворением итальянской литературы, ее полномочным представителем. Каталоги русских библиотек свидетельствуют о самом заинтересованном внимании образованной публики к дантовскому творению. Так, в книжном собрании В. А. Жуковского сохранилось несколько изданий поэмы на итальянском, французском, немецком и русском языках. Одно из них из серии «Biblioteca italiano». Это первая часть «Комедии», изданная в 1807 году. Раньше книга принадлежала К. Н. Батюшкову, который привез ее из последнего заграничного похода. На форзаце надпись: «Константин Батюшков. Куплено в Веймаре ноября 1813»⁵. Здесь же, в книге, рукою Жуковского сделаны наброски перевода начальных строк «Ада». В русском переводе трех первых терцин поэмы весьма определенно звучит мотив выбора пути и сомнений героя⁶.

Другой экземпляр «Комедии», также на итальянском языке (Париж, 1828—1830), имеет параллельный французский текст, авторство которого принадлежит Арто де Монтору (1772—1849). В свое время он слыл опытным переводчиком, и его труд, изданный в 1811—1813 годах, Фламини называл среди самых популярных изданий поэмы на французском языке. Впрочем, друг Жуковского А. И. Тургенев оставил об этом литераторе любопытную запись: Арто «уверял меня, что перевод его Данта лучший на французском. Roger, Баланш и Рекамье читали его и уверяют, что он довольно верен, но плох»⁷. Но как бы там ни было, а в начале века Данте Арто де Монтора был более других известен русским читателям.

Жуковскому принадлежало еще два парижских издания «Комедии». Одно из них—это двадцать песен поэмы в переводе Антони Дешана, причем александрийскими стихами. Точно такое же стояло на библиотечной полке А. С. Пушкина. Перевод Дешана восторженно приветствовал его близкий товарищ Альфред де Виньи. В декабре 1829 года, когда книга вышла из печати, знаменитый писатель сообщал Дешану: «Сейчас для меня существует лишь одна книга. Это ваш Данте. Это прекрас-

ное, простое и мужественное произведение...»⁸. Между тем некоторые песни «Ада» скорей напоминали самостоятельные поэмы, написанные в подражание флорентийскому поэту, нежели переводы его «Комедии». Другое парижское издание — «Сочинения Данте Алигьери» (1841) — кроме «Комедии» в переводе А. Brizeux включало в основной текст «Новую жизнь» в прозаическом переложении Е. Делеклюза.

«Немецкий» Данте представлен в собрании Жуковского А. Ф. К. Штрекфусом. Его перевод, впервые изданный в 1824—1826 годах в Халле — Жуковский пользовался изданием 1840 года, — часто переиздавался. Критика относилась к труду Штрекфуса по-разному. Некоторые порицали поэта за чрезмерную изысканность стиля, другие считали его стихи превосходными⁹. Этот перевод нравился Гёте. На русском языке Жуковский располагал переложением Данте Е. В. Кологривовой (псевдоним: Ф. Фан-Дим). Она первая перевела «Ад» и навсегда вошла в историю отечественной литературы. Ее перевод в прозе, как первый опыт, приветствовал В. Г. Белинский, а С. П. Шевырев — разнес в пух и прах. Указывая на грубые промахи, он сомневался, что Кологривова читала подлинник, и полагал, что ее работа годится лишь в качестве пояснительного текста к рисункам англичанина Дж. Флаксмана (1755—1826), чьи гравюры, безусловно, украшали книгу. Несмотря на суровый приговор С. П. Шевырева, книга имела прилежных читателей, особенно из числа тех, кто не знал итальянского языка. Вдумчивая и основательная биография Данте в изложении Д. Струкова прибавляла достоинства книге. Это издание 1842 года было последним в дантеане Жуковского.

При мысли о «Комедии» и Пушкине почти каждому вспоминаются стихи:

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает...

Они сочинены поэтом в пору пребывания в армии генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, командира Отдельного кавказского корпуса. Трудно с абсолютной уверенностью сказать, какой томик «Божественной комедии» брал с собой Пушкин в 1829 году на Кавказ, но «ветхий Данте» он мог бы назвать старинное и знаменитое издание поэмы во французском переводе аббата Бальтазара Гранжье, который полагал, что он первый предоставил соотечественникам возможность читать всю «Комедию» на их родном языке. Но этот перевод александрийскими стихами, изданный в Париже в 1596 году, был уже четвертой попыткой

сделать Данте достойным французской культуры. Предыдущие остались в рукописных списках.

Гранжье недостаточно владел итальянским и некоторые выражения, с которыми он не справлялся, оставлял на языке оригинала, а иногда злоупотреблял буквализмами. Тем не менее первопечатный французский текст поэмы в трех отдельных томах был большой ценностью. В описании личной библиотеки А. С. Пушкина значатся лишь два тома этого издания. Они в хорошем состоянии, в прекрасном, тисненном золотом марокене, с золотым обрезом, гравированными титулами и портретом Данте. Переплет позднего происхождения, сделан в XVIII веке, а супер-экслибрис на первом томе служит указанием, что ранее книга принадлежала графской библиотеке дома Бурбонов¹⁰.

Другое парижское издание «Комедии», бывшее собственностью Пушкина,— второй том («Purgatorio») итальянского собрания сочинений поэта с комментариями Антонио Буттури; том выпущен в 1823 году, в нем разрезаны лишь первые 24 страницы. Кроме этой книги, Пушкин имел уже упоминавшиеся переводы Дешана и Арто. Стихи де Монтора напечатаны с итальянским текстом en regard. Это издание, рассчитанное на библиофилов, в трех книгах (девяти томах). В первой книге («Ад», 1828) разрезаны только 1—16 страницы первого тома, во второй («Чистилище», 1830)—значительно разрезаны все три тома, в третьей книге («Рай», 1830) нож владельца не касался ни одной страницы.

Владел ли Пушкин итальянским столь хорошо, чтобы читать Данте в оригинале? После ряда исследований вопрос о знании поэтом итальянского языка, кажется, перестал интриговать посвященных читателей. В той или иной степени Пушкин «касался», как писала Т. Г. Зингер-Цявловская, шестнадцати языков: старофранцузского, французского, испанского, немецкого, латинского, итальянского, английского, древнерусского, церковнославянского, сербского, украинского, древнееврейского, турецкого, польского, арабского и древнегреческого¹¹. В числе живых иностранных языков вслед за французским, по степени их освоения Пушкиным, видимо, следует назвать итальянский. По подсчету одного из исследователей в библиотеке поэта хранилось до тридцати итальянских книг на языке подлинника¹². П. Н. Берков в своей работе «Пушкин и итальянская культура», обобщившей предыдущие штудии на эту тему, с достаточным основанием утверждал: «...кажется бесспорным, что Пушкин знал итальянский еще до высылки из Петербурга, а на юге—возможно, благодаря Раевским, стал больше и систематичнее заниматься изучением языка и литературы Италии»¹³. Кстати сказать, одна из самых ранних записей поэта на итальянском—это цитата из

«Ада»:

«Ed ella a me: nessun magior dolore
Che ricordarsi del tempo felice/Nella miseria».

В литературной и ученой среде им владели В. Л. Пушкин и А. А. Шаховской, И. А. Крылов и С. Е. Раич, К. Н. Батюшков и Н. И. Бахтин, А. С. Шишков и П. А. Катенин, И. И. Козлов и Д. В. Дашков, А. С. Грибоедов и С. П. Шевырев... Читая Данте, настойчиво овладевал итальянским сосланный на Кавказ, под пули горцев, А. А. Бестужев. Н. В. Гоголь считал итальянский вторым родным языком, язык Авзонии прекрасно знали А. И. Герцен и А. Н. Майков. Многие из них преклонялись перед гением автора «Божественной комедии» и были знатоками его поэмы. В. Л. Пушкин и К. Ф. Рылеев помещали дантовские стихи как эпитафии к собственным сочинениям, И. И. Козлов читал «главные места» из «Комедии» наизусть, К. Н. Батюшков намеревался перевести ее и написать статью о Данте. Мало того, один из современников Батюшкова уверял, что обещанный перевод был выполнен поэтом, но затем сожжен им в минуту душевных мук и уже безумной ненависти к своему дарованию, когда он, неизлечимо больной, в последний раз возвращался из-за границы¹⁴.

Переводами «Комедии» занимались П. А. Катенин, А. С. Норов, С. П. Шевырев... Много труда Шевырев посвятил ее научному освоению. Он первый в России предпринял строго филологическое и историческое исследование поэмы. Его диссертация, вобравшая в себя лучшие достижения европейской дантологической науки («Дант и его век», 1833—1834), принесла ему, молодому адъюнкту Московского университета, заслуженное признание коллег. Дань поклонения отдал итальянскому поэту и Ф. Н. Глинка. На одном из его крупнейших сочинений, поэме «Ад», явная печать подражания.

Среди образованнейших почитателей «Божественной комедии» был П. Я. Чаадаев: Пушкина, чей гений Чаадаев беспримерно любил и ставил чрезвычайно высоко, он называл «русским Данте». В его библиотеке, кроме известных по собраниям Жуковского и Пушкина французских изданий «Комедии» в переводе Дешана и Арто, можно было найти солидное лондонское издание 1802 года на английском языке. Этот перевод рифмованными стансами принадлежал ирландскому священнику Хенри Бойду, который гордился, что открыл англичанам Данте. Лондонское издание дантовской поэмы не случайная книга у Чаадаева. Современники хорошо знали о его интересе к британской культуре и всему английскому.

Несомненно, что «Божественная комедия» имела в богатейшем книжном собрании еще одного близкого друга Пушкина,

С. А. Соболевского, замечательного постоянным, целенаправленным чтением и обширными библиографическими познаниями. К сожалению, после его смерти библиотека попала к незадачливой наследнице и была распродана в Лейпциге с аукциона. Библиографическими знаниями Соболевского не раз пользовался Пушкин.

Работая над романом «Война и мир», Л. Н. Толстой попросил известного библиофила В. Ф. Одоевского дать ему выписку «из Данта о несчастной любви»¹⁵. Но сцена беседы француза Пончини с Пьером Безуховым, в которой они вспоминают «стих Данта», не вошла в окончательный текст романа.

В 1842 году перевод Е. В. Кологривовой пополнил многие библиотеки русских читателей. Однако он не был первым отечественным изданием полного текста «Ада». За три года до его появления Университетская типография в Москве напечатала «Inferno» на итальянском языке с примечаниями обосновавшегося в России Джузеппе Рубини. Второй же перевод всех песен «Ада», но уже не в прозе, а в терцинах, принадлежал Д. Е. Мину. Мин не был профессиональным литератором. Врач по образованию, он занимал кафедру судебной медицины, стал проректором, а затем ректором Московского университета. Его переводом «Ад» представлен в книжных собраниях А. Н. Островского и Н. А. Некрасова,—последний назвал отдельное издание кропотливого труда Мина «замечательным явлением 1855 года»¹⁶. В своей многолетней работе переводчик видел исполнение высокой обязанности, художнического и гражданского долга. В предисловии к журнальной публикации первой части поэмы он писал: «Не страшусь строгого приговора ученой критики, утешая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть «Божественной комедии» на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого»¹⁷. Здесь же Мин сообщал, что в своем творчестве, изучении и комментировании поэмы он опирался на опыт немецких дантологов и поэтов: К. Витте, А. Вагнера, К. Каннегиссера, и в особенности Филалета и А. Копиша. Перевод всей «Комедии» Мин опубликовал в 1874—1879 годах. После смерти переводчика его труд был издан в 1902 году А. С. Сувориным и через пять лет удостоен премии имени А. С. Пушкина.

По общему мнению, работа Мина—лучший дореволюционный перевод поэмы на русский язык, но и он далеко не совершенен. «Переводчику удалось сохранить,—отмечал В. Я. Брюсов,—лишь часть образов и выражений подлинника. Правда, важнейшее сохранено, но исчезли оттенки мысли, вся сложность речи и длинный ряд отдельных образов. С другой стороны, многое переводчиком ради рифмы, ради размера добав-

лено: эти добавления не всегда в стиле Данте и всегда излишни».

Младший современник Мина и близкий ему по своим профессиональным занятиям писатель А. Ф. Кони не оставлял без внимания ни одного значительного издания и, когда в Париже вышла «Божественная комедия» с рисунками Гюстава Доре, он поспешил приобрести ее. В ту же пору, в конце 1860-х годов, у издателя М. О. Вольфа возникла идея предпринять русское издание поэмы с иллюстрациями Доре. Своим великолепием и добротностью они отвечали буржуазному вкусу и имели у большинства европейских читателей большой успех. Вольф завязал отношения с собственником рисунков французского художника издателем Мамом и, заказав перевод «Божественной комедии» поэту Минаеву, объявил в 1874 году подписку.

Д. Д. Минаев переводил Данте по подстрочнику. Не имея склонности к строгой планомерной работе, он иногда подвергал себя «одиночному заключению», чтобы не отвлекаться от принятых обязательств. Через пять лет перевод был завершён, но возникли осложнения с цензурным разрешением на публикацию поэмы. Наконец, обер-прокурор святейшего синода граф Д. А. Толстой дал указание издателям представить докладную записку, что в своем сочинении Данте воспроизводит средневековые легенды. Записка была составлена П. И. Вейнбергом, после чего последовало обещанное разрешение, но оно давалось с условием, что цена книги будет не менее двадцати рублей и тем самым явится недоступной для массового читателя. Однако подписчиков оказалось немало. Среди них были столичные интеллигенты и провинциальные купцы, публичные библиотеки, «крестьянское общество деревни Суха» и даже какой-то отдаленный монастырь. Вольфовское издание разошлось довольно широко, хотя перевод всего корпуса «Комедии» не был удачным. В свое время по этому поводу высказался Брюсов, а за ним и другие переводчики, исследователи... Один из авторитетных дантологов писал о работе Минаева: «...стих его тяжел, а культура весьма ограничена... В начале минаевского перевода терцины еще кое-как, хромая, идут друг за другом, но... чем дальше, тем перевод становится беспорядочней и хуже»¹⁸.

Интересу русских читателей к «Божественной комедии» весьма способствовал всесторонне отмечавшийся 600-летний юбилей Данте. О дантовских празднествах в Италии русскую общественность информировали два замечательных ученых А. Н. Веселовский и Ф. И. Буслаев. Юбилейные торжества дали много материалов для периодических и отдельных изданий. Так, в американском журнале «The Century» были опубликованы лучшие портреты поэта, первый из которых принадлежал кисти

Джотто ди Бондони, друга Данте. По просьбе «Исторического вестника» американцы выслали клише портретов, и они были воспроизведены на страницах журнала с комментариями «на основании последних изысканий»¹⁹. Кроме упомянутого портрета, «Исторический вестник» познакомил читателя с маской, снятой после смерти поэта, его изображением на ватиканской фреске Рафаэля, бронзовым бюстом из неаполитанского музея и барельефом на мавзолее в Равенне.

Усилившийся интерес к «Божественной комедии» достиг, кажется, апогея на рубеже веков. Стихотворный перевод поэмы закончил Н. Голованов, опубликовали свои переложения в стихах О. Чюмина и А. Федоров, впрочем, опыт Федорова М. Лозинский заслуженно назвал литературным курьезом. Ритмической прозой переложил «Комедию» М. Горбов, вслед за ним прозаический перевод сделал В. Чуйко.

Сложный и драматический мир поэмы притягивал к себе самых разных людей: писателей, общественных деятелей, ученых... Для них Данте был суровым гражданином и певцом справедливости, схоластом и загадочным мистиком, летописцем средних веков и мудрейшим мыслителем, а вместе со всем этим — высочайшим поэтом. Признательным читателем и знатком Данте был Г. В. Плеханов. В его библиотеке имелось два перевода «Ада», один — Ф. Фан-Дим, другой, изданный в двух книгах в Париже (1889—1892), принадлежал А. де Ривароллю, чей вольный перевод, опубликованный впервые в конце XVIII века, хвалил некогда сам Ш. Сент-Бев. На французском языке Плеханов читал и остальные кантики «Комедии». В его коллекции они представлены трудами Ф. де Ламене в двух отдельных томах, отпечатанных в 1901—1902 годах тоже в Париже. Перевод Ламене, исполненный еще в середине века и занявший с того времени заметное место во французской дантеане, отражает романтическое восприятие поэмы. И, конечно, самым ценным в библиотеке Плеханова был том полного текста «Комедии» (Флоренция, 1907) с комментариями известного П. Фратичелли, превосходно подготовившего в свое время издание «Малых произведений» поэта.

Особым вниманием пользовался Данте у символистов. Если в начале XIX столетия его считали отцом романтической поэзии, то в конце века в авторе «Комедии» увидели родоначальника символизма. Предтеча русских символистов В. С. Соловьев хорошо знал итальянский язык и одно время целенаправленно изучал дантовскую поэму²⁰. Образ Вечной Женственности, который стал средоточием его поэзии, восходит и к дантовской Beatrice Beata, хотя стоит заметить, что сводить эту мифологему к какой-либо одной традиции в мировой литературе, конечно, нельзя.

Глубокое почтение испытывал к итальянскому поэту В. Брюсов, в ранней молодости принявшийся за освоение итальянского языка. В стихотворении «Данте» (1898) он писал:

Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье...

В сентябре 1905 года С. А. Венгеров предложил Брюсову перевести «Божественную комедию». Тот с готовностью отозвался на лестное предложение и сформулировал для себя задачи перевода:

1. Сохранить поэзию подлинника.
2. Воссоздать стиль Данте.
3. Избегать дополнений, удерживать все выражения, ради стиха допускать лишь перефразировки.
4. Соблюдать звукопись Данте».

Продумывая план, поэт отталкивался от тех недостатков, которые он отмечал у лучшего, по его мнению, переводчика — Д. Е. Мина.

В работе над переводом Брюсов пользовался миланским изданием поэмы 1903 года. Текст для этого издания был подготовлен авторитетным швейцарским дантологом И. Скартаццини и критически проверен Дж. Ванделли. В распоряжении поэта были и французские тексты «Комедии» Арто де Монтора, Э. Ару и, новейший, А. Мелио (Париж, 1908), который в своем переводе и обстоятельном комментарии задавался целью поставить французскую критику Данте в уровень с итальянской, немецкой и английской. Постоянным пособием Брюсову служили также двухтомная «Enciclopedia Dantesca» (Милан, 1896—1905), составленная Скартаццини, и словарь дантовских рифм «Rimagio» Л. Поллако. К сожалению, начатый перевод был прерван. Как сообщает Святослав Бэлза, кроме первой песни со вступительной статьей и комментариями переводчика, а также отрывков из пятой, в архиве поэта обнаружено лишь начало третьей песни «Ада».

Возможно, что Брюсов все-таки продолжал работу. Дело в том, что после разрыва соглашения с издательством «Брокгауз и Ефрон» об издании Собрания сочинений Данте он хотел не оставлять начатых трудов и договаривался о переводе поэмы с В. И. Ивановым. Брюсов брал на себя «Ад», Вячеслав Иванов — «Чистилище» и «Рай». В книге «Переписка из двух углов» есть примечательные строки, свидетельствующие об этой договоренности. М. О. Гершензон обращается к Иванову: «Теперь я пишу при вас, пока вы в тихом раздумье силитесь мыслью разгладить вековые складки Дантовых терцин, чтобы затем, глядя на

образец, лепить в русском стихе их подобие... А после обеда мы ляжем каждый на свою кровать, вы с листом, я с маленькой книжкой в кожаном переплете, и вы станете читать мне ваш перевод «Чистилища» — плод утреннего труда, а я буду сверять и спорить»²¹.

Кроме «Божественной комедии», Вяч. Иванов переводил и «Новую жизнь», а будучи профессором Бакинского университета, он читал о Данте специальный курс. Его переводы остались в рукописи. Больше повезло Эллису (Л. Л. Кобылинскому). Он был страстным пропагандистом Данте, посвятил ему не одну статью и предпринял специальное исследование поэмы. Правда, в большинстве дантологических работ Эллиса налицо теософские устремления, крайне субъективное и одностороннее толкование «Комедии». Свои скромные по художественным достоинствам переводы он публиковал в журнале «Русская мысль» и альманахе «Свободная совесть»²².

В кругу символистов, деливших с ними пристрастие к Данте, был и К. Д. Бальмонт. После смерти поэта Е. А. Андреева-Бальмонт вспоминала, как в ее молодые годы он увлеченно читал с ней дантовскую поэму, как, загораясь, открывал ей красоты «Божественной комедии». «Это,—говорила она,—было то, чем он жил»²³. И действительно, Бальмонт, например, писал матери из-за границы: «Я читаю с утра до вечера... по-итальянски «Divina Commedia»²⁴.

Одним из благодарнейших читателей Данте был А. А. Блок. Трудно сказать, когда состоялось первое знакомство поэта с «Божественной комедией», некоторые исследователи начало его активного интереса к поэме помечают 1900—1901 годами. В записной книжке Блока есть памятка о покупке в 1901 году дантовского творения в издании И. И. Глазунова. Но вряд ли этот факт может служить точкой отсчета.

Что касается книг, то в описании шахматовской библиотеки Бекетовых — Блока, составленном в 1920-е годы П. А. Журовым, под номерами 86—88 числятся три тома «Божественной комедии» в переводах русских писателей. Это — издание И. И. Глазунова 1897 года из серии «Русская классическая библиотека». Все три тома с надписью на обложке: «Александр Блок». Первый том испещрен многочисленными пометами поэта.

Как отмечал автор описания, библиотека в Шахматове не являлась книжным собранием, возникшим в упорядоченном и наследственном усадебном быте. Это была своего рода «дачная» библиотека. Тем примечательнее среди ее книг «Божественная комедия». Незадолго до своей смерти Блок стал обладателем еще одной книги Данте. Это необычное, ставшее библиографической редкостью издание «Новой жизни» в переводе М. И. Ливеровской

с ее введением и комментариями, отпечатанное в Самаре в 1918 году. На титульном листе надпись: «Honorate l'altissimo poeta» (Dante Inferno). Maria Liverovska. 12.X.1920.

Дальнейшие исследования об изданиях Данте Алигьери в отечественных книжных фондах еще предстоит сделать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России. В кн.: От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 6—62.

² Лущов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976. С. 274—282.

³ Аппатов М. В. Этюды по всеобщей истории искусств. М., 1979. С. 16.

⁴ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 37—38.

⁵ Библиотека В. А. Жуковского (описание). Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 130, № 868.

⁶ Янушкевич А. С. В. А. Жуковский — читатель и переводчик «Потерянного рая» Дж. Мильтона. В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 492.

⁷ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964. С. 144.

⁸ Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.; Л., 1960. С. 254—255.

⁹ См.: Костомаров В. История литературы древнего и нового мира, составленная по И. Шерру и многим др. источникам. История итальянской литературы. Спб., 1863. Т. 2. Кн. 2. С. 151.

¹⁰ Куфаев М. А. С. Пушкин — библиофил. — Альманах библиофила. Л., 1929. С. 81.

¹¹ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 22.

¹² Розанов М. Н. Пушкин и Данте. В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1928. Вып. XXXVII. С. 17.

¹³ Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 357.

¹⁴ Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания. — Москвитянин, 1851. Ч. 6. № 21. С. 16.

¹⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х т. М., 1984. Т. 18. С. 675.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 49—50. С. 372. О цензурных мытарствах Д. Е. Мина см.: Горохова Р. М. «Ад» Данте в переводе Д. Е. Мина и царская цензура. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 48—54.

¹⁷ Мин Д. Предисловие (предисловие переводчика к публикации «Ада»). — Москвитянин, 1852. Т. 2. Кн. 1. № 3. Отдел I. С. IV.

¹⁸ Голенцев-Кугузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 448.

¹⁹ В. З. (Зотов В. Р.) Портреты Данте. — Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 10. С. 181.

²⁰ Соловьев В. С. Письма. В 4-х т. Пг., 1923. Т. 4. С. 22; Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. Спб., 1902. С. 117; Соловьев С. Вступ. статья. — В кн.: Соловьев Вл. Стихотворения. 7-е изд. М., 1915. С. 48.

²¹ Иванов Вяч. и Гершензон М. О. Переписка из двух углов. Пб., 1921. С. 14.

²² См.: Русская мысль, 1904, № 4. С. 180—182; № 10. С. 134—138; Свободная совесть. Литер.-философ. сб. Кн. 1. М., 1906. С. 110—137.

²³ От Шуи до Оксфорда (Воспоминания Е. А. Бальмонт). В кн.: Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 98.

²⁴ Там же. С. 99.

Яков Бейлинсон

ЗВЕЗДНЫЕ СЮЖЕТЫ ЭКСЛИБРИСОВ

Четверть века назад, в апреле 1961 года, после того, как Юрий Гагарин совершил свой беспрецедентный подвиг, космонавт получил в подарок от тамбовского журналиста Н. А. Никифорова, графика-любителя, экслибрис. Первооткрывателю космоса посвятил одну из лучших своих работ и известный мастер ксилографии Г. А. Кравцов; этот экслибрис вошел в классический фонд советской малой графики, он воспроизведен в альбомах, журналах, газетах. Изящно, предельно лаконичными средствами художник, ученик В. А. Фаворского, сумел передать высокий смысл космического подвига. Космонавт парит в невесомости, в беспредельном пространстве, рядом с ним книги; оригинально решена и шрифтовая часть. Исследователи подчеркивают в этой гравюре геральдическую ясность и четкость символики.

Художники из разных городов страны — москвич Е. Желтухин, рижанин Д. Рожкалнс, С. Малышев из Феодосии и другие — выполнили книжные знаки, адресованные первой женщине, совершившей полет к звездам, — Валентине Терешковой. Как правило, в сюжетах этих знаков присутствует чайка — это мотив поэмы В. В. Терешковой.

Трижды летал в космос, и каждый раз командиром экипажа, Валерий Быковский. Летом 1978 года на корабле «Союз-31» он осуществил полет к орбитальной станции «Салют-6» вместе с космонавтом из ГДР Зигмундом Йеном. Это событие отметил на экслибрисе волгоградский график В. Киселев, включив в композицию эмблему «Интеркосмоса». Кстати сказать, художник из г. Волжского создал несколько книжных знаков с космическими сюжетами (работает он в технике гравюры на оргстекле).

На графических миниатюрах запечатлен еще один выдающийся подвиг. Прошло около четырех лет со времени полета Юрия Гагарина, а мир был потрясен новым сообщением — 18 марта 1965 года в космическое пространство вышел человек.

За прошедшие с тех пор два десятилетия многие наши космонавты работали в открытом космосе, но подвиг, впервые совершенный А. Леоновым, навеки остался в истории покорения Вселенной.

Один из книжных знаков для него вырезал на дереве известный график из Череповца А. Наговицын; решение сделать знак пришло к художнику в те дни, когда Алексей Архипович приехал вместе со своим командиром экипажа П. Беляевым в его родные вологодские места. На этой гравюре, как, впрочем, и на других, адресованных А. Леонову, «упомянуто» о его второй профессии — живописца.

Псковский мастер графики Валентин Васильев, чьи работы тоже широко известны, выполнил книжный знак в подарок Владимиру Шаталову к 15-летию его первого полета в космос. Основная мысль этой гравюры — освоение космоса во имя жизни на земле — символически выражает главную цель советской программы космических исследований. Предназначенный прежде всего для книг специальной тематики, среди которых есть и написанные самим владельцем — руководителем подготовки советских космонавтов, экслибрис этот может украсить и другие издания в домашней библиотеке космонавта.

Сибирский пейзаж соседствует с летящим в звездном небе кораблем на книжном знаке Николая Рукавишникова. Казахстанец Владимир Шефер (он живет в Усть-Каменогорске) не случайно избрал такую композицию: Сибирь — родина космонавта-23... Иное сюжетное решение видим в гравюре на пластике, исполненной известным киевским художником А. Микловдой. Этот декоративный экслибрис адресован Юрию Глазкову, который увлекается и искусством, в частности малой графикой. В небольшом вступлении к миниатюрной книге «Спортивный экслибрис» он отмечал, что эти графические миниатюры «вызывают живой интерес и как работы мастеров графики, и как свидетели эпохи, способные многое рассказать о времени и людях». Естественно, слова эти можно с полным основанием отнести и к экслибрисам, посвященным героям космоса.

Среди таких книжных знаков немало гравюр с лаконичными, но очень выразительными сюжетами. Вот одна из них — знак для Александра Иванченкова, выполненный молодым московским графиком В. Савельевым. Символика здесь предельно ясна: хлебные колосья олицетворяют основу жизни, силу, которая служит источником наших успехов.

Одна из книжных привязанностей Геннадия Стрекалова — научно-фантастическая литература. Ею навеян сюжет ксилографии, которую выполнил для космонавта заслуженный художник Кабардино-Балкарской АССР Г. Паштов. В его творческом арсе-

нале есть и другие космические знаки. Герман Суфадинович Паштов — основоположник экслибриса в кабардинском искусстве; его графические миниатюры можно увидеть на представительных выставках, и не только в нашей стране, но и за рубежом.

Задумав выполнить экслибрис для героини космоса Светланы Савицкой — первой в мире женщины, работавшей в открытом космическом пространстве, заслуженный художник РСФСР В. А. Носков остановился на решении, где «во весь голос» звучит космическая тема и символически выражен интерес владелицы знака к славному прошлому отечества (образ из былинного эпоса).

Советские художники создавали экслибрисы и для зарубежных космонавтов, стартовавших с Байконура. В числе этих книжных знаков — ксилография талантливого оформителя книги художника В. Покатова, адресованная гражданину Социалистической Республики Вьетнам Фам Туану. Рассказ вьетнамского космонавта о своем полете на корабле «Союз-37» и определил содержание экслибриса.

... Сюжеты, посвященные путешествиям во Вселенную, появились в нашем экслибрисе задолго до полетов советских космонавтов. Один из самых первых космических знаков выполнен крупным мастером графики С. Юдовиным более полувека назад. Владельцем этого экслибриса был школьник, собиравший книги научной фантастики, и вполне правомерно на гравюре изображен юный «звездолетчик». Фантастичным выглядело в 40-е годы и сюжетное решение в другом книжном знаке — эстонский художник М. Лаарман изобразил человека, рассматривающего... с Луны в подзорную трубу планету Сатурн. Впоследствии, особенно начиная с 60-х годов, космические мотивы часто звучат в сюжетах экслибрисов, создаваемых нашими художниками.

- Экслибрисы: 1. Ю. Гагарина (худ. Г. Кравцов); 2. В. Терешковой (худ. С. Малышев); 3. В. Быковского (худ. В. Киселев); 4. В. Шаталова (худ. В. Васильев); 5. А. Леонова (худ. А. Наговицын); 6. Н. Рукавишников (худ. В. Шефер); 7. Ю. Глазкова (худ. А. Миклода); 8. А. Иванченкова (худ. В. Савельев); 9. С. Савицкой (худ. В. Носков); 10. Г. Стрекалова (худ. Г. Паштов); 11. Фам Туана (худ. В. Покатов)

1

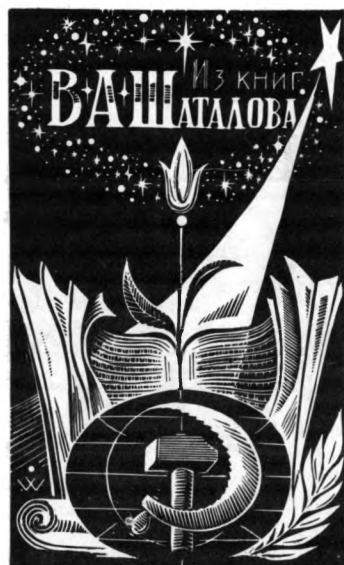
3

2

4

5

6

7

8

9

11

10

Владимир Бурич
ОДА БИБЛИОГРАФАМ

Библиографы
вы сейсмические станции
регистрирующие затухание
и пробуждение новых старых поэтических вулканов
свидетельствующих о продолжающемся
процессе книгообразования

Товарищ астроном
вы считаете
это вулкан на Луне заработал?
Ошибаетесь
вам любой библиофил скажет —
это вышла в свет
и стала светом
Антология современной лунной поэзии

Дни
минувшие

Книжная бо премудрость подобна есть солнечной светлости, но и солнечную светлость мрачный облак закрывает, книжные же премудрости не может ни вся тварь сокрыти.

ИЗ РУССКОЙ ПРОПИСИ XVII ВЕКА

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

ИВ. БУНИН

А. Кузнецов

ПОЭТЕССА, ХУДОЖНИЦА, ИЗДАТЕЛЬНИЦА

Николай Константинович Михайловский, критик, публицист, редактор журнала «Русское богатство», в своей практике издателя отличался привлекательной чертой — желанием дать дорогу любому, на его взгляд, подающему надежду имени. В 1895 году в его руки попала тетрадка стихов Поликсены Сергеевны Соловьевой, женщины разносторонне одаренной, но в свои 28 лет почти разуверившейся в себе как в поэте и отдававшей все силы другому любимому занятию — рисованию. Стихи П. Соловьевой понравились Н. Михайловскому, он опубликовал их. Вышли они под псевдонимом Allegro, который автор выбрала поспешно и который не нравился ей самой (но нравился Иннокентию Анненскому), поэтому впоследствии рядом с псевдонимом, в скобках, она ставила свое подлинное имя.

Вслед за «Русским богатством» стихи П. Соловьевой напечатали другие журналы — «Мир божий», «Северный вестник», «Вестник Европы». Критики отметили их, гадая, кто же скрывается за музыкальным псевдонимом: «Появился еще один пламенный поэт, некто господин Allegro». Подозревали Н. Михайловского, будто он сам на старости лет начал писать стихи.

В 1899 году вышел первый сборник П. Соловьевой «Стихотворения» с ее акварельными виньетками (в черно-белом воспроизведении). Начался ее литературный путь, выразивший много характерное в русской поэзии конца XIX века и двух первых десятилетий нашего столетия...

Сведений о жизни П. Соловьевой мы имеем мало. Как ни странно, не сохранились оригиналы ее рисунков, ее рукописи и другие документы, с ней связанные, хотя длительное время она находилась в центре культурной жизни Петербурга, знала практически всех крупных литераторов и художников своего времени.

Представление о происхождении и юных годах П. С. Соловьевой дают две ее автобиографические заметки, к сожалению, очень краткие, но содержащие любопытные подробности¹.

П. С. Соловьева.
Начало 1900-х гг.

Двенадцатый и самый младший ребенок в семье историка Сергея Михайловича Соловьева (четверо из них умерли маленькими), она родилась почти буквально «на книгах». Как рассказывала ей мать, квартира историка некоторые годы представляла собой склад вышедших томов «Истории России». Сюда их привозили прямо из типографии, а потом, по мере надобности, их забирали книжные магазины. Жена историка сама отпускала книги. Так было и в день 20 марта 1867 года — хотя и с большим трудом, отобрала она груду томов и, только отправив «заборщика», прошла в свою комнату, где и родилась дочь, нареченная Поликсеной.

«Читать я выучилась в пять лет и тогда же стала писать самоучкой, печатными буквами, — вспоминала П. Соловьева. — Первыми моими книгами были: жития святых, сказки Андерсена, стихи Пушкина и Фета и сочинения Гоголя. Когда я заболела какой-нибудь детской болезнью, моя мать целыми часами читала мне „Руслана и Людмилу“ или „Вечера на хуторе близ Диканьки“»². Обстановка дома благоприятствовала развитию способностей девочки, сочинять стала «с тех пор, как

помнила себя», признается Соловьева. Свои стихи читала братьям Владимиру и Михаилу. Первый посмеивался и в назидание читал собственные, приговаривая: «Вот как надо писать стихи».

В конце концов нашлись и люди, одобвившие ее поэтические опыты. Первым среди них был Афанасий Фет. Владимир как-то сообщил: старик нашел, что в ее стихах есть *entrain**. Она привязалась к Фету, стала частой его гостьей. Встречала у него Льва Толстого, и можно лишь пожалеть, что не оставила воспоминаний о нем. Но к портрету Афанасия Фета в заметках П. Соловьевой мы находим выразительные штрихи:

«...Фет вынимал из кармана своей драповой курточки сложенный лист бумаги:

— Вот вчера мне напелось.

И начинал читать нараспев своим старческим голосом с неожиданными повышаниями и ударениями стихи юношески-свежие, весенние, влюбленные... Своими рассказами, своеобразными и остроумными, он заставлял брата и меня смеяться на весь дом. От рассказов Афанасия Афанасьевича я неудержимо смеялась, а от стихов Фета мне хотелось плакать».

Близость к Фету, увлеченность его поэзией (надо думать, это была пора «Вечерних огней») сказались, конечно, на стихах П. Соловьевой.

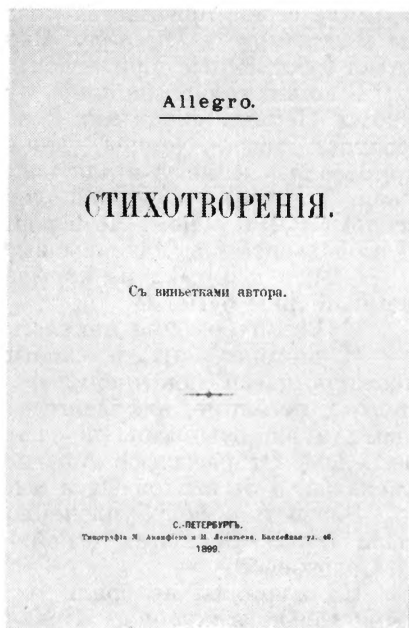
Но журналы не брали их (два стихотворения напечатаны были только в журнале «Новь») и, таким образом, до встречи с Н. Михайловским поэтическая судьба П. Соловьевой пресекалась. Поликсена Сергеевна отдавалась другим занятиям, не бросая стихов: училась музыке и пению, едва не оказалась на оперной сцене; рисовала в студии В. Д. Поленова. Его школа, конечно, сыграла решающую роль в развитии незаурядного дарования Соловьевой-иллюстратора.

...Итак, 1899 год. «Стихотворения» П. Соловьевой быстро разошлись, но поэтесса книгой не была удовлетворена. На этот раз в ней заговорила не разочарованность в себе, как было недавно, а требовательность поэта. Она собирает новую книгу, но не спешит издавать. Лирические стихи отдает в журналы. Читателя подкупала их свежесть, связь с миром окружающей природы, как, например, в этом, безусловно, навеянном поэзией Фета:

Цветы, цветы... куда ни кинешь взоры,
Они везде кивают головой.
Ловя их пестрые, капризные узоры,
Иду один тропинкой луговой.

* Живость (фр.).

Титульный лист
первой книги П. Соловьевой

А с высоты, как весть освобожденья,
Как вечный свет и радость без конца,
Звенит немолчное, ликующее пенье
Далекого, незримого певца.

Теперь на П. Соловьеву обратил внимание другой крупный поэт, хотя и не имевший славы Фета,— Константин Случевский. Она посещает его знаменитые «пятницы» и оказывается в кругу поэтов, известных или же приобретающих известность. Здесь П. Соловьева познакомилась с А. Блоком, К. Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Ф. Сологубом и другими литераторами. С некоторыми завязалась творческая и житейская дружба, особенно с поэтессой и переводчицей О. Чюминой, с писательницей Н. Манасеиной, с которой П. Соловьева многие годы будет вести издательскую работу.

Вскоре выходит второй сборник П. Соловьевой — «Иней» (Пб.: типография Р. Голике и А. Вильборг, 1905) с обложкой, заставками, концовками, рисунками в тексте, выполненными автором. Иллюстрации в книге занимают столько же места, сколько и текст. В сущности, это небольшого формата книжка-альбом, выполненная в лучших традициях русского книгопечата-

ния на заре столетия, в традициях И. Д. Сытина, с которым П. Соловьеву с 1905 года свяжут некоторые общие начинания.

Об «Инее» восторженный отзыв написал А. Блок (Вопросы жизни, 1905, № 4—5); прямо противоположный, раздраженный отклик дал В. Брюсов (Весы, 1905, № 8).

А. Блок писал, что «у автора — молодая, свежая и чистая душа», что книга «ужасно близка русской природе и русской поэзии, которая не покидала своей природы», увидел в ней продолжение той ветви русской поэзии, которая приходит к пониманию основ жизни, к прозрению будущего «сквозь вещь тишину»³.

В. Брюсов подошел к стихам П. Соловьевой прежде всего с точки зрения оригинальности их формы и не нашел никакой оригинальности. Содержание книги показалось ему банальным, а личность поэта — лишенной яркого своеобразия. Вместе с тем он отметил несколько прекрасных стихов. «Скучая над страницами ее книги, я несколько раз останавливался с удивлением и радостью над стихом, вдруг открывавшим мне какие-то новые просветы в понимании жизни или природы»⁴.

Как ни покажется парадоксальным, в этих оценках поэзии П. Соловьевой правы оба — и Блок, и Брюсов. Первый, рецензируя «Иней», по существу закрыл глаза на слабые стороны стихов П. Соловьевой. Блоку важно было не только поддержать поэтессу, но и противопоставить ее «новую и тихую поэзию» стихам многочисленных «безжизненных симулянтов», подменяющих чувство «кажущейся болью», «пряностью», «визгом»⁵. Таким образом, А. Блок в стихах П. Соловьевой видел важное звено в литературной борьбе, некое средство против расцветавшего пышным цветом декаданса в поэзии.

В. Брюсов прозорливо предсказал судьбу П. Соловьевой: ей скоро суждено стать «безвестным поэтом», но «библиофилы будущих лет, исправляя несправедливый приговор судьбы, будут вознаграждены за труд, перелистав ее сборник, несколькими прекрасными, «истинными» стихами»⁶.

Конечно, нам важно то, что оба выдающихся русских поэта нашли в стихах П. Соловьевой непреходящие строки. Но они в этом не были одиноки. Рецензент газеты «Новое время», противопоставляя стихи П. Соловьевой стихам ее брата Владимира, отмечает реализм ее творчества. Он цитирует стихотворение П. Соловьевой «Петербург»:

Город туманов и снов
Встает предо мною
С громадой неясною
Тяжких домов,
С цепью дворцов,

Отраженных холодной Невюю.
 Жизнь торопливо бредет
 Здесь к цели незримой...
 Я узнаю тебя с прежней тоской,
 Город больной,
 Неласковый город любимый!
 Ты меня мучишь, как сон,
 Вопросом несмелым.
 Ночь, но мерцает зарей небосклон...
 Ты весь побежден
 Сумраком белым.

И так комментирует его: «Это — полно и физиономично, как портрет Серова. Из «Антологии Петербурга», которая уже есть и замечательна (вот бы ее собрать!), — этого не вычеркнешь никогда. И посмотрите, сколько порицания, любви... как все деликатно и благородно»⁷. Об иллюстрациях он писал: «Если бы эти рисунки пером, естественно величиною в страницу, в полстраницы книги, увеличить до обыкновенных размеров обыкновенной картины, то несколько десятков их могли бы составить целую выставку, с тем, что именно недостает выставочному искусству: с изумительным богатством личности, физиономии автора. На некоторые рисунки хочешь часами смотреть; хочешь, чтобы они постоянно были перед тобою, как *твое настроение*, как *любимое свое настроение*... Местами это хорошо, как почти в великих созданиях Бёклина...»

Тонкий анализ стихов Соловьевой дал Иннокентий Анненский в своей третьей статье из цикла «О современном лиризме»⁸. На этот раз они противопоставляются стихам З. Гиппиус. В отличие от нее у П. Соловьевой есть не только поэтическое «я», но «*есть ты, есть читатель*, нечто собирательное, что должно понимать и может спрашивать». Если З. Гиппиус избегает ответов на мучительные вопросы времени, то П. Соловьева пытается дать их. И. Анненский в этой связи выделяет такие, действительно замечательные строки:

Наша радость застыла
 В темноте и пыли,
 Наши мысли покрыла
 Паутина земли...

Но душой неустанной
 Мы должны подстеречь
 Для любви небывалой
 Небывалую речь.

Интересно, что в стихах П. Соловьевой И. Анненский обнаружил и новаторские черты. (Правда, это наблюдение относится уже к третьей книге П. Соловьевой «Плакун-трава», о которой, как и об «Инее», написана цитируемая статья Анненского.) «У

этой поэтессы есть, по-моему, особое искусство, редкое в русской поэзии вообще — делать односложные рифмы удивительно мягкими. Даже когда длинные строки так и рады бы склониться и найти упор в конечном слоге, Поликсена Сергеевна бережно выпрямляет их, — и концы веток в ее руках падают красивыми мягкими дугами. Посмотрите, например, на эту маленькую песенку — лучшую в ее «Плакун-граве»:

Тишина золотевшая в осеннем саду,
Только слышно, как колотят белье на пруду,
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.

Сами рифмы упрощены здесь и неинтересны донельзя, но в этом-то и тайна их обаяния... Интересный тип лиризма, и опять-таки чисто женский, строгий, стыдливый, смежный с мудрой бережливостью и упорным долженствованием».

Следует особо остановиться на высказываниях И. Анненского о рисунках П. Соловьевой в сборнике «Иней», ведь литературный критик выступает здесь в необычной роли критика изобразительного искусства. «Вся книжка, на которой серебром отиснуто «Иней», — пишет И. Анненский, — в рисунках самой поэтессы *blanc et noir* и в виньетках, прелюбопытных иногда по концепции. Изысканную упрощенность и намеренную элементарность своих слов и ритмов поэтесса захотела причудливо пополнить волнистыми линиями своих бессловесных очертаний. Первое, общее впечатление, которое мне дал «Иней», — я жалею, что не могу его передать тоже графически, а должен для этого подыскивать слова... Но я расскажу вам рисунок, который мне будто все еще видится со времени впервые прочитанного «Инея». Снег — чуть-чуть подтаявший, темноватый, твердый — уже с водицей, и среди этих белых и черных пятен — черные цепко-голые деревья с разоренными галочьими гнездами; деревья, в которых желание жить хочет прикрыться тем, что они и не знают даже, что это такое значит — жить, а что им и так хорошо. Воздух резкий, прохватывающий, чуть-чуть синеватый, неба нет вовсе, то есть оно есть, но озябло и ушло куда-то греться; взамен что-то чистое, опустело-холодное, но *обязательное*».

Особенно продуктивно П. Соловьева стала работать в графике, когда было образовано издательство «Тропинка» (конец 1905 года). Оно находилось на Площади Мариинского театра в доме № 6. Типография своей издательство не имело и пользовалось услугами печатников И. Д. Сытина, который охотно начал выпускать как журнал «Тропинка», так и детские книги, написанные самими П. Соловьевой и Н. Манасеиной или же ими подготовленные.

А. А. Блок. 1906

Прежде чем остановиться на деятельности издательства и его главном детище — детском журнале, коснемся взаимоотношений П. Соловьевой и А. Блока, имевших большое значение для них обоих.

Познакомились они на одной из «пятниц» Случевского и, по всей вероятности, встречались в доме Сергея Михайловича Соловьева, племянника Поликсены Сергеевны, в то время близкого друга Блока. Но тесное сближение началось в 1906 году, когда стала выходить «Тропинка», и Блок начал писать туда стихи по просьбе издательниц. Второй сборник П. Соловьевой был приобретен поэтом, о чем свидетельствует помета, сделанная рукой Блока на титуле книги «Иней», хранящейся в библиотеке ИМЛИ в Москве: «Блок. 1905. IV. Около Пасхи». Из сохранив-

шихся писем Соловьевой к Блоку первое датировано 31 октября 1906 года, но переписка, видимо, началась раньше — есть свидетельство, что Блок писал Соловьевой в 1905 году⁹. Упоминаниями ее имени пестрят письма, дневники и записные книжки Блока — чаще всего после 1910 года, когда П. Соловьева сблизилась с матерью поэта. Упоминания эти носят неслучайный характер, по ним видно, что П. Соловьева занимала важное место в жизни Блока, хотя отношение поэта к ее творчеству (а она ведь была еще и переводчиком, прозаиком, драматургом) было противоречивым. Восторг, высказанный по поводу «Инея», не повторился. В стихах ее он был разочарован, иногда хвалил их, но все же чаще высказывался отрицательно, особенно резко — о поэме «Перекресток». Чтобы не кривить душой, но и не обидеть поэтессу, он отказался писать о ней статью для многотомного издания С. А. Венгерова «Русская литература XX века». (Апологетическую, но усложненную, «темную» статью о П. Соловьевой поместил в нем Вяч. Иванов.) Но А. Блок всегда поддерживал написанное П. Соловьевой для детского чтения, достаточно сослаться на весьма хвалебную рецензию о сказке «Приключения Кроли».

Как бы ни относился А. Блок к поэзии П. Соловьевой, какие коллизии ни случались в их отношениях, ничто не помешало ему сделать искреннее признание, что поэтесса (как и Андрей Белый) для него больше чем друг, она — «близь души»¹⁰. То, что П. Соловьева стала душевно близка А. Блоку, хорошо заметно и по ее письмам к нему, дающим, кроме всего прочего, дополнительный материал для биографии Блока. Немного сохранилось этих писем, но по-своему они ценны. Здесь они публикуются впервые¹¹.

1.

31 октября 1906 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли нам стихов для рождественского № ?

Были бы Вам очень признательны.

До свиданья.

П. Соловьева

Блок откликнулся на просьбу и 6 ноября написал стихотворение «На рождестве», которое было опубликовано в № 1 «Тропинки» за 1907 год. (В рукописи есть помета — «По заказу „Тропинки“».)

2.

9 ноября 1911 г.

Многоуважаемый Александр Александрович,

приезжайте, пожалуйста, в пятницу 11-го, в 8 1/2 ч. вечера на

Данное.
Рисунки П. Соловьевой
к сборнику «Иней»

собеседование о Сказке в квартиру Натальи Ивановны (Вознесенский, 36, кв. 4. Подъезд с улицы).

До свиданья.

П. Соловьева

Блок активно участвовал в редакционной жизни «Тропинки», чувствовал себя хорошо в этом издательстве, о чем, например, свидетельствует С. Городецкий, его в начале творческого пути А. Блок направил в «Тропинку»¹². Блок охотно писал рецензии на рукописи именно сказок. Но 11 ноября к Н. И. Манасеиной на собеседование не пошел, собираясь на лекцию в Общество ревнителей художественного слова, о чем свидетельствует дневниковая запись.

3.

19 ноября 1911 г.

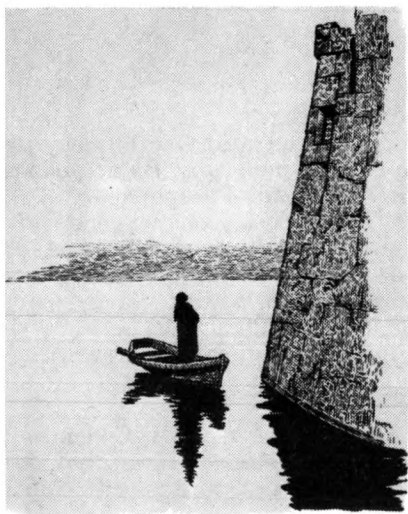
Дорогой Александр Александрович,
очень благодарю Вас за прекрасные стихи. Особенное удовольствие доставили мне первые: «На родине». Дай Вам бог продолжать так же быстро мчаться вперед.

Привет Любовь Дмитриевне.

До свиданья.

П. Соловьева

П. Соловьева в этом письме, по-видимому, отозвалась на новую книгу А. Блока «Ночные часы» (1911), в которой опубликовано стихотворение «На родине» («В густой траве пропадешь с головой...»).

Рисунки П. Соловьевой на тему из
«Божественной комедии» Данте
(сборник «Иней»)

4.

12 декабря 1911 г.

Дорогой Александр Александрович,
ходили мы к Матрене Федоровне, но, к сожалению, нашли очень мало.

«Education et Récréation» вовсе нет. Она говорит, что, верно, продалось уже. Купили книжек 6—7. Во всяком случае благодарим Вас за добрый совет. Матрену Федоровну на будущее время будем иметь в виду. Сегодня я не могла долго у нее рыться в холодных книгах, т. к. простужена и меня ломает.

Очень тяжело мне думать о Сереже. На счастливый исход его болезни я не надеюсь. Счастье, что его родители умерли и не испытали в жизни этой самого ужасного горя, какое только может быть. Спасибо за доброе отношение к «Тропинке». Приходите к нам, пожалуйста, мы Вам дадим наши новые книжки. До свиданья.

Привет Любовь Дмитриевне.

П. Соловьева

Из этого письма видно, что А. Блок — по натуре сам книжник, жадно следивший за всеми новинками, давал советы другим, где и что можно приобрести. Неясно, кто такая упоминаемая здесь Матрена Федоровна, но, по-видимому, лицо, имеющее отношение к книжной торговле... Переживания за Сережу — С. М. Соловьева, пытавшегося покончить жизнь самоубийством, должны были закончиться счастливо, ибо он дожил до 1942 года.

5.

$$19 \frac{28}{X} - 15$$

Дорогой Александр Александрович, Общество содействия дошкольному воспитанию детей поручило мне передать Вам его глубокую благодарность за Ваше доброе согласие помочь ему и за рецензию о Степке-Растрепке.

Посылаю Вам четыре книги для просмотра и рецензий. Конечно, очень дорого, что Вы дали подробное и всестороннее суждение о Степке. Он этого стоит. Посылаемые книги гораздо менее значительны, а потому и рецензии о них могут быть короче. Говорю это только из страха отпугнуть Вас от работы, вообще же Ваша рецензия всеми признана наиболее соответствующей нашей цели.

До свиданья.

П. Соловьева

Р. С. Было бы хорошо, если б, просмотрев книги, Вы отправили их Ремизову, но, если Вам это затруднительно, то верните книги мне.

Тексты всех рецензий А. Блока ныне опубликованы, так как поэт зафиксировал их в своих записных книжках¹³. Удивляет быстрота, с какой поэт откликнулся на просьбу П. Соловьевой. Рецензии были написаны им в день получения книг и на следующей, то есть 28 и 29 октября (что отмечено в записной книжке № 45—47). Книги, которые послала Блоку П. Соловьева: сборники «Гоша Долгие-Руки» и «Лесная царевна», «Приключения зайчика» Н. Руммель и «Приключения Кроли» П. Соловьевой.

А. Блок опубликовал в журнале «Тропинка» несколько стихотворений, в том числе юношеское, написанное в Шахматове «Полный месяц встал над лугом...» (Тропинка, 1908, № 11, под заглавием «Ночью»). В журнал охотно давали свои новые произведения известные русские писатели того времени. В нем публиковали свои стихи Вяч. Иванов, К. Бальмонт, Андрей Белый, С. Городецкий, М. Шагинян, В. Пяст, С. Соловьев, Н. Ашукин и другие, разумеется и П. Соловьева. Печатались А. Ремизов, А. Толстой, К. Чуковский, Саша Черный, О. Форш, Ф. Сологуб, Л. Зиновьева-Аннибал (жена Вяч. Иванова)... Давали рисунки М. Нестеров, И. Вилибин, Е. Кругликова, М. Сабашникова, Т. Гиппиус, О. Розанова, В. Белкин, В. Каррик, репродуцировались картины современных западных художников.

Основная доля труда в журнале, конечно, пала на плечи П. Соловьевой, которая не только оформляла его, писала стихи, басни, пьесы и популярные статьи, но и сочиняла множество

шарад, ребусов, загадок, арифмографов (числовые загадки) и тому подобное, без чего был бы немислим увлекательный журнал для детского чтения. В первом номере журнала была, например, помещена загадка, раскрывающая его название:

Я извиваюсь, как змея,
Но не ужалю я.
Зимой я часто пропадаю,
А летом в зелени мелькаю;
Я в чащу леса заведу,
Но и дорогу вам найду.

Предоставляем читателю самому отгадать загадку, имеющую прямое отношение к книге и чтению.

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.

Журнал стремился привить детям любовь к книге, печатал библиофильские рассказы. В одном из них, принадлежащем перу Н. Манасеиной, — «Счастье дяди Володи» — как бы дается совет, какие книги следует читать в первую очередь. Остановимся подробнее на нем, так как содержание его не утратило воспитательного значения и сегодня.

Мальчик по имени Павлик, от лица которого ведется повествование, приходит к своему дяде, одинокому, оставленному близкими человеку. Вступает с ним в разговор и с изумлением узнает, что дядя живет «среди королей и королев». Дядя показывает Павлику на книжные полки:

«— Каждую книгу я знаю, как лучшего друга, как близкого дорогого человека... И знаю я не только, что в ней написано, я знаю и люблю ее всю, как любят любимое лицо. Вот загляни сюда, — дядя взял книгу, которую держал в руках, когда я вошел. — Видишь ты эту надпись?»

«Дорогому другу...» Здесь стояло дядино имя, а под ним другое, известное имя одного большого писателя. До сих пор я видел его только напечатанным.

— Эту книгу мне подарил сам автор, — сказал дядя.

— Мне кажется, он уже умер.

— Да, он подарил мне эту книгу как раз в год смерти, — грустно сказал дядя. — Он был одним из настоящих королей.

Дядя немного помолчал, задумался. Потом провел рукой по лицу и заговорил опять.

— На моих полках почти нет живых. Я выбрал себе друзей среди мертвых.

Стало немного страшновато.

— Дядя, да разве теперь живые люди не пишут книг?

Рисунок П. Соловьевой к сборнику «Иней»

— Конечно, пишут, Павлик. Книг с каждым днем становится все больше и больше. Сколько одних газет, ты только подумай! Человеческой жизни не хватит перечитать все написанное. Я и не читаю всего, а собираю и того меньше. Я беру только настоящие книги.

— Разве есть, дядя, настоящие и ненастоящие книги?»

Дядя излагает взгляд на книгу английского философа и критика Д. Рёскина (сегодня это суждение мы встречаем в отрывках из работ Рёскина, опубликованных в сборнике «Корабли мысли» издательством «Книга»): «Нужно отличать книги одного дня от книг настоящих. Книга одного дня—это не что иное, как напечатанная, полезная и приятная беседа человека, который не может разговаривать с нами иным путем. Нередко беседа эта бывает очень полезна... Описание путешествий... часто очень остроумные, рассказы о преходящих событиях—все это книги дня. За эти книги мы должны быть глубоко благодарны и нам должно быть стыдно, если мы ими не пользуемся. Но если

Обложка журнала «Тропинка», который редактировала П. Соловьева

мы примем их за действительные книги, это тоже будет неправда... Настоящая книга это не что-то рассказанное, не просто передача голоса; это — завет, оставленный человеком на все времена... Я ел, пил, спал, любил и ненавидел, как другие, но это неважно, важно то, что я увидел и узнал из всего моего существования. Это одно достойно остаться в нашей памяти. Вот такая книга, в которую талантливый человек вкладывает лучшую часть своей души, оставляя нам свой завет, и есть настоящая книга. Такие книги писались величайшими людьми всех времен, великими учеными, мыслителями и государственными деятелями. Каждый из нас может беседовать с королями и королевами».

Мальчик обрадован, что достаточно ему сказать «хочу», и он сможет беседовать с величайшими людьми, но дядя-библиофил наставляет его и в другом, пожалуй, в самом главном — в искусстве чтения:

«— Умершие не могут, подобно живым, растолковывать и объяснять свои мысли. Они не могут снизойти к нам, это мы должны возвыситься до них... Много золота спрятано в глубине

Буквица П. Соловьевой
для журнала «Тропинка»

земли, но его не видно. Нужно копать, не жалея труда, чтобы достать хоть крупинку. Золото в книге—это мысль и душа писателя. Нужно много труда, много усилий, чтобы понять их».

Мальчик уходит домой, погруженный в первые недетские мысли...

«Тропинка» прививала культуру чтения и расширяла горизонт юного читателя. В журнале печатались статьи о русских и зарубежных писателях, ученых, исторических деятелях. Здесь можно было прочитать в переводе новые рассказы Р. Киплинга, А. Франса, Д. Лондона.

П. Соловьева перевела книгу Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес». Книга печаталась на протяжении 1909 года в «Тропинке», а в следующем году вышла отдельным изданием с иллюстрациями Д. Тенниела, так хорошо нам сегодня известными. Работа П. Соловьевой стала вторым русским переводом «Алисы» после анонимного перевода «Соня в стране дива», вышедшего в 1879 году. Надо отметить, что перевод Allegro и сегодня не устарел, это подмечено знатоком творчества Л. Кэрролла, автором книги «Как возникла страна чудес» Д. Урновым. Он не только не устарел, но красочностью языка, стилевым богатством выгодно отличается от некоторых новейших переводов... Как тонко, как остроумно стилизует, например, переводчица отечественные песни и стихи: «Выхожу один я на дорогу», «Вот мчится тройка удалая», «Песнь о вещем Олеге».

Перевод П. Соловьевой хорошо передает юмор Л. Кэрролла, он отличается какой-то особой легкостью, даже шаловливостью, которая должна особо импонировать юному читателю. Вот как

переведено П. Соловьевой стихотворное вступление к «Приключениям Алисы в стране чудес»:

В дыханье золотого дня
Беспечно мы плывем.
Две пары ручек воду бьют
Послушливым веслом,
А третья, направляя путь,
Хлопочет над рулем.
Что за жестокость! В час, когда
И воздух задремал,
Вдруг приставать ко мне, чтоб я
Им сказку рассказал!
Но их, ведь три, а я один,
И я не устоял.
Мне властно Первая велит:
— Ну, начинай рассказ!
— Побольше, милый, небылиц!—
Звучит Второй приказ,
А Третья прерывает речь
В минуту только раз.
Но скоро смолкли голоса,
Все три внимают мне.
Воображенье их ведет
По сказочной стране,
С Алисой речь зверей и птиц
Им внятна в тишине.
Когда же я, устав, рассказ
Невольно замедлял
И «на другой раз» отложить
Смирненно умолял,
Три голоска кричали мне:
— Другой раз— он настал!
Так о стране волшебных снов
Рассказ явился мой,
И приключений возникал
И завершился рой.
Садится солнце, и плывем
Мы весело домой.
Алиса! Повесть для детей
Тебе я отдаю.
В венок из пестрых детских снов
Вплети мечту мою,
Как пилигрим хранит цветок,
Что рос в ином краю.

Издательство «Тропинка» выпустило много книг для детей, главным образом пьес, сказок, стихов, написанных самими издательницами. (Некоторые их книги переиздавались и в 20-е годы.) Несмотря на самоотверженную их работу, на содействие И. Д. Сытина, журнал «Тропинка», хотя и приносил одно время доход, не выдержал конкуренции с родственными изданиями и в 1912 году прекратил существование. Прошло некоторое время— распалось и само издательство, внесшее заметный вклад в

Рисунок поэта С. Городецкого,
опубликованный в журнале
«Тропинка»

популяризацию литературы для детей. (На петербургской выставке «Искусство в жизни ребенка» в 1909 году книгоиздательство «Тропинка» получило золотую медаль.)

П. Соловьева издала перед революцией, кроме многочисленных детских книг, четыре поэтических книги, в том числе повесть в стихах «Перекресток» (Пб., 1913), не утратившие историко-литературного значения. В «Перекрестке» подняты вопросы, тревожившие русскую интеллигенцию в эпоху между двумя революциями. Издала П. Соловьева и сборник рассказов «Тайная правда и другие рассказы» (М., 1912). Книга написана уверенной рукой профессионала, хотя некоторая назидательность в целом снижает ее художественный уровень.

О последних годах жизни П. Соловьевой почти не сохранилось никаких сведений. После революции она переехала в Москву. Изредка ее стихи печатались в журналах и альманахах, вышло несколько новых детских книг и сборник «Последние стихи» (М., 1922). Известно, что дружба связала ее с М. Волоши-

ным, который заботился о ней, подолгу она жила в Коктебеле в квартире, расположенной недалеко от дома Волошина. Умерла П. Соловьева в 1924 году в Москве. Могила ее находится среди семейных захоронений рода Соловьевых на кладбище Новодевичьего монастыря.

Стихи П. Соловьевой сегодня исчезли из всех поэтических антологий русской поэзии начала века. Справедливо ли это? Перечитывая ее книги, то и дело встречаешь строки одухотворенные, мимо которых в свое время не прошли А. Блок, И. Анненский, Вяч. Иванов, В. Брюсов и которые звучат и в наше время. Лучшие стихи поэтессы, конечно, снова найдут своего читателя. Эту надежду, кстати, великолепно выразил тот же В. Брюсов, закончивший свою рецензию об «Инее» П. Соловьевой библиофильскими стихами французского поэта Эрнеста Рейно в своем блистательном переводе:

Забывшие певцы! Безвестные поэты!
 Бессчетный черный полк, веки не согретый.
 Лучом известности! У букинистов я,
 В числе календарей и книжного старья,
 Ваш томик разыскав, беру его без торга.
 (О, гробик маленький печалей и восторга!)
 И после, вечером, при лампе, в тишине,
 Как я вознагражден, когда внезапно мне
 Из груди слов пустых с томительной страницы
 Блеснет прекрасный стих, как беглый блеск зарницы!
 С певцом неведомым я в чувстве слиться рад,
 И слезы горькие в моей груди дрожат,
 И в глубь грядущих дней смотрю я горделиво,
 Исправив приговор судьбы несправедливой!

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Филлер. М., 1911; Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Ч. 2, Т. 3.
- 2 Соловьева П. Автобиографическая заметка / Русская литература XX века (1890—1910). М., 1916. С. 165.
- 3 Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 565.
- 4 Брюсов В. П. Соловьева (Allegro). Иней. Рисунки и стихи / Весы, 1905, № 8. С. 55.
- 5 Блок А. Там же.
- 6 Брюсов В. Там же. С. 56.
- 7 Розанов В. Литературный род Соловьевых / Новое время, 1911. 14 апр.
- 8 Анненский И. О современном лиризме.— Аполлон, 1909, № 3.
- 9 См.: А. Блок. Переписка. Аннотир. каталог / Под ред. В. Н. Орлова. Вып. 1. С. 479. Письма Александра Блока. М., 1975.
- 10 Блок А. А. Записные книжки, 1901—1920. М., 1965. С. 309.
- 11 ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. 408, л. 1—8.
- 12 Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке.— В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 325.
- 13 Блок А. А. Записные книжки. С. 269—273.

Анатолий Клышко

ФРАНЦИСК СКОРИНА

Перевод с белорусского и предисловие Константина Ковалева

Полтысячелетия отделяет нас от времени, когда жил этот удивительный человек. Современник титанов эпохи Возрождения, он посвятил свою жизнь одному из самых труднейших предприятий в истории человечества — развитию книгопечатания. Об этом нелегком поприще, ставшем синонимом его судьбы, повествует новая книга белорусского писателя Анатолия Клышко, которая выпущена в Минске издательством «Юнацтва» и называется «Франциск Скорина, или Как к нам пришла книга». Посвятив ее рассказу о судьбах книг, о жизненных перипетиях белорусских просветителей, автор вводит читателя в быт современников Скорины, вместе со своим героем путешествует по городам Европы, прослеживает связи в культурном развитии восточных славянских земель.

Мы не случайно обращаемся к личности Франциска Скорины: интересно знать, как он боролся за свое дело, кто помогал ему, наконец, на какой почве, на какой основе он осуществлял свои грандиозные идеи. В этом смысле фигура Франциска Скорины чрезвычайно многогранна и даже противоречива.

Загадочна и таинственна его судьба. Знаем мы о нем не много. Но, как ни странно, то, что нам известно, еще более озадачивает. Каждый период жизни Франциска Скорины — удивителен и мало имеет отношения к предыдущему. Неожиданные перемены мест. Переезды из одной европейской столицы в другую. Порой он возникает в поле нашего зрения в самых разных странах и самых причудливых ситуациях. Полоцк — Краков — Прага — Падуя — Вильно — Кенигсберг — Познань... Философ, медик, издатель, педагог, переводчик, астроном, купец, садовник... Бесконечные смены друзей и городов, всплеск придворного успеха и горечь безденежья. Его встречали с радостью во многих университетах, ученых кругах. Его изгоняли из столиц. Лютер объявлял его дьяволом. Его сажали в долговую тюрьму. А тем временем он неустанно продолжал набирать шрифты,

оттискивать и редактировать новые рукописи. Все его книги, красочно оформленные, испещрены непонятными знаками и символами. Треугольники, причудливые кресты, «пчелы» и монограммы, замысловатые буквицы окружают его автопортрет. Эта тайнопись, истоки которой неясны в целом, не расшифрована до сих пор, а между тем ею Скорина хотел что-то сказать нам, читателям будущего...

Мы ныне знаем его как выдающегося белорусского просветителя-гуманиста, оказавшего огромное влияние на становление белорусской письменности и формирование литературного языка, как первопечатника, издававшего свои первые книги в возрасте, когда ему было около 30-ти лет. Огромна библиотека, отпечатанная молодым доктором Франциском! Уже этот факт поражает воображение.

Перевод книги Анатолия Клышко публикуется в сокращении.

В Италии, в одном из старейших в мире Падуанском университете, есть знаменитая аудитория, которая называется «Зал сорока». В почетном углу стоит срубленная из толстых досок, обветшавшая от времени кафедра. С нее читал свои лекции Галилео Галилей. Теперь тут установлен бюст гениального ученого.

Стены лекционных залов увешаны памятными знаками — эмблемами, гербами знатных родов. В Падуе чтят память о знаменитых людях, которые здесь преподавали или учились. Есть чем гордиться, ведь такие имена, как Коперник или Галилей, много значат для всего образованного человечества.

На стенах университета — эмблемы...

А в «Зале сорока» — четыре десятка портретов славнейших мужей. Среди них — второй от почетного места, около кафедры Галилея, — Франциск Скорина.

Так, за тысячи километров от родины, в далекой Италии, помнят о великом белорусском первопечатнике.

Именно из рук Франциска Скорины почти пятьсот лет тому назад восточные славяне получили одну из первых печатных книг...

В СЛАВНОМ ГРАДЕ ПОЛОЦКЕ

День 6 марта 1486 года запомнился в Полоцке надолго. Да и не только в Полоцке.

Утреннее солнце, радовавшее весенним теплом, вдруг начало меркнуть. Люди испуганно глядели, как оно все уменьшалось. Не конец ли света наступает? Черная тень быстро набегала на

Прижизненное изображение Ф. Скорины в одном из его изданий

землю. Жители горячо молились: православные крестились двумя пальцами, чиновники, которые только недавно, ради того, чтобы занять должность получше, переметнулись в католичество, на мгновение заколебались — креститься по-новому, пятернею, или по-старому, двумя пальцами. А если все-таки истинная вера — православная? Чтобы не ошибиться, многие обкладывали себя то двумя пальцами, то всей горстью.

Гулко звенели колокола полоцких соборов.

В возбуждении мычали коровы, захлебывались лаем собаки.

Наступила крошечная тьма. И люди почувствовали жуткий страх.

Однако через мгновение солнце выглянуло вновь. И все облегченно вздохнули. Полоцкие католики спешно замахали только одной пятерней. Возвращалась прежняя жизнь с ее хлопотами: католическая вера еще поможет им продвинуться по службе...

Не в этот ли час у жены купца Луки Скорины родился сын? Бабка-повитуха обмывала новорожденного и приговаривала:

Дай, боже, этому дитяте
 Всякую долю узнати:
 И хлебную, и соленую,
 Да еще — здоровую.

Лука неторопливо подхватил: «Дай, боже!»

А бабка все приговаривала над младенцем:

Спи, спи, детка,
 Расти скоро.

Отцу с матерью —
 На утеху,

Другим людям —
 На услугу...

И как в воду глядела. Послужат книги, «выложенные доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка... людям простым к доброму научению».

И как бы в память об этом дне на гравюрах будущих книг будет встречаться символ — солнечный диск, чуть заслоненный полумесяцем...

Обмывши дитя, бабка приложила к его пяткам клочок бумаги. Бородатый Лука, увидев, только замотал головой: «Где ж ты ее раздобыла, старая?» (Бумага тут была еще в диковинку и стоила дорого.) А бабка, склонившись, тем временем приговаривала:

Пусть будет ученым молодцом.
 Пусть будет в батьку — купцом!

Иллюстрация из книги А. Клышко «Франциск Скорина»
Художник М. Байрачны

Лука усмехнулся. Потом угостил старую липовым медом, дал круглый, как солнце, каравай хлеба, а в карман опустил серебряную монету.

«ПУСТЬ БУДЕТ КУПЦОМ!..»

Занятие купца требовало основательной подготовки, в некотором роде — образования. Как отмечают исследователи, купцу в те времена следовало изучить все рынки, расположенные на протяжении нескольких недель пути, знать условия и традиции торговли в разных городах: какую плату берут за провоз товаров, на каком рынке какой товар наиболее ходок, где каким товаром торгуют поштучно, а каким — оптом... Купец должен уметь на глаз различать сорт хлеба, сукна, рыбы, меха, воска, стекла, свинца и меди. Должен по запаху определять разные вина, приправы, ароматические коренья, уметь так упаковать в дорогу товар, чтобы, например, не заплесневел хлеб, не протухла рыба, не сгнило мясо, не скисло вино, не завелась в мехах моль.

Купец должен разбираться в приметах погоды, хорошо ориентироваться по сторонам света. Зарубкам на стволах деревьев не очень доверяли; их могли сделать разбойники, чтобы завести обоз в топь.

Купец должен владеть несколькими языками, ведь ему нужно быстро сходитьсь с незнакомыми людьми, добиваться их расположения и доверия.

Купец должен досконально изучить все системы мер: длины — сажень, локоть, ладонь, стопа, шаг, топорище; объема — бочонок, туюсок, горшок, кварта или кружка, ларец, медница, соломенник; веса — камень, глаз... и так далее, и так далее. Притом одно и то же название в разных местностях часто означает совсем иную меру. Должен разбираться в денежных знаках, уметь перевести одни в другие: талеры — в дукаты, пистоли — в реалы или дирхемы, должен уметь быстро производить разные расчеты; не только на бумаге, но и в уме.

Кроме всего — ему нужно быть смелым, сообразительным, уметь выходить из сложных положений. Ведь каждая поездка — риск. Дороги неухожены и в плохую погоду могут стать непроезжими, прочный мост может оказаться размытым водой, а в такой лесистой стране пути-дороги за полгода могут даже зарости кустарником. Частые стычки между феодалами, нападения разбойников, грабежи на постоялых дворах — все могло свести на нет его усилия...

В Великом княжестве Литовском после столичного Вильно Полоцк был вторым городом.

Вторым? После Вильно? Это внушите кому-нибудь другому, только не деду Франциска. Тот никому не мог уступить первенства Полоцка.

— Вильно, конечно, город великий, ничего не скажешь,— задумчиво говаривал дед Михайло.— Но кто старше? Про Вильно только, может, лет двести, как начали говорить, когда из него столицу сделали. А про Полоцк уже шестьсот лет слава гремит... О нем в «Слове о полку Игореве» говорится, о нем, как сказывали, в скандинавских сагах упоминается... Если бы не эти крестоносцы да тевтонцы—они же как второе нашествие орды,—если бы не они, наш город и теперь самым большим был бы тут...

С этим, видимо, и Франциск мог частично согласиться. Полоцк на самом деле—один из древнейших городов восточных славян. Когда-то был центром мощного Полоцкого княжества, об этом Франциск уже знал.

Город стоял на Полоте-реке, мимо него протекала Западная Двина. И расположился он на великих торговых путях, ведь рядом проходила знаменитая дорога «из варяг в греки».

Как память о прежней славе с одиннадцатого столетия возвышается Софийский собор—главное строение города. Полоцкая София, говорили, третья сестра Киевской и Новгородской.

— Третья?—не очень соглашался дед.—А может, внучек, вторая. Ее вместе с Новгородской начали, а то и на год раньше. Только закончили немного позднее.

Дед рассказывал Франциску, что возводил собор князь Изяслав, дабы показать: Полоцк уже равен Киеву и Новгороду. Он поведал, как некогда здесь принимали заморских послов, как объявляли войну и мир... В этом соборе хранилась княжеская казна. Тут, говорил дед, была знаменитая библиотека и составлялись летописи...

Особенно интересной фигурой в дедовских рассказах был князь Изяслав или, как его называли в народе, Чародей. Когда-то он захватил Новгород и свез в Полоцк колокола Новгородской Софии. Франциск перебил деда: разве это хорошо—красть? Но дед не очень-то смутился:

— А ты думаешь, новгородцы на полочан не ходили? В старину, внучек, всякое бывало. И брат с братом воевал. Вот как вы с Иваном. То лучшие друзья, то вас не разнять...

И дед продолжал свои истории. Рассказывал о междоусобицах, о том, как киевляне, восстав, выбрали Изяслава великим князем и как он, прокняжив там с полгода, сбежал в родной Полоцк.

Буквицы из книг Ф. Скорины

Невероятные легенды о князе Чародее поражали Франциска. Говорили, что князь мог обратиться в волка. И тогда рыскал ночью по дорогам. А ранним утром оборачивался туманом и белым облаком,—неведомая сила переносила его с места на место. Люди думают, что он в Полоцке, а он уже—в Киеве. Только его там увидят, а он уж прохаживается по Новгороду.

— Разве так бывает?—вырвалось однажды у Франциска.— Он что—был необыкновенным человеком?

— А про обыкновенных, внушек, легенд не рассказывают,— хитровато усмехнулся дед. И непонятно было, верит он сам, что князь Изяслав оборотень, или не верит...

Рассказы постепенно возвращались к современности. Знакомый герб, который Франциск частенько видел на указах прежнего полоцкого князя Глеба Гедиминовича—всадник на коне с мечом в руках,—стал теперь гербом великого князя Литовского.

Последние столетия полочанам и их соседям—ливам, латгалам—приходилось вести непрерывные войны с немецкими рыцарями, которые залили кровью земли Прибалтики, захватили устье Западной Двины, zaloжили крепость Ригу и преградили полоцким купцам всякий доступ к Балтийскому морю. Правда, разбитые не без помощи полочан Александром Невским на Чудском озере, а позднее под Грюнвальдом, они теперь не вели себя так воинственно, но все равно чинили разные препятствия.

Дед Франциска до сих пор не мог спокойно рассказывать внуку о том, как однажды рижские власти забрали коней у него и других полоцких купцов, и пришлось им возвращаться домой пешком. Но тогда и Полоцк не остался в долгу—объявил, что конфискует все товары немецких торговцев...

С тех пор и повелось: как только рижане не пропускали полочан к морю, полочане сразу же запрещали немецким купцам

проплывать дальше, все товары им приходилось сбывать в Полоцке...

Ежегодно тут открывались три больших ярмарки. Каждая растягивалась на две недели. Особенно грандиозная ярмарка устраивалась после рождества, на водосвятие.

...Кругом пролегли проезжие дороги, неровные и размытые — весной, пыльные, ухабистые — летом. Снег заравнивал ямы, мороз затягивал болота, перекидывал через реки и озера мосты.

С разных сторон в город съезжались купцы. Их длинные обозы — по двадцать-сорок саней каждый — везли разнообразные товары.

Дорогие соболиные, горностаевые, песцовые шубы вез Новгород, московские купцы вдобавок к этому припасали многосортное сукно, славное тонкое полотно.

С юга подвозили кули ослепительно белой соли, пузатые бочки с вином, сушеный виноград, уйму всевозможных лакомств и приправ — грецкие орехи, миндаль, шафран, гвоздику.

Из Риги по замерзшей Западной Двине привозили немецкое пиво, сельдь, фландрские и английские шерстяные ткани, голландское и вестфальское полотно, железо, олово, искусные женские украшения из золота, серебра, янтаря.

Едва появлялся в городе обоз, как тут же около саней начинали вертеться полоцкие носильщики, принимались перетаскивать и складывать товары во дворах или у церкви.

С обозами прибывала в Полоцк всякая новизна: слышались чужестранные слова, витали незнакомые запахи, мелькали непривычные цвета... Дальние страны манили Франциска. Ему вспоминалось, как вместе с отцом плывал он в Ригу и ночевал у знакомых полочан, которых много проживало в предместьях далекого города, — они заселили там целую слободу.

На улицах Риги раздавалась немецкая речь — речь пришельцев. И только изредка звучал язык ливов — коренного народа, жившего тут.

Непривычно было Франциску слышать, как ливы и латгалцы (предки нынешних латышей) произносят известные ему слова — «купец», «торг», «безмен»... Оказывается, вместе с воском, мехом и льном плыли за границу и славянские слова.

Задолго готовились к ярмаркам полоцкие купцы и ремесленники. Давно дожидались воск, мед, зола, деготь, смола, лен, конопля... Какие только меха и шкуры не запасались в окрестных лесах! Барсучьи, беличьи, бобровые, волчьи, заячьи, куны, лисьи, лосиные, медвежьи, оленьи...

Какую только посуду не лепили полоцкие гончары — миски, тарелки, жбаны, разные горшки, крынки, хлебницы, кубки, чашки, солонки...

А какой был тут выбор посуды из дерева — большие и малые кадки, бочки, дуплянки, ведра...

Каких только изделий не выставляли полоцкие кузнецы и ювелиры — от сошников, кос, складных серпов до серег, перстней и браслетов — кованных, чеканных, литых, тисненых, штампованных...

Ни одна ярмарка не обходилась без перебранки, а то и драки: кто-то кому-то чего-то недодал, недосыпал, недолил, кто-то кого-то обсчитал, обвесил, обмерил. Рижский купец, продавая сукно, частенько называл длину, которую на самом деле не содержал моток. Или, например, селедка лежит на бочке: сверху посмотришь — любо-дорого, а внизу — гнилая да мелкая...

Полоцкие купцы тоже бывали не чисты на руку. Кое-кто в тюк с меховыми товарами запихивал изношенные лапти, в воск намешивал сала или смолы, а после — под цвет — гороховой или желудевой муки. А то еще насыплет песку, камней наложит или ржавого железа — лишь бы весу было больше.

Зная об этом, рижский купец долго выстукивает круглые куски воска, а иногда прокалывает их насквозь.

На воск особый спрос, ибо из него делают свечи, и его во множестве закупают европейские костелы. Немцы с большой прибылью перепродают полоцкий воск всей Западной Европе.

Материал легкий, не портящийся и всегда всем нужный — воск был даже своеобразной денежной единицей Полоцка.

Не желая иметь никаких нареканий на этот товар, городские власти изготовили большую топильную печь и начали организованную переплавку, после чего отлитый воск — штемпелевали.

Франциск любил рассматривать эти вытисненные на воске знаки. Его вообще привлекали все надписи. В них, как ему казалось, было нечто таинственное.

В окрестностях Полоцка с незапамятных времен лежали камни с высеченными на них шестиконечными крестами и словами: «Г<оспод>, помози рабу своему Борису».

Про эти камни ходили разные слухи. Говорили, что древний полоцкий князь Борис выбил эти кресты в голодные годы, прося у бога хлеба. И будто бы до сих пор на этих камнях ранним утром находят свежесвеженный хлеб.

Юному Франциску захотелось проверить легенду. Вот если бы у полочан, думалось ему, стало много-много своего хлеба... Не нужно было бы тогда покупать привозного...

Полоцкая земля пустая, песчаная, родит слабо. Частенько хлеб привозили сюда из Прибалтики, из Риги.

Встав пораньше, Франциск украдкой выбрался за городские ворота, босиком побежал по прохладной росе. Издали увидел: взаправду, вон она — целая буханка хлеба. Подбежал, разгорячен-

Иллюстрация из книги А. Клышко «Франциск Скорина»

ный... Нет, обычный камень. Сколько ни приходил после — ни разу на камнях не видел хлеба.

Хлеб рос только в поле, которое приходилось отстаивать у леса, обрабатывать, засеивать отборным зерном, чтобы получить сносный урожай...

А про «Борисовы камни» один монах позднее рассказывал ему так. Некоторые полочане еще долгое время после принятия христианства оставались язычниками. Не богу Иисусу молились, а Полоте-реке, Двине, окрестным камням. И тогда выбил Борис на камнях кресты: молясь своим поганым богам, все равно будете молиться моему...

Особенно тянуло Франциска в мастерские, где отливали или выбивали всякие узоры и надписи.

Часами любил он простаивать в плавильнях и литейнях. Следил, как в круглодонных тиглях расплавляли металл, как заливали им каменную форму, охлаждали, а затем, вынув из формы, наводили окончательный блеск. Трехбисерные серьги, перстни-печатки, медные иконки с ликами святых по обеим сторонам, иногда даже с надписями.

Франциска очень занимали эти гравированные надписи. И однажды он решил изготовить себе печатку. Взял толстую сосновую кору, выстругал ровную дощечку и начал аккуратно вырезать на ней буквы: выковыривал ножиком углубления, чтобы образовались выпуклые очертания. Работал он долго, медленно. Особенно тяжело давались закругления. Как назло, чуть ли не все буквы в его фамилии — из одних закруглений. Наконец, работа закончена. Франциск взял из печи сажи, смешал с жиром и густо намазал печатку.

На чем бы оттиснуть свою фамилию?

На печи? Вот обрадуется мать, что сын умеет не только хорошо писать, но, как князь, имеет свою собственную печать...

Тут взгляд Франциска упал на тонкую белоснежную скатерть. Вот на ней и отпечатаю свое имя, утешился хлопчик. Пусть каждый знает, что эта скатерть — Скорины. Недолго думая, он подошел к столу, приложил печать посередине, сильно прижал ее всей рукой, чтобы отпечаток получился пояснее, а потом неспеша оторвал, боясь размазать надпись.

И — какой ужас! — вместо красивых букв на скатерти проступили некие невразумительные знаки, похожие на те, которые он выводил, когда учился писать. «С» повернулась спиной, у «Р» кружочек оказался слева. Из всей надписи только «О» да «Н» отпечатались правильно.

И это на скатерти!.. Что будет, когда вернется отец? Хорошо, что его сейчас нет дома, уехал в Вильну... Но ведь и мать за это по головке не погладит. Что же делать со скатертью? Как спрятать

надпись? Прикрыть куском хлеба? Все равно за ужином заметят. А что, если перевернуть скатерку другой стороной?..

Франциск быстренько перевернул — и...

О чудо! Посреди стола теперь изящно красовалось по-старославянски выписанное — учитель всегда хвалил Франциска за письмо — слово СКОРИНА.

* * *

Старый мастер Степан Станюк, которому мать Франциска рассказала про испорченную скатерть, в очередной раз подарил хлопчику кусок доломита:

— Так и быть, вырезай форму, отольем тебе печатку настоящую, медную. Знаешь, как нужно вырезать?

— Теперь знаю! — глаза у Франциска загорелись. — Нужно все буквы вырезать наоборот, — уверенно, как хорошо выученный урок, выговорил Скорина.

— А если отпечатать затем на бумаге, то как будет? — старый Станюк хитровато глядел на Франциска.

— Наоборот, — выпалил тот и сразу же смутился, так как понял, что снова оплошал. И, испугавшись, как бы мастер не передумал, быстро затараторил:

— Знаю, знаю... На камне нужно вырезать так, как пишешь, тогда печать отольется со знаками наоборот. А как стукнешь ею по бумаге, то там уж буквы отобьются правильно.

— Вот теперь ты молодчина, — похвалил Станюк и добавил: — Можно тебя уже из учеников в мастера переводить...

Вечером, когда отлили печатку, Франциск, запыхавшись, прибежал домой. Вынул кусочек бумаги, взял свечу, над пламенем нагрел печать и стал отбивать: Франциск Скорина, Франциск Скорина, Франциск Скорина... Слова ровненько укладывались в ряды.

«Вот если бы Кукша увидел», — подумалось хлопчику.

Кукша, монах Спасова монастыря, был самым первым наставником Франциска. Он так хорошо рассказывал про Евфросинию Полоцкую, внучку Изяслава Чародея, просветительницу, как будто сам ее знал.

«Вот какая была женщина!» — поражался он.

Кукша взволнованно рассказывал, как юной княжне, двенадцатилетней Прадиславе, надоели войны, что вели между собой Полоцк, Киев, Новгород, — войны, в которых воевали не вражеские земли, а братские. По княжеской прихоти лилась безвинная кровь простых людей. И Прадислава ушла туда, куда только и могла уйти от отца-князя — в монастырь.

Там она взяла новое имя — Евфросиния и занялась переписыванием книг. Складывала полоцкие летописи, писала стихи,

переводила с греческого языка. Построила небольшую школу. А какую библиотеку собрала! Ну, а после забрала к себе свою младшую сестру Гориславу и троюродную Звениславу.

Кукша как-то провел Франциска по лестнице на хоры, показал расположенные рядышком две маленькие кельи. В одной из них некогда жила Евфросиния, а в другой — одна из ее сестер. Возможно, что здесь они и переписывали книги...

Раньше переписывал их и Кукша. Подолгу сидел над отделкой и украшением книжных страниц. Он посвятил Франциска в тайны синих, зеленых и красных чернил... Теперь он почти не видел. Все прикладывал липовые листья на веки, думал, откроются глаза. Но они так и не открылись... Нищенствует, собирает по округе деньги на церковные нужды...

Франциск и не заметил, как целая страница оказалась заполненной ровными рядами. И так быстро — даже сам удивился. Целая печатная страница!

Отец, обратив внимание на сына, который что-то делал на столе, оторвался от расчетной книги: чем это он занимается? Подошел к столу, взял в руки листок.

— А ты знаешь... Бывают такие книги, не писанные от руки, а печатные. По две страницы сразу вырезают на доске и печатают. Только тоненькие эти книжечки, страниц, может, в двадцать. И не на нашем языке...

Франциск с любопытством ловил каждое отцовское слово:

— Правда, говорят, есть и толстые книги неписанные. Но их по-другому изготавливают. И их, как рассказывают, немцы печатают...

— А как? — нетерпеливо спросил Франциск.

— Этого я не знаю, сынок. Держут в секрете. Великая это загадка...

* * *

Школьных учебников тогда не было, обучали детей в школах при церквях по рукописным книгам. Обычно то были «Часослов», «Псалтырь», «Апостол». Переход от одной книги к другой отмечался как праздник: ученик приносил в школу горшок сваренной пшеничной каши. Ее заливали медом, а сверху еще насыпались блестящие монеты. Учитель в этот день не так дотошно выпрашивал «зады» (пройденный материал) — медовый запах не давал покоя его полупустому желудку. Учителя издавна были людьми небогатыми. Про таких частенько говорили: «У его рогатой скотинки только то, что бегаёт по спинке...» — это значит, что ничего у него нет, кроме тараканов в избе... Наконец, учитель, по обычаю, снимал монеты и доставал ложку. Тут же все ученики садились за стол и дружно уплетали кашу. Затем пустой горшок

Иллюстрация из книги А. Клышко «Франциск Скорина»

выносили на середину двора и кидали в него палками, пока от точного попадания он не разбивался вдребезги. Потом весь день бегали наперегонки, играли в прятки. Как тут не радоваться ученикам: занятия на целый день отменялись.

Родители Скорины поднесли учителю подарок: отец дал сукна, мать — полотенце. Они вручили подарок и сыну, который с этого дня как бы переходил, говоря современным языком, в следующий класс.

* * *

Настало время подумать Франциску о дальнейшем обучении. Он уже знал, куда поведет его дорога. В Краков, столицу Польского королевства.

В славянских государствах тогда существовало два университета — в чешской Праге и в польском Кракове. Краков был ближе... Да к тому же университет немного обжит полочанами: с 1500 года каждую зиму ехал туда новый полоцкий школяр.

Но для того чтобы учиться в Кракове, требовалось досконально знать латынь. В православных же церковных школах изучали старославянский. Франциску пришлось обратиться к монахам-бернардинцам. Как раз незадолго до того они основали в Полоцке свой монастырь и открыли при нем школу.

В те времена латинский был основным письменным языком для Западной Европы, так же как старославянский — для восточнославянских народов. Латынь обязан был знать на Западе каждый, кто хотел быть образованным человеком.

В школах Западной Европы издавна старались всячески приобщить к латыни своих питомцев. Учитель, например, поручал одному из учащихся тайно, чтобы об этом не знали другие, доносить, кто из воспитанников не употребляет в обиходе латынь. Доносчик записывал всех говоривших на родном языке, и виновников ожидала хворостина.

Были и другие наказания. Ученику, который несколько занятий не заучивал заданного, на шею вешали деревянного «осла».

И он не имел права снимать его, пока не уличал кого-нибудь в том, что тот не говорит по-латыни. «Осел» переходил на другую шею. Но если за сутки несчастному не удавалось избавиться от «осла» таким способом, его ждала порка.

Раз в году вся школа под звуки трубы и стук барабанов уходила в лес заготавливать впрок розги для подобных наказаний...

Итак, зимой 1504 года мы уже можем встретить Франциска Скорину

В КРАКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Мы не знаем, как он туда добирался. По-разному приезжали студенты к месту учебы.

Одни — в шикарных каретах, со звенящими бубенцами. Дороги безлюдны, селение от селения — далеко, подчас надо трястись сутки и более, чтобы встретить на пути жилье... Быстро мчат кони, запряженные пугом. Это княжеский или дворянский сынок спешит со своим слугою. А ежели он еще совсем юн, то его сопровождает опекун.

Другие шли пешком — подвяжут к поясу чернильницу, подвешат кувшин через плечо, а в руках — на всякий случай — крепкая палка.

Дороги в те времена были беспокойные. Вокруг непролазные чащи. Приходилось пробираться сквозь глухие дебри, где нередко можно было повстречаться с медведем, туром или волком. Не раз доводилось переплывать, держась за бревно, широкую реку. Ночевать в застрехах, в стоге сена или у костра на берегу реки, питаться только что пойманной рыбой или испеченной на углях картошкой. Нет, извините, картошку еще тогда не знали. Христофор Колумб только плывет к восточным берегам Центральной Америки.

Люди еще убеждены, что Земля наша плоская и держится на трех китах. Только через пятнадцать лет отправится Магеллан в свое кругосветное путешествие и впервые докажет человечеству, что наша планета — шар...

Принимают в университет круглый год. Для этого не установлен какой-то специальный день. Можно даже на некоторое время прервать учебу, чтобы подработать и поправить материальные дела, — а затем учиться дальше.

Известно, что веселей, да и надежней пускаться в дорогу вдвоем, втроем. Некоторые отправлялись на учебу, присоединившись к купеческому обозу. Наверное, именно так и добирался до Кракова наш Франциск, сын полоцкого купца.

В университет принимали с 14 лет. Вместе с безусыми юнцами бок о бок учились уже солидные мужчины. Был случай, когда одновременно обучались отец и сын...

Франциска сильно поразил своими высокими каменными зданиями, многочисленными башнями старинный Краков, без малого в три раза больший, чем его родной Полоцк. Могучие оборонительные сооружения. Королевский двор... Искрилась на солнце голубая Висла, будто бы родная Полота.

Краковский университет славился своими выдающимися учеными-астрономами, математиками. Из половины европейских стран стекались сюда недавние школяры. Особенно много — из

Венгрии, Германии, Чехии. Среди записанных в 1504 году одновременно с Франциском студентов 150 были иностранцами.

Студенты привносили в жизнь университета обычаи своих народов. Куда только судьба не бросала позже Франциска! И в том, что он быстро осваивался в чужих краях, находил себе друзей среди незнакомых людей, большую роль сыграла его университетская жизнь.

Популярен университет был еще и своими демократичными порядками. Половину питомцев составляли дети ремесленников и торговцев, сельских детей обучалось тут почти десять процентов, что кажется невероятным, если вспомнить традиции тогдашней феодальной Европы. Студентов насчитывалось около трех тысяч — не очень много. В Пражском университете, например, училось в то время семь-восемь тысяч человек.

В университете Франциск, видимо, попытался отыскать среди студентов или преподавателей земляков. Они нужны, чтобы расспросить про здешние порядки. И, может быть, Франциск встретился со студентом-полочанином и получил все необходимые и точные сведения...

Пока Скорина оформляется в университет, мы с вами обсудим одну проблему, касающуюся его имени:

СКОРИНА—ФРАНЦИСК ИЛИ ГЕОРГИЙ?

В некоторых современных книгах и статьях, посвященных Скорине и опубликованных лет двадцать-сорок назад, можно было встретить такое написание его имени — *Георгий*.

В старинных документах это его имя встречается лишь однажды — в грамоте польского короля Сигизмунда I за 1532 год. Сам Скорина называл себя в книгах только Франциск или Францишек. Можно насчитать не менее 115 материалов — печатных изданий Скорины, официальных документов, грамот, записей, где пишется только *Францишек* или *Франциск Скорина*. Поэтому многие исследователи рассматривали имя Георгий как ошибку переписчика, который латинское «эгрэгиус» (высокочтимый) принял за «георгиус» (Георгий).

Высказывалась мысль, что Францишек — новое католическое имя Скорины, взятое им потому, что студентами Краковского университета якобы не могли стать люди не католического вероисповедания. Скорине будто бы пришлось перейти из православной веры в католическую и переменить имя.

Эта легенда широко укрепилась лет сорок тому назад. Скорине как бы вернули его истинное, незаслуженно забытое имя.

Но даже если бы это и было так, все равно нельзя писать Георгий Скорина, потому что такого печатника не было. Книги издавал Франциск Скорина.

Исследователи в конце концов обратили внимание на правильность написания имени белорусского первопечатника, и было решено писать впредь Франциск Скорина, а в полном виде давать так: «Франциск (Георгий) Скорина», не отбрасывая целиком возможность существования другого имени.

Между тем в последнее время белорусский ученый Степан Александрович, поднявший материалы архива Краковского университета, засвидетельствовал, что одновременно со Скориной здесь учились десятки Георгиев. Даже на той странице, где записан Франциск Скорина, встречаются фамилии других студентов с именем Георгий. Отсюда следует, что имя это было обычным, и менять его у Скорины не было оснований.

Но пока мы говорили об именах, Франциск Скорина — уже студент! — выходит из дома. В дверях, на ходу, пересчитывает деньги, оставшиеся в кошельке. Поступившим требовалось внести восемь грошей.

Дворянские и княжеские сынки, богатые шляхтичи над этим не задумывались. Частенько, они платили и большие деньги, чтобы показать свою родовитость и зажиточность. А остальные?

Из пяти юношей, приехавших из Белоруссии и записавшихся в университет зимой 1504 года, только один князь Павел из Гродно заплатил нужную сумму. А Викентий из Слуцка, Георгий из Волковыска, Николай из Ошмян — не смогли.

Франциск, между прочим (об этом говорят найденные документы), внес в четыре раза меньшую плату — два гроша. И можно догадаться, что достаток Скорины был невелик, хлопцу пришлось сослаться на свою бедность, чтобы ему уменьшили вступительный взнос.

Велика ли плата — два гроша? Решайте сами: за один — в те годы можно было купить 32 яйца или целого гуся. Два гроша стоила хорошая обувь.

Важно было знать студенту, занесена ли в университетские бумаги точная дата поступления. Ибо проучившийся два года мог сдавать экзамен на звание бакалавра искусств. Если же вдруг выяснялось, что записи о поступлении нет, то студента не допускали к экзамену.

Но вот имя занесено в университетские списки, и студент направляется в бурсу.

Уже тринадцать лет, по специально утвержденному университетскому распорядку, студентам было запрещено останавливаться на частных квартирах. А раньше это было не таким уж редким явлением. Ныне вне стен университета жили только

сынки богатых панов, родом из Кракова или его окрестностей, да еще те, у кого были в городе родственники.

Университетское начальство стремилось держать в поле зрения каждого воспитанника.

Упомянутый выше князь Павел в бурсу, куда теперь направляется Скорина с друзьями, не пошел. С разрешения ректора он может нанять частную квартиру, но обязан поселить у себя преподавателя. А хозяин квартиры должен, кроме того, поручиться за студента.

Правда, старшекурсник — новый друг Скорины — шутит: через год и князь будет жить в бурсе.

Не раз уже такое бывало. Частенько студент-богатея, проживая на квартире, сам спивался и спаивал своего доглядчика, и первой же карой было — переселение в бурсу...

Франциску и его товарищам конечно же пришлось сшить себе специальную форму, как того требовал статут. Брюки, черный или красный кафтан с рукавами, сверху — длинная туника, застегивающаяся у подбородка. Шили ее из черного, коричневого или серого материала, толстого или тонкого, в зависимости от времени года. А зимой еще и с подкладкой.

Без такой одежды в бурсу не принимали.

На углу тогдашних Висленской и Голубиной улиц стоял этот дом — бурса для бедных. Сюда и привел Скорину полоцкий старшекурсник.

В бурсу требовалось первоначально внести 60 грошей и платить еженедельно по два гроша за ночлег и стол. Еще один грош полагался начальнику бурсы. Только тогда студент мог рассчитывать на место в ней.

* * *

Потом Франциск пошел вместе со старшекурсником осматривать город. Земляк-полочанин Михаил Тиханчук вводил Скорину в жизнь великого города.

Краков был польской столицей. Сюда приезжали иностранные послы из Чехии, Венгрии, Турции, Италии. Городские власти следили за тем, чтобы все в городе выглядело пристойно. Ремесленники, например, не имели права выйти из дому босиком, показываться на улице в коротких штанах и без головного убора.

Франциск со вниманием слушал своего товарища, а тот рассказывал о потешных сценках, которые иногда случались в городе.

Скажем, в теплый солнечный день, вопреку в трех шубах, — надо же показать свой достаток, — тяжело шествует по улице вельможный краковский богатея. Он, конечно, рад бы снять эти

меха, к тому же и солнце печет сильно, но скинь одно или другое — и ты как бы сразу же переходишь в иной клан...

Одежда свидетельствует о благополучии. Городские надсмотрщики усердно следят, чтобы горожане не одевались лучше, чем позволяет им их положение. Не дай бог, если какая-нибудь горничная наденет шелковое или атласное платье, даже если и сможет купить его на собранные за долгую службу деньги. Щеголять в шелку да в атласе могут только жены членов городской рады. Ремесленник и его семья не должны носить драгоценные украшения. Сие дозволяется богатым купцам и их женам. Однако и для купцов есть свои ограничения. Воротники их пальто не могли быть шире шеи, а полы одежды — спадать на землю больше, чем на два пальца...

Когда Михаил сказал, что здешним портным запрещено носить дорогое платье, дабы не было у них повода красть материал у клиентов, Франциск засмеялся: «Не мешало бы то же самое и в Полоцке завести...»

Существовали в Кракове и другие своеобразные обычаи: запрещалось убивать котов и собак. Виновный платил штраф или нес другое наказание.

Поразила Франциска на рынке сметка краковских купцов. Лавки у них были устроены так, что покупатель не мог выйти, не оглядев все товары. Знали нравы покупателей: частенько берут то, чего не надобно...

Однако настоящим студентом для своих друзей новичок становился не тогда, когда его заносили в списки и зачисляли в бурсу, а когда он проходил специальный обряд «отряхания».

Вот как описывают этот обряд польские историки.

Новичка одевали в замысловатый костюм, один вид которого вызывал смех. Несколько студентов, имитируя овечье блеяние, вталкивали юнца в комнату, которая на время превращалась в «баню желторотых». Тут подбегала группа студентов-старшекурсников, они начинали «приводить в порядок» бывшего школяра: одни причесывали его, другие «отпиливали рога» третьи «отрезали уши», четвертые тут же учили латыни. Крик, шум, гам... Каждый проявлял свою фантазию, вытворяя над «желторотым» разные проказы...

Скажем, новичку подносили бумагу, перо и чернильницу, чтобы он показал свое умение владеть грамотой. Ученик старательно пытался открыть чернильницу, чтобы обмакнуть перо. Все заходились от смеха, потому что знали: она была цельной и не открывалась. Посвящаемый, не ведая того, старался изо всех сил.

Под конец кто-нибудь делал вид, будто нашел письмо несчастному от его матери, и читал его вслух. Речь в нем шла якобы о том, как она переживает: где-то ее дитячко бедует, кто ж

теперь ее малому сыночку колыбельную на ночь споет и т. п.

В заключение, недавний школяр благодарил за только что полученную науку и присягал: никогда и никому не мстить за насмешки над ним. Под конец брал слово один из старшекурсников и давал наказ вновь принятому в студенческий круг:

«Если тебя даже будут варить в смоле, не рассказывай того, что делается в университете...»

Дело одного пусть будет делом всех. Последним куском хлеба делись, последней рубахой...»

Затем веселой толпой шли к накрытому новым студентом столу.

С этого момента он был как брат среди братьев в большой студенческой семье.

Довелось пройти через этот обряд и Франциску.

Если посмотреть со стороны, то эти «отряхания» — одно баловство. Но была в них и первая жизненная школа для новичка: он учился ради более значительных вещей выносить насмешки и даже издевательства окружающих. Франциска ждет еще множество житейских испытаний...

Главным в бурсе считался провизор, он заведовал хозяйством. Жил он не в бурсе. А человек, который непосредственно подчинялся провизору, для бурсаков был наиглавнейшим. Он жил в бурсе. Он мог вызвать к себе любого и днем и ночью, размещал новичков по комнатам, определял место за обеденным столом. Он же закрывал бурсу на ночь, а ключи хранил у себя.

Если кому-нибудь надо было на время отлучиться из бурсы — некоторые студенты зарабатывали на жизнь репетиторством в богатых семьях, — ему необходимо было получить разрешение начальника. У начальника отпрашивался и тот, кто отправлялся побираться. Да — побираться. Для студента это не считалось особым грехом. Некоторые из них, дабы не терять зря времени, сразу шли к усадьбе, где воспитывались королевские дети. Ксендз-воспитатель, высунувшись из окна, задавал школярам-попрошайкам вопросы, чтобы убедиться, что пришли именно студенты. Если отвечали слабо, неуверенно, то ксендз мог назвать их нищими и отказать в милостыне. Поэтому в компании должен быть хотя бы один хороший студент, пусть даже не совсем бедный, но который мог бы выручить всех остальных. Когда ксендз убеждался, что перед ним все-таки настоящие студенты, он выпрашивал, кто в чем нуждается. Один показывал на локоть или колено, где протерлась материя. Другой — на свой ботинок с отклеившейся подошвой, который не меньше своего хозяина «хотел есть». Наконец, выходила служанка с большой миской, и голодные могли биться об заклад, что вкушали еду с королевского стола.

* * *

Потекли похожие один на другой студенческие будни.

Летом занимались по десять часов: с четырех утра до четырех вечера, с перерывом на два часа — с восьми до десяти. Зимой занятия начинались в шесть часов утра, в сущности, еще ночью, при свечах, а кончались в три часа дня.

Лектор поднимался на кафедру, разворачивал книгу и начинал читать. Он читал, кое-где останавливаясь, чтобы разъяснить отдельные места.

Все области знаний делились в то время на искусства и науки. К наукам относились богословие, право, медицина. А всех искусств, или, как их еще называли, свободных наук, было семь: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Эти семь предметов считались основой всех других наук. Каждый, кто поступал в университет, сперва обязан был усвоить их на факультете свободных наук или, как его позднее стали называть, философском. Здесь учились пять лет. После чего студент мог продолжать образование на одном из трех других факультетов — богословия (теологии), права или медицины.

Основная нагрузка ложилась на память, она решала все. Заучить, зазубрить, запомнить — вот чем был озабочен студент средневекового университета. «Столько знаем, сколько помним», — говорили еще в Древнем Риме. И студенты как могли развивали, тренировали память. В университетах издавался даже приказ, чтобы профессора не диктовали свои лекции. Пусть студенты схватывают все с лета, на слух. Диктовать позволялось только по праздникам, когда и студенческая память может поослабнуть.

После лекции знания студента проверялись. Проводились собеседования, так называемые коллоквиумы, где студент демонстрировал свои знания и умение пользоваться ими.

И — повторение: ежедневное, еженедельное, ежемесячное, особенно в конце года. Ибо, как в том же Древнем Риме говорили: «Повторение — мать учения».

Каждую субботу организовывались диспуты. В большом зале собирался весь факультет. Брал слово магистр и предлагал на обсуждение некую мысль, выступали и участвовали в споре преподаватели и хорошо подготовленные студенты-бакалавры (те, кто проучился в университете не менее двух лет и сдал специальный экзамен).

Диспуты были неплохой школой. Если учесть, что книг нехватало, студент в таких спорах несомненно мог почерпнуть много нового и одновременно учился отстаивать собственное мнение.

Разговаривали в университете на латыни. Изучению ее, как уже говорилось, уделялось особое внимание.

Церковь воспринимала университет как своего рода монастырь. Все тут было заранее расписано, рассчитано. День начинался и кончался звонком. С ним вставали, шли молиться, завтракали, обедали. По звонку шли на занятия. Звонком собирал на диспуты и бурсацкие суды. Со звонком ложились спать. Один день был похож на другой.

В бурсе жили и тут же столовались. Питаться вне стен бурсы не дозволялось. Ели два раза в день: в одиннадцать завтракали, а в шесть вечера обедали. Во время еды садились за общий стол, приносили свои ложки и ножи. Начальник бурсы занимал главное место и получал двойную порцию. А около него уже рассаживались другие — в зависимости от своего ученого звания или от того, как долго учатся.

Перед едой и после нее читали короткую молитву. А чтобы бурсаки — народ шумный — во время еды не пускались в разговоры и не затевали драк, по очереди их вызывали на специально отведенное место, где читали священное писание.

Двери в бурсе закрывались летом через час, а зимой — через три часа после захода солнца. Не всех бурсаков это устраивало. Хотелось еще заскочить на рынок. Там, прохаживаясь между прилавками, делая вид, будто собираешься что-то купить, можно было отведать разные лакомства. Вечный горох, похлебка да каша, которыми кормили в бурсе, порядком-таки надоедали.

Какому-нибудь торговцу требовались рабочие руки — разгрузить или перенести товар. И глядишь — в кошельке позванивает новенькая монета, которая подчас спускалась тут же, по дороге в бурсу. Как раз на Висленской улице, где жили бурсаки, находился трактир пана Яна Мздыки. И каким же непреодолимым искусом для некоторых студентов было — не пройти мимо него.

Поздно вечером нужны особенное умение и находчивость, чтобы пробраться в бурсу, двери которой уже заперты, и не наткнуться на начальника или какого-нибудь «скриптора» — так в Кракове называли доносчиков. Три опоздания — и плати штраф или отсиживай в карцере. А если в четвертый раз опоздал или, того хуже, не ночевал в бурсе — тогда совсем выгонят.

По-разному проводили в бурсе свободное время. Одни играли в карты, другие — в шахматы или шашки. Третьи всерьез сидели за книгами.

Частенько можно было видеть, как бедный студент пришивал пуговицы своему богатому дружку или переписывал для него лекции. Были и такие, которые отсиживали занятия, никогда не сдавая экзаменов. Наверное, лишь затем, чтобы похвалиться,

будто они учатся в университете. Под мышкой у них книга, из которой торчит множество соломинок-закладок. Бедная книга аж вылезала из переплета. Но она свидетельствовала, что ее читает серьезный ученик, вон сколько заложено для памяти страниц...

А у Франциска, думается, и часа в день не проходило, чтобы не посвятить его занятиям. И все равно времени не хватало. Перед ним открывалась дорога в непознанное, сиял свет человеческой мудрости, заключенный в толстых, объемистых книгах, которых тут, в Краковском университете, было видимо-невидимо. Они стали настоящими друзьями, про которых Франциск прочитал в латинском трактате: «Приходя к ним, мы никогда не застаем их спящими; когда мы спрашиваем их, они не таят своих мыслей; не смеются над тобой, если ты неуч...»

И Скорина спешил в библиотеку, что располагалась над богословской аудиторией. Там его ждали тысячи томов: и переписанных от руки в университетском скриптории, и новых, уже отпечатанных. Нередко библиотеке дарили книги богатые горожане и сами авторы. Иногда по сотне, а то и по двести книг сразу — целое состояние. Имена таких жертвователей перечислялись во время богослужения, их упоминали в молитвах студенты, а бакалавры богословия раз в три месяца произносили в их честь проповедь.

Как раз за год до поступления Франциска в университет в Краков приехал Каспар Гохфедер и основал здесь печатню (в 1505 году она перешла к Яну Галеру). Печатня эта, кроме религиозной литературы, выпускала университетские учебники и другие книги, необходимые студентам. Между университетом и печатней-издательством вскоре образовались самые тесные связи. Преподаватели и студенты были не только покупателями книг. Они давали советы, правили рукописи. Вот где Скорина близко узнал, как составляют, набирают и печатают книгу.

Приятно пахнут свежей краской развешанные для сушки на веревках вновь отпечатанные листы. Листы, отпечатанные пока что все на той же латыни...

И настанет большой праздник у Франциска. Тут, в Кракове, он увидит напечатанные Швайпльтом Фиолем еще в 1491 году книги на старославянском языке.

Увидит и огорчится, что уже не застал в Кракове этого мастера-книжника. Недруги обвинили Фиоля в причастности к гуситскому движению. Фиоль чуть не поплатился жизнью...

В печатне Фиоля работали и земляки Франциска.

Скорина рассматривал книги, изданные Фиолем: они его радовали, они были на том языке, который понимали люди в его родном Полоцке, в Москве, в Киеве. Но в то же время, что-то было в них незавершенное, они не совсем удовлетворяли его.

Книги эти на вид вроде бы печатные, но все в них еще так, как в рукописных: та же манера письма, слова так же слиты друг с другом, текст отпечатан не на бумаге, а на дорогом пергаменте, и поэтому в них любой пробел казался непростительной роскошью...

То были книги, которые еще как бы не отваживались стать по-настоящему печатными и пока скромно выдавали себя за рукописные...

* * *

Прошел еще один год. Все больше тянуло домой, в родной Полоцк, проведать родителей, увидеть красавицу Софию над быстротечною Двиною. Но никаких каникул в университете не было. А прерывать обучение не хотелось.

Франциск настойчиво готовился к экзаменам на звание бакалавра философии. Он, конечно, занесен в университетские списки, но теперь требовалось, чтобы магистр, которого он по установленному порядку выбрал в руководители, подтвердил, что Скорина исправно занимался.

Простудированы многочисленные труды, выучены на память целые страницы текстов—все пригодится при ответе. Это—библиотека, которая всегда с тобой...

С интересом слушал он на лекциях разборы произведений Вергилия, Овидия, Горация, чтение их не считалось обязательным. Некоторые студенты рады были освободиться от таких лекций—ведь на экзаменах этот материал не спрашивали.

И вот настал день 13 декабря 1506 года, день, который должен был показать, на что способен новый кандидат. Большой зал был набит битком. Магистры-преподаватели, надменные и важные, задают вопросы. Особенно стараются те, кто помоложе. Иногда лишь для того, чтобы показать свою ученость, ораторское искусство и остроумие.

Экзаменуемых, как всегда, было много, экзамен тянулся очень долго.

Франциск отвечал блестяще. Любовь к древней поэзии проявлялась в его добротной, музыкальной латыни, глубокое знание философии—в коротких, сжатых, точных ответах. В его знаниях ощущался действительный союз науки и поэзии. По возбужденным и увлеченным лицам земляков и друзей Скорина чувствовал: все идет прекрасно. Он, Франциск, сын купца из славного города Полоцка, хорошо выдержал экзамен в столичном Кракове на свое первое научное звание...

Декан Леонардо, руководитель факультета, поздравляет нового бакалавра с удачной защитой. Затем говорит:

«...Прошу о взаимном прощении. И за то, что хорошего коллеги отметили в ответе, и за то, что было высказано резко, за все те слова, которые тут господами экзаменаторами вам высказаны быть могли... Не удивляйтесь, ибо и между весьма образованными людьми... всякие стычки случаются. Мы же люди...

...И пускай плохие речи забудутся, а то только останется в памяти, что вам честь делает».

Теперь Франциск — бакалавр. И хотя он продолжал учиться дальше, но имел право одновременно преподавать в школах, которые принадлежали университету. Он носит теперь четырехугольную шляпу, концы рукавов его туники обшиты красной материей.

Перед Франциском открывалась дорога в науку. После нескольких лет учебы он уже имел право сдавать экзамен на звание доктора «вызвленных» наук.

И Скорина сдаст его. Он будет доктором. Но это совершится, по-видимому, уже не в Кракове.

В каком университете получил он это звание — история пока молчит.

Известно только, что в 1509 году, перед очередной эпидемией, все магистры уехали из Кракова. Не вместе ли с ними вынужден был покинуть город и Франциск? Пока это только догадка. Может быть, жажда странствий («Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать») потянула молодого Скорину в чужие земли? Может, его привлекла слава другого университета, где он решил продолжить свое образование? В то время университеты сильно отличались один от другого. И чтобы получить настоящие знания в той или иной области, нужно было выбрать учебное заведение, в котором эти науки преподавались на высоком уровне.

Дальнейшие разыскания историков и литературоведов, наверное, помогут отыскать следы тогдашних поездок Франциска.

Известные же ныне сведения о нем относятся уже к 1512 году, когда Скорина очутился в далекой Италии,

В ПАДУЕ,

куда он прибыл, чтобы углубить свои знания в медицине.

Так в его жизни переплелись дорога и книга...

В Италии всегда жила память о великих древних культурах Греции и Рима. Христианская церковь черпала в них то, что было необходимо для ее целей. Теперь же, с ростом городов и широким развитием ремесел, торговли, зарождались новые отношения, и человек начинал открывать для себя ценности, меня-

Иллюстрация из книги А. Клышко «Франциск Скорина»

ющие его мышление и мироощущение. Теперь не столько мысли о спасении души, сколько неоткрытые земли, далекие путешествия, жизнь во всем ее многообразии пленяют, манят людей,— теперь не христианское самоотречение стало цениться в человеке, а предприимчивость, отвага и практичность.

Жизнь пронизывается верой в неисчерпаемые возможности человека. Красоте человека, его деятельной, волевой натуре посвящают свои творения Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Тициан. Одновременно еще больше усиливается тяга к великой культуре древнего мира. Недаром эту эпоху называют — Возрождение...

Падуя, как отмечают исследователи, находилась на перекрестке великих путей. Через Падую в Рим путешествовали, чтобы насладиться впечатлениями от знаменитых мест. Толпы богомольцев шли через город в тот же Рим — к папе, чтобы получить отпущение грехов. Церковь за высокую плату с охотой отпускала не только нынешние грехи, но даже те, которые они сотворят в будущем...

Спасаясь от мракобесия, фанатизма церковников, стекались в Падую различные деятели науки, которые чувствовали себя здесь намного свободней.

Из Падуи великие пути вели и на Восток, через Венецию и Адриатику.

Город пестрел многообразием одежд.

И еще — для всех тогдашних образованных европейцев Падуя была привлекательна университетом, который намного превосходил по своему уровню все другие во Франции, Германии и даже в Италии. Он отличался тем, что в нем преподавание предметов права и естествознания занимало особое место. Сюда — в центр европейской науки — и подался Скорина, чтобы получить звание доктора медицинских наук.

Учебный год в Падуанском университете обычно начинался 1 ноября.

Весь город наполнялся шумными студентами. Этот бродячий народ любил менять университеты: то услышат студенты о выдающемся лекторе, то скрываются от уплаты долгов или от эпидемий...

Падуя притягивала их не только славой своих профессоров, но и некоторой вольностью. Студенты сами выбирали своего руководителя. Их не обязывали жить в бурсах — в этих студенческих монастырях. Они обитали на частных квартирах, без всякого присмотра... Естественно, с началом учебного года в городе резко подсакивала цена на жилье. Как же падуанцу, имеющему лишнюю площадь, не заработать на приезде богатом студенте? А бедный... Бедный студент обходился и без городской

квартиры — он мог поселиться в ближайшей пригородной деревеньке.

Правда, Скорина не застал тут большого скопления людей. Война, которую вела Венеция, задела и Падую. С 1509 года занятий в университете не было.

Тем не менее отдельные профессора читали лекции. По-прежнему собиралась на заседания коллегия докторов, присуждались научные степени и звания...

Сохранившиеся с того времени в Падуе архивные материалы рассказывают о том, как Скорина сдавал экзамен на докторское звание. В этих бесценных документах говорится, откуда он родом, какой национальности, отмечается, что он — датский королевский секретарь. Этот небольшой штрих, не известный нам ранее, позволяет предположить, что существовал еще один невыясненный период в жизни Скорины, предварявший падуанский.

Как известно, летом 1509 года польский король и великий князь литовский Сигизмунд I Старый для подписания договора о дружбе с Датским королевством послал в Копенгаген специальную делегацию. Как предполагают историки, Скорина был включен в состав этой делегации и, будучи известен как высокообразованный человек, по-видимому, остался на секретарской должности у датского короля...

...5 ноября 1512 года в церкви святого Урбана собралась коллегия «наиславнейших докторов искусств и медицины» Падуанского университета, чтобы решить вопрос о допуске Франциска Скорины к экзамену на степень доктора медицины.

Выступивший вице-приор коллегии синьор Муссати отрекомендовал Скорину как «весьма ученого, но бедного юношу, который уже имеет звание доктора искусств и который пришел сюда из дальних краев, расположенных почти за четыре тысячи римских миль отсюда и даже больше».

С любопытством разглядывали члены коллегии Франциска, когда он по их приглашению вошел в зал и скромно попросил их позволить ему сдать экзамен бесплатно.

Получение докторской степени стоило тогда больших денег. Тот, кто сдавал экзамены, нес немалые расходы.

Во-первых, он был обязан справиться одежду главным участникам этого торжества, во-вторых, подарить золотые перстни епископу-викарию, старшине и всем докторам коллегии. В-третьих, за его счет устраивался дорогостоящий банкет...

Повод был значительный: получивший звание доктора сразу переходил в иное сословие. Он освобождался от уплаты налогов, от воинской службы, мог присутствовать на заседаниях правительства.

Поэтому, чтобы получить такую степень, необходимы были не только большие способности и знания, но, как видно, и туго набитый кошелек.

Можно представить, какое сильное впечатление произвел на всех Франциск Скорина. Все члены коллегии при голосовании опустили шары в красную вазу. Зеленая ваза, в которую кидались шары «против», осталась пустой. Таким образом, Скорине единогласно было дозволено держать экзамен бесплатно.

На другой день, в присутствии 14 профессоров медицины из Падуи и Вероны, Скорина прошел предварительную проверку знаний, где блестяще показал свою подготовленность.

Во вторник, 9 ноября, в епископском дворце в присутствии самого епископа-викария состоялся специальный экзамен по медицине.

Вот что рассказывает нам документ:

«Выдающийся доктор искусств господин Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, белорус, подвергся экзамену в особом и строгом порядке по вопросам, предложенным ему утром этого дня. Он проявил себя столь похвально и превосходно во время этого своего строгого испытания, излагая ответы на заданные ему вопросы и опровергая выдвинутые против него доказательства, что получил единодушное одобрение всех присутствующих ученых без исключения и был признан обладающим достаточными знаниями в области медицины... Достопочтеннейший господин вице-приор провозгласил его в установленном порядке доктором в области медицинских наук».

Доктор Бартоломео Боризон торжественно вручил ему диплом и возложил на него отделанную золотом докторскую тогу. Документ подписали двадцать четыре «выдающихся и славных доктора» коллегии.

Современный итальянский исследователь так поясняет этот замечательный момент в жизни Скорины: «У него не хватило средств на праздничное платье. Всей роскоши он мог противопоставить блестящий ум, как свидетельствует сам документ, ибо звание ему было присуждено единогласно...»

С 1512 года в биографии Скорины снова белое пятно. Мы не знаем, где он пребывал в последующие пять лет, пока не отпечатал — вдалеке от отечества,

В ПРАГЕ,—

свою первую книгу.

Почему Скорина очутился в Праге? Почему именно этот город выбрал он для печатания книг?

Предполагают, что Франциска, после возвращения из Падуи,

Иллюстрация из книги А. Клышко «Франциск Скорина»

король Сигизмунд I мог назначить секретарем в переговорах польского, чешского и венгерского королей с императором Максимилианом I в Вене. Сигизмунд был тогда опекуном юного чешского короля Людовика, своего племянника, и мог оставить Франциска при чешском королевском дворе.

С другой стороны, Скорина, как видно, имел немало друзей среди чехов. Еще в детстве он видел в родном Полоцке чешских военных специалистов, которых приглашали для организации обороны города. Были чехи и среди полоцкого духовенства. В недалекой от Полоцка Дисне, в монастыре, жили известные иконописцы, тоже чехи по своему происхождению — Мартын и Николай.

И все-таки, наверное, Прага притягивала его тем, что здесь уже печатались книги на чешском языке, что тут можно было легко наладить связи с такими центрами европейского книгопечатания, как Нюрнберг, Аугсбург, Венеция...

Работы — непечатый край. Необходимо раздобыть многочисленные тексты — рукописные старославянские, печатные чешские, латинские, нужно отлить новые, нелатинские, шрифты, подыскать квалифицированных друкерей (печатников), граверов, найти бумагу.

Кстати, как раз незадолго до того — 18 лет назад — в Чехии начинают строить первые бумагоделательные предприятия — в Праге и Зброславе. Можно было купить дешевую бумагу, столь необходимую Скорине. Как свидетельствуют исследователи, часть тиража своих изданий он позднее печатал (наверное, чтобы сделать цену книги более доступной для широкого круга читателей) на плотной оберточной бумаге или промасленной, которую вставляли вместо стекол в окна.

Прага могла притягивать Скорину и как центр передовых идей. Чешский ученый Зденек Неedly писал: «Гуситская Прага давала Скорине уверенность в том, что там никто не будет чинить ему препятствий из-за религиозных распрей».

В бумагах пражского магистрата книги Скорины не упоминаются. Некоторые исследователи даже предполагают, что Скорина основал свою печатню в Праге нелегально.

И можно только удивляться, как — не у себя на родине, а в чужом городе! — Франциск смог наладить дело и за самое короткое время выпустить более двух десятков книг...

6 АВГУСТА 1517 ГОДА —

день, когда совершилось событие большого значения для всего восточного славянства. Вышла первая книга Скорины. Для него это был очередной беспокойный день. В печатню нужно было

завести новые пачки бумаги, а с переплетчиком договориться об оформлении издаваемых книг...

Зайдем мысленно в его печатню. Постоим у наборной кассы. На высоких ножках расположен чуть наклонно большой ящик. Он поделен переборками на клеточки. Это как бы карманы для букв. В каждой — десятки одинаковых тоненьких продолговатых металлических палочек с одинаковым изображением буквы на конце.

Сколько букв в алфавите, столько и клеточек.

Наборщик знает на память всю кассу: где клеточка с буквами «а», где — «в», где — «г»... Знаки эти — дорогие. Сначала из металла вырезали выпуклый зеркальный отпечаток буквы. Затем на меди им выбивали букву-углубление. А после, заливая в эту форму легкоплавкий металл, который быстро затвердевал, получали необходимое количество штампов каждой буквы.

Вот наборщик склоняется над кассой. Вглядываясь в принесенную Франциском рукопись, он старательно — буква за буквой — набирает строку.

Франциск Скорина первым среди восточных славян ввел новинки в свои книги — промежутки между словами, абзацы. Стало куда легче читать текст.

Наборщик замечал, что и знак «титла» ему доводится изредка брать. В письменном старославянском языке любили многочисленные сокращения. Скажем, вместо слова «человек» писали «члкъ», а сверху ставился знак «титла», обозначавший, что это слово сокращенное, вот так: «члкъ̑».

Такой текст, может, и экономнее, ведь книгу писали от руки, но его нелегко читать малограмотным людям. Наверное, поэтому Скорина избегал подобных сокращений...

Наборщик ряд за рядом набирает текст в жестяную коробочку, которую держит в левой руке. Потом переносит эти ряды на печатный верстак. Там к рядам шрифта, если требуется, добавляет гравюру.

Гравюра в печатной книге заменяет привычную в рукописной книге миниатюру.

Ее изготавливают мастера-резчики. На доску, вытесанную из специального дерева — груши, бука или вишни, — сперва наносят пробный рисунок, а затем стамеской вырезают фон. Остается выпуклая картинка, которая потом отпечатывается на листе одновременно с текстом.

Скорина заказал для своих пражских изданий 38 иллюстраций, около 9 заставок, множество виньеток и 107 инициалов.

Ни одна из отпечатанных до Скорины Библий — ни известная венецианская 1498 года, ни чешская 1506 года — не имеют такого количества гравюр.

*Первое издание
на русском языке,
выпущенное Ф. Скориной*

Старый друкарь Богумил, перебирая доски, нет-нет да и заглядится на тонкую работу. Красивые рисунки на гравюрах, изображающие обыденную жизнь людей, занятых работой в поле, в доме, на корабле...

А какие изящные инициалы! Каждая буква сопровождается предметом, название которого начинается с того же звука, который эта буква обозначает. Около «К» — «козлята», около «З» — «зверь», около «М» — «музыкант», около «Л» — «лен», а у буквы «Я» — портрет Скорины в солнечных лучах.

Франциск Скорина, по-видимому, изготовил эти знаки для детей. У него на родине по этим книгам дети будут учиться грамоте. Так пусть же им легче запоминаются нужные буквы.

Друкарь Богумил, наверное, знал уже все про этого выдающегося человека: и что он великий ученый, доктор медицинских наук, и что умеет говорить по-латыни, по-гречески, по-немецки, по-чешски, по-польски, по-литовски, знает древнееврейский язык. Кто только ни приходит к нему, и с каждым он может поговорить на его родном языке. А какой художник — хоть он и не хвалится этим! Старый печатник однажды видел, как

Буквица из книг Ф. Скорины

Скорина передавал свой рисунок резчику, чтобы тот сделал гравюру для книги. Но не знал друкарь, что Франциск Скорина еще и замечательный педагог!

Друкарь закрепляет набор на верстаке в деревянной раме, чтобы ряды шрифта не разъехались, не рассыпались. Затем берет специальный маленький мешочек, и сразу же выпуклые буквы набора покрываются тонким влажным слоем черной краски. Теперь остается наложить лист бумаги и подложить под пресс. Друкарь крутит ручку ворота, и поверхность пресса, опускаясь, ровненько прижимает бумагу к буквам набора. Намазанные краской, они оставляют отпечаток. Затем требуется аккуратно приподнять лист, чтобы не размазать краску.

Таких отпечатков с одной рамы набора можно сделать столько, сколько надо выпустить экземпляров книги.

Скажем, необходимо отпечатать 500 экземпляров. Значит, 500 раз требуется накладывать бумагу, 500 раз крутить ворот пресса, 500 раз его раскручивать, 500 раз аккуратно снимать с набора листы и развешивать для просушки.

Вот почему указывалось в книге, что она «выложена и вытиснена трудами и великим вниманием доктора Франциска Скорины из Полоцка».

После отпечатания набор разбирался. Руки рабочего быстро раскладывали литерные, т. е. буквенные знаки по клеточкам кассы. И тут также требовалось умение, ведь брошенная не в ту клеточку буква затем при наборе могла стать причиной опечатки.

6 августа 1517 года в Праге увидела свет изданная Скориной «Псалтырь», а позднее — еще 19 книг. Для всех них печатной дал общий титульный лист: «Библия руска выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка... людям простым к доброму научению». Каждая имела еще предисловие и послесловие, где указывалось, кто, когда, где и для чего издал эту книгу.

Франциск Скорина с достоинством упоминает в предисловиях свое научное звание: «доктор медицинских наук». (Сам он писал о себе так — «в лекарских науках доктор».) Необычно было видеть это в те годы, когда переписчики обычно подписывались уменьшительными именами и называли себя «смиранный раб» или «худой сочинитель». Скорина перешагнул через такое «уничтожение». Он неоднократно печатает в изданных им книгах свой портрет — случай уникальный и единственный за всю историю изданий Библии в Восточной Европе!

И не Скорине ли мы обязаны счастливому обстоятельству, что сегодня нам знакомы портреты таких древних печатников, работавших на территории современной Белоруссии, как Симон Будный, Василь Тяпинский... Как жаль, что история книгопечатания не знает портретных изображений Ивана Федорова, его сподвижника Петра Мстиславца...

Вот он глядит на нас сквозь глубину столетий, из 1517 года. На нем докторская мантия, берет, из-под которого выбиваются густые длинные волосы. Он сидит в низком кресле перед пюпитром, держит в правой руке перо. На одно мгновение он как бы оторвался от книги, что развернута перед ним. Справа от него на подставке — еще одна книга. С пюпитра свисает узенькая скатерть, украшенная орнаментом и бахромой. На скатерти — знаменитый герб-символ, который можно увидеть и на других Скориновых гравюрах: солнце, заслоненное полумесяцем...

На нас смотрит с портрета просветитель, который своим трудом добивался одной цели — принести пользу «людям простым»... Может быть, поэтому вокруг Скорины изображены разные астрономические, научные символы, книги, песочные часы, банка для краски, свеча с отражателем и как знак усердия и прилежания — пчела. А внизу на черной табличке изящной вязью выписано: «Доктор Франциск Скорина».

Скорина в своих предисловиях и послесловиях к библейским книгам писал, что видит в них материал для «обучения семи свободным наукам достаточный». В предисловии к «Псалтыри» отмечал, что это издание «детям малым как начало всякой доброй науке грамоты». И после он часто подчеркивал, какая из книг для чего пригодна, в какой можно найти сведения «о военных и о богатырских делах», в какой «узнать арифметику», а в какой — «землемерие», астрономию.

Чувствуется, что, перечисляя науки, Скорина хотел создать своеобразный университет для простых людей, дать им в руки книгу, которая стала бы энциклопедией разных отраслей знаний.

Этим великим пониманием книги, ее роли в культурном, нравственном развитии народа и близок нам сегодня Франциск Скорина.

В предисловии к книге «Юдифь» он высказал свое глубочайшее чувство, которым был освещен его труд: «Звери, живущие в пустыне, знают норы свои; птицы, летающие в небесах, имеют гнезда свои; рыбы, плавающие в море и в реках, чуют омуты свои; пчелы и им подобные стремятся в ульи свои,— так же и люди, где родились и вскормлены.... к тому месту великую любовь имеют».

Это чувство теперь манило Франциска на родину.

КОГДА ЖЕ ПОЯВИЛАСЬ ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ КНИГА НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ?

...Услышав родной язык, Франциск Скорина неожиданно почувствовал, как стало легко на сердце. Спала, как некий груз, та напряженность, которая не покидает человека на чужбине. Ухо первым чувствует приближение родных мест.

Встреча с родным братом, который после кончины родителей был для него и отцом, и другом... Объятия со знакомыми виленцами, пришедшими навестить его. Они помогли добрым словом и деньгами издавать книги. На их помощь Франциск и теперь надеялся немало.

И надо же—в самый первый день приезда—нечаянная встреча на улице со своими земляками-полочанами. Они приехали к великому князю с жалобой на воеводу...

В родном доме и стены помогают. Вскоре недалеко от рынка, в доме «старейшего бургомистра славного и великого города Виленского», заработала Скоринова печатня. И вот горожане держат в руках первые белорусские печатные книги—«Малую подорожную книжицу» и «Апостол».

Это—первые издания, выпущенные на территории СССР. В Минске, в Государственной библиотеке БССР имени В. И. Ленина, есть несколько изданий Франциска Скорины. Чуть больше хранится их в Москве и Ленинграде. Да и тут собрано далеко не все. Отдельные книги находятся за рубежом—в Лондоне, Копенгагене. Они хранятся в специальных помещениях, где поддерживаются неизменная температура воздуха и определенный уровень влажности, чтобы старая бумага и краска не испортились. Цена одной такой книги достигает сотен тысяч рублей. Не так давно в одной из наших центральных газет писалось, что на западном аукционе была продана за крупную сумму неполная—отсутствовали первые и последние страницы—книга Скорины.

Вообразим, что в наши руки попали издания Скорины. Развернем их.

Напечатанные в две краски, с замысловатыми буквицами-инициалами и виньетками, они созданы на радость глазу. Как

*Заставки
к книгам
Ф. Скорины*

прекрасно смотрится страница! Вот сложная красивая заставка открывает целый раздел. Под ней заголовок, а затем снова заставка, но меньшая по размеру. Заставки Скорина перенес в свою печатную книгу из тех старинных отечественных рукописей, которые он видел, наверное, еще в Полоцке...

Невольно вспоминаются слова выдающегося русского критика В. В. Стасова, которого поразили «та красота рисунка, то мастерство гравюры, которые на короткое время промелькнули в изданиях... скоринских».

Выразительный, привлекательный шрифт... Глаз не утомляется: страницы не выглядят однообразно. Перелистывая их, видишь, как справа внизу со страницы на страницу перебегают буквы... «В», «Г», «Д»... Это нумерация, употреблявшаяся вместо современных цифр.

Хорошо продуман формат изданий. Уже всем видом своим «Апостол» показывает, что он предназначен не для церковной службы, а для домашнего чтения. Размеры его невелики. Совсем крошечный формат у «Малой подорожной книжицы», рассчитанной на купцов и ремесленников, которым не раз доводилось отправляться в дальнюю дорогу. С этой точки зрения особо интересна последняя часть «Книжицы», куда помещены разные календарные, астрономические и даже медицинские сведения — все то, что необходимо человеку в дороге. Скорина включает сюда такие календарные данные, которых раньше не было в

подобных изданиях. Его календарь отличается от церковных. В нем говорится не только о религиозных праздниках. Помня о своей просветительной цели, Скорина повествует читателю, сколько в каком месяце дней, какова продолжительность дня и ночи в разные времена года, указывает дни весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния. Скорина проделал важнейшие расчеты. Он предсказал шесть лунных и одно солнечное затмение, которые могли увидеть жители его родины в 1523—1530 годах.

Вот тут еще раз обратим внимание на даты.

Не подскажут ли они нам, когда была издана «Малая подорожная книжица»? Время издания «Апостола» обозначил сам Скорина—март 1525 года. Некоторые исследователи считали, что «Книжица» вышла после «Апостола». И поэтому годом появления первой печатной книги на территории нашей страны считался 1525-й.

Однако не так давно в Копенгагене были найдены последние страницы этой «Книжицы». И когда ученые увидели, что Скорина включал в нее сведения о праздниках в 1523 году, то...—вы уже сами догадались...

Действительно, «Малая подорожная книжица» увидела свет еще раньше—в 1522 году. Ведь календарь издают на тот год, который еще предстоит...

Есть сведения о том, что, проживая в Вильно, Скорина на

короткое время выезжал в Виттенберг, где встречался с Лютером. Как раз перед этим на всю Германию прозвучал призыв Лютера, направленный против римского папства и католической церкви. Однако, когда взбунтовавшиеся крестьяне в 1525 году поднялись на борьбу с феодалами, впервые в истории подняв красный флаг, Лютер испугался. Позднее он переведет на немецкий язык Библию. И это будет—после чешского, «русского» Скорины и других—еще один в Европе перевод на национальные языки.

Скорина своими знаниями, глубоким разумом произвел на Лютера такое мощное впечатление, что даже показался ему сатаной. И, как свидетельствует легенда, чтобы спастись, Франциску нужно было срочно бежать...

Наконец, после долгих блужданий по свету, Скорина решает навсегда обосноваться в Вильно. Он женится на вдове городского советника Юрия Одверника—Маргарите.

Денежные средства жены дают ему возможность издавать книги. По-видимому, в это время Скорина задумывает большое предприятие: наладить печатание книг во всех восточнославянских землях. Он видел суть своей работы в просвещении славянства, «чтобы братия мои Русь, люди престонародные, читая, могли лучше разуметь».

Франциск Скорина надеется на возможность сбыта своих виленских изданий в Москве. Некоторые его книги были выпущены на старославянском языке—как и в Москве.

У нас нет подлинных сведений о том, что Скорина приезжал в Москву. Но есть известия (и не одно, а два), что кто-то из его соотечественников пытался издавать здесь книги. Московское духовенство не приняло некоего выхода из Белоруссии: по велению великого князя московского появившиеся издания были сожжены. Может быть, это был Скорина?

Лишь выдающийся русский первопечатник Иван Федоров организовал издание книг в Москве...

В пользу того, что Скорина мог наведаться в Москву, свидетельствует и следующий факт: в 1526—1527 годах в столицу Московского государства приезжал Богдан Онков, тот самый Онков, который субсидировал деньгами Скорину, начинавшего издание книг в Праге. Хотя Онков ездил в Москву по своим делам, он не мог не поинтересоваться—найдут ли там спрос книги Скорины, книги, в которые он, Онков, вложил немалые деньги...

Говорят, что несчастье в одиночку не ходит. Франциску в это время выпадают новые невзгоды. Большой виленский пожар 1530 года выжиг большую часть города и заодно всю Скоринову печатню. Пеплом стал весь труд, на который были затрачены годы. Одновременно понесли потери и приятели Скорины...

Возможно, чтобы поправить свое положение, Скорина идет на службу к прусскому герцогу Альбрехту и некоторое время живет в Кенигсберге.

Мы не знаем, чем он там занимался. Быть может, как некоторые предполагают, Скорина исполнял обязанности медика — в то время там зверствовала эпидемия. А может, как считают другие, герцог задумал наладить издание книг и ему потребовался осведомленный в деле книгопечатания человек. Для нас интересно то, как высоко отзывался герцог о Скорине. Он называл его человеком «несравненного дарования и похвальной учености» «со способностью разума исключительной».

Вскоре Франциск покидает Кенигсберг. Вернувшись в Вильно, он еще раз пытается наладить книгопечатание. Однако продолжить любимое дело не пришлось. Летом 1529 года в Познани скончался его брат Иван. Франциск тяжело переживает это событие. Они крепко дружили всю жизнь, помогали друг другу. Иван, хотя и владел родовым имуществом в Полоцке, считался виленским жителем. Следуя по стопам отца, он развернул широкую торговлю мехами в городах Польши и Прибалтики. Франциск владел имуществом совместно, а женившись, вложил в дело брата и капитал жены.

После кончины Ивана остался огромный запас шкур на складе в Познани и... огромные братовы долги. Франциску с трудом удалось получить часть мехов в счет денег жены.

Между тем участие в торговых делах брата обернулось для Франциска бедой. Варшавские зажиточные торговцы, которые ссужали брату деньги, стали утверждать, что Франциск — главный его компаньон и обязан выплатить все его долги. Они даже добились от короля распоряжения, по которому Франциск Скорина, где бы ни объявился на территории Польши, подлежал аресту. Около двух с половиной месяцев сидел он в городской тюрьме, пока сын брата — Роман — не добился встречи с королем. Племянник берет на себя долги отца и снимает с дяди беспочвенные обвинения.

Скорину, наконец, выпускают из тюрьмы. Останавливается судебное разбирательство. Но все это пришло довольно поздно, когда душевные силы были исчерпаны, когда никаких надежд на издание новых книг уже не оставалось...

Скорина не мог спокойно ходить по улицам, где все напоминало о прежнем житье, об умершем брате. Каждое воспоминание отзывалось болью. Все настойчивее тянула к себе Прага. Город, с которым у Франциска с давних времен были связаны многие мечты, надежды...

Скорина уезжает в Прагу. Но несчастья преследуют его семью. Во время пражского пожара 1541 года погибает его сын.

Правда, Скорина уже никогда не узнает об этом, потому что произошло это после кончины его самого...

А пока что Франциск идет знакомыми улочками «великого и старого города», как он с умилением называл в своих предисловиях Прагу. Возвращалось в памяти время, когда он и днем и ночью сидел за столом, готовя рукописи, составляя предисловия и послесловия, радуясь удачным гравюрам, держа в руках первые отпечатанные листы...

Подумать только, как он тогда работал: в 1517 году — 4 книги по 646 страниц, в 1518 — 8 книг по 704 страницы, в 1519 — 11 книг по 1000 страниц.

Скорина служил теперь специальным садовником у чешского короля.

Он любил этот труд. Новая профессия помогала ему переносить невзгоды. А может, то была вовсе и не новая профессия. Разве не одно и то же дело — издавать книги и выращивать деревья? Как мудрость человеческая живет в книге, так и богатство плода живет в этих культурных, облагороженных ветвях.

Он всю свою жизнь издавал книги. И в далекой Чехии, протягивая свои стволы и ветви в будущие столетия, деревья ублаживали его шумом листьев, доносящимся как бы из детства...

* * *

Франциск Скорина жил в великую эпоху Возрождения.

Первопечатник, переводчик, языковед, педагог, астроном, философ, медик, ботаник, он своими идеями, трудами предвосхищал на многие столетия культурную и общественную жизнь своего края.

До сих пор сохраняется память о Франциске Скорине. Ежегодно, когда с деревьев опадают первые осенние листья, в Белоруссии, на родине просветителя, проводится скорининский праздник — праздник книги.

Его имя мы встречаем сегодня в названиях улиц, библиотек, типографий.

Поднялся и памятник на красивой площади в его родном Полоцке. Задумчивый и вдохновенный стоит Скорина, как бы вернувшийся из далеких странствий на родину.

Стоит Франциск Скорина, держа в руках книгу...

Гламур
ножкѣ

Чтение возвышает душу...

ВОЛЬТЕР

На полке за Вольтером
Вергилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать...

А. С. ПУШКИН

Виктор Утков

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Все больше у нас становится библиофильских изданий, которые охватывают многие стороны книжного собирательства. Одно из них — «Уральский библиофил»*, выход которого можно считать весьма заметным событием.

В кратком напутствии Е. И. Осетрова новому изданию говорится: «Все ведают и знают: Урал — земля золотая. Теперь еще будут знать: Урал — земля книжная».

И это действительно так!

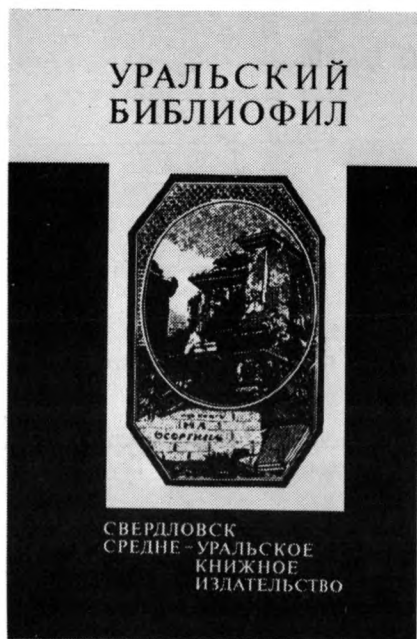
Хочется напомнить, что и до выхода этой книги уральские книголюбы регулярно печатались в «Альманахе библиофила». В первом выпуске со статьей об уральских деятелях книги — А. Н. Шарнине, Г. В. Сегалине, В. П. Бирюкове — выступил Е. Д. Петряев, сам уралец родом. На страницах альманаха появлялись материалы уральского профессора К. В. Кострина, слесаря Нижнетагильского металлургического завода С. Я. Черных, писателя-свердловчанина Ю. М. Курочкина, журналиста И. М. Шакинко: уральцы открывали новые страницы истории советской и русской книги, рассказывали об интереснейших книжных собраниях, о судьбах библиофилов и книг...

Теперь уральские библиофилы имеют свой альманах!

Открывает «Уральский библиофил» статья старейшего писателя-публициста Б. Л. Крупаткина, в которой раскрываются малоизвестные страницы книгоиздания на Урале. Особый интерес представляет рассказ об издании на Урале произведений В. И. Ленина в начале 1920-х годов. В статье мы встречаем множество имен людей, связавших свою судьбу с книгой, малоизвестные и совсем неизвестные факты истории советской книги на Урале.

Писатель Борис Рябинин, чье имя хорошо знакомо читателю по его выступлениям в защиту природы, опубликовал в альмана-

* Уральский библиофил / Сост. Ю. А. Горбунов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 192 с.

хе рассказ о работе на Урале замечательного деятеля советского книжного дела В. А. Попова. Журналист Анатолий Пудваль поведал увлекательную историю книги «Урал — земля золотая». Большой интерес, убежден, вызовет статья Б. Емельянова и Н. Цыпиной о книгах Царскосельского лицея, хранящихся в библиотеке Уральского университета. Писатель Леонид Большаков рассказал о деятельности крупного русского востоковеда В. В. Григорьева по созданию оренбургской книжной сокровищницы. Библиограф С. Гомельская свой материал посвятила интереснейшей библиотеке Н. К. Чупина, выдающегося уральского ученого, краеведа-энциклопедиста. Очерк журналиста Якова Андреева — о механике Свердловского машиностроительного завода А. И. Орлове, собравшем уникальную коллекцию произведений Жоржа Сименона и составившем библиографический справочник советских изданий французского писателя. Автор романов о Мегре назвал работу уральского библиофила «великолепной», а самому Орлову написал: «Я счастлив, что в Свердловске, на Урале, живут такие выдающиеся книголюбы».

Встречаем на страницах сборника и имя Юрия Курочкина, писателя-краеведа, автора многих книг. Он рассказывает о новых библиофильских находках уральских книжников. Критик Юний Горбунов (составитель альманаха) в очерке «„Вечное“ перо Валериана Лункевича» поведал о связях замечательного популяризатора науки В. Лункевича с издателем Ф. Павленковым.

«Уральский библиофил» дает слово не только авторам-уральцам — воронежец О. Г. Ласунский напечатал в альманахе новые материалы о «Заметках старого книгоеда» М. А. Осоргина, ленинградец В. А. Петрицкий — свои книговедческие заметки, москвичка Л. И. Скорино рассказала о книжниках Урала военных лет...

Даже из беглого обзора содержания «Уральского библиофила» видно, как много в нем нового и интересного. Добавим к этому, что книга снабжена редкими иллюстрациями, среди которых — экслибрис М. А. Осоргина, воспроизведенный на обложке.

Остается только пожалеть, что тираж сборника так незначителен — 15 тысяч экземпляров. Чересчур уж быстро стал он библиографической редкостью.

Подготовлены второй и третий выпуски «Уральского библиофила», которые выйдут в Перми и Челябинске.

Пожелаем уральскому первенцу доброго пути!

ЧУДЕСНАЯ БИБЛИОФИЛЬСКАЯ РЕДКОСТЬ

В последние десятилетия в общественно-культурной жизни многих стран появился новый феномен, имя которому — факсимильные издания. Само слово это — «факсимиле» латинского происхождения и в буквальном переводе означает «делаю подобное». Современная полиграфическая техника предоставила в распоряжение издателей десятки и сотни разнообразных репродукционных и печатных процессов, которые позволяют копировать древние рукописи и старые печатные книги так, что лишь специалист может отличить их от оригинала. Новые копии старых книг и называют факсимильными изданиями.

В читательской среде они пользуются большой популярностью. Оно и понятно, ибо то, что ранее было доступно лишь немногим библиофилам, ныне стало принадлежать массам. А кто из любителей книги откажется поставить на полку, допустим, «Азбуку» Ивана Федорова, сохранившуюся всего в двух экземплярах, или «Евгения Онегина», выпускавшегося первоначально, при жизни автора, отдельными главами?

Основной смысл факсимильных изданий, однако, совсем не в том, чтобы удовлетворять подчас непомерные амбиции библиофилов. Издания эти своим появлением приблизили прославленные памятники книжной культуры человечества к читателю, многократно повысили эффективность их использования, поставили их на службу современной культуре. Одну из первых русских рукописных книг — «Изборник Святослава» — в Государственном Историческом музее показывали ранее далеко не каждому исследователю-специалисту. Превосходное факсимильное издание, выпущенное недавно издательством «Книга», сделало это сокровище древнерусской книжности доступным и обзорным для сотен историков, филологов, книговедов, палеографов...

Издательство «Книга», в котором создана специальная редакция факсимильных изданий, исключительно много делает для популяризации замечательных книг, увидевших свет на протя-

жении более чем четырехвекового пути отечественного книжного дела. Для любителей книги немалый интерес представляет серия «Библиофильские редкости». Она была начата в 1979 г. Цель ее — познакомить общественность с библиофильскими изданиями прошлых лет, с трудами по теории и практике библиофильства. Несомненным успехом пользовались два факсимильных издания, увидевших свет в этой серии: труды Д. В. Ульянинского «Среди книг и их друзей» (1979) и М. Н. Куфаева «Библиофилия и библиомания» (1980). В 1983 году в этой же серии вышел «Альманах библиофила»* — дечище Ленинградского общества библиофилов, — напечатанный впервые в 1929 году в Ленинграде

* Альманах библиофила. М.: Книга, 1983. XXXII, 433 с., ил., 35 л. ил. факс. (Библиоф. редкости). Факс. изд. На тит. л.: Ленингр. о-во библиофилов, 1929. Прил.: Ленинградское общество библиофилов и его альманах / В. В. Кунин. 39 с.

тиражом 300 экземпляров. Тираж факсимильного воспроизведения почти в 17 раз больше — 5000 экземпляров. И надо сказать, что тираж этот далеко не удовлетворил всех желающих поставить на книжную полку новый шедевр издательства «Книга». Факсимиле достаточно близко к оригиналу. Превосходно, методом многокрасочной офсетной печати, воспроизведен матерчатый гобеленовый переплет издания 1929 года с зеленой этикеткой-наклейкой на корешке. Вступительная статья В. В. Кунина напечатана отдельной книжечкой, которую объединяет с факсимиле футляр из плотной тонированной бумаги. В первых двух книгах серии «Библиофильские редкости» вступительные статьи вплетены непосредственно в факсимиле, хотя и напечатаны на листах значительно более узкого формата. Решение, найденное в новом издании, представляется нам более удачным. Перводанное очарование оригинала в этом случае остается неприкосновенным. Вступительная же статья, заслуживающая всяких похвал, превращается в небольшую монографию, которую В. В. Кунин назвал «Ленинградское общество библиофилов и его альманах». Справочный аппарат книжечки включает «Краткие сведения об авторах „Альманаха библиофила“». Это — миниатюрный библиографический словарь, содержащий справки о таких прославленных книговедах и книголобах первой четверти XX века, как А. И. Малейн, М. Н. Куфаев, А. М. Ловягин, О. Э. Вольценбург, Э. Ф. Голлербах, П. К. Симони, В. Я. Адарюков и др. В каждой справке мы найдем список основных работ человека, которому эта справка посвящена. Научный аппарат включает и библиографическую справку «Книги по проблемам библиофильства».

Ценность статьи В. В. Кунина мы видим в том, что он не ограничился одним лишь рассказом об истории «Альманаха библиофила». Он повествует и о Ленинградском обществе библиофилов, и о некоторых из его 44 членов. Более того, В. В. Кунин дает портреты двух людей, стоявших у истоков Общества, — букиниста Федора Григорьевича Шилова и искусствоведа и поэта Эриха Федоровича Голлербаха. Портреты эти запоминаются.

О содержании самого «Альманаха библиофила» здесь много говорить не приходится. В десятом выпуске нового «Альманаха библиофила», вышедшем в свет в 1981 году, была помещена статья Я. С. Сидорина, посвященная знаменитому предшественнику. И все же отметим разносторонность старого «Альманаха», его своеобразный универсализм. Об этом свидетельствует простой перечень некоторых статей, помещенных здесь: «О библиофильстве в древности», «А. С. Пушкин — библиофил», «Конан Дойл и книга», «Супер-экслибрис и библиофилия», «Об одном летучем издании XVIII в., относящемся к Пугачевскому бунту», «Декабристы и полковые библиотеки», «Два неопубликованных рисунка Г. И. Нарбута»... Найдем мы в сборнике и переводы — отрывки

из прославленного «Филобиблона» Ричарда де Бери и «библиофильскую повесть» «Библиоман» Шарля Нодье. Особый интерес представляют статьи, посвященные русским книголюбам и их библиотекам. Подлинный кладезь сведений для историка отечественного библиофильства — обзор Ф. Г. Шилова «Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет».

«Альманах библиофила» 1929 года имел успех. Окрыленные им, члены Общества начали готовить к печати второй том. Был определен его состав (он приведен во вступительной статье В. В. Кунина), утверждена редколлегия. Тематика статей представляет немалый интерес. Среди них, например, работа В. А. Десницкого «М. Горький — библиофил». Второй том «Альманаха библиофила» так и не вышел: в 1931 году Ленинградское общество библиофилов вошло в Общество коллекционеров, а вскоре и вообще прекратило существование. Было бы полезно поискать в архивах статьи, подготовленные для второго тома, и, возможно, опубликовать их в нынешнем «Альманахе библиофила». Мы уже говорили, что полиграфическое воспроизведение издания, — а оно печаталось в Экспериментальной типографии ВНИИ полиграфии, — выше всяких похвал. Следует пожалеть о том, что факсимиле вышло без суперобложки, которую имел оригинал. Можно было бы, на наш взгляд, в качестве отдельного приложения дать статью А. Кайюэ «Может ли женщина быть библиофилом?», которая напечатана в некоторых экземплярах «Альманаха библиофила» 1929 года.

В любом случае, инициатива издательства «Книга» заслуживает всяческого одобрения и, добавим, продолжения! Надо выпускать серию «Библиофильские редкости» хотя бы по одной книге в год. В ней могли бы выйти старые каталоги и указатели, научная и собирательская ценность которых высока и сегодня. Это «Русские книжные редкости» Г. Н. Геннади (Спб., 1872), четырехтомные «Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий» В. А. Верещагина и Н. К. Синягина (Спб., 1908), «Русские иллюстрированные издания XVIII—XIX столетий» (1720—1870)» В. А. Верещагина (Спб., 1898). С интересом и благодарностью книголюбы приняли бы факсимиле библиофильских изданий Кружка любителей русских изящных изданий, Русского общества друзей книги, Ленинградского общества библиофилов. Как хорошо было бы получить «Домик в Коломне» А. С. Пушкина с гравюрами В. А. Фаворского в библиофильском издании Русского общества друзей книги (М., 1929), «Хронику Ленинградского общества библиофилов» (Л., 1931) или, допустим, работу А. И. Малейна и М. Г. Флеера «О редкой книге» (М.; Пг., 1923). А в перспективе можно переиздать и полные комплекты журналов «Русский библиофил», «Казанский библиофил», «Гравюра и книга», «Гравюра на дереве»...

В. Мануйлов, Л. Назарова

**ФАКСИМИЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
«СТИХОТВОРЕНИЙ М. ЛЕРМОНТОВА»**

Свои стихи М. Ю. Лермонтов печатал в журналах, главным образом в «Отечественных записках» А. А. Краевского. За всю недолгую жизнь поэт смог издать только одну книгу — «Стихотворения М. Лермонтова» (Спб.: тип. И. Глазунова и К^о, 1840). Не сразу определился состав единственной прижизненной книги поэта. Изданию ее предшествовал строгий отбор стихов: вошли только две поэмы и двадцать шесть стихотворений. Взыскательный автор не включил в сборник даже «Парус», популярное при жизни поэта произведение.

Литературоведы в течение нескольких десятилетий могли пользоваться лишь этим уникальным изданием. Уже в прошлом веке экземпляры «Стихотворений М. Лермонтова» стали библиографической редкостью и в основном принадлежали нескольким крупным библиотекам и некоторым библиофилам.

Теперь по инициативе известного советского поэта А. А. Тарковского Волго-Вятское издательство подарило нам отлично выполненное фототипическое воспроизведение «Стихотворений М. Лермонтова»*. Трудно переоценить научное и библиофильское значение этого события.

Вторая часть рецензируемой книги открывается статьей А. А. Тарковского «О книге „Стихотворения М. Лермонтова“». В ней находим краткую характеристику творчества Лермонтова и самого сборника. Далее следует комментарий, составленный кандидатом филологических наук И. С. Чистовой. Примечаниям к стихам предпослано обстоятельное научное введение, дающее историю замысла и создания «Стихотворений М. Лермонтова», оценку их литературной критикой, показывающее место книги в истории русской поэзии.

* Лермонтов М. Ю. Стихотворения М. Лермонтова / Послел. А. А. Тарковского; Коммент. И. С. Чистовой. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. 172 с. XLIV с. — Факс. изд. На тит. л.: Спб. В тип. И. Глазунова и К^о, 1840.

СТИХОТВОРЕНІЯ*М. Лермонтова.*

◆◆◆◆◆

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.*Въ типографіи Ильи Глазунова и К^о.*

1840.

Кто же подготовил прижизненное издание «Стихотворений М. Лермонтова»? Ответить на такой вопрос однозначно вряд ли возможно. Краевский впоследствии приписывал эту заслугу себе, однако И. С. Чистова справедливо указывает, что Краевский выполнил лишь техническую работу. Поскольку в 1839—1840 годах М. Лермонтов предлагал в «Отечественные записки» далеко не все стихи, а лишь те, которые считал действительно достойными печати, то в основном проблема отбора стихотворений, включенных в сборник, была решена самим поэтом.

Детально прослеживает И. С. Чистова цензурную историю сборника «Стихотворения М. Лермонтова». Наконец, подробно рассмотрена критика, ему посвященная. Высокая оценка «Стихотворений М. Лермонтова», данная в развернутой статье В. Белинского в «Отечественных записках», была поддержана большинством журналов того времени.

Читатель найдет исчерпывающие справки обо всех произведениях, вошедших в сборник «Стихотворения М. Лермонтова».

Оформление книги сделано добротнo, но, к сожалению, по техническим причинам не удалось воспроизвести цвет обложки.

А. Соловьев

КНИЖНЫЙ МИР ИСТОРИКА ЗАБЕЛИНА

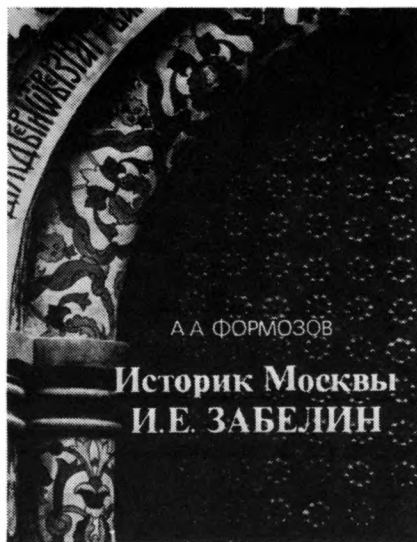
Книга А. А. Формозова* — первое исследование о выдающемся археологе, организаторе музейного дела, деятеле культуры, историке Иване Егоровиче Забелине. Обстоятельно и вместе с тем живо создан яркий образ ученого, внесшего огромный вклад в сохранение памятников русской культуры допетровского времени, московских прежде всего.

На портрете И. Е. Забелина кисти И. Е. Репина, воспроизведенном в книге, за спиной ученого видна часть его библиотеки — солидные, явно старинные тома. И. Е. Забелин, посвятивший свою жизнь возрождению московских древностей, каждодневно соприкасался с интереснейшими книгами, питавшими его собственные фундаментальные труды. Для библиофилов появление книги А. А. Формозова важно по двум причинам. Во-первых, она вводит их в круг чтения и собирательства русского историка — в удивительный мир русской книги XV—XIX веков; во-вторых, и это самое существенное, — она дает ясное представление о замечательных книгах самого И. Е. Забелина, без которых не обходился и не обходится ни один историк Москвы, — к сожалению, они стали сегодня исключительной редкостью. Кроме того, работа А. А. Формозова увлекательнейше рассказывает, при каких обстоятельствах выходили книги И. Е. Забелина, а это расширяет наши представления об издательской культуре прошлого столетия.

Каковы же основные труды И. Е. Забелина, ставшие плодом его бескорыстной, несуетной любви к московской старине?

Многотомное издание «Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях», двухтомная «История города Москвы» (второй том не вышел, сохранилась рукопись), «История русской жизни» в двух частях, «Опыты изучения русских древностей и

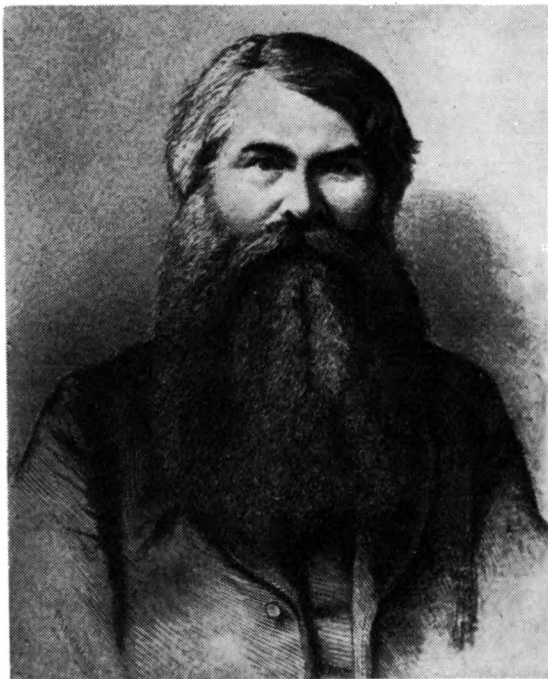
* Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М.: Моск. рабочий, 1984. 239 с., ил., портр., факс., 4 л. портр.

истории» — двухтомный сборник избранных трудов, «Историческое описание Донского монастыря», «Кунцево и древний Сетунский стан», «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» — эти и другие культурологические и исторические труды И. Е. Забелина, не утратившие познавательной ценности, помогают понять Москву как мощный культурный и политический центр нашей Родины. Многими, часто незримыми нитями связана с Москвой, ее укладом, бытом, ее духовной культурой жизнь всего народа — вот мысль, которую упорно отстаивал в своих трудах И. Е. Забелин, нередко ссылаясь на народные речения («Тверь городок — Москвы уголок») — любимая пословица историка).

А сколько книг и публикаций забытого вновь вызвано к жизни усилиями И. Е. Забелина! Подробный рассказ об этом мы находим в исследовании. Даже после кончины историка его блестящая деятельность продолжала приносить научную пользу русской культуре, городу Москве. Достаточно, например, назвать уникальное 12-томное иллюстрированное издание «Москва в ее прошлом и настоящем» — дань памяти И. Е. Забелина. Ученый не был забыт. Секция библиофилов «Старая Москва» еще в 20-е годы проводила заседания, посвященные И. Е. Забелину. А уже в наше время Моссовет назвал его именем один из переулков столицы.

И. Е. Забелин. Гравюра с фотографии 1860-х гг.

Из книги А. А. Формозова мы узнаем, какими бесценными рукописными и книжными сокровищами обладал И. Е. Забелин. Архив ученого, классифицированный им самим, находится в Государственном Историческом музее, в котором И. Е. Забелин работал в последние годы жизни. «Здесь и дневники Забелина, ведшиеся с 1837 года почти до самой смерти, и неоконченные воспоминания о детстве и юности, и сотни писем к нему, черновые и беловые рукописи его исследований, выписки из древних документов и книг, вырезки из газет, коллекция автографов и т. д.». Автор книги широко пользуется материалами этого архива, который может открыть специалистам и читателям немало интересного, ведь какие имена окружали И. Е. Забелина! Грановский, Станкевич, Чернышевский, Буслаев, Ровинский и множество других, столь же громких или совсем скромных, но также достойных имен читатель встретит на страницах этой книги.

Не меньший интерес представляет библиотека И. Е. Забелина, хранящаяся в Центральной исторической библиотеке

(1560 томов). Забелин был увлеченным собирателем книг и предметов старинного быта, но его отличала одна особенность: он был одержим собиранием рядовых предметов. Возможно, это была склонность, направляемая его профессией археолога, повышенным вниманием к быту, которому в истории культуры он придавал особое значение, подчеркивая в своих работах «силу быта», успешно сопротивляющуюся в России всем «ломкам», будь то церковная реформа или нововведения Петра I... И вот парадокс собирательства: рядовые вещи и, казалось бы, малозначительные книги в коллекции И. Е. Забелина приобрели со временем высокую культурную ценность. Тщательное изучение библиотеки И. Е. Забелина, как и его архива, еще предстоит.

«Наконец выходит книга об Иване Егоровиче Забелине...» — так начинается свое предисловие к этому изданию профессор С. О. Шмидт. Каждый собиратель литературы о Москве, любой человек, интересующийся историей Руси, только порадует, что о богатом книжном наследии И. Е. Забелина он будет знать не понаслышке.

Издательство «Московский рабочий» в последние годы издает массовыми тиражами «специальные» книги, издает на высоком полиграфическом уровне. К ним относятся и хорошо оформленная книга А. А. Формозова, за что нельзя не быть благодарным художнице И. Максимовой, художественному редактору Г. Зайцевой, а также ведущим редакторам Ю. Александрову и Л. Бузиной.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абашидзе Г. Г. 12	Альбрехт, прусский герцог 299	Асеев Н. Н. 10, 44, 46, 57, 68, 81
Абашидзе И. В. 112	Альперт М. 64	Астафьев В. П. 13, 63, 81
Абрамов Ф. А. 14, 15	Амирэджиби Ч. И. 33, 34, 317, 319	Аурицкий Ф. 116, 118, 120
Аверченко А. Т. 185	Ананьев А. А. 14	Ауззов М. О. 10
Авижос И. 12, 18	Андерсен Х. К. 240	Афанасьев А. Н. 104
Агапкин В. И. 83, 84	Андреев А. А. 74	Ахмадулина Б. А. 47, 50, 51, 53, 180
Агин А. А. 209	Андреев Я. Б. 304	Ахматова А. А. 44, 47, 54, 57, 64, 96, 97, 150, 158, 174
Адарюков В. Я. 308	Андроников И. Л. 103	Ашукин Н. 250
Айтматов Ч. Т. 6, 14, 18, 39	Анненков П. В. 165, 166	
Акиншин А. Н. 105, 106, 110	Анненков П. П. 166	
Аксаков С. Т. 92	Анненский И. Ф. 239, 244, 245, 257	
Акутагава Р. 197, 206, 212, 213	Аннинский Л. А. 67	Багрицкий В. 49, 57
Акутин Ю. М. 81	Антипова Л. И. 88	Багрицкий Э. Г. 10, 57
Александров Б. А. 99	Антокольский П. Г. 46	Баева А. А. 17
Александр Невский 265	Анучин Д. Н. 138	Бажан М. 10
Александр I 162	Апухтин А. Н. 89	Бакланов Г. Я. 12
Алексеев М. Н. 12, 20	Ардов В. Е. 187	Балашов Э. В. 60
Алиев А. М. 78	Арескин Р. 117	Бальзак О. де 25, 38
Алимжанов А. 12	Аристотель 191	Бальмонт К. Д. 96, 242, 250
Алпатов М. В. 81		Бараташвили Н. М. 9

- Барклай-де-Толли М. Б. 165
 Барметова И. Н. 171
 Басов Н. Г. 104
 Батюшков К. Н. 86
 Бахметьев В. М. 10
 Бахревский В. А. 17
 Бахтин М. М. 65
 Бахтин Н. И. 164, 165, 168
 Бедный Демьян 57,
 143—148
 Бейлинсон Я. Л. 230, 318,
 321
 Бек А. А. 176
 Белинский В. Г. 7, 38, 104,
 108—110, 149, 312
 Белокуров С. А. 138
 Белья А. 96, 247, 250
 Беляев П. И. 231
 Беранже П. Ж. 92
 Березин-Ширьев Я. Ф. 132
 Бери Р. де 309
 Бёрнс Р. 178
 Билибин И. Я. 250
 Бирюков В. П. 303
 Бисти Д. С. 23, 197, 198,
 200—202, 204, 206, 208,
 211, 213, 215, 217, 318,
 320
 Благинина Е. А. 52, 53
 Благов Ю. Н. 181—183,
 186, 318, 320
 Благой Д. Д. 81
 Блок А. А. 25, 57, 68, 71,
 73, 89, 242, 243, 246—
 250, 257
 Блок Л. Д. 248, 249
 Блынский Д. 47
 Бобков С. Ф. 67, 112
 Богданович И. Ф. 123
 Богомоллов П. 193
 Боков В. Ф. 54, 55
 Болотов А. Т. 68, 71, 73, 74,
 78
 Большаков И. Г. 187
 Большаков Л. Н. 304
 Бондарев Ю. В. 12, 14
 Боризон Б. 288
 Борис, князь полоцкий 267,
 269
 Борисова М. И. 54
 Бородулин Г. И. 66
 Бочаров А. Г. 13
 Бочков В. Н. 168
 Бояркин Н. И. 148
 Брегвадзе Б. И. 40
 Бровка П. У. 12, 58
 Брыль Я. 15
 Брюсов В. Я. 57, 63, 243,
 257
 Букнина Л. В. 7, 65, 66
 Булгаков В. Ф. 68, 70, 78
 Булгаков М. А. 32
 Бунин И. А. 68, 86, 104
 Бунин С. Г. 72
 Буринский Е. Ф. 132
 Бурчак В. П. 236
 Бурцев И. Г. 162
 Буслаев Ф. И. 315
 Быков В. В. 14, 18
 Быковский В. Ф. 230, 233
 Вагнер Р. 85
 Ваншенкин К. Я. 13, 17, 20,
 50, 57, 60, 64
 Васильев В. 231, 233
 Васильев П. Н. 45, 46, 64
 Васильев С. А. 10
 Вашков Е. И. 143—148
 Веверис Э. 197, 211
 Вегин П. В. 60
 Вельтман А. Ф. 81
 Венгеров С. А. 247, 257
 Вергилий 283, 302
 Верейский О. Г. 207
 Вересаев В. В. 73
 Верещагин В. А. 309
 Верн Ж. 7
 Веселовский Н. И. 138
 Веселый Артем 10
 Вивальди А. 71
 Вигель Ф. Ф. 163, 168
 Видрашку Ф. К. 15
 Вильбог А. 242
 Винокуров Е. М. 17, 57, 60,
 97
 Вишневский В. В. 10
 Власов И. И. 144, 145,
 147—149
 Власова А. В. 73
 Водарский В. А. 148, 149
 Воейков Л. А. 121, 124
 Воейкова М. А. 122
 Вознесенский А. А. 12, 47,
 48, 51, 54, 56
 Володин А. М. 178
 Волошин М. А. 58, 96, 151,
 153, 159, 160, 256, 257
 Вольтер 302
 Вольценбург О. Э. 308
 Воробьева Г. И. 167
 Воронов Н. П. 13
 Второв Н. И. 109
 Вургун С. 10
 Высоцкий В. С. 61
 Вяземский П. А. 108, 180
 Гагарин Ю. А. 82, 230, 233
 Гайдар А. П. 92
 Галер Я. 282
 Галляев Г. 259
 Галкин Ю. Ф. 20
 Гамзатов Р. Г. 12, 18
 Ганф Ю. А. 188
 Гарелин С. П. 146
 Гарелин Я. П. 146
 Гартге Э. К. 132
 Гаршин В. М. 91
 Геннади Г. Н. 129, 132, 309
 Георгий Блистательный,
 грузинский царь (XIV в.)
 40
 Герасимов И. А. 16
 Герман Ю. П. 12
 Герчук Ю. Я. 190, 318, 320
 Гёте И. В. 18, 37, 75, 91
 Гладков А. К. 178
 Гладков Ф. В. 10
 Глазков Н. И. 54, 65, 96, 97
 Глазков Ю. Н. 231, 233
 Гоголь Н. В. 38, 98, 209,
 210, 240
 Голіке Р. 242
 Голлербах Э. Ф. 308
 Голлидэй С. 159
 Головкин А. 94, 95
 Голубев А. С. 129
 Голубев В. И. 99
 Гомер 37, 117, 197, 202, 204
 Гончар О. 12, 18
 Гончаров А. Д. 23
 Гораций 283
 Горбатов Б. Л. 11
 Горбачев Н. А. 17
 Горбовский Г. Я. 47, 63
 Горбунов И. Ф. 91
 Горбунов Ю. А. 303, 305
 Гордейчев В. Г. 50, 54
 Горин Г. И. 180
 Городецкий С. М. 248, 250,
 256, 257
 Горький А. М. 8, 9, 13, 21,
 32, 71, 309
 Гохфедер К. 282
 Гранин Д. А. 11
 Грановский Т. Н. 315
 Греков В. Я. 82
 Грибачев Н. М. 11
 Григорьев В. В. 304
 Григорян А. П. 13
 Гринберг И. Л. 57
 Гриффов Б. А. 160
 Грот Я. К. 122, 123
 Гудзенко С. П. 58, 59, 92
 Гувовский Г. А. 164
 Гулям Г. 57
 Гусев В. И. 13
 Гутенберг И. 197
 Данте А. 37, 248, 249
 Дедков И. А. 13
 Дементьев А. Д. 20, 54
 Демирчян Д. К. 10
 Державин Г. Р. 9, 122, 123
 Десницкий В. А. 309

- Дионисий, русский живописец 227
 Дмитриева В. И. 80
 Дмитриенко М. М. 135
 Доде А. 38
 Долматовский Е. А. 10, 46
 Доре Г. 207
 Дорников Н. А. 74
 Дорошевич В. М. 185
 Достоевский Ф. М. 32, 40, 75, 86, 212
 Драйзер Т. 176
 Друнина Ю. В. 65, 92
 Дудинская Е. А. 76
 Дудин М. А. 57, 59, 66, 92
 Думбадзе Н. В. 14, 18
 Дюма А. 172, 173
- Евсеева С. Г. 47, 50, 52
 Евтушенко Е. А. 12, 42, 46, 47, 50, 51, 58, 61
 Евфросиния Полоцкая, просветительница 270, 271
 Емельяненко В. Б. 92
 Емельянов Б. С. 304
 Еременко В. Н. 7, 13, 26, 317, 319
 Ермакова-Битнер Г. В. 164
 Ерофеев Ю. Н. 143, 318, 320
 Ершов П. П. 92
 Есенин С. А. 42, 43, 46, 57, 63, 96, 174, 185
 Ефимов М. Д. 13
 Ефремин А. 143, 144
 Ефремов П. А. 132
- Желябов А. И. 106
 Жигулин А. В. 61
 Жиляев Н. Д. 73, 82
 Жуков Г. К. 77, 92
 Жуковский В. А. 68, 69, 73, 75, 76, 78, 81, 83, 86, 104, 106, 110
- Заболоцкий Н. А. 12, 44, 47, 52, 178
 Забелин И. Е. 131, 132, 138, 140, 179, 313—316
 Забылин М. 129
 Загоскин М. Н. 102
 Загребельный П. А. 14
 Задорнов Н. П. 17
 Зайденшнур Э. Е. 72
 Залыгин С. П. 12
 Зальтен Ф. 39
 Заряно С. К. 148
 Заурих А. А. 51
 Звездин В. В. 168
 Звездин Н. А. 147
 Здобнов Н. В. 130, 140
 Зильберштейн И. С. 99
- Зиновьева-Аннибал Л. Д. 250
 Злочевский Г. Д. 125, 318, 320
 Зорин Э. П. 17
 Зульфья 20
- Ибаррури Д. 82
 Иван Грозный 177
 Иванов В. И. 242, 247, 250, 257
 Иванов Е. П. 102
 Иванов Л. И. 15
 Иванов Ю. Н. 17
 Иванченков А. С. 231, 233
 Ивашкевич Я. 142
 Игнатьев А. А. 99
 Игорь Святославич, князь новгород-северский 200, 202
 Изяслав, князь полоцкий 264, 265, 270
 Иконников В. С. 136
 Икрами Д. 14
 Илятовская Т. А. 15
 Ильф И. 10
 Илюшин А. А. 164
 Инбер В. М. 185
 Исаакян А. С. 10
 Исаковский М. В. 12, 58, 84, 97
- Казаков Ю. П. 12
 Казакова Р. Ф. 12
 Казанцев В. И. 54
 Казин В. В. 81
 Кайюэ А. 309
 Кальвино И. 211
 Каменский А. 143, 148
 Канивец В. В. 14
 Каннегисер Е. И. 158, 160
 Каннегисер И. С. 158
 Каноат М. 12, 18
 Канунова Ф. З. 75
 Караваева А. А. 10
 Карамзин Н. М. 7, 133, 179
 Каратыгин В. А. 162, 163
 Карим М. 13
 Кармен Р. Л. 82
 Карпенко В. В. 15
 Карпов В. В. 16
 Каррик В. 250
 Картавцев И. М. 139
 Катаев В. П. 10
 Катанян В. А. 178
 Катенин А. А. 168
 Катенин Ал. Ан. 165
 Катенин Е. А. 168
 Катенин М. И. 166
 Катенин П. А. 161—168
 Катенина Л. М. 164
 Квазимодо С. 49
 Кедрин Д. Б. 57
- Кербабаев Б. М. 10
 Кешоков А. П. 12
 Ким А. А. 12
 Кио 186
 Киплинг Р. 254
 Киреевский И. В. 75, 76
 Кирилл и Мефодий 135
 Кирпичников А. К. 139
 Кирсанов С. И. 12
 Киришон В. М. 179
 Киселев В. 230, 233
 Клер Р. 41
 Клышко А. К. 258, 259, 262, 268, 272, 285, 289, 318, 321
 Ключев Н. А. 43, 73, 96
 Кобяков П. А. 82
 Ковалев Д. М. 54
 Коваленков А. А. 10, 81
 Коваль-Волков А. И. 17
 Коган П. Д. 49, 54
 Кожевников В. М. 10
 Кожинков В. В. 57, 67, 78, 80
 Козинцев Г. М. 175—177
 Козловский Я. А. 54
 Колосов М. М. 16
 Колумб Х. 274
 Кольцов А. В. 91, 104—109, 111
 Кольцов М. Е. 82
 Комраков Г. Б. 20
 Конан Дойл 308
 Константинов Ф. Д. 23
 Константинова З. И. 101
 Константиновский Д. Л. 17
 Кончин Е. В. 161, 318, 320
 Коперник Н. 259
 Коптелов А. Л. 20
 Коптеева А. Д. 12
 Корнилов Б. П. 45
 Королев А. В. 197, 213
 Короленко В. Г. 80
 Кострин К. В. 303
 Костров Е. И. 119
 Кочетков А. С. 178
 Кошечкин С. П. 57, 63
 Кравцов Г. А. 230, 233
 Краевский А. А. 311, 312
 Крамской И. Н. 104
 Краснов Н. С. 66
 Креспи Д. М. 192
 Криворучко В. П. 110
 Крупаткин В. Л. 303
 Крылов И. А. 9
 Крылова М. И. 75
 Кугультинов Д. Н. 12, 18
 Кузмин М. А. 64
 Кузнецов Анат. М. 239, 318, 321
 Кузнецов Арк. М. 148
 Кузнецов В. И. 106—110
 Кузнецов М. С. 136
 Кузнецов Ю. П. 63, 65

- Кукрыниксы 210
 Кулиев К. Ш. 12, 18
 Кульчицкий М. В. 57
 Кунин В. В. 307—309
 Купала Я. 10
 Курочкин Ю. М. 303, 305
 Куртенок А. М. 73, 82
 Курсберг П. 12, 18
 Куфаев М. Н. 307—309
 Кэрролл Л. 254
- Ладинский А. 17
 Лазарев В. Я. 51, 52, 68, 69, 78, 83, 317, 319
 Лакшин В. Я. 64
 Лапцуй Л. В. 13
 Ласунский О. Г. 80, 110, 305
 Лебедев В. А. 17
 Лебедев-Кумач В. И. 59, 90
 Левинский В. Д. 135
 Левитанский Ю. Д. 60
 Левшин В. А. 68, 71, 87
 Лемке М. К. 179
 Ленин В. И. 197, 303
 Леонардо да Винчи 196, 286
 Леонидзе Г. Н. 10
 Леонов А. А. 231, 233
 Леонов Л. М. 2, 9
 Лермонтов М. Ю. 89, 91, 103, 104, 164, 168, 174, 175, 311, 312
 Лесков Н. С. 99, 102
 Либрович С. Ф. 132
 Ливий Т. 117
 Лидин В. Г. 11, 80, 99, 123
 Липатов В. В. 12
 Лисичкин Г. С. 15
 Лисовский Н. М. 132
 Листвойб И. А. 99
 Лисянский М. С. 54
 Лихачев Д. С. 78, 81, 202
 Лихоносов В. И. 13
 Лобанов В. В. 75, 81
 Лобанов М. П. 54, 81
 Ловягин А. М. 308
 Ломоносов М. В. 9, 116
 Лондон Дж. 173, 254
 Лосев А. Ф. 68, 81
 Луговской В. А. 12, 42—44
 Луконин М. К. 12, 46, 47, 49, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 60, 97
 Луппов С. П. 124
 Львов М. Д. 17, 60, 97
 Лю Бан 216
 Любимов Н. М. 151
 Лютер М. 298
- Майоров Н. П. 49
 Макаров С. Г. 51
 Маккиавелли Н. 40
 Маковицкий Д. П. 72
 Максимов М. Д. 59
 Маленин А. И. 308, 310
 Малинов П. В. 90
 Малиновский А. Ф. 126
 Мальшев С. 230, 233
 Мальми В. Н. 65, 66
 Мальцев Е. Ю. 12
 Малышкин А. Г. 9
 Манасейна Н. И. 242, 245, 248, 251
 Мандельштам О. Э. 43
 Манн Т. 74, 75
 Мануйлов В. А. 311
 Маритен Ж. 215
 Марков Г. М. 14
 Марков С. Н. 45, 52
 Маркушевич А. И. 79, 99, 100
 Мартынов Л. Н. 43—45, 49, 52, 57, 62, 97
 Марченко А. М. 53
 Маршак С. Я. 46, 64, 186, 187
 Матвеева Н. А. 108
 Матвеева Н. Н. 48, 96
 Матисс А. 212
 Матусовский М. Л. 10
 Махонина И. Н. 87, 97
 Маяковский В. В. 42, 43, 54, 57, 97, 104, 178, 188, 197
 Медведев В. В. 22, 23
 Медведев Д. Н. 92
 Межелайтис Э. Б. 12, 18, 49
 Межиров А. П. 60
 Междумян К. С. 33
 Межов В. И. 129, 132
 Мейерхольд В. Э. 54
 Мележ И. П. 12
 Мерчулэ 40
 Микеланджело Б. 209, 286
 Микловда А. 231, 233
 Миллер В. Ф. 138
 Миллер Г. Ф. 126
 Минин К. 186, 314
 Михайлов А. А. 67
 Михайловский Н. К. 239, 241
 Михалков С. В. 10
 Михеева М. К. 72
 Мнухин Л. А. 150, 160
 Модестов В. И. 159
 Модестова А. В. 159
 Мопассан Ги де 173, 176
 Мордасова М. Н. 104
 Мориак Ф. 215, 216
 Мориц Ю. П. 54, 56, 60
 Морозов Н. А. 106
 Мозэм С. 173
- Мстиславец Петр 294
 Муравьев А. Н. 162
 Мушин-Пушкин А. И. 122
 Мюссе А. де 158
 Мячин С. И. 99
- Нагибин Ю. М. 63
 Наговицын А. 231, 233
 Надсон С. Я. 174
 Найденов Н. А. 131
 Нарбут В. 57
 Нарбут Г. И. 309
 Наровчатов С. С. 54, 55, 58, 92
 Нарышкин Э. Д. 121
 Недогонов А. И. 92
 Неелды З. 290
 Некрасов Н. А. 7, 91, 143—145, 148, 149, 188
 Некрасова К. А. 58
 Немировский Е. Л. 306
 Нерула П. 48, 49
 Нестеров М. В. 250
 Неустроев А. Н. 129
 Никитин А. Г. 115, 317, 320
 Никитин И. С. 80, 91, 104, 106—109, 111
 Никифоров Н. А. 230
 Николаева Г. Е. 11
 Никольский М. В. 138
 Новиков В. В. 18
 Нодье Ш. 309
 Ноздрин А. Е. 144, 145, 148
 Носков В. А. 23, 232, 233
- Оболенский М. А. 126
 Овдий 283
 Оглоблин Н. Н. 166, 167
 Огнев В. Ф. 46
 Огневский Л. Л. 17
 Оверник Ю. 298
 Одоевский А. И. 75
 Озеров В. М. 17
 Озеров Л. А. 110
 Окуджавя Б. Ш. 17, 48, 57, 60
 Олдингтон Р. 178
 Олейник В. И. 66
 Опизари Б. 40
 Орбелиани Г. З. 9
 Орлов А. И. 304
 Орлов В. Н. 164, 257
 Орлов С. С. 12, 92
 Осетров Е. И. 51, 57, 109, 303
 Осипов В. А. 15
 Осоргин М. А. 305
 Островская Л. В. 101
 Островский Н. А. 9
 Остужев А. А. 104
- Павленко П. А. 11
 Павленков Ф. Ф. 305

- Павлова К. К. 96
 Пальман В. И. 17
 Панкин Б. Д. 18
 Панова В. Ф. 11
 Пантелеев Л. 92
 Пантелеев Л. Ф. 100
 Пастернак Б. Л. 64, 97, 173
 Пахомов В. Ф. 97
 Паштов Г. С. 231, 232, 233
 Первенцев А. А. 12
 Передреев А. К. 64
 Перовская С. Л. 106
 Пестель П. И. 162
 Петр I 105, 116, 117, 193, 316
 Петрицкий В. А. 305
 Петров А. П. 180
 Петров Е. 10
 Петров П. И. 164
 Петросян В. А. 12
 Петряев Е. Д. 80, 303
 Пирогов Г. С. 188
 Платон 191, 216
 Платонов А. П. 57
 Плебейский О. Л. 56
 Плеханов Г. В. 106
 Плиний 38
 Плутарх 117
 Поваляев Д. С. 82
 Поваляев В. Д. 15
 Пожарский Д. М. 186, 314
 Покатов В. 232, 233
 Поленов А. Я. 120, 121, 124
 Поленов В. А. 120
 Поленов В. Д. 115, 119, 122—124, 241
 Поленов Д. В. 119—122
 Поленов Ф. Д. 123, 124
 Поленов Я. К. 124
 Полетаев Н. Г. 57
 Поликарпов Ф. 116, 117
 Полонский Я. П. 109
 Помяловский Н. Г. 80
 Попков В. 213
 Попов В. А. 304
 Попудогло Ф. Ф. 127
 Портер А. Ю. 98
 Посошков И. Т. 68
 Пошвалов Е. 105, 107, 110
 Превер Ж. 50
 Примеров Б. Т. 63
 Приставкин А. И. 16
 Прокофьев А. А. 12, 56, 97
 Просецкий Э. П. 17
 Проскурин П. Л. 12, 13, 15
 Протопопова О. 64
 Пруст М. 153
 Пугачев Е. И. 120, 309
 Пузанов С. В. 98, 103, 317
 Пушкин А. С. 7, 55, 77, 89, 91, 96, 98, 108, 109, 120, 134, 143, 162—166, 168, 174, 175, 179, 240, 308, 310
 Пшавела В. 38
 Пыпин А. Н. 148, 149
 Пяст В. А. 250
 Пяткин Г. В. 167
 Пятницкий М. Е. 104
 Равич Н. А. 17
 Радимов П. А. 57
 Радищев А. Н. 122, 123, 165
 Разин С. Т. 106
 Райкин А. И. 181
 Распутин В. Г. 13, 81
 Рафаэль Санти 286
 Рейно Э. 257
 Рейсер С. А. 143, 144, 149
 Ремарк Э. М. 32, 178
 Ремизов А. М. 250
 Репин И. Е. 313
 Рерих Н. К. 58
 Рёскин Д. 252
 Рид Дж. 57
 Рид М. 7
 Ровинский Д. А. 315
 Рождественский Р. И. 12, 17, 46, 51
 Рождалмс Д. 230
 Розанов В. В. 257
 Рокоссовский К. К. 92
 Романов А. В. 104, 317, 319
 Романов П. С. 185
 Романовский С. Т. 17
 Росляков В. П. 12, 20
 Ростан Э. 178
 Ростовцева И. И. 64, 67, 81
 Рублев А. 227
 Рубцов Н. М. 48, 56, 61, 63, 64, 96
 Рукавишников Н. Н. 231, 233
 Руммель Н. 250
 Рунин Б. М. 46
 Руставели Ш. 37, 40
 Рыбин В. Ф. 17
 Рылеев К. Ф. 104, 165
 Рьльский М. Ф. 10
 Рытхэу Ю. С. 13
 Рябинин Б. С. 303
 Рязанов Э. А. 171, 172, 318, 320
 Сабашникова М. 250
 Савельев В. 231, 233
 Савицкая С. Е. 232, 233
 Сазонова С. М. 73, 74, 82
 Салтыков-Щедрин М. Е. 7, 102, 181, 210
 Салсков А. А. 143, 148
 Самойлов Д. С. 50, 58
 Самохвалов Д. Г. 106
 Самыгин Ф. 143—149
 Санников Г. А. 50
 Сапогов А. И. 115, 116, 119
 Сартаков С. В. 12
 Саянов В. М. 12
 Светланов Е. Ф. 84
 Светлов М. А. 57, 59, 97
 Свиридов Г. В. 86
 Святослав, князь киевский 200, 306
 Севастьянов В. И. 82
 Северянин И. В. 96, 185
 Сегалин Г. В. 303
 Сельвинский И. Л. 10, 63
 Семакин В. К. 64
 Семин В. Н. 16
 Сеньков О. М. 148
 Сергеев-Ценский С. Н. 9
 Сергеева Н. Ф. 101
 Серов В. А. 244
 Сетон-Томпсон Э. 91
 Сидорин Я. С. 308
 Сидоров А. А. 80
 Сидоров В. М. 66
 Сидоров Е. Ю. 13
 Симонов Ж. 304
 Симонов П. К. 308
 Симонов К. М. 11, 51, 58, 60, 90, 175
 Синклер Л. 176
 Снягинин Н. К. 309
 Скатов Н. Н. 106, 107, 110
 Скорина И. 264, 299
 Скорина Л. 261, 263, 288
 Скорина Ф. 258—262, 264—279, 282—300
 Скориню Л. И. 305
 Слуцкий Б. А. 46, 47, 50, 64
 Слуцкис М. 14
 Случевский К. К. 96, 242, 246
 Смеляков Я. В. 43, 45, 47, 48, 62, 68, 81, 97
 Смирнов-Сокольский Н. П. 183—186
 Смолич Ю. К. 10
 Смуул Ю. 12
 Собко Н. П. 129
 Соболев Л. С. 10
 Сойкин П. П. 100
 Соколов В. Н. 12, 42, 61
 Соколов-Микитов И. С. 68
 Соловьев В. С. 81, 241, 243
 Соловьев М. С. 241
 Соловьев С. М. (отец Соловьевой П. С.) 134, 240
 Соловьев С. М. (племянник Соловьевой П. С.) 246, 249, 250
 Соловьева П. С. 239—250, 252—257
 Сологуб Ф. К. 242, 250

- Солоухин В. А. 102
 Сопиков В. С. 128
 Софокл 191
 Софронов А. В. 64
 Станкевич Н. В. 104, 106, 108, 315
 Стаднюк И. Ф. 13
 Старцев И. И. 99
 Старшинов Н. К. 13, 88, 89, 92, 94, 96, 97, 317, 319
 Стасов В. В. 296
 Стендаль 38, 75, 153, 175, 176
 Стоун И. 209
 Стрек Ю. ван 191
 Стрекалов Г. М. 231, 233
 Строев П. М. 128
 Субботин В. Е. 54
 Суворов А. В. 115—120, 123, 124
 Судрабкалн Я. 12
 Сумароков А. П. 9
 Сурганов В. А. 15
 Сурков А. А. 11, 90
 Суровежин Н. И. 99
 Суслов В. В. 138
 Сухов Ф. Г. 64
 Сытин И. Д. 243, 245, 255
- Табидзе Т. 10
 Табольский В. М. 74
 Тамбулер Л. А. 154
 Танк М. 20
 Тарасенков А. 10, 45
 Таривердиев М. 179
 Тарковский А. А. 311
 Татьяничева Л. К. 64
 Тацит 38
 Твардовская М. И. 83, 97
 Твардовский А. Т. 10, 32, 46, 47, 49, 51, 58, 62, 64, 66, 82, 97
 Тенниел Д. 254
 Терешкова В. В. 230, 233
 Тимофеев М. Е. 12
 Титов В. А. 16
 Тиханчук М. 277, 278
 Тихонов Н. С. 9, 49, 55, 58, 60
 Тициан 286
 Ткаченко А. С. 81
 Ткаченко А. П. 65
 Токмаков И. Ф. 125—140
 Толмачев М. В. 150, 318, 320
 Толстой А. К. 91
 Толстой А. Н. 9, 250
 Толстой Л. Н. 32, 37, 56, 59, 68, 70—72, 75, 86, 89, 98, 104, 207, 241
 Тредиаковский В. К. 9
 Третьяков С. М. 131
 Трифонов Ю. В. 12
 Трошин А. И. 73, 82
- Трунин Н. П. 78
 Тряпкин Н. И. 64
 Тургенев И. С. 30, 32
 Турков А. М. 54
 Тынянов Ю. Н. 209, 210
 Тычина П. Г. 10
 Тэффи 185
 Тютчев Ф. И. 61, 91
 Тяпинский В. Н. 294
- Укачин В. У. 13
 Урнов Д. М. 254
 Успенский Г. И. 73
 Успенский Н. В. 73
 Утесов Л. О. 187
 Ушаков Д. А. 53
 Ушаков Н. Н. 64
 Ушаков Ф. В. 122
- Фаворский В. А. 190, 194, 197, 199, 203, 208—210, 230, 310
 Фадеев А. А. 10
 Фам Туан 232, 233
 Федин К. А. 9, 170
 Федоров В. Д. 46, 53, 54, 65, 96
 Федоров Иван, первопечатник 294, 298, 306
 Федотов В. И. 66
 Феоктистов К. П. 104
 Фет А. А. 61, 68, 91, 240—242
 Фигнер В. Н. 106
 Филипченко А. В. 104
 Фильш Ш. 282
 Фирсов В. И. 46, 47
 Флер М. Г. 310
 Флобер Г. 150, 153, 154, 156, 157
 Формозов А. А. 140, 313, 315, 316
 Форш О. Д. 12, 250
 Франко И. Я. 9
 Франс А. 216, 254
- Хемингуэй Э. 32, 178
 Хикмет Н. 46, 57
 Хитрово Е. М. 179
 Хлебников В. В. 54, 96
 Холмогоров В. Н. 131
 Холмогоров Г. Н. 131
 Храпченко М. Б. 13, 17
- Цвейг С. 176
 Цветаева А. И. 81
 Цветаева М. И. 45, 46, 73, 96, 150—160, 178, 180
 Цезарь Гай Юлий 117
 Цургавели Я. 37, 38
 Цыбин В. Д. 12, 13, 42, 43, 66, 317, 319
 Цыганов Н. Г. 96
- Чаадаев П. Я. 165
 Чавчавадзе А. Г. 9
 Чагин П. И. 63
 Чаковский А. Б. 14, 20
 Чапек К. 175
 Чаплин Ч. 176
 Черный Саша 185, 250
 Чернышевский Н. Г. 148, 149, 315
 Чехов А. П. 77, 90, 174
 Чивилихин В. А. 12
 Чижевский А. Л. 64, 65
 Чилладзе О. И. 17
 Числов М. М. 24
 Чистова И. С. 311, 312
 Чуванов М. И. 80
 Чуковский К. И. 12, 143, 250
 Чумбаров-Лучинский Ф. С. 161, 167
 Чюмина О. Н. 242
- Шагиния М. С. 9, 250
 Шамякин И. П. 13, 14
 Шарден Ж. Б. С. 192
 Шарпантье Г. 151
 Шаталов В. А. 231, 233
 Шаховской А. А. 96
 Шевченко Т. Г. 9
 Шекспир У. 156
 Шефер В. 231, 233
 Шиллер Ф. 75
 Шиллов Ф. Г. 166, 308, 309
 Шинкуба Б. В. 17
 Шкапская М. М. 43
 Шкловский В. Б. 43, 57
 Шляпкин И. А. 132
 Шмаров Ю. Б. 168
 Шмидт С. О. 316
 Шолохов М. А. 7, 9, 77
 Шостакович Д. Д. 84
 Штраух М. М. 177
 Шукшин В. М. 12, 120
- Шапов Т. А. 146
 Шеголев П. Е. 143, 166
 Щепкина-Куперник Т. Л. 178
 Щипачев С. П. 11, 55, 81
- Эйзенштейн С. М. 35, 176, 177
 Эмин Г. 20
 Эренбург И. Г. 10
 Эрнесакс Г. Г. 84
 Эфрон А. С. 159
 Эфрон Е. Я. 159
- Ювенал Д. Ю. 152
- Якушкин И. Д. 162
 Яшен К. 12, 18
 Яшин А. Я. 10, 46, 55, 56, 97

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЕРЕМЕНКО (р. 1928)

Председатель Правления издательства «Советский писатель». Прозаик. Автор книг «Свой хлеб», «Поколение», «У порога» и других.

ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ (р. 1921)

Прозаик. Лауреат Государственной премии СССР. Его перу принадлежит широко известный роман «Дата Туташкиа».

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЦЫБИН (р. 1932)

Поэт. Прозаик. Критик. Автор поэтических книг «Родительница степь», «Пульс», «Бессонница века», «Ау», «Глагол», «Колокола души», «Думы дальние» и других. Известен также читателю по книгам прозы «Всплески» и «Капели», по статьям о творчестве М. Лермонтова, И. Анненского, А. Блока, С. Есенина, А. Твардовского, Я. Смелякова, С. Наровчатова.

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ЛАЗАРЕВ (р. 1936)

Поэт. Прозаик. Литературовед. Занимается исследованием истории отечественной литературы. Выступает с острыми публицистическими статьями, посвященными проблемам современной культуры.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СТАРШИНОВ (р. 1924)

Поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола. Его перу принадлежат книги «Осинник», «Милая мельница», «Река любви», «Протока», «Мое время» и другие.

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ПУЗАНОВ (р. 1933)

Директор объединения «Московская букинистическая книга». Занимается исследованием проблем, связанных с историей книги.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОМАНОВ (р. 1908)

Прозаик. Публицист. Автор книг «Дальние берега», «Негаснувший экран» и других.

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ НИКИТИН (р. 1937)

Публицист. Кандидат философских наук. Заместитель редактора газеты «Правда» по промышленно-экономическому отделу. Автор статей по проблемам управления экономикой. Его перу принадлежат исторические, литературоведческие книги «Уральская явка», «Пушкин и Урал» и другие.

ГАРОЛЬД ДАВИДОВИЧ ЗЛОЧЕВСКИЙ (р. 1936)

Кандидат технических наук. Занимается изучением истории Москвы, ее культурных памятников и книг о Москве.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕРОФЕЕВ (р. 1936)

Доктор технических наук. Публикует статьи по истории русской и советской литературы.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ТОЛМАЧЕВ (р. 1935)

Литературовед. Кандидат филологических наук. Выступает в печати со статьями по истории французской литературы и искусствоведению.

ЕВГРАФ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНЧИН (р. 1930)

Журналист. Читателю известен по книгам «Загадки старых картин», «Московский поиск. Судьбы, открытия, гипотезы, загадки» и другим.

ЭЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЯЗАНОВ (р. 1927)

Кинорежиссер. Сценарист. Народный артист СССР. Лауреат Государственной премии СССР. Автор книги «Неподведенные итоги».

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЛАГОВ (р. 1913)

Поэт. Прозаик. Его перу принадлежат сборники сатирических стихов «Гимн шутке», «Вот я и говорю», «Невеста без места» и другие, а также книги о цирке «Чудеса на манеже», «Юрий Дуров», «Наши клоуны».

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГЕРЧУК (р. 1926)

Критик. Искусствовед. Им написаны книги «Эпоха воспоминаний», «Художественная структура книги», «Живые вещи» и другие.

ДМИТРИЙ СПИРИДОНОВИЧ БИСТИ (р. 1925)

Народный художник РСФСР. Лауреат Государственной премии СССР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. Ректор народного университета «Искусство книги».

АРАМ АЙКОВИЧ АСОЯН (р. 1941)

Литературовед. Кандидат филологических наук. Автор статей о русской литературе XIX века и о русско-итальянских литературных связях.

ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ БЕЙЛИНСОН (р. 1922)

Журналист. Заслуженный работник культуры РСФСР. Им опубликованы статьи и исследования о художниках-графиках, об экслибрисе.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ (р. 1935)

Критик. Автор работ по русской и советской литературам, музыке, зарубежному искусству.

АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ КЛЫШКО (р. 1935)

Критик. Прозаик. Автор сборника статей «Право на стихи», ряда книг для детей — «В лесах Беловежи», «Самый лучший домик», «Тусесок». Его перу принадлежит белорусский «Букварь», удостоенный золотой медали на Лейпцигской выставке 1977 года.

SUMMARIES

VLADIMIR YEREMENKO

The Central Publishing House of the Writers' Union

V. Yeremenko is a prose writer and the chairman of the editorial board of "Sovetsky Pisatel", one of the leading publishing houses in this country. His essay chronicles the publishing house's history and draws plans for the future.

CHABUA AMIREDJIBI

More Thoughts on Kindness in Art and Reality

Written by the author of best-selling novel "Data Tutashkhia", the essay covers a wide range of issues, from the art of writing and the necessity to draw from the cultural legacy of the past, to kindness viewed as an ever-living human value.

VLADIMIR TSYBIN

Never-Ending Days

"Den Poezii" ("A Day of Poetry"), an annual anthology of poetry is three decades old. V. Tsybin reviews 30 volumes of the anthology, describes his meetings with acclaimed poets.

VLADIMIR LAZAREV

The Face and Soul of Culture

In his essay Vládimir Lazarev examines traditions of the past as part and parcel of modern culture and inquires into the nature of Russian cultural background.

NIKOLAI STARSHINOV

A Way to the Reader

Surveying the role of books during the Great Patriotic War, N. Starshinov, a popular Soviet poet observes their impact on shaping the war-time generation's outlook and reviews anthologies dedicated to the great victory.

STANISLAV PUZANOV

A Winged Book

The director of Moscow Second-Hand Book Trade Association discusses the achievements and problems of second-hand book trade.

ALEXEI ROMANOV

Truly Popular

An essay on A. Koltsov and I. Nikitin, original self-taught poets whose works were rooted in the folklore traditions of their native land, the country-side of the city of Voronezh.

ALEXANDER NIKITIN**A Bibliophile Treasure, or The Secret of the DVP Ex libris**

An unexpected discovery made in the book collection of Polenov, a well-known Russian artist, shed light on an obscure period in biography of the great Russian military leader A. Suvorov.

HAROLD ZLOCHEVSKY**The General Archive's Librarian**

Compiling catalogues of Moscow antiquities may well be called Ivan Tokmakov's lifework. We present a biographic sketch of this indomitable man.

YURI YEROFEYEV**A Discovery Made by Demian Bedny**

Poet Demian Bedny possessed a unique book collection. An unknown fragment from N. Nekrasov's poem "Grandpa" led him to a discovery described in the article.

MIKHAIL TOLMACHEV**Five Books with M. Tsvetayeva's Marginalia**

We present a maiden publication of M. Tsvetayeva's marginalia on the pages of her copy of "Madame Bovary".

YEVGRAF KONCHIN**A Mystery of the Shaevo Exile**

P. Katenin, a friend of A. Griboyedov and A. Pushkin was a brilliant poet and man of ideas. The article provides a brief history of his private library and archive.

ELDAR RYAZANOV**The One I Like to Talk to.**

A popular Soviet film maker and writer comments on what books mean to him and recalls his meeting with Sergei Eisenstein, an outstanding Soviet film director.

YURI BLAGOV**Not a Day without a Joke. An Experimental Mono-interview**

A satirist tells the story of his friendship with Smirnov-Sokolsky, a well-known Soviet bibliophile. The books by Smirnov-Sokolsky have had a definite impact on his work.

YURI GERCHUK**Books on Canvass**

The subject of a Soviet art critic's article is book depicted in still-life throughout centuries.

DMITRI BISTI**A Blank Page**

An interview with D. Bisti, an artist and corresponding member of Soviet Academy of Arts shows the scope of his interests that range from Russian history and art of XII century to modern literature. It reconfirms that genuine art is conditional on comprehensive development of personality as well as on moral values shaping creative mind.

YAKOV BEILINSON

Stars in Ex libris

Many astronauts who turned to collecting books possess remarkable bookplates. The article presents their makers.

ANATOLI KUZNETSOV

A Poetess, Artist, Publisher...

An essay on Polixena Solovieva, the daughter of famous Russian historian Sergei Soloviev, shows her versatility as a poetess, prose writer and artist.

ANATOLI KLYSHKO

To a Young Bibliophile. Francisk Skorina

A distinguished Belorussian writer presents an entertaining biography of the great Mediaeval publisher.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Владимир Еременко.</i> Главное издательство писателей. <i>Беседа вела Людмила Букина</i>	7
<i>Чабуа Амирэджиби.</i> Еще раз о добре в искусстве и жизни. <i>Беседа вел Константин Межлумян</i>	33
<i>Владимир Цыбин.</i> Дни, которые никогда не кончаются. О тридцати выпусках сборника «День поэзии»	42
<i>Владимир Лазарев.</i> Лицо и душа культуры. <i>Беседа вел Сергей Субботин</i>	68
<i>Николай Старшинов.</i> Дорога к читателю. <i>Беседа вела Людмила Антипова</i>	88
<i>С. Пузанов.</i> Книга-птица. <i>Беседа вел С. Сергеев</i>	98
<i>Ал. Романов.</i> Истинно народные	104

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Александр Никитин.</i> Книжное сокровище Поленовых, или Загадка экслибриса «ДВП»	115
<i>Г. Злочевский.</i> Библиотекарь Главного архива	125

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Ю. Ерофеев.</i> Об одной находке Демьяна Бедного	143
<i>М. Толмачев.</i> Пять книг с автографами Марины Цветаевой	150
<i>Евграф Кончин.</i> Загадки шаевского изгнанника	161

В СОДРУЖЕСТВЕ МУЗ

<i>Эльдар Рязанов.</i> Мой лучший собеседник. <i>Беседа вела Ирина Барметова</i>	171
<i>Юрий Благов.</i> Ни дня без шутки. Опыт моноинтервью	181
<i>Ю. Герчук.</i> Книга в мире вещей	190

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

<i>Дмитрий Бисти. Над чистым листом. Беседу вел Анатолий Королев</i>	197
<i>А. Асоян. «Божественная комедия» в библиотеках русских писателей</i>	218
<i>Яков Бейлинсон. Звездные сюжеты экслибрисов</i>	230

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>А. Кузнецов. Поэтесса, художница, издательница</i>	239
<i>Юному книголюбу Анатолий Клышко. Франциск Скорина. Перевод с белорусского и предисловие Константина Ковалева</i>	258

НАША ПОЛКА

<i>Виктор Утков. В добрый путь!</i>	303
<i>Е. Немировский. Чудесная библиофильская редкость</i>	306
<i>В. Мануйлов, Л. Назарова. Факсимильное издание «Стихотворений М. Лермонтова»</i>	310
<i>А. Соловьев. Книжный мир историка Забелина</i>	312

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Сергей Бобков. Улисс</i>	67
<i>Вииви Луик. Стихи—это все-таки проза. Перевела с эстонского Ирина Махонина.</i>	97
<i>Ираклий Абашидзе. Сердце поэта. Перевел с грузинского Сергей Бобков</i>	112
<i>Ирина Махонина. Спрошу себя</i>	189
<i>Владимир Бурич. Ода библиографам</i>	236
<i>Именной указатель</i>	315
<i>Коротко об авторах</i>	321
<i>Резюме на английском языке</i>	323

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск двадцатый

Редакторы ВООК *Л. В. Букина, А. М. Кузнецов*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Г. Пескова*
Технический редактор *А. З. Коган*
Корректор *Н. В. Маренич*

НК

Сдано в набор 11.10.85. Подписано в печать 25.03.86.
А10088. Формат 60×84/16. Бум. офсетная № 1-70 г., офсетная 120 г. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,07+0,93. Усл. кр.-отт. 46,50. Уч.-изд. л. 19,89+0,73. Тираж 75 000 экз. Изд. № 4237. Заказ № 1741. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Внимание авторов «Альманаха библиофила»!

Редакционный совет просит авторов присылать статьи в трех экземплярах, перепечатанные в соответствии с установленными нормативами. Все цитаты в тексте должны сопровождаться ссылками на источники. Иллюстративный материал просьба присылать в двух экземплярах размером 13×18 см, желательно с негативами. Необходимо сообщить краткие сведения об авторе и его подробный почтовый адрес.

Редакционный совет рассматривает не только готовые материалы, но и заявки. Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции альманаха: 103009 Москва, Большой Гнезниковский пер., 10. Телефон 229-23-47.